М. А. БАКУНИНЪ.

1) Статья А. И. Герцена о Бакунинѣ.
2) Біографическій очеркъ М. Драгоманова.
3) **Рѣчи и Воззванія.**

(Съ приложеніемъ 2-хъ портретовъ М. А. Бакунина).

Цѣна 1 руб.

Изданіе И. БАЛАШОВА.
1906.

ОТЪ РЕДАКТОРА И ИЗДАТЕЛЯ.

Приступая вслѣдъ за выпускомъ настоящей книжки, которая является [illegible] изданіемъ Аргомакова, къ выпуску полнаго с[illegible] сочиненій Михаила Бакунина и его перепи[illegible] подъ редакціей А. П. Бакунина, мы позволяемъ себѣ обратиться съ просьбой ко всѣмъ лицамъ у которыхъ сохранились какія либо неопубликованныя письма или произведенія М. Бакунина, а также иные матеріалы, имѣющіе отношеніе къ его жизни и дѣятельности, не отказать прислать таковые издателю по адресу: *С.-Петербургъ, Садовая, 18. Книжный складъ „Комиссіонеръ“ И. Г. Балашову.*

Всѣ матеріалы и сообщенія будутъ приняты съ благодарностью и, по миновании надобности будутъ возвращены въ сохранности.

Редакторъ ***А. И. Бакунинъ.***

Издатель ***И. Г. Балашовъ.***

М. А. Бакунинъ.

М. А. БАКУНИНЪ.

1) Статья А. И. Герцена о Бакунинѣ.
2) Біографическій очеркъ М. Драгоманова.
3) Рѣчи и Воззванія.

Изданіе И. Г. БАЛАШОВА.
1906.

„Пров 38"

НХ
1241

Библиотека ООЛ
Академии Наук СССР

823
38

Типографія Ментвида, Конная ул., д. № 3—5.

Кп
Н59

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Предлагая вниманію читателей настоящій, далеко не полный, томъ произведеній М. Бакунина въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ изданъ за-границей Драгомановымъ, мы дѣлаемъ только уступку времени и тому лихорадочному интересу, съ которымъ русскій читатель знакомится со всѣми матеріалами по исторіи нашего освободительнаго движенія.

Предпринимая въ настоящее время изданіе возможно полнаго собранія сочиненій М. Бакунина и его писемъ, мы въ видѣ пробы выпускаемъ этотъ томикъ, не пытаясь даже вносить въ него какія либо измѣненія или поправки. Единственно, что мы даемъ лишняго противъ заграничнаго изданія—это два портрета М. Бакунина, любезно предоставленные намъ его племянникомъ—А. И. Бакунинымъ, который далъ намъ также свое согласіе принять посильное участіе въ предполагаемомъ полномъ собраніи сочиненій знаменитаго эмигранта.

Въ началѣ книги мы прилагаемъ краткую характеристику Бакунина, сдѣланную близкимъ ему человѣкомъ—Герценомъ, которая, какъ намъ кажется, болѣе живо и болѣе вѣрно обрисовываетъ его, хотя бы съ внѣшней стороны, чѣмъ очень обстоятельная, но несомнѣнно недоброжелательная біографія, сдѣланная Драгомановымъ.

*

Заранѣе извиняясь передъ читателемъ въ томъ, что онъ можетъ быть будетъ неудовлетворенъ этимъ изданіемъ, не найдя въ немъ наиболѣе крупныхъ произведеній Бакунина, мы, тѣмъ не менѣе, беремъ на себя смѣлость рекомендовать эту книгу всѣмъ интересующимся исторіей нашего освободительнаго движенія. Движеніе это, въ своей жестокой борьбѣ за волю и право народа, выдвинуло цѣлый рядъ крупныхъ талантовъ во всѣхъ областяхъ политической и общественной жизни. Уже не говоря о томъ, что оно насчитываетъ цѣлые сотни, прямо легендарныхъ, героевъ и мучениковъ, оно также дало русскому обществу цѣлый рядъ крупныхъ литературныхъ талантовъ, историковъ, политиковъ, ораторовъ. Среди всѣхъ этихъ, далеко не заурядныхъ, лицъ, занимаетъ не послѣднее мѣсто и крупная фигура Михаила Бакунина.

Хорошо образованный, съ выдающимися діалектическими способностями, превосходный ораторъ, обладая неукротимой энергіей и преданностью идеѣ, которыхъ не сломили ни годы одиночнаго заключенія, ни ссылка, М. Бакунинъ оказалъ громадное вліяніе на все революціонно-освободительное движеніе не только Россіи, но и запада.

Уже не говоря о томъ что сама личность этого человѣка, можетъ доставить громадный интересъ для всякаго образованнаго человѣка, намъ, русскимъ подробное знакомство съ жизнью и дѣятельностью его должно казаться особенно интереснымъ, т. к. революціонное движеніе 60—70 годовъ находилось подъ сильнымъ его вліяніемъ и даже въ извѣстной части своей программы носило его имя.

„*15 Октября 1861 г., С.-Франциско.* Друзья, мнѣ удалось бѣжать изъ Сибири, и, послѣ долгаго странствованія по Амуру, по берегамъ Татарскаго пролива и черезъ Японію, сегодня прибылъ я въ С.-Франциско.

„Друзья, всѣмъ существомъ стремлюсь я къ вамъ и, лишь только пріѣду, примусь за дѣло, буду у васъ служить по *польско-славянскому* вопросу, который былъ моей idée съ 1846 г. и моей *практической спеціальностью* въ 48 и 49 гг.

„Разрушеніе, полное разрушеніе Австрійской имперіи будетъ моимъ послѣднимъ словомъ; не говорю — дѣломъ, это было бы слишкомъ честолюбиво; для служенія ему я готовъ идти въ барабанщики, или даже въ прохвосты, и, если мнѣ удастся хоть на волосъ подвинуть его впередъ, я буду доволенъ“.

„О намѣреніи Бакунина уѣхать изъ Сибири мы знали нѣсколько мѣсяцевъ прежде. Къ новому году явилась и собственная пышная фигура Бакунина въ нашихъ объятіяхъ.

„Въ нашу работу, въ нашъ замкнутый двойной союзъ, взошелъ *новый* элементъ, и то, пожалуй, элементъ старый, воскресшая тѣнь сороковыхъ годовъ и всего больше 1848 г. Бакунинъ былъ тотъ-же, онъ состарѣлся только тѣломъ, духъ его былъ молодъ и восторженъ, какъ въ Москвѣ во время всепонощныхъ споровъ съ Хомяковымъ; онъ былъ такъ же преданъ одной идеѣ, такъ же способенъ увлекаться, видѣть во всемъ исполненіе своихъ желаній и идеаловъ, и еще больше готовъ на всякій опытъ, на всякую жертву, чувствуя, что жизни впереди остается не такъ много и что, слѣдственно, надобно торопиться и не пропускать ни одного случая.

Онъ тяготился долгимъ изученіемъ, взвѣшиваніемъ pro и contra и рвался, довѣрчивый и отвлеченный, какъ прежде, къ дѣлу. Фантазіи и идеалы, съ которыми его заперли въ Кенигштейнѣ въ 1849 г., онъ сберегъ и привезъ ихъ черезъ Японію и Калифорнію въ 1861 г. во всей цѣлости. Даже языкъ его напоминалъ лучшія статьи „Reforme“ и „Vraie République“ *), рѣзкія рѣчи de la Constituante и клуба Бланки. Тогдашній духъ партій, ихъ исключительность, ихъ симпатіи и антипатіи къ лицамъ, пуще всего ихъ вѣра въ близость второго пришествія революціи, все было на лицо.

„Тюрьма и ссылка необыкновенно сохраняютъ сильныхъ людей, если не тотчасъ ихъ губятъ: они выходятъ изъ нея, какъ изъ обморока, продолжая то, на чемъ лишились сознанія.

„Европейская реакція не существовала для Бакунина, не существовали и тяжелые годы отъ 1848 до 1858; они ему были извѣстны вкратцѣ, издалека, слегка. Онъ ихъ *прочелъ* въ Сибири такъ, какъ читалъ въ Кайдановѣ о Пуническихъ войнахъ и о паденіи Римской имперіи. Какъ человѣкъ, возвратившійся послѣ мора, онъ слышалъ о тѣхъ, которые умерли, и вздохнулъ объ нихъ обо всѣхъ; но онъ не сидѣлъ у изголовья умирающихъ, не надѣялся на ихъ спасеніе, не шелъ за ихъ гробомъ. Совсѣмъ напротивъ, событія 1848 г. были возлѣ, близки къ сердцу, подробные и живые разговоры съ Коссидьеромъ, рѣчи славянъ на Пражскомъ съѣздѣ, споръ съ Араго или Руге,—все это было для Бакунина *вчера*, звенѣло въ ушахъ, мелькало передъ глазами.

„Впрочемъ, оно и не мудрено.

„Первые дни послѣ февральской революціи были лучшими днями жизни Бакунина. Возвратившись изъ Бельгіи, куда его вытурилъ Гизо за его рѣчь на польской годовщинѣ 26 ноября 1847 года, онъ съ головой нырнулъ во вся тяжкія революціоннаго моря. Онъ не выходилъ изъ казармъ монтаньяровъ, ночевалъ у нихъ, ѣлъ съ ними и проповѣдывалъ, все проповѣдывалъ коммунизмъ et l'égalité du salaire, нивеллированіе во имя равенства, освобожденіе всѣхъ славянъ, уничто-

*) Радикальные французскіе журналы конца 40-хъ годовъ.

женіе всѣхъ австрій, революцію en permanence, войну до избіенія послѣдняго врага. Префектъ съ баррикадъ, дѣлавшій „порядокъ изъ безпорядка“, Коссидьеръ, не зналъ, какъ выжить дорогого проповѣдника, и придумалъ съ Флокономъ отправить его въ самомъ дѣлѣ къ славянамъ съ братской акколадой и увѣренностью, что онъ тамъ себѣ сломитъ шею и мѣшать не будетъ.

„Когда я пріѣхалъ въ Парижъ изъ Рима въ началѣ мая 1848 года, Бакунинъ въ это время уже витійствовалъ въ Богеміи, окруженный старовѣрскими монахами, чехами, кроатами, демократами, и витійствовалъ до тѣхъ поръ, пока князь Виндишгретцъ, не положилъ пушками предѣла краснорѣчію (и не воспользовался хорошимъ случаемъ, чтобы при сей вѣрной оказіи не подстрѣлить невзначай своей жены). Исчезнувъ изъ Праги *), Бакунинъ является военнымъ начальникомъ Дрездена; бывшій артиллерійскій офицеръ учитъ военному дѣлу, поднявшихъ оружіе профессоровъ, музыкантовъ и фармацевтовъ; совѣтуетъ имъ Мадонну Рафаэля и картины Мурильо поставить на городскія стѣны и ими защищаться отъ пруссаковъ, которые zu klassisch gebildet, чтобъ осмѣлиться стрѣлять по Рафаэлю“.

„Послѣ взятія Дрездена начался длинный мартирологъ. Напомню здѣсь главныя черты. Бакунинъ былъ приговоренъ къ эшафоту. Король Саксонскій замѣнилъ топоръ вѣчной тюрьмой, потомъ, безъ всякаго основанія, передалъ Бакунина въ Австрію. Австрійская полиція думала отъ него узнать что-нибудь о славянскихъ замыслахъ. Бакунина посадили въ Грачинъ и, ничего не добившись, отослали въ Ольмюцъ...

„Въ Россіи Бакунинъ былъ посаженъ въ крѣпость. Въ 1854 г. Бакунина перевели въ Шлиссельбургъ, а въ 1857 г. онъ былъ сосланъ въ Восточную Сибирь **).

„Въ Иркутскѣ, говоритъ Герценъ,—Бакунинъ очутился на волѣ послѣ девятилѣтняго заключенія. Началь-

*) О Пражскомъ сеймѣ см. статью Ровинскаго „Чехи въ 1848 и 1849 гг.“ („Вѣст. Евр.“ 1870, № 1—2).

**) Объ этомъ періодѣ жизни Бакунина см. „Воспоминанія г-жи Тучковой-Огаревой“ („Рус. Стар.“ 1894, XI, 20) и записки графа Фицтума—фонъ Экштадта, помѣщенныя въ извлеченіи въ „Рус. Ст.“ 1887 г. (V, 384).

никомъ края былъ тамъ, на его счастье, оригинальный человѣкъ, демократъ и татаринъ, либералъ и деспотъ, родственникъ Михаила Бакунина и Михаила Муравьева, самъ Муравьевъ, тогда еще не Амурскій. Онъ далъ Бакунину вздохнуть, возможность человѣчески жить, читать журналы и газеты, и самъ мечталъ съ нимъ о будущихъ переворотахъ и войнахъ. Въ благодарность Муравьеву, Бакунинъ въ головѣ назначалъ его главнокомандующимъ будущей земской арміей, назначаемой имъ въ свою очередь на уничтоженіе Австріи и учрежденіе славянскаго союзничества.

„Бѣгство Бакунина замѣчательно пространствомъ; это самое длинное бѣгство въ географическомъ смыслѣ. Пробравшись на Амуръ, подъ предлогомъ торговыхъ дѣлъ, онъ уговорилъ какого-то американскаго шкипера взять его съ собой къ Японскому берегу. Въ Гоко-Дади другой американскій капитанъ взялся его довезти до Санъ-Франциско. Бакунинъ отправился къ нему на корабль и застатъ моряка, сильно хлопотавшаго объ обѣдѣ; онъ ждалъ какого-то почетнаго гостя и пригласилъ Бакунина. Бакунинъ принялъ приглашеніе и только, когда гость пріѣхалъ, узналъ, что это генеральный русскій консулъ.

„Скрываться было поздно, смѣшно: онъ прямо вступилъ съ нимъ въ разговоръ, сказалъ, что вапросился сдѣлать прогулку. Небольшая русская эскадра, помнится, адмирала Попова, стояла въ морѣ и собиралась плыть къ Николаеву.

„—Вы не съ нашими-ли возвращаетесь? спросилъ Бакунина консулъ.

„—Я только что пріѣхалъ, отвѣчалъ Бакунинъ: — и хочу еще посмотрѣть край.

„Вмѣстѣ покушавши, они разошлись en bons amis. Черезъ день онъ проплылъ на американскомъ пароходѣ мимо русской эскадры: кромѣ океана, опасности больше не было.

„Какъ только Бакунинъ оглядѣлся и учредился въ Лондонѣ, т. е. перезнакомился со всѣми поляками и русскими, которые были на лицо, онъ принялся за дѣло. Къ ересяти проповѣдыванія, агитаціи, пожалуй, демагогіи, къ безпрерывнымъ усиліямъ учреждать, устраи-

вать комплоты, переговоры, заводить сношенія и придавать имъ огромное значеніе, у Бакунина прибавляется готовность первому идти на исполненіе, готовность погибнуть, отвага принять всѣ послѣдствія.

„Бакунинъ имѣлъ много недостатковъ. Но недостатки его были мелки, а сильныя качества крупны.

„Говорятъ, будто И. Тургеневъ въ „Рудинѣ“ хотѣлъ нарисовать портретъ Бакунина. Но Рудинъ едва напоминаетъ нѣкоторыя черты Бакунина. Тургеневъ, увлекаясь библейской привычкой, создалъ Рудина по своему образу и подобію. Рудинъ Тургенева—наслушавшійся философскаго жаргона, молодой Бакунинъ.

„Въ Лондонѣ онъ говорилъ въ 1862 году противъ насъ почти то, что говорилъ въ 1847 году противъ Бѣлинскаго. Бакунинъ находилъ насъ *умѣренными*, не умѣющими пользоваться тогдашнимъ положеніемъ, недостаточно любящими рѣшительныя средства. Онъ, впрочемъ, не унывалъ и вѣрилъ, что въ скоромъ времени поставитъ насъ на путь истинный. Въ ожиданіи нашего обращенія, Бакунинъ сгруппировалъ около себя цѣлый кругъ славянъ. Тутъ были чехи, отъ литератора Фрича до музыканта, называвшагося Напёрсткомъ; сербы, которые просто величались по батюшки: Іановичъ, Даниловичъ, Петровичъ; были валахи, состоявшіе въ должности славянъ, съ своимъ вѣчнымъ *еско* на концѣ; наконецъ, былъ болгаринъ, лѣкарь въ турецкой арміи, и поляки всѣхъ епархій: Бонапартовской, Мѣрославской, Чарторыжской; демократы безъ соціальныхъ идей, но съ офицерскимъ оттѣнкомъ; соціалисты, католики, анархисты, аристократы и просто солдаты, хотѣвшіе гдѣ-нибудь подраться, въ сѣверной или южной Америкѣ.

„Отдохнулъ съ ними Бакунинъ за девятилѣтнее молчаніе и одиночество. Онъ спорилъ, проповѣдывалъ, распоряжался, кричалъ, рѣшалъ, направлялъ, организовывалъ и ободрялъ цѣлый день, цѣлую ночь, цѣлыя сутки. Въ короткія минуты, остававшіяся у него свободными, онъ бросался за свой письменный столъ, расчищалъ небольшое мѣсто отъ табачной золы и принимался писать пять, десять, пятнадцать писемъ: въ Семипалатинскъ и Арадъ, въ Бѣлградъ и Царьградъ, въ

Бессарабію, Молдавію и Бѣлую Криницу. Середь письма онъ бросалъ перо и приводилъ въ порядокъ какого-нибудь отсталаго далмата и, не кончивши своей рѣчи, схватывалъ перо и продолжалъ писать; это, впрочемъ, для него было облегчено тѣмъ, что онъ писалъ и говорилъ объ одномъ и томъ-же. Дѣятельность его, праздность, аппетитъ и все остальное, какъ гигантскій ростъ и вѣчный потъ, все было не по человѣческимъ размѣрамъ, какъ и онъ самъ; а самъ онъ—исполинъ съ львиной головой, со всклокоченной гривой.

„Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ былъ рѣшительно тотъ-же кочующій студентъ съ Маросейки, тотъ-же бездомный Bohemien съ Rue de Bourgogne, безъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, пренебрегая деньгами, бросая ихъ, когда есть, занимая ихъ безъ разбора на-право и на-лѣво, когда ихъ нѣтъ, съ той простотой, съ которой дѣти берутъ у родителей, безъ заботы объ уплатѣ, съ той простотой, съ которой онъ самъ отдаетъ всякому послѣднія деньги, отдѣливъ отъ нихъ, что слѣдуетъ, на сигареты и чай. Его этотъ образъ жизни не тѣснилъ; онъ родился быть бродягой, бездомникомъ. Въ немъ было что-то дѣтское, беззлобное и простое, и это придавало ему необычайную прелесть и влекло къ нему слабыхъ и сильныхъ, отталкивая однихъ чопорныхъ мѣщанъ. Его личность, его эксцентрическое появленіе вездѣ: въ кругу московской молодежи, въ аудиторіи берлинскаго университета, между коммунистами Вейтлинга и монтаньярами Коссидьера, его рѣчи въ Прагѣ, его начальствованіе въ Дрезденѣ, процессъ, тюрьма, приговоръ къ смерти, истязанія въ Австріи, выдача его въ Россію,—дѣлаютъ изъ него одну изъ тѣхъ индувидуальностей, мимо которыхъ не проходитъ ни современный міръ, ни исторія.

„Въ этомъ человѣкѣ лежалъ зародышъ дѣятельности, на которую не было запроса. Бакунинъ носилъ въ себѣ возможность сдѣлаться агитаторомъ, трибуномъ, проповѣдникомъ, главой партіи, секты, ересіархомъ, бойцомъ. Поставьте его, куда хотите, только въ *крайній край*: анабаптистомъ, якобинцемъ, товарищемъ Анахарсиса Клотца, другомъ Гракха Бабёфа.

„Уѣхавъ въ 1840 году изъ Россіи, онъ въ нее не

возвращался до тѣхъ поръ, пока пикетъ австрійскихъ драгунъ не сдалъ его русскому жандармскому офицеру въ 1849 году.

„Когда въ спорѣ, Бакунинъ, увлекаясь, съ громомъ и трескомъ обрушивалъ на голову противника облаву брани, которой бы никому не простили, Бакунину прощали, и я первый. Мартьяновъ *), бывало, говаривалъ:

„— Это, Александръ Иваповичъ, большая Лиза, какъ-же на нее сердиться: дитя!

„Какъ онъ дошелъ до женитьбы, я могу объяснить только сибирской скукой **). Онъ свято сохранилъ всѣ привычки и обычаи *родины*, т. е. студентской жизни въ Москвѣ: груды табаку лежали на столѣ въ родѣ приготовленнаго фуража, зола сигаръ надъ бумагами съ недопитыми стаканами чая; съ утра дымъ столбомъ ходилъ по комнатѣ отъ цѣлаго хора курильщиковъ, курившихъ точно взапуски, торопясь, задыхаясь, затягиваясь, словомъ, такъ, какъ курятъ одни русскіе и славяне. Много разъ наслаждался я удивленіемъ, сопровождавшимся нѣкоторымъ ужасомъ, и замѣшательствомъ хозяйской горничной Грассъ, когда она глубокой ночью приносила горячую воду и пятую сахарницу сахара въ эту готовальню славянскаго освобожденія.

„Долго послѣ отъѣзда Бакунина изъ Лондона, въ № 10 Paddington Green разсказывали объ его житьѣ-бытьѣ, ниспровергнувшемъ всѣ упроченныя англійскими мѣщанами понятія и религіозно принятые имъ размѣры и формы. Замѣтьте при этомъ, что горничная и хозяйка безъ ума любили Бакунина“.

---

*) Мартьяновъ, — эмигрантъ, вольноотпущенный крестьянинъ графа Гурьева, жилъ нѣкоторое время въ Лондонѣ, гдѣ онъ напечаталъ брошюру „Народъ и Государство“. Въ 1863 г. Мартьяновъ возвратился въ Россію, былъ подвергнутъ суду и рѣшеніемъ Сената осужденъ на 5 лѣтъ каторжныхъ работъ и затѣмъ на пожизненное поселеніе въ Сибири, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ.

**) Бакунинъ женился въ Томскѣ, въ 1859 г. на дочери поляка ссыльнаго, Ксаверія Васильевича Квятковскаго, Антонинѣ Васильевнѣ. Свою жену Бакунинъ въ одномъ изъ писемъ къ Герцену характеризуетъ такъ: „Она—полька, но не католичка, поэтому свободна также и отъ политическаго фанатизма, она—славянская патріотка“. (Письмо изъ Иркутска, отъ 8 декабря 1860 г.).

Затѣмъ Герценъ даетъ нѣсколько сценокъ изъ жизни Бакунина въ Лондонѣ.

„Вчера,—говоритъ Бакунину одинъ изъ его друзей,—пріѣхалъ NN изъ Россіи; прекраснѣйшій человѣкъ, бывшій офицеръ.

„— Я слышалъ объ немъ, его очень хвалили.

„— Можно его привести?

„— Непремѣнно, да что привести,—гдѣ онъ? Сейчасъ.

„— Онъ, кажется, нѣсколько конституціоналистъ.

„— Можетъ быть, но...

„— Но я знаю, рыцарски отважный, благородный человѣкъ.

„— И вѣрный?

„— Его очень уважаютъ.

„— Идемъ!

„— Куда-же? Вѣдь, онъ хотѣлъ къ вамъ прійти, мы такъ сговорились, я его приведу.

„Бакунинъ бросается писать; пишетъ, перемарываетъ кой-что, переписываетъ и печатаетъ пакетъ, адресуемый въ Яссы; въ безпокойствѣ ожиданія начинаетъ ходить по комнатѣ ступней, отъ которой и весь домъ № 10 Paddington Green ходитъ ходеномъ съ нимъ вмѣстѣ.

„Является офицеръ скромно и тихо. Бакунинъ le mes à l'aise, говоритъ какъ товарищъ, какъ молодой человѣкъ, увлекаетъ, журитъ за конституціонализмъ и вдругъ, спрашиваетъ:

„— Вы, навѣрно, не откажетесь сдѣлать что-нибудь для общаго дѣла?

„— Безъ сомнѣнія.

„— Васъ здѣсь ничего не удерживаетъ?

„— Ничего; я только что пріѣхалъ: я..,

„— Можете вы ѣхать завтра, послѣ-завтра, съ этимъ письмомъ въ Яссы?

„Этого не случалось съ офицеромъ ни въ дѣйствующей арміи во время войны, ни въ генеральномъ штабѣ; однако, привыкнувшій къ военному послушанію, онъ помолчавши, говоритъ не совсѣмъ своимъ голосомъ:

„— О, да!

„— Я такъ и зналъ. Вотъ письмо совсѣмъ готовое.

„— Да я хоть сейчасъ, только... (офицеръ конфузился)... я никакъ не разсчитывалъ на эту поѣздку...

„— Что? Денегъ нѣтъ? Ну, такъ и говорите. Это ничего не значитъ. Я возьму для васъ у Герцена; вы ему потомъ отдадите. Что тутъ, всего-на-всего какіе-нибудь двадцать фунтовъ стерлинговъ. Я сейчасъ напишу ему. Въ Яссахъ вы деньгу найдете. Оттуда проберетесь на Кавказъ. Тамъ намъ особенно нуженъ вѣрный человѣкъ.

„Пораженный, удивленный офицеръ, какъ равно и его спутникъ, уходятъ. Маленькая дѣвочка, бывшая у Бакунина на большихъ дипломатическихъ посылкахъ, летитъ ко мнѣ по дождю и слякоти съ запиской. Я для нея нарочно завелъ шоколадныя конфекты, чтобъ чѣмъ-нибудь утѣшить ее въ климатѣ и отечествѣ, а потому даю ей большую горсть и прибавляю: „скажите высокому джентльмену, что я лично съ нимъ переговорю".—Дѣйствительно, переписка оказывается излишней. Къ обѣду, т. е. черезъ часъ, является Бакунинъ.

„— Зачѣмъ двадцать фунтовъ для N N?

„— Не для него, а для *дѣла*. А что, братъ, N N прекраснѣйшій человѣкъ.

„— Я его знаю нѣсколько лѣтъ. Онъ бывалъ прежде въ Лондонѣ.

„— Это такой случай, пропустить его грѣшно: я его высылаю въ Яссы. Да потомъ онъ осмотритъ Кавказъ.

„— Въ Яссы? И оттуда на Кавказъ?

„— Ты пойдешь сейчасъ острить. Каламбурами ничего не докажешь!

„— Да вѣдь тебѣ ничего не нужно въ Яссахъ?

„— Ты почемъ знаешь?

„— Я знаю потому, во-первыхъ, что никому ничего не нужно въ Яссахъ; а во-вторыхъ, еслибъ нужно было, ты недѣлю бы постоянно мнѣ говорилъ объ этомъ. Тебѣ просто попался человѣкъ молодой, застѣнчивый, хотящій доказать свою преданность; ты и придумалъ послать его въ Яссы. Онъ хочетъ видѣть выставку, а ты ему покажешь Молдовалахію. Ну, скажи-ка, зачѣмъ?

„— Какой любопытный. Ты въ эти дѣла со мной не входишь, какое же ты имѣешь право спрашивать?

„— Это правда, я даже думаю, что этотъ секретъ ты скроешь ото всѣхъ. Ну, а только денегъ давать на гонцовъ въ Яссы и Бухарестъ я нисколько не намѣренъ.

„— Вѣдь, онъ отдастъ, у него деньги будутъ.

„— Такъ пусть умнѣе употребитъ ихъ. Полно, полно. Письмо пошлемъ съ какимъ-нибудь Петреско-Манонъ-Леско, а теперь пойдемъ ѣсть.

„И Бакунинъ, самъ смѣясь и качая головой, которая его все-таки перетягивала, внимательно и усердно принимался за трудъ обѣда, послѣ котораго всякій разъ говорилъ: „Теперь настала счастливая минута,“ — и закуривалъ папиросу.

„Онъ принималъ всѣхъ, всегда, во вѣчное время. Часто онъ еще, какъ Онѣгинъ, спалъ или ворочался на постели, которая хрустѣла, а ужъ два-три славянина въ его комнатѣ съ отчаянной торопливостью курили; онъ тяжело вставалъ, обливался водой и въ ту же минуту принимался ихъ поучать; никогда не скучалъ онъ, не тяготился ими; онъ могъ, не уставая, говорить со свѣжей головой съ самымъ умнымъ и самымъ глупымъ человѣкомъ.

„Отъ этой неразборчивости выходили иногда пресмѣшныя вещи.

„Бакунинъ вставалъ поздно; нельзя было иначе и сдѣлать, употребляя ночь на бесѣду и чай.

„Разъ, часу въ одиннадцатомъ, слышитъ онъ, кто-то копошится въ его комнатѣ. Постель его стояла въ большомъ альковѣ, задернутомъ занавѣсью.

„— Кто тамъ? кричитъ Бакунинъ, просыпаясь.

„— Русскій.

„—Ваша фамилія?

„— Такой-то.

„— Очень радъ.

„— Что вы это такъ поздно встаете, а еще демократъ!

„... Молчаніе... Слышенъ плескъ воды... каскады...

„— Михаилъ Александровичъ!

„— Что?

„— Я васъ хотѣлъ спросить, вы вѣнчались въ церкви?

Михаил Александрович БАКУНИН
(1814—1876).

С редчайшего литографического портрета, рисованного в 1843 г. Митрейтером (H. Mitreuter).

Библиотека ООН
Академия Наук СССР

ПРОВЕРЕНО

„— Да.

„— Нехорошо сдѣлали. Что за образецъ непослѣдовательности! Вотъ, и Т(ургеневъ) свою дочь прочитъ замужъ. Вы, старики, должны насъ учить примѣромъ.

„— Что вы за вздоръ несете!

„— Да вы, скажите, по любви женились.

„— Вамъ что за дѣло?

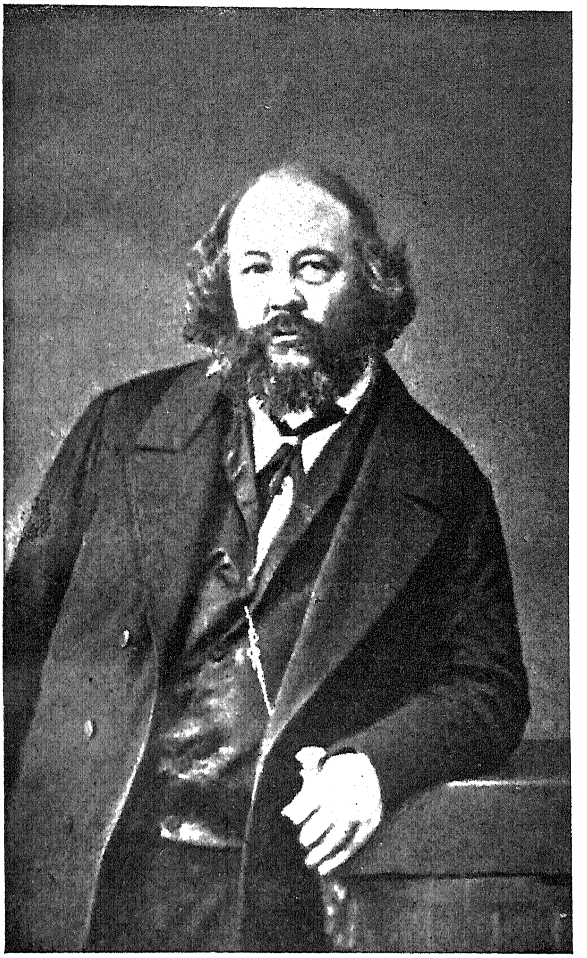
„— У насъ былъ слухъ, что вы женились оттого, что невѣста ваша богата.

(Бакунинъ ничего не взялъ за невѣстой).

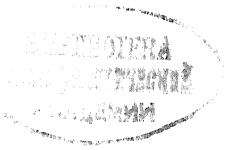
„— Что вы это, допрашивать меня пришли? Ступайте къ чорту!

„— Ну, вотъ, вы и разсердились, а я, право, отъ чистой души... Прощайте. А я все-таки зайду.

„— Хорошо, хорошо. Только будьте умнѣе.



М. А. Бакунинъ.



...М. (Бакунинъ) во многомъ виноватъ и грѣшенъ; но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки,—это вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа.

(Изъ письма Бѣлинскаго, 7 ноября 1842 г.).

Какъ бы кто ни смотрѣлъ на полезность результатовъ дѣятельности М. А. Бакунина, всякій долженъ согласиться, что это былъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ русскихъ людей. Къ тому же дѣятельность его направлялась не только на Россію; это былъ одинъ изъ немногихъ русскихъ, который имѣлъ вліяніе и на ходъ извѣстныхъ дѣлъ во всей Европѣ. Поэтому нельзя не пожалѣть, что жизнь и дѣятельность столь замѣчательнаго человѣка такъ мало до сихъ поръ выяснена, несмотря на то, что прошло почти 20 лѣтъ со времени его смерти и на то, что, при жизни, онъ имѣлъ такъ много друзей и послѣдователей.

Бакунинъ оставилъ по себѣ нѣсколько печатныхъ сочиненій и много рукописей, изъ которыхъ нѣкоторыя были напечатаны его друзьями. Но и эти матеріалы, даже помимо ихъ отрывочности, очень недостаточны для его характеристики. Писательство не было сильнѣйшею стороною дѣятельности Бакунина. Онъ былъ прежде всего ораторъ и агитаторъ. Поэтому, послѣ рѣчей его и разговоровъ, наиважнѣйшими памятниками его дѣятельности должны служить его письма. Разговоры Бакунина могли бы быть воспроизведены мемуарами его друзей и послѣдователей,—а письма его должны бы быть собраны въ возможно большемъ коли-

чествѣ, но къ сожалѣнію ни того, ни другого почти не сдѣлано до сихъ поръ.

Наше изданіе имѣетъ цѣлью, хотя отчасти пополнить этотъ пробѣлъ. Мы печатаемъ письма Бакунина къ А. И. Герцену, Огареву и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, а также нѣкоторыя другія его писанія,—документы, которые преимущественно относятся къ участію Бакунина въ русскихъ дѣлахъ и отчасти въ польскихъ. Всѣ эти документы довольно отрывочны и даже не всегда ясны для насъ, которые никогда не знали лично Бакунина и не принадлежали къ числу его единомышленниковъ. Но мы смотримъ на наше изданіе какъ на опытъ, который долженъ быть дополненъ и объясненъ дальнѣйшими публикаціями со стороны тѣхъ, кто имѣетъ въ рукахъ другіе подобные матеріалы, или кто зналъ лично Бакунина, и потому не останавливаемся ни передъ отрывочностью печатаемыхъ нами матеріаловъ, ни передъ крупными пробѣлами въ существеннѣйшихъ точкахъ біографіи Бакунина.

Самымъ крупнымъ пробѣломъ является періодъ перваго пребыванія Бакунина за границей, съ 1840 года. Болѣе извѣстно за это время его участіе въ пражскомъ съѣздѣ славянъ 1848 г. и потомъ въ дрезденской революціи 1849 г., но и то лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Исторія же внутренняго процесса, какимъ консервативный гегеліанецъ, увлекшій Бѣлинскаго до написанія статей, преклонявшихся передъ „разумностію дѣйствительности“ русской временъ Николая I, сдѣлался соціалистомъ и горячимъ революціонеромъ, совсѣмъ неизвѣстна. Неизвѣстенъ также и процессъ, какимъ дошелъ Бакунинъ отъ интересовъ нѣмецкой абстрактной философіи къ соціально-революціонному славянофильству, которое такъ рѣшительно проявилось въ его участіи въ пражскомъ съѣздѣ. Первый процессъ едва можно прослѣдить по статьямъ Бакунина въ Jahrbücher Руге, а о второмъ извѣстно еще меньше. Едва слабые намеки можно найти въ извѣстныхъ доселѣ письмахъ нѣкоторыхъ современниковъ и самого Бакунина. Да и о самомъ участіи Бакунина въ пражскомъ съѣздѣ извѣстно мало, такъ какъ протоколы съѣзда не напечатаны.

Чтобы пополнить, по возможности, эти пробѣлы необходимо было бы выбрать по крайней мѣрѣ изъ современныхъ газетъ извѣстія о Бакунинѣ, опросить немногихъ остающихся еще въ живыхъ свидѣтелей тогдашнихъ событій, а особенно собрать тогдашнія письма самого Бакунина и его друзей и поискать въ архивахъ, особенно въ Прагѣ, Дрезденѣ и Вѣнѣ, оффиціальныхъ свѣдѣній о тогдашней дѣятельности Бакунина.

Обстоятельства не позволяютъ намъ предпринять подобный трудъ,—а потому мы должны отказаться отъ мысли дать здѣсь сколько-нибудь полную, хотя бы и сжатую біографію Бакунина, а даемъ лишь его curriculum vitae, вставляя въ него извѣстные намъ біографическіе матеріалы. При этомъ мы должны оговориться, что печатныя біографическія показанія о Бакунинѣ, которыя намъ приходится приводить, принадлежатъ чаще людямъ, къ нему нерасположеннымъ, нежели его друзьямъ, а потому, тѣмъ болѣе, друзья его должны бы были противопоставить имъ показанія съ своей точки зрѣнія.

Самое обстоятельное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое характерное изо всего, напечатаннаго о Бакунинѣ, это воспоминанія о немъ А. И. Герцена, особенно статья „М. Б. и польское дѣло“ въ „Сборникѣ посмертныхъ сочиненій“. Послѣдователи Бакунина видѣли въ этой статьѣ каррикатуру, а самъ Бакунинъ называлъ ее пасквилемъ (см. въ письмахъ №№ CIII, CIV). Но сильныя и симпатическія стороны характера и дѣятельности Бакунина достаточно горячо выставлены въ этой статьѣ, хотя въ ней не скрыты и недостатки его, которые, какъ почти всегда бываетъ въ жизни, были les défauts des qualités. При томъ же все, что говорилъ Герценъ о Бакунинѣ, обильно подтверждается документами, между прочимъ и теперь печатаемыми письмами. Еслибъ мы захотѣли дѣлать характеристику Бакунина, намъ пришлось бы перепечатать всю упомянутую статью Герцена. Но мы этого не сдѣлаемъ, а имѣя въ виду, главнымъ образомъ, уясненіе политической дѣятельности Бакунина, остановимся лишь на главныхъ чертахъ его психологіи, которыя опредѣлили эту дѣятельность, причемъ

ограничимся только показаніемъ генезы этихъ чертъ по мѣрѣ того, какъ онѣ рельефно выступаютъ въ его біографіи.

На основаніи всего извѣстнаго намъ до сихъ поръ о Бакунинѣ, природа личности его представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ: большая активность и подвижная энергія, большой талантъ ораторскій и способность привлекать и увлекать людей, хотя и не на долго *), — умъ быстрый, послѣдовательный, хотя и мало самостоятельный, и не глубокій, не изобрѣтательный и не наблюдательный, способный больше схватывать готовыя мысли и доводить ихъ до крайности, чѣмъ творить ихъ, неспособный въ одно время охватывать разныя стороны предмета и не увлекаться одною стороною, часто субъективно преувеличенною **); въ концѣ всего, способность увлекаться самому чужою личностью, особенно энергическою. Въ политикѣ эти свойства должны были сдѣлать изъ Бакунина самаго крайняго застрѣльщика, почти партизана, но вовсе не главнокомандующаго. Въ довершеніе, воспитаніе и жизнь въ молодости должны были скорѣе усилить слабыя стороны природы Бакунина, чѣмъ выравнять его способности. Довольно будетъ вспомнить хоть то, что въ школѣ Бакунинъ готовился быть артиллеристомъ, а послѣ онъ самъ, бросивъ артиллерію, готовился стать профессоромъ философіи, а сталъ политическимъ агитаторомъ. Послѣдняя спеціализація не сопровождалась у него сколько-нибудь глубокими изученіями исторіи и политики; по крайней мѣрѣ даже одно изъ позднѣйшихъ сочиненій его, —

*) Почти всѣ друзья Бакунина кончали тѣмъ, что расходились съ нимъ.

**) По разсказамъ знавшихъ Бакунина, это былъ человѣкъ въ личныхъ отношеніяхъ очень наблюдательный и обладавшій даже мѣткимъ юморомъ личныхъ характеристикъ. Да это видно и по письмамъ его. Но какъ только дѣло доходило до общественныхъ явленій, то, какъ показываютъ тѣ же письма его, Бакунинъ начиналъ видѣть не то, что было, а то, что ему хотѣлось и при томъ въ рисункѣ схематическомъ, а вовсе не реальномъ. Эти особенности встрѣчаются довольно часто именно у русскихъ и объясняютъ, почему рѣдко кто столь претендуетъ на реализмъ ума, „здравый толкъ“ и т. п. какъ русскіе, и рѣдко кто такъ охотно не тонетъ въ абстракціяхъ, схематизмѣ, иллюзіяхъ и мистицизмѣ.

„L'Empire knouto-germanique et la révolution sociale“ (Genève, 1871) поражаетъ промахами даже противъ элементарныхъ свѣдѣній по исторіи, а подъ конецъ жизни своей онъ „*учился*“ по такому элементарному сочиненію, какъ Кольба—„Культурная исторія человѣчества“.

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ родился въ 1814 году въ Торжскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, въ старинномъ и довольно состоятельномъ, а вмѣстѣ очень образованномъ семействѣ, которое жило въ селѣ Прямухино. (Подробности объ этомъ семействѣ см. въ книгахъ Анненкова—о Н. Станкевичѣ и г. Пыпина о Бѣлинскомъ). На 20-мъ году М. А. былъ помѣщенъ въ артиллерійскую школу въ Петербургѣ, въ которой учился хорошо, но почему-то былъ выпущенъ изъ нея не въ гвардію, а въ армію, имѣя 21 годъ отъ роду. Квартируя съ полкомъ въ деревнѣ, Бакунинъ сильно скучалъ, проводилъ большую часть дня, лежа въ кровати, въ халатѣ, — скоро вышелъ въ отставку и жилъ то въ деревнѣ Прямухино у отца, то въ Москвѣ. Здѣсь уже въ 1835 году онъ познакомился съ извѣстнымъ Н. Станкевичемъ, вошелъ въ его кружокъ и вслѣдъ за нимъ увлекся нѣмецкой философіей. Въ 1836 году Бакунинъ далъ для напечатанія въ „Телескопѣ“, журналѣ, редакторъ котораго, Надеждинъ, предоставилъ его въ распоряженіе Бѣлинскому и друзьямъ его, по кружку Станкевича, переводъ Фихте „Лекціи о назначеніи ученыхъ“. Съ выѣздомъ Станкевича на Кавказъ, а потомъ за границу, гдѣ онъ скоро и умеръ, — Бакунинъ сталъ главою философскихъ студій въ кружкѣ. Съ 1837 г. онъ изучалъ и пропагандировалъ особенно философію Гегеля,—причемъ довелъ Гегелево признаніе „разумности дѣйствительности“ до крайняго консерватизма съ полнымъ оправданіемъ „николаевской“ дѣйствительности въ Россіи. Въ своихъ статьяхъ, печатаемыхъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, поступившемъ, послѣ закрытія „Телескопа“, въ руки Бѣлинскаго и его друзей, Бакунинъ говорилъ на этотъ счетъ въ общихъ выраженіяхъ, но болѣе горячій Бѣлинскій, котораго особенно посвящалъ въ гегеліанство Бакунинъ,

дошелъ въ своемъ консерватизмѣ и „французоѣдствѣ“ до „неистовствъ“, которыя возмутили всѣхъ, сколько-нибудь либеральныхъ читателей въ Россіи (ст. о „Бородинской годовщинѣ“ и др. въ „Отеч. Запискахъ 1839“;—см. Пыпина, Бѣлинскій, I, 307 и слѣд.).

Но еще подчиняясь философскому направленію Бакунина, Бѣлинскій скоро сталъ расходиться съ нимъ лично и дошелъ, наконецъ, до весьма враждебнаго къ нему отношенія. Въ письмахъ Бѣлинскаго причинами разлада выставляется властолюбіе Бакунина, высокопарность и вмѣшательство въ интимныя, сердечныя и мелкія дѣла и даже привычки друзей. Бѣлинскій говорилъ о Бакунинѣ, что „онъ любитъ идеи, а не людей“. Въ 1839 г. первый писалъ Станкевичу: „съ весны я пробудился для новой жизни, рѣшилъ, что каковъ бы я ни былъ, но я *самъ по себѣ*, что ругать себя и кланяться другимъ глупо и смѣшно, что у всякаго свое призваніе, своя дорога въ жизни. Ему (Бакунину) это крайне не понравилось, и онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что во мнѣ самостоятельность, сила и что на мнѣ верхомъ ѣздить опасно—сшибу, да еще копытомъ лягну“. Въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій говоритъ: „я пишу ему (Бакунину), что прекраснодушныя и идеальныя комедіи мнѣ надоѣли. Споръ о простотѣ игралъ тутъ важную роль. Я ему говорилъ, что о Богѣ, объ искусствѣ можно разсуждать съ философской точки зрѣнія, но о достоинствѣ холодной телятины должно говорить просто. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что бунтъ противъ идеальности есть бунтъ противъ Бога, что я погибаю, дѣлаюсь добрымъ малымъ, въ смыслѣ bon vivant et bon camarade и пр. А я только хочу бросить претензіи быть великимъ человѣкомъ, а хочу быть со всѣми, какъ всѣ“. (С. Невѣдѣнскаго, Катковъ и его время, 22. Въ книгѣ г. Пыпина о Бѣлинскомъ часто говорится о размолвкахъ Бѣлинскаго съ Бакунинымъ, но мало приводится детальныхъ выписокъ и писемъ объ этомъ).

Впрочемъ Бакунинъ провожалъ, вмѣстѣ съ Катковымъ и Кетчеромъ, Бѣлинскаго до Черной Грязи, когда тотъ съ Панаевымъ уѣзжалъ изъ Москвы въ Петербургъ и продолжалъ вліять на философско-религіозныя идеи Бѣлинскаго. „Когда карета двинулась, вспоми-

наетъ Панаевъ, и мы выдвинулись въ окно, Бакунинъ съ нѣжной грустью смотрѣлъ на насъ, Кетчеръ кричалъ что-то и размахивалъ фуражкой, Катковъ стоялъ неподвижно со сложенными на крестъ руками, съ надвинутыми на глаза бровями, провожая отъѣзжающихъ глубокимъ и задумчивымъ взглядомъ". Вскорѣ потомъ (въ началѣ 1840 г.) Бѣлинскій писалъ Боткину: „мысли мои объ *Unsterblichkeit* (безсмертіи) снова перевернулись: Петербургъ имѣетъ необыкновенное свойство обращать къ христіанству, Мишель (Бакунинъ) много тутъ участвовалъ" (И. Панаевъ, Литер. Воспоминанія, 260, Невѣдѣнскаго, op. cit. 48, 58).

Незадолго до отъѣзда Бѣлинскаго изъ Москвы въ Петербургъ, въ Москву возвратился изъ ссылки Огаревъ, принадлежавшій къ кружку, который увлекался политическими идеями французовъ XVIII в. и великой революціи, а также соціализмомъ С. Симона. Огаревъ познакомился съ членами кружка Станкевича, въ томъ числѣ съ Бѣлинскимъ, Бакунинымъ и Катковымъ. Первый скоро переѣхалъ въ Петербургъ, а послѣдніе двое стали часто посѣщать домъ женатаго Огарева. Въ концѣ 1839 г. Огаревъ писалъ Герцену, который оставался еще въ ссылкѣ во Владимірѣ,—о старыхъ и новыхъ друзьяхъ, собиравшихся у него и между прочимъ о Бакунинѣ: „Бакунинъ погружается въ философію Гегеля, когда одинъ, но коль скоро съ кѣмъ нибудь вдвоемъ, то пограждается въ шахматную игру такъ, что уже не слышитъ, что говорятъ". Черезъ Огарева Бѣлинскій и Бакунинъ познакомились и съ Герценомъ, который въ 1840 г. былъ временно въ Москвѣ. Консервативный гегелизмъ Бакунина и Бѣлинскаго вызвалъ особенно горячія возраженія со стороны Герцена, но споры побудили его самого заняться изученіемъ нѣмецкой философіи и въ частности Гегеля.

Самъ Герценъ такъ разсказываетъ о своихъ тогдашнихъ разговорахъ съ Бѣлинскимъ и Бакунинымъ: „Знаете ли, что съ вашей точки зрѣнія, сказалъ я (Бѣлинскому), думая поразить его моимъ революціоннымъ ультиматумомъ, вы можете доказать, что чудовищное самодержавіе, подъ которымъ мы живемъ, разумно и должно существовать.

— „Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ Бѣлинскій, и прочелъ мнѣ *Бородинскую годовщину* Пушкина.

„Этого я не могъ вынести, и отчаянный бой закипѣлъ между нами. Размолвка наша дѣйствовала на другихъ; кругъ распадался на два стана. Бакунинъ хотѣлъ примирить, объяснить, *заговорить*, но настоящаго мира не было. Бѣлинскій, раздраженный и недовольный, уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда далъ по насъ залпъ въ статьѣ, которую такъ и назвалъ „Бородинской годовщиной".

„Я прервалъ съ нимъ тогда всѣ сношенія. Бакунинъ, хотя и спорилъ горячо, но сталъ призадумываться, его революціонный тактъ толкалъ его въ другую сторону. Бѣлинскій упрекалъ его въ слабости, въ уступкахъ и доходилъ до такихъ преувеличенныхъ крайностей, что пугалъ своихъ собственныхъ пріятелей и почитателей. Хоръ былъ за Бѣлинскаго и смотрѣлъ на насъ свысока, гордо пожимая плечами и находя насъ людьми отсталыми". (Сочиненія, VII, 126—127).

Очень скоро послѣ перваго знакомства, Бакунинъ обратился къ Герцену съ слѣдующимъ письмомъ, отъ 20 Апр. 1840 года:

„Любезный Герценъ! Пріѣхавъ сюда, я нашелъ въ отцѣ моемъ согласіе на мой отъѣздъ въ Берлинъ и готовность помочь мнѣ деньгами. Но такъ какъ дѣла его, вслѣдствіе неурожая и мелководія, находятся въ маленькомъ разстройствѣ, то онъ и не можетъ мнѣ дать теперь ничего другого, кромѣ обѣщанія. Онъ говоритъ, что если дѣла его поправятся, то онъ согласенъ давать мнѣ по 1,500 рублей въ годъ; но это *если* такъ неопредѣленно, что если бы мои надежды были основаны единственно только на немъ, то легко бы могло случиться, что онѣ растаяли бы „яко воскъ отъ лица огня". Можетъ быть, что, со всею готовностью помочь мнѣ, онъ будетъ давать мнѣ не болѣе 1,000 или даже 500 руб. въ годъ, а потому, милый Герценъ, для того, чтобы дать поѣздкѣ моей въ Берлинъ твердую и незыблемую основу, я долженъ обратиться къ тебѣ. Если ты и друзья твои можете дать тѣ 5.000 рублей, о которыхъ ты мнѣ говорилъ, то это меня совершенно обезпечитъ. Имѣя ихъ въ виду, я могу смѣло

ѣхать и, въ случаѣ нужды, ограничивъ свои расходы и путешествіе свое только однимъ Берлиномъ, прожить безъ всякихъ другихъ средствъ въ Берлинѣ впродолженіи трехъ лѣтъ. Все же остальное, что я получу отъ отца или пріобрѣту собственными трудами, будетъ употреблено мною на расширеніе моего путешественнаго плана, а, слѣдовательно, и моего образованія. Я жду духовнаго перерожденія и крещенія отъ этого путешествія, я чувствую въ себѣ такъ много сильной и глубокой возможности, и еще такъ мало осуществилъ, что каждая лишняя копѣйка для меня будетъ важна, какъ новое средство къ достиженію моей цѣли. И потому я прошу тебя и друзей твоихъ, если вамъ это только возможно, дать мнѣ теперь 2.000 рублей, а въ продолженіи двухъ остальныхъ лѣтъ присылайте мнѣ по 1.500 руб. въ годъ такъ, какъ ты говорилъ мнѣ въ Москвѣ.

„Что же касается 2.000 рублей, то чѣмъ скорѣе вы мнѣ ихъ доставите, тѣмъ будетъ лучше, потому что я ни минуты медлить не стану.

„Я не могу назначить опредѣленнаго срока для уплаты этихъ денегъ, но вы можете быть увѣрены, что при первой малѣйшей возможности, я поспѣшу заплатить ихъ. Во всякомъ случаѣ, наслѣдство, которое я получу отъ отца, и образованіе, которое я пріобрѣту за границей, дадутъ мнѣ вѣрное средство къ исполненію этой священной обязанности; въ случаѣ же моей смерти, братья за меня заплатятъ. Впрочемъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, я проживу еще долго, — во-первыхъ, потому, что было бы глупо умереть, ничего не сдѣлавъ путнаго, а, во вторыхъ, потому, что я совсѣмъ не намѣренъ умирать.

„Ты видишь, Герценъ, что я обращаюсь къ тебѣ прямо и просто, безъ всякихъ околичностей и отложивъ въ сторону всѣ 52 китайскія церемоніи. Я дѣлаю это потому, что я беру у васъ деньги не для удовлетворенія какихъ нибудь глупыхъ и пустыхъ фантазій, но для достиженія человѣческой и единственной цѣли моей жизни. Кромѣ этого, хоть наше знакомство началось и недавно, но мнѣ нужно было не много времени для того, чтобъ полюбить тебя отъ души, и для того,

чтобъ сознать, что въ нашихъ духовныхъ и задушевныхъ направленіяхъ есть много общаго, и что я могу обратиться къ тебѣ, не боясь недоразумѣній.

„Я не буду говорить тебѣ о своей благодарности, но, повѣрь мнѣ, я никогда не позабуду, что ты и друзья твои, почти не зная меня и не проникнувъ въ глубину души моей, повѣрили въ дѣйствительность и святость моего внутренняго стремленія; я никогда не позабуду, что давъ мнѣ средства ѣхать за границу, вы, можетъ быть, спасли меня отъ ужаснѣйшаго несчастья, отъ постепеннаго опошленія. Повѣрьте, что я всѣми силами буду стараться оправдать вашу довѣренность и что я употреблю всѣ заключающіяся во мнѣ средства для того, чтобъ стать живымъ, дѣйствительно духовнымъ человѣкомъ, полезнымъ не только для себя одного, но и отечеству, и всѣмъ окружающимъ меня людямъ. Да, я надѣюсь, что современемъ вы меня лучше узнаете и что тогда вы примете меня въ тѣснѣйшій кружокъ своихъ друзей. Покамѣсть же, Герценъ, прощай. Отвѣчай мнѣ, пожалуйста, скоро, потому что мнѣ хотѣлось бы, какъ можно скорѣе, уничтожить всякую неопредѣленность въ дѣлахъ своихъ.

„Посылаю тебѣ съ братьями Tagebuch eines Kindes (Bettina). Пожалуйста, только никому не отдавай этой книги, потому что сестра была бы въ отчаяніи, если бы она затерялась.

„Получивъ твой отвѣтъ, я окончательно обо всемъ переговорю съ отцомъ и отправлюсь къ вамъ на другой же день.

„Прощай. Твой М. Бакунинъ“.

Субсидія, которой желалъ Бакунинъ, была ему дана, сполна или въ значительной части, Герценомъ и Огаревымъ, и въ скоромъ времени онъ чрезъ Петербургъ отправился въ Берлинъ. Но между тѣмъ случились обстоятельства личнаго свойства, которыя охладили къ Бакунину всѣхъ его друзей. Бакунинъ вмѣшался въ разныя личныя отношенія Бѣлинскаго, В. Боткина и Каткова и раздражилъ всѣхъ ихъ противъ себя до крайности. (См. книгу Пыпина о Бѣлинскомъ II, 7 и слѣд.). Біографы Бѣлинскаго и Каткова, имѣвшіе въ рукахъ письма Бѣлинскаго, говорятъ объ этомъ не мало, но

неясно. Только г. Невѣдѣнскій говоритъ опредѣленнѣе, что Бакунинъ „распустилъ о Катковѣ какую то сплетню, въ которой не одинъ Катковъ былъ замѣшанъ“. (Бѣлинскій и Катковъ. По неизд. письмамъ Бѣлинскаго. 1837—1840. „Русскій Вѣстникъ“, 1888, Іюнь, 48). По всей вѣроятности, дѣло состояло не въ простой сплетнѣ, — хотя Бакунинъ всегда любилъ слушать сплетни и былъ довольно не воздержанъ на языкъ *), — а въ теоризированіи всякой мелочи въ пріятельской жизни, подобномъ тому, какое описываетъ Тургеневъ въ „Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда“ и въ „Рудинѣ“ и какое было въ ходу въ философскихъ кружкахъ московскихъ.

Катковъ не задолго передъ тѣмъ рекомендовалъ Краевскому Бакунина, не только какъ самаго подходящаго для писанія философскихъ статей въ „Отеч. Запискахъ“, но и какъ одного изъ самыхъ близкихъ ему людей (письмо 7 Іюня, 1840 г.). Но встрѣтившись съ Бакунинымъ въ Петербургѣ у Бѣлинскаго (въ нач. Августа, 1840) дошелъ до „оскорбленія его дѣйствіемъ“. Послѣдствіемъ былъ вызовъ со стороны Бакунина Каткову на дуэль, отъ исполненія котораго впрочемъ Бакунинъ всячески уклонялся и которая такъ и не состоялась. (Подробности см. въ упомянутой статьѣ г. Невѣдѣнскаго и въ его книгѣ о Катковѣ).

По поводу этой ссоры Огаревъ писалъ Герцену: „что за продолженіе боя у Каткова съ Бакунинымъ и почему окончаніе *дурно*? Объясни. Я придумалъ: вѣроятно, одинъ другого ударилъ въ рожу, а тотъ (Бакунинъ) обтерся. Мнѣ ужасно жалко, что я протянулъ руку помощи этому длинному гаду. Поведеніе его относительно Боткина такъ низко, что выразить нельзя. Надѣюсь, что не худо будетъ не только отъ него отстать, но даже напрямикъ отказать во всякомъ остальномъ вспомоществованіи. Это такой человѣкъ, которому гадко руку протянуть; умно же ты сдѣлалъ, что не сблизился съ нимъ сердцемъ! Грустно, другъ, а дѣлать нечего—надо

*) См. дальше отзывъ Тургенева и письмо Б—на № CI, Герценъ писалъ еще въ 1868 г.: „Б—нъ, любившій всегда быть стокомъ сплетней...“ (Р. Стар. 1886, XII, 668).

сознаться, что наше появленіе въ Москвѣ не доставило намъ хорошаго знакомства. Два умныхъ человѣка, изъ которыхъ одинъ мальчишка, другой подлецъ—вотъ все, что мы узнали".

Первое изъ этихъ рѣзкихъ выраженій относится къ Каткову, второе къ Бакунину.

Герценъ съ своей стороны писалъ о Бакунинѣ въ „Дневникѣ" своемъ еще въ 1843 г., послѣ статьи Бакунина въ Jahrbücher Руге, понравившейся ему: „талантъ и дрянной характеръ" (Сочиненія, I, 88).

По поводу отъѣзда Бакунина за границу, Бѣлинскій писалъ Боткину 4 Окт. 1840 г.: „когда онъ уѣзжалъ изъ Петербурга за границу, его провожали ни я, ни Катковъ, даже не Языковъ и Панаевъ, но Г—ъ (должно быть, Герценъ), произведенный имъ за 1000 р. ассигнаціями въ спекулятивныя натуры. (Въ это время Бѣлинскій самъ еще не сблизился съ Герценомъ и даже относился къ нему съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, вслѣдствіе разницы политическихъ идей). Но этимъ не кончилось: оная натура говоритъ, что его можно уважать за умъ, но не любить, и что по письмамъ московскихъ друзей видно, что они даже плохо уважаютъ его... Мишель думалъ, что кромѣ глубокой натуры и генія необходимо для удостоиваемыхъ его дружбы еще одинаковый взглядъ на погоду и одинаковый вкусъ даже къ гречневой кашѣ—условіе sine qua non! Вотъ какъ оправдала жизнь его абстрактныя, лишенныя жизненнаго соку и теплоты воззрѣнія". (Невѣд., 62).

По словамъ г. Невѣдѣнскаго, „изъ Берлина Бакунинъ тотчасъ написалъ Бѣлинскому и Каткову. Въ письмѣ къ первому онъ сознавался въ своихъ недостаткахъ, соглашался съ опредѣленіемъ Бѣлинскаго, что онъ — діалектическая натура, и старался вызвать симпатіи со стороны послѣдняго. Про письмо къ Каткову Бѣлинскій писалъ къ Боткину: „Къ К—ву онъ писалъ, приписывая свой поступокъ пустотѣ и болтовнѣ, просилъ извиненія, но говорилъ, что *извѣстное объясненіе* неизбѣжно, да я не вѣрю—у.....ся на мѣстѣ объясненія—и всего вѣрнѣе — увернется отъ него. Ты правъ, что онъ трусъ. (Тамъ же, 63; см. также статьи Невѣдѣнскаго: Катковъ и Бѣлинскій по неизданнымъ

письмамъ Бѣлинскаго, 1837—1840, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1888, Іюнь). То, что Бѣлинскій принимаетъ за трусость, могло быть результатомъ внутренняго сознанія Б—на въ неправотѣ своей. Когда и Катковъ явился вскорѣ въ Берлинъ, то не только не произошло дуэли у него съ Бакунинымъ, но отношенія между ними даже возобновились: по крайней мѣрѣ, Бакунинъ передавалъ въ Маѣ 1841 г. Краевскому порученіе Каткова (тамъ же, 69).

Любопытно это совпаденіе появленія Бакунина и Каткова въ кружкѣ Огарева и Герцена и ихъ взаимное столкновеніе. Не смотря на крупныя различія въ личномъ характерѣ и дѣятельности, у Бакунина и Каткова было много сходныхъ чертъ, обусловленныхъ вліяніемъ времени и умственнаго воспитанія. Оба были головы абстрактныя, которыя отвлеченія и упованія принимали за дѣйствительность, въ реальныя условія которой не любили углубляться. Оба начали съ гегеліанскаго преклоненія передъ „дѣйствительностію“, не замѣчая того, что русская дѣйствительность 30—40-хъ гг. заключала въ себѣ явленія просто возмутительныя. Впослѣдствіи Бакунинъ перешелъ къ крайнему отрицанію дѣйствительности, но удержалъ при этомъ идеализацію славянства, народа и т. п., представляемыхъ сквозь очки абстракціи. Катковъ въ одно время склонился къ англійскому либерализму, при этомъ видѣлъ готовыхъ лордовъ и джентри въ русскихъ помѣщикахъ. Еще позже Бакунинъ перешелъ отъ отрицанія надпароднаго государства къ анархіи и аморфизму, отрицательно относился къ самому народу, но при этомъ вѣровалъ, что какимъ-то образомъ, послѣ разрушенія государства, усиліями „деклассированныхъ“ заговорщиковъ, можетъ изъ этого народа сама собою народиться „снизу вверхъ“ новая идеальная жизнь. Катковъ въ послѣдніе годы жизни отказался отъ всякаго либерализма и сталъ за деспотію „сильной руки“, „сильной власти“,—но забылъ при этомъ, что въ деспотіи, каковою является русская самодержавно-бюрократическая имперія, „сильной власти“ въ политическомъ смыслѣ быть не можетъ, ибо всякую власть раздробятъ въ свою личную пользу щедринскіе губернаторы и гоголевскіе

городничіе. Слѣдуетъ отмѣтить, какъ общую черту у Каткова и Бакунина самоувѣренность съ наклонностью къ диктаторству,—хотя наивную и часто добродушную у Бакунина,—и нервозно-раздражительную и мстительную у Каткова *).

Нельзя не признать значительною бѣдою для Россіи, что лица съ такими особенностями головъ и характеровъ, стали во главѣ, одинъ революціоннаго, а другой консервативнаго въ ней движенія **). Бѣду эту

---

*) О нервозности самолюбія и наклонности къ „сценамъ“ Каткова въ молодости см. въ Воспоминаніяхъ И. И. Панаева. Огаревъ тоже писалъ Герцену въ 1839 г. „Каткова я очень люблю, кромѣ дѣтскаго самолюбія“. Бѣлинскій писалъ о Катковѣ Боткину въ 1841 г. „Онъ носитъ въ себѣ страшнаго врага—самолюбіе, которое чортъ знаетъ, до чего можетъ довести его. Удивительно вѣрно твое выраженіе: „бравады субъективности“. Это конекъ, на которомъ нашъ юноша легко можетъ свернуть себѣ шею“. (Невѣдѣнскій, 66).

**) Пользуемся случаемъ, чтобъ сохранить отъ пропажи слѣдующее письмо Каткова къ Огареву (1839 г.), которое ясно отражаетъ нѣкоторыя изъ упомянутыхъ чертъ знаменитаго московскаго публициста. Черты эти, въ другихъ формахъ, проявлялись и въ его политической дѣятельности.

Я къ Вамъ пишу — чего же болѣ!
Что я могу еще сказать,
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.

Со слезами, на колѣняхъ, прошу я васъ простите меня, васъ которыхъ такъ недавно называлъ друзьями, передъ которыми я такъ тяжко виноватъ, я такъ глубоко оскорбилъ тебя, Николай,—передъ нею я грѣшенъ какъ преступникъ и ниже самаго презрѣннаго животнаго. У меня сердце поворачивается, какъ гнусно, какъ подло, заплатилъ я ей за ея ангельскую доброту, за ея пріязнь, которую я не умѣлъ оцѣнить. Какъ, неужели такъ случайно, такъ внезапно и навсегда разорвался нашъ союзъ?.

Я былъ въ странномъ состояніи, причиной котораго была съ одной стороны болѣзненность моей души, съ другой стороны одно особенное свойство, которое, не знаю, для счастія или для несчастія дано мнѣ природою. Люди близкіе мнѣ имѣютъ на меня необъяснимое вліяніе; какимъ-то инстинктомъ я угадываю, что съ ними, что внутри ихъ, и страдаю, если отъ чего нибудь меркнетъ хоть на минуту ихъ существо. Это глупо и нелѣпо; кто можетъ предохранить себя во всякую минуту отъ вліянія различныхъ житейскихъ случайностей, отъ суетъ, отъ апатіи, Богомъ клянусь, что этимъ большей частію объясняется моя раздражительность. Всегда, когда мѣнялся мой характеръ, мнѣ почему-то казалось, что на душѣ ея что нибудь да не такъ—я не могъ удержать себя и привязывался къ мелочамъ. О, если она вспомнитъ, въ послѣд-

надо счесть за фатальную, такъ какъ она свидѣтельствуетъ, что въ русскомъ обществѣ рѣшительные, хотя абстрактные тезисы,—„лишенные соку жизни“ имѣютъ больше вѣса, чѣмъ детальное обдумываніе реальной жизни, а самоувѣренные пароли больше, чѣмъ приглашеніе къ самодѣятельности *).

нее время, душа ея не была въ своемъ нормальномъ состояніи; на ней была какая-то тѣнь. — И только, клянусь честью, вотъ вся причина моихъ оскорбительныхъ поступковъ. Это не было самолюбіе; для доказательства я готовъ на всякое уничиженіе.

О, въ это время, которое показалось мнѣ цѣлымъ годомъ, я успѣлъ какъ должно оцѣнить ее! Какъ часто мысленно просилъ я у ней прощенія!..

Простите, простите меня! Я не смѣю ужъ надѣяться на возвращеніе вашей дружбы. Я знаю, какъ непріятно должно быть теперь для васъ мое присутствіе. Я только прошу васъ однимъ словомъ, однимъ намекомъ дать мнѣ знать, что вы меня простили. Только, только—больше я не буду васъ безпокоить.

К.

(На наружной сторонѣ:)

Николаю Платоновичу Огареву

отъ Каткова.

(Рукою М. Льв. Огаревой:)

Satin вамъ кланяется. Возвратите при оказіи.

М. О.

Послѣ этого письма отношенія Каткова и Огарева возобновились не знаемъ, только въ какой степени интимности. Оба скоро поѣхали за границу. Еще въ 1856 г., начиная изданіе „Русскаго Вѣстника“, Катковъ объявилъ въ числѣ сотрудниковъ его Огарева. Но вслѣдъ за тѣмъ, поссорившись съ Герценомъ, Катковъ называлъ въ своемъ журналѣ Огарева „пензенскимъ помѣщикомъ“ и спрашивалъ: „еда и Саулъ во пророцѣхъ?“

*) На первый разъ можетъ показаться страннымъ сравненіе Бакунина и Каткова съ точки зрѣнія научной подготовки, такъ какъ Катковъ, пробывшій нѣкоторое время профессоромъ университета, имѣлъ больше Бакунина возможности расширить свои научныя познанія. Но перескакиваніе Каткова по разнымъ спеціальностямъ напоминаетъ Бакунинское,—и ни въ одной спеціальности Катковъ не оставилъ по себѣ капитальнаго труда (кромѣ отчасти лингвистическаго сочиненія „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка“), котораго основъ, впрочемъ, самъ Катковъ не считалъ для себя обязательнымъ держаться, напр. по отношенію къ малорусскому языку. Ставши политическимъ писателемъ, Катковъ вовсе не имѣлъ значительныхъ свѣдѣній по политическимъ наукамъ и потому собственно не имѣлъ прочныхъ политическихъ идей. Это признаетъ и симпатизирующій ему біографъ его, г. Невѣдѣнскій, который ставитъ Каткова по политическому образова-

Какъ бы тамъ ни было, а исторія Бакунина съ Бѣлинскимъ, Боткинымъ и Катковымъ и общее неудовольствіе противъ Бакунина въ петербургскихъ и московскихъ литературныхъ кружкахъ извѣстнаго рода, должны были оставить слѣды на отношеніяхъ Бакунина къ этимъ кружкамъ на долго. Бакунинъ послѣ этихъ исторій не возвращался въ Россію, пока его не привезли изъ Австріи въ Петропавловскую крѣпость въ 1851 г. Впечатлѣніе взаимнаго разлада между Бакунинымъ и литераторами русскими, изъ которыхъ многіе продолжали дѣйствовать и въ 60-е годы, несомнѣнно осѣло въ душѣ Бакунина и проявило себя въ отрицательныхъ приговорахъ, которые онъ писалъ Герцену изъ Иркутска.

Изъ Берлина Бакунинъ писалъ Герцену слѣдующее письмо:

1840 г. 11 (23) октября. Берлинъ.

Любезный Герценъ! Ты, вѣроятно, уже получилъ книги, посланныя мною тебѣ съ г-мъ Чернявымъ и удивился, что послѣ такого долгаго молчанія я сопроводилъ ихъ весьма коротенькою записочкой. На это были своего рода причины, о которыхъ я теперь распространяться не буду. Сначала я написалъ тебѣ большое письмо, но потомъ замѣнилъ его тою маленькой записочкой, которую ты вѣрно уже имѣлъ удовольствіе получить.

Я надѣялся, что до отъѣзда Чернявина выйдетъ логика Вердера и хотѣлъ послать ее тебѣ, но она, къ несчастію, еще не вышла и ты долженъ довольствоваться первою частью вновь изданной энциклопедіи; съ Вердеромъ я уже познакомился; на вакаціяхъ онъ уѣхалъ изъ Берлина, но на-дняхъ долженъ возвратиться; какъ только пріѣдетъ, я немедленно начну брать у него уроки; какой онъ славный человѣкъ, Герценъ! Духъ, знаніе стало въ немъ плотію; въ немъ такъ мно-

---

нію ниже напр. Ив. Аксакова. Интересно, что и этотъ послѣдній, посвятившій большую часть жизни публицистикѣ по слав. вопросамъ, отличался поразительнымъ незнаніемъ именно западно-славянскихъ и западно-русскихъ дѣлъ! Все это характерныя явленія русской жизни.

го Gemüthlichkeit, которая, противуполагая себя разумному содержанію духа, выдаетъ себя за истину, — не той, которая вытекаетъ изъ живаго, свободнаго единства знанія и жизни,—не мертвая буква, но плодъ религіознаго, внутренняго стремленія. Я надѣюсь сблизиться съ нимъ и ожидаю отъ него много пользы какъ въ интеллектуальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Если будетъ возможность выслать тебѣ эту логику, то я непремѣнно ею воспользуюсь.

Надѣюсь, что Наталья Александровна не вознегодовала на меня за смѣлость, съ которою я, безъ всякаго позволенія, поднесъ ей книгу не моего сочиненія, но сочиненія Шефера *),—я рѣшился на эту дерзость въ увѣренности, что *сія* книга доставитъ ей много наслажденія; Шеферъ написалъ по одному стихотворенію на всѣ 365 дней, которые, какъ вамъ извѣстно, составляютъ (исключая высокосный годъ) цѣлый годъ; разумѣется, что въ такомъ множествѣ должно быть много пустыхъ стихотвореній, но за то и очень много глубокихъ вещей. Наталья Александровна, прочтите, пожалуйста, стихотвореніе на 20 декабря; въ немъ высказано все, что только можно пожелать глубокой, святой женщинѣ, и потому примите его за выраженіе моихъ желаній вамъ!

Вы, вѣрно, захотите знать, какъ я провелъ эти три мѣсяца. Большая часть времени была посвящена заботамъ. Сестра, о которой я тебѣ уже говорилъ, здѣсь съ сыномъ, и, къ тому же, больная, такъ что въ продолженіи нѣкотораго времени я боялся даже за ея жизнь; теперь ей нѣсколько лучше, но все еще весьма слаба: бѣдная, она вынесла такъ много страданій, такъ много внѣшнихъ и внутреннихъ отрицаній въ своей жизни, что я удивлялся еще крѣпости ея организма; одна смерть Станкевича, котораго мы всѣ такъ горячо любили, должна была сильно потрясти ее; а что, Герценъ, вотъ и Станкевича нѣтъ; единственный человѣкъ, одно непосредственное присутствіе котораго застав-

*) Leopold Schefer (род. въ 1784, умеръ въ 1864). Рѣчь тутъ идетъ о книгѣ „Laienbrevier“ (первое изд. 1834 г.).
Примѣч. издателя нѣмецк. перевода Th. Schiemann'a.

ЧИТАЛЬНАЯ ЗАЛА БИБЛІОТЕКИ

ляетъ вѣрить въ идею,— этотъ человѣкъ оставилъ насъ; его смерть еще болѣе убѣдила меня въ необходимости безсмертія индивидуальнаго духа. Штраусъ и Вердеръ также вѣрятъ въ безсмертіе; я не успѣлъ еще много говорить объ этомъ предметѣ съ Вердеромъ и потому не знаю еще, есть ли эта вѣра результатъ его философскаго знанія, или нѣтъ.

Не смотря на великія и многосложныя заботы, я успѣлъ, однако, нѣсколько оглядѣться и приняться за дѣло. Логику прочелъ до Quantität, и что я прочелъ, кажется мнѣ такъ ясно, что я могу это передать ребенку. Теперь я чувствую, что узнаю все, что мнѣ нужно, и потому покоенъ.

Чрезъ 6 дней начнутся лекціи, я буду слушать:

1) Werder. 1. Logik. 7. Geschichte der neuen Philosophie.
2) Hotho. 1. Aesthetik.
3) Vatke. 2. Menschenwerdung Gottes.
4) Курсъ физики.
5) Фехтованіе и верховая ѣзда.

А дома буду заниматься, кромѣ этого, новѣйшею исторіей.

Берлинъ городъ хорошій; музыка отличная, жизнь дешевая, театръ очень порядочный, въ кондитерскихъ журналовъ много и я ихъ читаю всѣ подрядъ,— однимъ словомъ, все хорошо, очень хорошо.

Нѣмцы ужасные филистры; еслибъ 10-я часть ихъ богатаго духовнаго сознанія перешла въ жизнь, то они были бы прекрасные люди; но до сихъ поръ, увы, пресмѣшной народъ; вотъ тебѣ двѣ надписи, прочитанныя мною на домахъ во время послѣднихъ празднествъ.

На одной нарисованъ прусскій орелъ, а подъ нимъ портной гладитъ, подъ портнымъ же написано:

Unter deinen Flügeln
Kann ich ruhig bügeln.

А на другомъ трапспарантѣ:

Es lebe hoch das Königspaar
Und wenn es möglich ist zwei tausend Jahr.
Doch wenn es auch unmöglich scheint
So ist es doch recht gut gemeint.

А на третьемъ:

Ein preussisch Herz, ein gutes Bier,
Was wollen sie noch mehr von mir.

И много другихъ разныхъ остротъ.

Что дѣлаешь ты? Чѣмъ занимаешься? Вѣришь ли или сомнѣваешься?—я думаю, что и то, и другое вмѣстѣ; это общее состояніе духа. Пріѣзжай скорѣй сюда; наука разрѣшитъ всѣ сомнѣнія или, по крайней мѣрѣ, покажетъ путь, на которомъ они должны разрѣшиться. Напиши мнѣ, пожалуйста, о вашемъ житьѣ-бытьѣ; я слышалъ, что Огаревъ собирается въ Берлинъ,—правда ли это и гдѣ онъ теперь? Гдѣ Сатинъ, что Кетчеръ? При случаѣ поклонись имъ отъ меня. Что русская журналистика,—что доказываетъ Бѣлинскій и чему вѣрятъ Языковъ и Панаевъ?

Не вышло ли чего-нибудь изъ сочиненій Пушкина, Гоголя и Лермонтова?

Пожми, пожалуйста, руку Ветлицкому; другой разъ я ему напишу. Скажи ему, чтобы онъ написалъ мнѣ письмо, не ожидая моего. Не собирается ли онъ на Кавказъ и посѣщаетъ ли университетъ?

Прощай, милый Герценъ.

Огъ души твой М. Бакунинъ.

Мой адресъ: a M-r Mendelsohn et Comp. a Berlin, pour remettre a M. Bakounine.

Напечатана ли 2-я половина моей статьи, и если напечатана, нравится ли она публикѣ и тебѣ въ особенности?

Въ письмѣ этомъ можно уловить начало вниманія къ политическому положенію Германіи. Но еще нѣкоторое время Бакунинъ, видимо не выходилъ изъ круга абстрактно-философскихъ интересовъ „правой“ стороны гегеліанства. О первомъ времени берлинскаго пребыванія Бакунина есть воспоминаніе его тогдашняго товарища Б. У. Ф. (остзейскаго барона). Вотъ что онъ говоритъ: „Въ теченіи зимняго семестра 1839—1840 гг. я посѣщалъ утреннія лекціи логики проф. Вердера. На эти лекціи являлось не много слушателей: въ числѣ ихъ находилось двое молодыхъ людей, говорившихъ по

русски; это были Иванъ Тургеневъ и Мих. Бакунинъ; они занимались, подобно мнѣ, въ этомъ семестрѣ философіей и исторіей, и оба были восторженные приверженцы гегелевской философіи, казавшейся намъ въ то время ключемъ къ познанію добра... Мы, земляки, скоро познакомились и не менѣе двухъ разъ въ недѣлю сходились по вечерамъ то у меня, то у обоихъ друзей, жившихъ на одной квартирѣ, для занятія философіей и для бесѣды. Хорошій русскій чай, въ то время рѣдкость въ Берлинѣ, и хлѣбъ съ холодною говядиною служили матеріальною придачею этихъ вечеровъ; вина мы никогда не пили и, не смотря на это, просиживали иной разъ до ранняго утра, увлекшись разговоромъ, переходившимъ нерѣдко въ споръ. Тургеневъ былъ самый спокойный изъ насъ...

„Въ 1839—1840 гг. Тургеневъ ничѣмъ особеннымъ не выдавался, но былъ преисполненъ самыхъ идеальныхъ взглядовъ и надеждъ относительно будущаго преуспѣянія и развитія своего великаго отечества. Во всѣхъ нашихъ бесѣдахъ онъ никогда не сходилъ съ чисто исторической почвы, и я не слыхалъ, чтобы онъ когда нибудь высказывалъ горячія надежды или желанія по поводу отмѣны крѣпостнаго права, какъ многіе утверждаютъ. Даже самъ Бакунинъ, заходившій въ своихъ желаніяхъ гораздо дальше Тургенева, смотрѣлъ на освобожденіе крестьянъ какъ на дѣло далекаго будущаго“. (Русская Старина, 1884, Май, 391—393; изъ Baltische Monatschrift *).

Въ апрѣлѣ 1841 г. Катковъ писалъ Краевскому, что Бакунинъ желаетъ готовить статьи и участвовать въ составленіи смѣси „Отеч. Записокъ“, а что Тургеневъ переводитъ для нихъ рѣчь Шеллинга объ изящныхъ

---

*) Мы позволимъ себѣ замѣтить, что, какъ видно даже по „Дневнику“ Герцена, не только либеральныя, но даже демократическія идеи далеко не были сильны даже у болѣе передовыхъ русскихъ около 1840 г. и даже прогрессисты того времени не разрывали совсѣмъ съ абсолютизмомъ; идеалъ ихъ былъ въ Петрѣ I. Настроеніе это начинаетъ измѣняться около 1843—1844 г. и особенно около 1848 г. Реакціонная политика Николая I съ 1848—1849 г. была рѣшительнымъ толчкомъ къ появленію болѣе послѣдовательнаго русскаго либерализма.

искусствахъ (Невѣдѣнскій, 77, 80). Немного спустя, Катковъ писалъ Краевскому, что Бакунинъ пишетъ статью „О современномъ состояніи философіи въ Германіи“ (тамъ же, 80). Много позже, уже въ 1870 г. Катковъ разсказывалъ объ участіи Бакунина въ Мартѣ 1842 г. въ факелцугѣ, устроенномъ въ Берлинѣ студентами въ честь Шеллинга: „Бакунинъ запечатлѣлся въ нашей памяти весьма характеристическимъ образомъ. Однажды въ честь одного знаменитаго профессора студенты устроили факельную процессію. Множество молодыхъ людей собралось передъ домомъ юбиляра, и когда почтенный старецъ вышелъ на балконъ своего дома, чтобъ благодарить за сдѣланную ему овацію, раздалось громогласное *hoch*! и всѣхъ пронзительнѣе зазвенѣлъ у самыхъ ушей нашихъ знакомый голосъ: то былъ Бакунинъ. Черты лица его исчезли: вмѣсто лица былъ одинъ разинутый ротъ. Онъ кричалъ громче всѣхъ, суетился всѣхъ болѣе, хотя предметъ торжества былъ ему совершенно чуждъ, и профессора онъ не зналъ и на лекціяхъ его не бывалъ“. (Тамъ же, 88).

Катковъ нѣсколько пересолилъ, такъ какъ совершенно чуждымъ Шеллингъ Бакунину не былъ, и, какъ видно изъ брошюры Schelling und die Offenbarung, о которой скажемъ дальше, Бакунинъ посѣщалъ лекціи Шеллинга въ Берлинѣ. Но Катковъ все-таки вѣрно указалъ одну изъ характерныхъ чертъ Бакунина: способность увлечься настроеніемъ окружающей его среды и при этомъ всегда довести это настроеніе до крайности. Далѣе, если показаніе Каткова вѣрно, то характерно и то, что Бакунинъ довольно быстро перешелъ отъ оваціи Шеллингу къ полемикѣ съ нимъ въ особой брошюрѣ *Schelling und die Offenbarung, Kritik des neuesten Reaktionsversuchs gegen die freie Philosophie* (Leipzig, Robert Binder, 1842, in 8°). Брошюра вышла анонимно, но приводимыя ниже слова изъ письма Арн. Руге прямо приписываютъ ее Бакунину.

Брошюра эта не совершенно еще исчезла изъ книжной торговли, а потому мы не будемъ резюмировать ея содержанія, тѣмъ болѣе что оно всецѣло принадлежитъ къ тогдашнему кругу абстрактныхъ вопросовъ философіи, которые теперь могутъ интересовать только

спеціалистовъ исторіи философіи. Скажемъ только, что авторъ беретъ постоянно противъ философіи Шеллинга „второй манеры“ сторону системы Гегеля, склоняясь къ его послѣдователямъ „лѣвой стороны“ —Фейербаху и Штраусу. Оканчиваетъ авторъ свою брошюру горячимъ привѣтомъ „новому утру“,—которое опять, подобно „свободному эллинскому сознанію“, возвѣщаетъ „цѣлостность, самостоятельность и единство міра“, разбиваетъ „врата мрачнаго монастыря“ и т. д. „Идея, самосознаніе человѣчества,—восклицаетъ авторъ,—это удивительный фениксъ, который строитъ себѣ костеръ изъ драгоцѣннѣйшаго, что есть на свѣтѣ, и встаетъ помолодѣвшимъ изъ пламени, которое уничтожаетъ старое время. Пустите же насъ принести на костеръ этого феникса все намъ наидорогое и любимое, все, что было намъ свято и велико, прежде чѣмъ мы стали свободны!.. Пустите насъ бороться и пролить нашу кровь, глядѣть неустрашимо въ гнѣвные глаза врага и выстоять до конца! Видите ли, какъ наши знамена вѣютъ съ вершинъ горъ? Видите ли, какъ мечи нашихъ товарищей сверкаютъ, какъ развѣваются султаны на ихъ шлемахъ? Они идутъ, идутъ, изъ всѣхъ долинъ, со всѣхъ высотъ притекаютъ они къ намъ съ пѣснями и звукомъ роговъ; день великаго рѣшенія битвы народовъ (der Völkerschlacht) приближается и побѣда должна быть за нами!“

Во всей брошюрѣ нѣтъ ни одного, по крайней мѣрѣ, прямого намека на борьбу политическую или соціальную. Весь вопросъ идетъ о борьбѣ философскихъ міровоззрѣній.

Спустя нѣсколько времени, Бакунинъ написалъ другую, болѣе популярную и съ большимъ общественнымъ интересомъ статью и помѣстилъ ее въ журналѣ Арнольда Руге. Журналъ этотъ, *Halle'sche Jahrbücher*, выходилъ сначала въ Галле и въ немъ, кромѣ исполкованія системы Гегеля въ духѣ явно антихристіанскомъ (Штраусъ, Фейербахъ) и демократическомъ, прославлялась политическая жизнь и революціонныя традиціи Франціи. Прусское правительство запретило изданіе Руге, но редакторъ возобновилъ его въ Лейпцигѣ подъ именемъ *Deutsche Jahrbücher*. Бакунинъ

поѣхалъ къ Руге въ Дрезденъ и напечаталъ въ №№ 247—251 его газеты статью „*О реакціи въ Германіи*“ подъ видомъ замѣтокъ француза Jules Elisard (*Die Reaktion in Deutschland. Fragment eines Franzosen*). Въ статьѣ этой признается значеніе лишь за крайними партіями и при томъ теоретическими. Между консерваторами, по мнѣнію автора, не имѣетъ значенія молодежь, вышедшая изъ аристократіи, торговаго и чиновническаго класса, — но лишь „противники принципа революціи“, которые „называются въ политикѣ консерватизмомъ, въ наукѣ права—исторической школой, въ спекулятивныхъ наукахъ положительной философіей“. Этой послѣдней авторъ противупоставляетъ отрицаніе, которое видитъ и въ девизѣ французской революціи *liberté, egalité et fraternité*, заключающемъ въ себѣ „полное уничтоженіе существующаго политическаго и соціальнаго міра“ и возникающихъ въ Англіи и во Франціи соціально-религіозныхъ союзахъ, „которые противустоятъ теперешнему политическому міру, какъ нѣчто совершенно чуждое, и черпаютъ жизнь изъ новыхъ для него, неизвѣстныхъ источниковъ“. Въ заключеніе авторъ говоритъ: Воздухъ полонъ, чреватъ бурями! и потому мы зовемъ нашихъ ослѣпленныхъ братьевъ: покайтеся, покайтеся: царство божіе близко! Мы говоримъ позитивистамъ *), откройте ваши духовные глаза, оставьте мертвыхъ хоронить своихъ мертвецовъ и убѣдитесь, наконецъ, что духа, вѣчно юнаго, вѣчно новорожденнаго нечего искать въ упавшихъ развалинахъ... Позвольте же намъ довѣриться вѣчному духу, который только потому разрушаетъ и уничтожаетъ, что онъ есть неисчерпаемый и вѣчно творящій источникъ всякой жизни. *Страсть къ разрушенію есть вмѣстѣ и творческая страсть*“. (Die Lust der Zerstörung ist zugleich eine schaffende Lust).

Статья Бакунина, снабженная лестнымъ примѣчаніемъ редактора, понравилась во многихъ русскихъ

*) Подъ этимъ терминомъ не слѣдуетъ разумѣть позитивистовъ въ смыслѣ послѣдователей Ог. Конта, но консерваторовъ въ смыслѣ вообще неотрицателей.

литературно-философскихъ кругахъ, гдѣ столкновеніе консервативныхъ гегеліанцевъ, въ родѣ Бѣлинскаго, и соціалистовъ, въ родѣ Герцена, приводило само къ лѣвогегеліанскому направленію, Герценъ отмѣтилъ въ своемъ Дневникѣ:

„1873, 7 Янв. Deutsche Jahrbücher запрещены въ Саксоніи. Объ D. J. жалѣть намъ нечего, потому что полные энергіи издатели не сядутъ сложа руки, а такъ, какъ перебрались изъ Галле въ Лейпцигъ, такъ переѣдутъ въ Цюрихъ, Женеву, пожалуй, въ Бельгію *). Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ была статья Jules Elisard о современномъ духѣ реакціи въ Германіи. Художественно-превосходная статья. И это чуть ли не первый французъ (котораго я знаю), понявшій Гегеля и германское мышленіе. Это громкій, открытый, торжественный возгласъ демократической партіи, полный силъ, твердый въ обладаніи симпатій въ настоящемъ и всего міра въ будущемъ; онъ протягиваетъ руку консерваторамъ, какъ имѣющій власть, раскрываетъ имъ съ неимовѣрной ясностью *смыслъ* ихъ анахроническаго стремленія и зоветъ въ человѣчество. Вся статья отъ доски до доски замѣчательна. Когда французы примутся обобщать и популяризировать германскую науку, разумѣется, понявши ее, тогда наступитъ великая фаза der Bethätigung. У нѣмца нѣтъ еще языка на это. Въ этомъ дѣлѣ можетъ и мы можемъ вложить ленту“. (Сочиненія, I, 70—71). Скоро Герценъ узналъ, что Elisard совсѣмъ не французъ, и записалъ въ своемъ дневникѣ 28 Января: „Вѣсть объ Jules Elisard. Онъ смываетъ прежніе грѣхи свои. Я совершенно примирился съ нимъ... 15 Февраля. Письмо отъ J. Elisard... онъ умомъ дошелъ до того, чтобъ выйти изъ паутины, въ которой сидѣлъ“... (Тамъ же, 82).

Бѣлинскій писалъ, 7 Ноября 1842 г., Боткину: „До меня дошли хорошіе слухи о М.,—и я—написалъ къ нему письмо!! Не удивляйтесь: отъ меня все можетъ статься... Странно: мы, я и М., искали бога по разнымъ путямъ—и сошлись въ одномъ храмѣ. Я знаю,

*) Дѣйствительно Руге издавалъ съ К. Марксомъ въ Парижѣ „Deutsch-Französische Jahrbücher“.

что онъ разошелся съ Вердеромъ, знаю, что онъ принадлежитъ къ лѣвой сторонѣ гегеліанства, знакомъ съ R. и понимаетъ жалкаго, заживо умершаго романтика Шеллинга. М. во многомъ виноватъ и грѣшенъ; но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки—это вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа". (Невѣдѣнскій, 94).

Между тѣмъ Бакунинъ поѣхалъ изъ Дрездена въ Швейцарію, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ поэтомъ Гервегомъ. Въ Швейцаріи Бакунинъ сошелся съ нѣмецкими соціалистами, во главѣ которыхъ стоялъ портной и публицистъ Вейтлингъ. Герценъ писалъ по этому поводу въ „Дневникѣ":

„4 Ноября (1843). Die Kommunisten in der Schweitz. Wörtlicher Abdück des Kommissionsberichtes an die Regierung von Zürich. Первое, что удивило въ этой книгѣ, это фамилія Бакунина, названнаго не только въ числѣ коммунистовъ, но упомянутаго какъ одинъ изъ „venin". Они были захвачены, слѣдовательно и онъ. Странная судьба этого человѣка. Пока онъ былъ въ Россіи, этого конца предсказать было нельзя. Jules Elisard указалъ великую перемѣну,—его консеквентность не могла остановиться. Что съ нимъ будетъ?". (Сочиненія, 145)

30 Сент. 1844 г. Герценъ писалъ въ дневникѣ: „Бакунину префектъ въ Парижѣ велѣлъ выѣхать. Знай нашихъ,—одинъ испанскій *exaltado* говорилъ, что Бакунинъ далеко ушелъ. Въ Цюрихѣ—въ тюрьмѣ, а изъ Парижа выслали" (тамъ же, 239). Кажется, что до Москвы дошли нѣсколько преувеличенные слухи и что Бакунинъ не былъ въ тюрьмѣ въ Цюрихѣ, ни высланъ въ 1844 году изъ Парижа. Изъ писемъ Руге, которыя мы приведемъ ниже, видно, что въ 1844 г. Бакунинъ жилъ въ Парижѣ безпрепятственно.

2 Марта 1845 г. Герценъ записалъ: „Между прочимъ статья Бакунина въ „La Réforme",—вотъ языкъ свободнаго человѣка; онъ дикъ намъ; мы не привыкли къ нему. Мы привыкли къ аллегоріи, къ смѣлому слову *intra muros*, и насъ удивляетъ свободная рѣчь русскаго такъ, какъ удивляетъ свѣтъ сидѣвшаго въ

темной конурѣ" (Тамъ же, 272). Мы не могли узнать, о какой собственно статьѣ тутъ говорится.

До Герцена, очевидно, дошли нѣсколько преувеличенные слухи о преслѣдованіяхъ Бакунина въ Швейцаріи и Франціи. Въ рапортѣ Блунчли цюрихскому правительству о Вейтлингѣ и др. коммунистахъ въ Швейцаріи находимъ о Бакунинѣ только два указанія въ выдержкахъ изъ писемъ къ Вейтлингу: на стр. 64 парижскій корреспондентъ Вейтлинга, находившійся въ сношеніяхъ съ *Cabet*, пишетъ 15 Мая 1843: „Мы хотимъ, чтобы ты вступилъ въ тѣсную связь и интимное общеніе съ Фрёбелемъ и Бакунинымъ; это будетъ полезно тебѣ и дѣлу"; на стр. 121 А. Б(еккеръ) пишетъ въ Маѣ же 1843 г., изъ Женевы: „побуди *русскаго*, чтобъ скорѣе пріѣзжалъ".

При посредствѣ проф. Штерна въ Цюрихѣ, мы получили отъ проф. Швейцера, директора архива въ Цюрихѣ, слѣдующія выдержки изъ полицейской корреспонденціи того времени о Бакунинѣ. 25 Іюля 1843 г. русское посольство въ Бернѣ, получивъ цюрихскій докладъ о коммунистахъ, пожелало имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія объ упомянутомъ тамъ на 64 стр. русскомъ, Бакунинѣ. 12 Сентября полицейскій совѣтникъ сообщилъ правительственному совѣтнику Цюриха, что „эта личность проживала отъ 16 Янв. до 26 Іюня у г. архитектора Штадлера въ Енге и въ послѣдній день, не задолго до арестованія Вейтлинга, уѣхалъ подъ предлогомъ важныхъ дѣлъ, не визировавъ въ бюро цюрихскаго госуд. совѣта своего паспорта, выданнаго ему 29 Мая 1840 г. въ Твери и визированнаго въ русскихъ посольствахъ въ Берлинѣ и Дрезденѣ, въ каковомъ паспортѣ онъ помѣченъ прапорщикомъ гренадерскаго полка. По справкамъ, теперь Бакунинъ долженъ быть въ Женевѣ или въ окрестностяхъ ея. Онъ учился въ Берлинѣ, откуда его хотѣли выслать въ Россію (?). Вмѣсто того чтобъ ѣхать туда, онъ отправился въ путешествіе по Германіи и прибылъ въ Швейцарію. Тутъ занимался онъ болѣе всего наукою (mit Studien) и литературными работами, а именно переводомъ одного сочиненія о французской революціи, изъ котораго нѣсколько печатныхъ листовъ найдено при обыскѣ въ бу-

магахъ Вейтлинга, однако не захвачены. Знакомства его были: Толленъ (Tollen), Фрёбель, проф. Фёгели (Vögeli,—Heinrich?). Кромѣ того былъ онъ въ корреспонденціи съ извѣстнымъ Руге. При своемъ отъѣздѣ, оставилъ онъ послѣ себя значительные долги, не смотря на то, что Толленъ много заплатилъ за него и въ томъ числѣ 100 фр. за помѣщеніе у г. Шталлера, у котораго Бакунинъ оставилъ и свою библіотеку".

Все это сообщено было русскому посольству, и посолъ А. Ф. Струве 17/29 Сент. 1843 г. извѣстилъ цюрихское правительство что онъ „увѣдомилъ императорское министерство объ этихъ свѣдѣніяхъ о г. Бакунинѣ (sieur B.), котораго связи съ лицами, компрометированными въ процессѣ, возбужденномъ въ Цюрихѣ противъ коммуниста Вейтлинга, должны были привлечь вниманіе императорскаго посольства. Такъ какъ г. Бакунинъ продолжаетъ жить въ этой странѣ, то оно было бы очень благодарно за всякія свѣдѣнія относительно поведенія (les allures) этого путешественника, которыя могли бы достигнуть до свѣдѣнія цюрихскаго правительства".

Вслѣдствіе этой просьбы цюрихская полиція передала русскому посольству еще два свѣдѣнія о Бакунинѣ:

1. Сообщеніе дирекціи полиціи Бернскаго кантона отъ 18 Февраля 1844 г. цюрихскому полицейскому совѣтнику, въ отвѣтъ на его вопросы отъ 15 Февр., что Бакунинъ нѣкоторое время пробылъ въ Бернѣ, но нѣсколько дней назадъ уѣхалъ оттуда, не получивъ паспорта отъ русскаго посольства и, по свѣдѣніямъ, собраннымъ по просьбѣ того посольства, отправился въ Нидербаденъ, а оттуда, вѣроятно, въ Бельгію (?).

2 Отъ 27 Февр. 1844 г. изъ Водскаго кантона извѣщали, что Бакунинъ провелъ нѣкоторое время въ 1843 г. въ Ніонѣ, потомъ уѣхалъ внезапно въ путешествіе въ Германію (?), и возвратившись, прожилъ нѣкоторое время въ Prangins; наконецъ, такъ какъ синдикъ этого города замѣтилъ, что его бумаги не въ порядкѣ, онъ опять выѣхалъ и съ той поры не являлся.

Проф. Швейцеръ прибавляетъ къ этимъ сообщеніямъ, что между бумагами, найденными у Вейтлинга, кажется

нѣтъ ничего Бакунинскаго, впрочемъ это трудно рѣшить, такъ какъ письма эти по большей части носятъ псевдонимныя подписи.—Объ изгнаніи Бакунина изъ Цюриха нѣтъ нигдѣ рѣчи *).

Герценъ позже разсказываетъ (Колоколъ, № 119—120, 15 Янв. 1862), что тотчасъ послѣ рапорта Блюнчли, Бакунинъ получилъ приказаніе возвратиться въ Россію. „Онъ не поѣхалъ. Николай велѣлъ его судить. Сенатъ лишилъ его офицерскаго чина, дворянства и пр. Онъ уѣхалъ въ Парижъ".

Объ этомъ парижскомъ пребываніи Бакунина есть нѣсколько свѣдѣній въ брошюрѣ Ивана Головина: *Der Russische Nihilismus. Meine Beziehungen zu Herzen und Bakunin*, nebst einer Einleitung uber die Dekabristen. (Leipzig. Verlag von Luis Senf. 1880). Къ сожалѣнію, разсказы г. Головина вообще спутаны и часто не точны. Головинъ говоритъ, что онъ познакомился съ Бакунинымъ у Огарева въ Парижѣ, rue Quinze-Vingt. Интересно, что въ тогдашнихъ письмахъ Огарева къ друзьямъ въ Россію ни слова нѣтъ о Бакунинѣ. Головинъ говоритъ, что онъ и Бакунинъ одновременно получили приказаніе возвратиться въ Россію и, послѣ отказа, принуждены были сенатомъ къ „лишенію правъ состоянія"— и что посольство русское во Франціи, во главѣ котораго стоялъ гр. Киселевъ junior послало въ „*Gazette des tribunaux*" замѣтку о томъ, что Головинъ и Бакунинъ осуждены за революціонныя сочиненія и за отказъ возвратиться въ Россію. Головинъ написалъ въ ту же газету отвѣтъ, въ которомъ защищалъ свои сочиненія („Der Geist der politischen Oekonomie" и „Die Politik, als Wissenschaft" и упомянулъ, что хартія Михаила Романова давала дворянамъ русскимъ право ѣздить за границу и служить тамъ. Бакунинъ же, по словамъ Головина, написалъ въ „*Gazette des tribunaux*", что никакой хартіи Михаила Романова не было. Головинъ говоритъ, что Бакунинъ получилъ тогда денежную помощь отъ Боткиныхъ, когда же ему было велѣно выѣхать изъ Парижа, то денегъ ему на дорогу

*) Приносимъ глубокую благодарность профессорамъ Швейцеру и Штерну за эти сообщенія.

далъ Николай Ивановичъ Тургеневъ, у котораго Бакунинъ бывалъ, а въ Брюсселѣ его поддержалъ полякъ генералъ Скшинецкій (Skrzinecki).

За этотъ промежутокъ времени есть нѣсколько интересныхъ біографическихъ свѣдѣній о Бакунинѣ въ письмахъ Арнольда Руге (*Arnold Ruges Briefwechsel und Tagebücher aus den Jahren 1825—1880, Herausgegeben von Paul Nerrlich.* Brlin, 1886).

Въ Апрѣлѣ 1842 Руге писалъ изъ Дрездена Розенкранцу, отрицая у Шеллинга (второй манеры) самое имя философа и рекомендуя ему брошюру, статью Элизара. „Она принадлежитъ,—говоритъ Руге,—русскому, Бакунину, который теперь живетъ здѣсь. Подумай себѣ только, этотъ симпатичный (liebenswürdige) молодой человѣкъ превосходитъ всѣхъ старыхъ ословъ въ Берлинѣ. Но я думаю, что Бакунинъ, котораго я знаю и очень охотно принимаю у себя, не будетъ радъ, если станетъ извѣстно, что онъ авторъ (брошюры этой), уже вслѣдствіе положенія дѣлъ въ Россіи. Онъ со временемъ отправится въ Москву, можетъ быть въ университетъ (профессоромъ)". 2 Сентября философъ писалъ Людвигу Руге: „Мюллеръ здѣсь и Бакунины тоже. Я вижу ихъ часто *). Старшій Бакунинъ очень образованный человѣкъ и имѣетъ большой философскій талантъ". 15 Ноября А. Руге пишетъ Штару о романѣ Ж. Сандъ „*Consulo*": „Его очень хвалятъ за психологическую глубину; Гервегъ и Бакунинъ говорили мнѣ объ этомъ. Бакунинъ и Кехли сердечно привѣтствуютъ тебя". 7 Декабря Руге пишетъ Прутцу: „жаль, что тебя здѣсь нѣтъ. Тутъ живется среди многихъ возбужденныхъ и отчасти значительныхъ людей, — я назову Франка, Бакунина, русскаго, Мюллера и Кехли, Кесслера,—гораздо лучше, чѣмъ въ старыхъ, покрытыхъ плѣсенью университетскихъ норахъ".

8 Марта 1843 г. Руге пишетъ Фребелю о его книгѣ *Anecdota* и говоритъ: „одного я желаю, чтобъ эту книгу

---

*) Müller-Strübing, филологъ, приговоренъ былъ въ 1833 г. къ смерти за участіе въ студенческихъ тайныхъ обществахъ, но помилованъ на пожизненное заключеніе. Въ 1840 г. амнистированъ.

узнали и читали также въ Страсбургѣ и Парижѣ, чтобъ дать французамъ понятіе о нашихъ борьбахъ... Бакунинъ долженъ былъ о томъ написать Піеру Леру и разсказать ему все дѣло подлинно и ясно". 3 Мая философъ жалуется Людвигу Руге: „моя поѣздка въ Швейцарію не состоится. Бакунинъ, которому я много, слишкомъ много повѣрилъ, не можетъ заплатить опять мнѣ и вообще всѣ свои долги. Я построилъ на немъ воздушные замки и долженъ признаться, что мнѣ приходится солоно (sauer), черезъ иноземца, лежать скрученнымъ цѣлое лѣто. Я поручился за него у Бонди и на дняхъ заплатилъ за него 306 талеровъ, послѣ того какъ я ему въ Лейпцигѣ, когда онъ съ Гервегомъ отправлялся въ Швейцарію, далъ въ займы чистыми деньгами 2.500 талеровъ.

26 Агуста 1843 г. Руге пишетъ женѣ своей изъ Парижа, что проѣздомъ черезъ Женеву видѣлъ Бакунина.

Въ 1844 г. А. Руге встрѣтился съ Бакунинымъ въ Парижѣ. 16 Окт. онъ пишетъ Фребелю: „Бакунинъ здѣсь теперь, какъ вы знаете; всегда полонъ надежды и веселъ; несокрушимое хорошее расположеніе духа. Но его участь кажется мнѣ такова, что онъ будетъ имѣть успѣхъ только въ обществѣ, но не публично. Онъ обладаетъ всѣмъ для салона, но ему не достаетъ вообще (много) въ наукѣ и въ атмосферѣ иностранныхъ, ему по крайней мѣрѣ неродственныхъ литературъ"...

20 Окт. Руге пишетъ Флейшеру изъ Парижа: „Бакунинъ посѣтилъ меня здѣсь. Онъ уже отвыкъ такъ отъ нѣмецкаго языка, что дѣлаетъ ошибку на ошибкѣ, не находитъ больше словъ. (Многоточіе, знакъ пропуска). Бакунинъ все прежній любезный малый (libens würdige Kerl). Я охотно предоставляю ему свободу и къ тому же его распутныя признанія, какъ наслѣдство славянское, въ Парижѣ совсѣмъ не должно ставить ему на счетъ. Здѣсь въ Quartier Montmartre, его связи въ Faubourg St. Germain не стѣсняютъ меня нисколько. Онъ говорилъ, что не ходитъ болѣе въ кабачекъ (estaminet) и сталъ очень прилеженъ. Въ Германію онъ больше не поѣдетъ, даже если дѣйствительно произойдетъ чрезъ 3 мѣсяца революція, какъ онъ предпола-

гаетъ, такъ что въ Февралѣ все уже получитъ коммунистическія учрежденія".

24 Ноября 1844 г. Руге пишетъ Флейшеру: „не пропустите случая прочитать Кюстена о Россіи *). Какъ замѣчательно здѣсь изображеніе образованныхъ русскихъ! Видишь передъ собою всегда Бакунина, какъ будто онъ служилъ ему моделью. Я не вѣрю своимъ глазамъ. Мои исключенія сдѣлались здѣсь типами! Такова вообще культура въ знатныхъ семействахъ. Они умѣютъ говорить обо всемъ свысока. Читайте книгу и вы убѣдитесь. Только немногіе изъ нихъ дѣйствительно станутъ гегеліанцами и разницу характеровъ я предполагаю естественно. Бакунинъ былъ одинъ разъ у меня. Мы болтали о Гервегѣ, который опять тутъ. Бакунинъ, который его очень любитъ, казалось, имѣлъ желаніе примирить меня съ нимъ. Но это какъ-то не подходитъ, такъ какъ мы вѣдь собственно не враждебно настроены другъ къ другу, а просто характерами не сошлись. Я сказалъ Бакунину, что я сдѣлалъ было визитъ Гервегу и что теперь ожидаю того же самаго и отъ него, но что мнѣ не вѣрится, чтобы онъ пришелъ. Бакунинъ увѣрялъ меня, что Гервегъ всегда говоритъ обо мнѣ самымъ дружескимъ образомъ. Я же съ своей стороны выразилъ свое сожалѣніе, что между нами господствуетъ теперь эта натянутость, но въ то же самое время я ему сообщилъ, что я недоволенъ направленіемъ Гервега и его поэтическимъ тщеславіемъ, которое главнымъ образомъ приковало его къ г-жѣ S(tern) **). Бакунинъ замѣтилъ очень тонко: „друзей не критикуютъ". Я же: „ну, а если на тебя нападутъ подруги твоихъ друзей, тогда поневолѣ отнесешься критически къ этимъ друзьямъ, на глазахъ которыхъ имѣютъ мѣсто подобнаго рода нападенія". Бакунинъ: „Гервегъ—благородный характеръ". Ego: „благороденъ-то онъ благороденъ, но не мѣшало бы имѣть побольше характера". Бакунинъ: „Какъ такъ?" Ego: „Онъ измѣняетъ себѣ: въ своей теперѣшней жизни и въ равно-

*) Марк. Ад. де Кюстенъ (Custine) напечаталъ въ 1843 г. свое путешествіе по Россіи—„La Russie en 1839".

**) Графиня d'Agoult, которая въ литературѣ извѣстна подъ именемъ Daniel Stern (1805—1876).

душіи ко всему, потому что все, что въ немъ было поэтическаго, то были просто на просто его вѣра, его паѳосъ". Бакунинъ: „вы вѣдь не вздумаете дѣлать какія нибудь нравственныя заключенія на основаніи его расположенія къ г-жѣ S(tern) и вы вѣдь не рѣшитесь объяснить этимъ его разочарованіе относительно Германіи и политики; если онъ дѣйствительно въ отчаяніи—то вина тому бѣдственное положеніе Германіи; и если онъ ошибается, то онъ самъ находится въ печальномъ состояніи". Ego: „Всякій свободенъ располагать своими наклонностями, если только онъ не взялъ въ этомъ отношеніи извѣстныя обязательства на себя. Но если общественное положеніе человѣка обусловливается исключительно его вѣрою и надеждою, то онъ представляется намъ въ очень жалкомъ видѣ, если его одолѣваетъ въ частной жизни равнодушіе. Публично онъ затыкаетъ Pückler'a за поясъ, а въ частной жизни онъ вполнѣ Pückler до трупнаго запаха пачулей и до привычки постоянно ныть изъ за ѣды. Впрочемъ, нѣтъ никакой необходимости, чтобы Германія была преисполнена надеждъ для того, чтобы человѣкъ, какъ Гервегъ, остался при своей положительности и при своемъ паѳосѣ. Міръ политики въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ великаго нравственнаго міра. Поэтъ не долженъ терять духа изъ-за бѣдственнаго положенія страны. Творить—значитъ уничтожить всякое бѣдственное положеніе, не въ дѣйствительности, а въ произведеніяхъ искусства. И если въ костяхъ нашего друга сохранилось еще мозгу, то онъ опять примется за работу". Бакунинъ: „Онъ привезъ съ собою изъ Швейцаріи много прекрасныхъ стиховъ и вернулся оттуда совсѣмъ освѣженнымъ". На это я ему отвѣтилъ, что нечего больше и желать. Такъ приблизительно мы бесѣдовали. Вы видите, такимъ образомъ, благородную распущенность Бакунина въ свободѣ разврата, которой онъ требуетъ для всякаго, не de facto, это мы знаемъ,—нѣтъ, какъ правило—и при этомъ эта любезность и гуманность! Стыдишься своего узкосердечія и однакожъ мнѣ распутство, какъ правило и пресыщенность, какъ геніальный аристократизмъ такъ противны, какъ постоянное открытое почесываніе, въ то время какъ я по-

нимаю, что иной можетъ прійти и до чесотки, тѣмъ или другимъ способомъ, безъ того чтобъ онъ былъ черезъ это свиньей по правилу.

„Однако, скажите, почему вы нападаете на моего сосѣда Ribbentrop'а? Онъ аристократъ по рожденію и по воспитанію. Онъ образованъ и сообщителенъ и гуманнѣе, чѣмъ наши здѣшніе друзья... Самымъ гуманнымъ послѣ него слѣдуетъ считать Бакунина, который только презираетъ и презрительно обращается съ тѣми людьми, съ которыми я не имѣю охоты такъ обращаться. Риббентропъ стоитъ Бодкина (Боткина В. П.) и лучше чѣмъ большая часть другихъ сосѣдей и трактирныхъ товарищей Бакунина, но Бакунинъ нашелъ *Bernays* ниже всякаго достоинства, когда онъ встрѣтилъ его въ нашемъ обществѣ, а теперь онъ его переносъ и переноситъ, когда Bernays, къ счастію, не приходитъ болѣе въ мой домъ *). Въ Дрезденѣ онъ также относился къ Dr. Köchly и Кесслеру, а съ кѣмъ онъ самъ водился? Съ Бюловымъ и барономъ Плохомъ и Дрезденской аристократіей. Народъ изучалъ онъ съ птичьяго полета...

„Но общественное значеніе нашего друга Бакунина становится мнѣ постепенно также проблематичнымъ, какъ и Ribbentrop'а. Уже протекло столько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ вздумалъ приводить въ исполненіе свои планы, что я боюсь, чтобы такимъ образомъ не протекли и остальные годы. Между тѣмъ его значеніе какъ частнаго лица довольно хорошаго свойства и какъ личность онъ очень любезенъ. Только что съ нимъ невозможно вести нѣмецкую дружбу, которая основывается болѣе на привычкѣ взаимнаго общенія чѣмъ на значеніи того или другого изъ друзей; безъ сомнѣнія, это возможно для него по отношенію къ русскимъ, но не ко мнѣ, потому что онъ, пріѣхавъ въ Дрезденъ, сблизился со мною, только благодаря тому значенію, которое онъ приписывалъ мнѣ".

17 Декабря 1844 г. Руге писалъ матери: „Несчаст-

*) Lazarus Bernays издавалъ въ Парижѣ вмѣстѣ съ Бёрнштейномъ въ 1844 г. журналъ *„Vorwärts"* (2 раза въ недѣлю), въ которомъ писали К. Марксъ и Бакунинъ.

ный Vorwärts идетъ теперь назадъ. *Bernays*, скандальнѣйшій редакторъ, приговоренъ къ 300 франковъ штрафа и 2 мѣсяцамъ тюрьмы... Собственникъ глупаго листка видитъ теперь, что онъ былъ въ дурныхъ рукахъ и проситъ меня взять его; онъ жалѣетъ, что позволилъ Марксу низкія выходки противъ меня; Бакунинъ-де также будто бы протестовалъ противъ того. Подумай: Бакунинъ, котораго я спасъ отъ Сибири (?!) и отъ всякихъ чертей большими деньгами, присоединяется за моей спиной къ этой компаніи и потомъ пробуетъ обѣлиться передо мною тѣмъ, что будто бы онъ не читалъ тѣхъ вещей, которыя онъ вмѣстѣ съ другими редактировалъ. Мнѣ не нужно увѣрять тебя, что я болѣе не вступлю въ сношенія съ этой компаніей". Дальше Руге сообщаетъ, что онъ живетъ въ далекомъ отъ Бакунина и Маркса кварталѣ и что они его оставляютъ въ покоѣ,—чему онъ радъ, такъ какъ онъ хотѣлъ бы не знать ничего объ ихъ характерѣ, или лучше ихъ безхарактерности. Однако, замѣчаетъ онъ, этотъ сортъ софистовъ и безпутниковъ (roués) необходимое явленіе въ наше распущенное, лишенное бога и еще не гуманизированное время. Il faut qu'on connaisse ça". Впрочемъ, немного спустя Руге сообщаетъ Флейшеру, что Бакунина, какъ онъ слышитъ теперь, притянули къ большому журнализму, такъ что, наконецъ, въ свои зрѣлыя лѣта начинаетъ быть дѣятельнымъ".

Вѣроятно Руге разумѣетъ сотрудничество Бакунина въ „La Réforme", о которомъ, впрочемъ, мы не имѣемъ сколько нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній.

Тотъ же Руге даетъ слѣдующую суммарную характеристику Бакунина въ этотъ періодъ времени въ своихъ воспоминаніяхъ о Михаилѣ Бакунинѣ въ „Neue Freie Presse" 1876, 28 и 29 Сентября №№ 4344 и 4345.

„Всею душею Бакунинъ предался нѣмецкому умственному движенію тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, изучивъ въ Берлинѣ не только гегелевскую философію, но и живую діалектику, эту творческую душу вселенной. Онъ посѣтилъ меня въ Дрезденѣ, гдѣ я издавалъ „Deutsche Jahrbücher", сговорился со мною относительно необходимости упраздненія абстрактной теоріи

на практикѣ и относительно предстоящей революціи. Мы тѣсно сблизились и я ему помогалъ честно, когда онъ сталъ подозрительнымъ для русской дипломатіи и, когда пребываніе его въ Дрезденѣ стало для него не безопаснымъ.

„Если бы онъ напечаталъ свою статью „Реакція въ Германіи“ въ Deutsche Jahrbücher“ не подъ псевдонимомъ Жюль Элизаръ, то онъ давно бы уже обратилъ на себя вниманіе дипломатіи, такъ какъ эта статья, наполнившая въ октябрѣ 1842 г. 20 столбцовъ, содержитъ въ себѣ весь характеръ Бакунина и дальнѣйшее развитіе его мышленія до соціалъ-демократическаго включительно. Правда, статья эта была написана такимъ философскимъ языкомъ, который не такъ-то легко могло бы раскусить русское посольство въ Дрезденѣ или въ другомъ мѣстѣ.

„Только въ научной оболочкѣ возможно было тогда писать съ тою рѣзкою діалектикою и откровенностью, съ какою молодой ученый, Бакунинъ, предвѣщалъ погибель изгнилымъ порядкамъ. Самъ цензоръ не добрался до смысла этой статьи. А между тѣмъ, когда мы ее читаемъ теперь и объясняемъ при помощи великихъ событій нашего времени, статья эта приводитъ насъ невольно въ изумленіе.

„Бакунинъ начинаетъ ее слѣдующими словами: „Свобода, реализація свободы--кто рѣшится отрицать, что это слово стоитъ теперь на первомъ планѣ исторіи? Другъ и недругъ согласятся съ этимъ, потому что обязаны это сдѣлать, еще болѣе, никто не осмѣлится въ настоящую минуту откровенно и дерзко признать себя врагомъ свободы“.—А вѣдь бакунинская „реализація свободы“ есть просто-на-просто — революція“.

„Далѣе Бакунинъ подвергаетъ анализу реакціонную партію и разбираетъ ея истинное и поверхностное отрицаніе. Вотъ что онъ говоритъ: „Демократизмъ далеко еще не состоитъ изъ одного своего аффирмативнаго богатства, но онъ черпаетъ свою жизненность въ отрицаніи позитивнаго, и вотъ почему онъ долженъ погибнуть вмѣстѣ съ позитивнымъ, для того чтобы послѣ воспрянуть изъ своего свободнаго основанія въ

совсѣмъ возрожденномъ видѣ и какъ живая полнота своего собственнаго „я“. И это превращеніе демократической партіи въ самой себѣ не будетъ однимъ только количественнымъ измѣненіемъ, т. е. не только расширеніемъ ея теперь особеннаго, а вслѣдствіе этого, дурнаго существованія—сохрани боже!—вѣдь подобнаго рода расширеніе было бы просто опошлѣніемъ цѣлаго міра и конечнымъ результатомъ всей исторіи, было бы просто-на-просто абсолютное ничтожество—о нѣтъ, это превращеніе демократической партіи будетъ качественнымъ измѣненіемъ, новымъ живымъ и оживляющимъ откровеніемъ, новымъ небомъ и новою землею, новымъ и восхитительнымъ міромъ, въ которомъ всѣ современные диссонансы сольются въ одно гармоническое цѣлое.

„Бакунинъ критикуетъ далѣе послѣдовательныхъ и посредничествующихъ позитивистовъ. „Первые будятъ, не сознавая того, что они дѣлаютъ, отрицательное отъ его филистерской дремоты, для которой оно было предназначено и призываютъ его къ исполненію его великаго предназначенія, а именно, къ упорному и безпощадному уничтоженію всего положительнаго. Отрицательное только и имѣетъ право на существованіе, какъ подобнаго рода безпощадное отрицаніе,—но какъ таковое оно имѣетъ абсолютное право на существованіе, потому что, какъ таковое, оно есть дѣйствіе современнаго практическаго духа, невидимаго даже въ противопоставленіи духа, который посредствомъ этой бури уничтоженія могущественно побуждаетъ грѣшныя, стоящія на полъ-дороги души къ покаянію и возвѣщаетъ свое близкое пришествіе, свое близкое откровеніе въ истинно демократической и всемірно-человѣческой церкви свободы“.

„Гдѣ былъ красный карандашъ г-на профессора Ваксмута, когда онъ пропустилъ эти мѣста? Но Бакунинъ заходитъ еще далѣе въ своемъ апокалипсическомъ тонѣ и говоритъ (при чемъ онъ здѣсь уже высказываетъ свою послѣднюю точку зрѣнія): „Народъ, бѣдный классъ, который уже, безъ сомнѣнія, представляетъ большинство человѣчества, классъ, права котораго уже признаны теоретически, но который до

сихъ поръ по своему рожденію, по условіямъ своей жизни, осужденъ на неимущее состояніе, на невѣжество и вмѣстѣ съ этимъ и на фактическое рабство; этотъ классъ, который собственно и есть настоящій народъ, принимаетъ вездѣ угрожающее положеніе, начинаетъ считать ряды своихъ враговъ, слабые по сравненію съ нимъ, и требовать практическаго приложенія своихъ правъ, уже признанныхъ всѣми за нимъ. Всѣ народы и люди уже исполнены извѣстнымъ предчувствіемъ, и всякій, чьи только жизненные органы не парализованы, смотритъ съ трепетнымъ ожиданіемъ на встрѣчу приближающейся будущности, которая произнесетъ слово освобожденія. Даже въ Россіи, въ этомъ безконечномъ, покрытомъ снѣгомъ царствѣ, которое мы такъ мало знаемъ и которому, можетъ быть, предстоитъ великая будущность, — даже въ Россіи собираются тяжелыя, грозу предвѣщающія тучи! О, воздухъ душенъ, онъ носитъ въ себѣ бури"!

„Мало сказать, что Бакунинъ имѣлъ нѣмецкое образованіе: онъ былъ также въ состояніи философски намылить голову нѣмецкимъ философамъ и политикамъ и предсказать будущность, которую они добровольно или нѣтъ вызвали... Я привелъ въ доказательство этого нѣкоторыя мѣста изъ замѣчательной маленькой статьи. Она заслуживаетъ быть цѣликомъ заново прочтенной и меня не удивляетъ, что нѣкоторые посвященные, которымъ не чужды елевзинскія таинства безсмертной логики грековъ и нѣмцевъ, вспоминаютъ пророческія мѣткія слова Жюля Елизара изъ „Deutche Jahrbücher" за послѣднія ихъ недѣли.

„Въ Дрезденѣ Бакунинъ попалъ въ натянутыя отношенія со своимъ петербургскимъ начальствомъ по иному поводу, чѣмъ участіе въ „Jahrbücher".

„Георгъ Гервегъ заѣхалъ во время своего путешествія къ намъ, а такъ какъ Бакунинъ имѣлъ просторную и удобную квартиру, то я помѣстилъ у него Гервега. За это гостепріимство Бакунинъ навлекъ на себя такое подозрѣніе, что мы стали бояться за его безопасность въ Саксоніи. Мы отправили нашего друга, какъ можно скорѣе, въ Цюрихъ, при чемъ я былъ недоволенъ на русскихъ, что они придавали больше зна-

ченія его невинному гостепріимству, по отношенію къ молодому поэту, чѣмъ его отношеніямъ со мною и открытому манифесту противъ „нѣмецкой реакціи“, которой гибель онъ предсказалъ безъ обиняковъ и изложилъ какъ историческую необходимость. Онъ даже имѣлъ обыкновеніе, совершенно открыто, на Дрезденской променадѣ, гдѣ какъ говаривалъ онъ: „было начало Россіи и граница Германіи“,—пѣть мнѣ вечеромъ при разставаньи припѣвъ изъ „Гугенотовъ“:

Въ правую руку взялъ онъ саблю
И храбро устремился на бой;
Да здравствуетъ старикъ Колиньи!

Этимъ онъ хотѣлъ намекнуть намъ, чѣмъ это все кончится.

„Послѣ его отъѣзда изъ Дрездена стало извѣстно, что онъ и въ экономическихъ дѣлахъ слишкомъ сильно принималъ въ разсчетъ отрицательныя величины, и я самъ очутился между тѣми филистерами, которымъ пришлось вѣдаться съ этими разсчетами. Его семья оставила его на мели непростительнымъ образомъ и онъ долженъ былъ бѣгать не только отъ русскихъ, но и отъ маннихеевъ, какъ говорили студенты. Такая негативность въ столь существенномъ пунктѣ отчуждала меня отъ него, и когда его отецъ не уплатилъ въ срокъ, который назначилъ мнѣ сынъ, то я сдѣлалъ открытіе, что я съ моимъ братаньемъ остался въ дуракахъ. Но у меня это дурное настроеніе не долго держалось, и когда я опять встрѣтилъ Бакунина въ Парижѣ, послѣ того какъ провалилось „Jahrbücher“, то мы поддерживали знакомство, при чемъ не упоминалось рѣшительно о прежнихъ экономическихъ отношеніяхъ.

„Но за то, въ то время въ Парижѣ вопросъ экономическій былъ главной теоретической зацѣпкой и обсуждались всѣ формы соціализма. При этомъ я разошелся съ Марксомъ, а Бакунинъ присталъ къ нему и коммунистамъ; но когда я однажды встрѣтилъ его на улицѣ Риволи и потребовалъ отъ него объясненія, то онъ не только отрицалъ это, но даже заявилъ свое твердое убѣжденіе въ томъ, что революція наступитъ

только политическая, а никакъ не соціальная,—вѣдь коммунизмъ просто на просто есть логическая невозможность. Я познакомилъ его съ Жоржъ Сандъ, Шопеномъ и Ламеннэ, но видѣлся съ нимъ рѣже, чѣмъ въ Дрезденѣ, гдѣ мы съ нимъ ежедневно встрѣчались въ музеѣ или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ".

Въ 1847 г. Герценъ пріѣхалъ въ Парижъ и встрѣтился тамъ съ Бакунинымъ. Въ запискахъ Герцена (Былое и Думы) мало, впрочемъ, говорится объ отношеніяхъ между ними въ это время.

Первую свою встрѣчу съ Бакунинымъ въ Парижѣ Герценъ описываетъ такъ:

„*Въ Парижѣ*"! — едва ли въ этомъ словѣ звучало для меня меньше, чѣмъ въ словѣ „Москва". Объ этой минутѣ я мечталъ съ дѣтства... Я одѣлся и пошелъ бродить зря... искать Бакунина, Сазонова; — вотъ rue St. Honoré, Елисейскія поля—всѣ эти имена, сроднившіяся съ давнихъ лѣтъ... да вотъ и самъ Бакунинъ.

„Его я встрѣтилъ на углу какой то улицы; онъ шелъ съ тремя знакомыми, и точно въ Москвѣ проповѣдывалъ имъ что то, безпрестанно останавливаясь и махая сигареткой. На этотъ разъ проповѣдь осталась безъ заключенія; я ее прервалъ и пошелъ вмѣстѣ съ ними удивлять Сазонова моимъ пріѣздомъ". (Сочиненія VII, 218—219).

Въ другомъ мѣстѣ Герценъ вспоминаетъ о Бакунинѣ, говоря о Прудонѣ: „Я встрѣчалъ его (Прудона) раза два у Бакунина, съ которымъ онъ былъ очень близокъ. Бакунинъ жилъ тогда съ А. Рейхелемъ (музыкантъ, женившійся послѣ на дѣвицѣ Эрнъ, пріѣхавшей изъ Россіи съ Герценами) въ чрезвычайно скромной квартирѣ за Сеной, въ rue de Bourgogne. Прудонъ часто приходилъ туда слушать Рейхелева Бетховена и Бакунинскаго Гегеля, — философскіе споры длились дольше симфоній. Они напоминали знаменитыя восточныя бдѣнія Бакунина съ Хомяковымъ у Чаадаева, у Елагиной, о томъ же Гегелѣ. Въ 1847 году Карлъ Фогтъ, жившій тоже въ rue de Bourgogne и тоже часто посѣщавшій Рейхеля и Бакунина, наскучивъ какъ то вечеромъ слушать безконечные толки о феноменологіи, отправился спать. На другой день утромъ онъ зашелъ

за Рейхелемъ; имъ обоимъ надобно было идти къ Jardin des Plantes; его удивилъ, не смотря на ранній часъ, разговоръ въ кабинетѣ Бакунина: онъ пріотворилъ дверь,—Прудонъ и Бакунинъ сидѣли на тѣхъ же мѣстахъ передъ потухшимъ каминомъ и оканчивали въ краткихъ словахъ начатый вчера споръ". (Сочиненія, IX, 52).

Не смотря на горячность первыхъ встрѣчъ, вскорѣ обнаружились разногласія между Герценомъ и Сазоновымъ и отчасти и Бакунинымъ. Вотъ что находимъ мы у Герцена въ разсказѣ о Сазоновѣ, котораго можно назвать первымъ русскимъ эмигрантомъ, изъ за политическихъ идей, послѣ Н. И. Тургенева:

„Послѣ первыхъ шумныхъ дней въ Парижѣ начались больше серьезные разговоры, причемъ сейчасъ обнаружилось, что мы (на)строены не по одному ключу. Сазоновъ и Бакунинъ были недовольны (какъ впослѣдствіи Высоцкій и члены польской централизаціи), что новости, мною привезенныя, больше относились къ литературному и университетскому міру, чѣмъ къ политическимъ сферамъ. Они ждали разсказовъ о партіяхъ, обществахъ, о министерскихъ кризисахъ (при Николаѣ!), объ оппозиціи (въ 1847 г.!), а я имъ говорилъ о каѳедрахъ, о публичныхъ лекціяхъ Грановскаго, о статьяхъ Бѣлинскаго, о настроеніи студентовъ и даже семинаристовъ. Они слишкомъ разобщились съ русской жизнью и слишкомъ вошли въ интересы „всемірной" революціи и французскихъ вопросовъ, чтобы помнить, что у насъ появленіе „Мертвыхъ душъ" было важнѣе назначенія двухъ Паскевичей фельдмаршалами и двухъ Филаретовъ митрополитами. Безъ правильныхъ сообщеній, безъ русскихъ книгъ и журналовъ, они относились къ Россіи какъ то теоретически и по памяти, придающей искусственное освѣщеніе всякой дали". (Сочиненія А. И. Герцена, IX, 114).

Съ Сазоновымъ это разногласіе чуть не довело Герцена до размолвки. Случилось это послѣ прощанія съ Бѣлинскимъ, который возвращался въ Россію и по наблюденіямъ друзей не долженъ былъ долго жить.

— „Жаль, замѣтилъ Сазоновъ, что Бѣлинскому не

было другой дѣятельности, кромѣ журнальной работы, да еще работы подцензурной.

— Кажется, трудно упрекать именно его, что онъ мало сдѣлалъ, отвѣтилъ я — (разсказываетъ Герценъ).

— Ну, съ такими силами, какъ у него, онъ при другихъ обстоятельствахъ и на другомъ поприщѣ побольше бы сдѣлалъ...

„Мнѣ было досадно и больно. „Да скажите, пожалуйста, ну вы, живущіе безъ цензуры, вы, полные вѣры въ себя, полные силъ и талантовъ, что же вы сдѣлали? (Множественное число, употребляемое здѣсь Герценомъ, показываетъ, что онъ говорилъ не объ одномъ Сазоновѣ, но и о Бакунинѣ, хотя, конечно, больше о первомъ). Неужели вы воображаете, что ходить съ утра изъ одной части Парижа въ другую, чтобъ еще разъ переговорить съ Служальскимъ и Хоткевичемъ о границахъ Польши и Россіи, — дѣло? Или что ваши бесѣды въ кафе и дома, гдѣ пять дураковъ слушаютъ васъ и ничего не понимаютъ, а другіе ничего не понимаютъ и говорятъ,—дѣло?

— „Постой, постой, говорилъ Сазоновъ уже очень неравнодушно, ты забываешь наше положеніе.

— Какое положеніе? Вы живете здѣсь годы, на волѣ, безъ гнетущей крайности, — чего же вамъ еще? Положенія создаются, силы заставляютъ себя признать, втѣсняютъ себя. Полноте, господа, одна критическая статья Бѣлинскаго полезнѣе для новаго поколѣнія, чѣмъ игра въ конспираціи и въ государственныхъ людей. Вы живете въ какомъ-то бреду и лунатизмѣ, въ вѣчномъ оптическомъ обманѣ, которымъ сами себѣ отводите глаза...

„Меня особенно, продолжаетъ Герценъ, сердили тогда двѣ мѣры, которыя прилагали не только Сазоновъ, но и вообще русскіе къ оцѣнкѣ людей. Строгость, обращенная на своихъ, превращалась въ культъ и поклоненіе передъ французскими знаменитостями...

„Каюсь, что я сначала былъ увлеченъ и думалъ, что поговорить въ кафе съ историкомъ „десяти лѣтъ“ или у Бакунина съ Прудономъ, нѣкоторымъ образомъ чинъ, повышеніе; но у меня всѣ опыты идолопоклон-

ства и кумировъ не держатся и очень скоро уступаютъ мѣсто полнѣйшему отрицанію.

„Мѣсяца черезъ три послѣ моего пріѣзда въ Парижъ я началъ крѣпко нападать на это *чинопочитаніе* и именно въ пущій разгаръ моей оппозиціи случился споръ по поводу Бѣлинскаго. Бакунинъ съ обыкновеннымъ добродушіемъ своимъ хохоталъ, но Сазоновъ надулся и продолжалъ считать меня профаномъ въ практически-политическихъ вопросахъ". (Сочиненія, IX, 114—118).

Изъ вышеприведенныхъ словъ видно, что парижская жизнь Сазонова и Бакунина представлялась Герцену безплодною, да и была таковою въ значительной степени. Она должна была усилить въ Бакунинѣ абстрактное отношеніе къ дѣйствительности, особенно русской, а кромѣ того такая жизнь втягивала въ себя и отучала отъ работы русскую натуру и безъ того мало привычную къ систематичному труду. Лично Бакунинъ за семь лѣтъ пребыванія его за границей, съ 1840 до конца 1847 г., едва написалъ съ пятокъ газетныхъ статей и, отбившись отъ литературнаго труда, къ которому онъ было присталъ въ 1836—1839 гг., попалъ совершенно въ положеніе *деклассированнаго*, *безпрофессіональнаго* человѣка. Онъ сталъ родоначальникомъ тѣхъ русскихъ людей, которые въ политическихъ процессахъ въ 70—80-е годы на вопросъ: чѣмъ занимаетесь?— отвѣчали: „революціонными дѣлами", — и внѣ этихъ дѣлъ дѣйствительно ничѣмъ не способны были заниматься.

Бакунинъ имѣлъ преимущественную симпатію къ такимъ безпрофессіональнымъ людямъ и считалъ ихъ солью земли, особенно подающею надежды. Въ одномъ изъ писемъ своихъ объ Италіи въ 1872 г., къ одному испанцу, онъ говоритъ: „Италія съ Испаніей есть, можетъ быть, самая революціонная страна. Въ Италіи есть то, чего не достаетъ другимъ странамъ: молодежь горячая, энергическая, совершенно безмѣстная (deplacée), безъ видовъ на карьеру, безъ выхода (sans carrière, sans issue), которая, не смотря на свое буржуазное происхожденіе, не истощена морально и интелектуально, какъ буржуазная молодежь другихъ странъ. Теперь

она бросается внизъ головою (a tête perdue) въ революціонный соціализмъ"... (L'Alliance de la Démocratie Socialiste et l'Association Internationale des Travailleurs. Rapport et documents, publiés par ordre du Congrés International de la Haye. Londres et Hambourg, chez Otto Meissner, 1873, 136).

Питая преимущественную симпатію къ такого рода деклассированнымъ людямъ, Бакунинъ смотрѣлъ скептически даже на рабочихъ спеціализированныхъ. Въ книжкѣ „Государственность и анархія" (ч. I, 8) онъ пишетъ: „Да, можетъ быть, нигдѣ такъ не близка соціальная революція, какъ въ Италіи... Въ Италіи не существуетъ, какъ во многихъ другихъ странахъ Европы, особаго рабочаго слоя, уже отчасти привиллегированнаго, благодаря значительному заработку, хвастающагося даже въ нѣкоторой степени литературнымъ образованіемъ и до того проникнутаго буржуазными началами, стремленіями и тщеславіемъ, что принадлежащій къ нему рабочій людъ отличается отъ буржуазнаго люда только положеніемъ, отнюдь же не направленіемъ... Въ Италіи преобладаетъ тотъ нищенскій пролетаріатъ, о которомъ гг. Марксъ и Энгельсъ, а за ними и вся школа соціальныхъ демократовъ Германіи, отзываются съ глубочайшимъ презрѣніемъ и совершенно напрасно, потому что въ немъ, и только въ немъ, отнюдь же не въ вышеозначенномъ буржуазномъ слоѣ рабочей массы, заключается и весь умъ, и вся сила будущей соціальной революціи" [1]).

Такимъ образомъ, на Западѣ Бакунинъ вѣровалъ преимущественно въ *голытьбу*, выражаясь казацкимъ терминомъ,—обязательную голытьбу въ плебеѣ и буржуазіи. О Россіи тоже писалъ Бакунинъ въ 1869 г.: „я вѣрю единственно въ міръ мужицкій и грамотный

---

[1]) Нечего много распространяться о томъ, что надежды Бакунина на Италію не оправдались: если тамъ и произошло,—далеко позже, чѣмъ ждалъ Бакунинъ, нѣсколько крестьянскихъ бунтовъ, то они не сдѣлались общенародною революціей, соціалисты же итальянскіе и между ними непосредственные друзья Бакунина, бывшіе анархисты, обратились къ организаціи городскихъ рабочихъ, на манеръ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, и къ парламентской дѣятельности.

міръ безпардонныхъ юношей, не находящихъ себѣ ни мѣста, ни возможности занятія въ Россіи,—этой сорокатысячной (?!) фаланги сознательно или безсознательно, т. е. по положенію, принадлежащихъ революціи". (См. дальше, письмо № LIII).

Какъ ни парадоксальнымъ можетъ показаться наше замѣчаніе, а мы скажемъ, что эта вѣра Бакунина въ „безпардонные" элементы населенія, составляетъ основу, на которой выростала и вѣра Бакунина въ конспираціи и въ диктатуры. Отворачиваясь отъ элементовъ профессіональныхъ, съ извѣстнымъ образованіемъ, энергическій человѣкъ отстаетъ отъ довѣрія къ органическому ходу прогресса, по необходимости медленному, и начинаетъ вѣровать въ катастрофы, а за тѣмъ и диктатуры кружковъ и лицъ, которыхъ катастрофы могутъ вывести на авансцену и которые сами могутъ вызвать эти катастрофы.

Къ тому же, деклассированные юноши естественно представляются такому человѣку своего рода преторіанцами и бюрократіей революціи. На такой основѣ у Бакунина въ его сибирскій періодъ жизни могла выростать, рядомъ съ вѣрой въ крестьянскій топоръ, вѣра въ диктаторовъ, въ родѣ Муравьева Амурскаго, предпочтеніе генерала Игнатьева всякимъ литераторамъ, послѣ симпатіи къ Нечаеву, вѣра въ возможность разрушить государство—Россію—чрезъ конспирацію кружка подобныхъ людей и т. п.

Совершенно въ соотвѣтствіи этой вѣры Бакунина въ диктатуру исключительныхъ личностей идетъ его вѣра и въ разбойниковъ среди „мужицкаго міра". Въ письмахъ своихъ, послѣ неисполненія надеждъ на мужицкое возстаніе въ 1863 г., Бакунинъ относится довольно скептически къ массѣ народа, усматривая въ ней косность. Въ книжкѣ „Государственность и анархія" (Прибавл. А, 10, 15) онъ указываетъ „три черты, затемняющія народную массу: 1) патріархальность, 2) поглощеніе лица міромъ, 3) вѣра въ царя", и говоритъ дальше: „есть въ русскомъ народѣ лица, смѣющія идти противъ міра: это разбойникъ. Вотъ почему разбой составляетъ важное историческое явленіе въ Россіи,—

первые революціонеры Россіи, Пугачевъ и Стенька Разинъ были разбойники". (См. дальше, прокламацію).

Конечно, всѣ такія черты характера и идеи Бакунина достигли своего полнаго развитія съ теченіемъ времени, но основы имъ, очевидно, положены были во время его парижской жизни, когда онъ оторвался отъ русской дѣйствительности и вмѣстѣ отъ всякаго правильнаго труда.

29 Ноября 1847 г. Бакунинъ произнесъ въ Парижѣ рѣчь на банкетѣ въ 17 годовщину польскаго возстанія 1830 г., въ которой указывалъ на возможность примиренія поляковъ и русскихъ въ общей революціи противъ деспотизма Николая I,—революціи, которую Бакунинъ считалъ близкой. Въ концѣ рѣчи Бакунинъ заявилъ, что такое русско-польское примиреніе будетъ и „освобожденіе всѣхъ славянскихъ народовъ, которые стонутъ подъ игомъ иностраннымъ". (Полный текстъ рѣчи см. въ приложеніи). Это первое извѣстное проявленіе славянскихъ интересовъ у Бакунина. Въ 1861 г. Бакунинъ писалъ Герцену и Огареву изъ С. Франциско: „буду служить у васъ по Польско-Славянскому вопросу, который былъ моей idée fixe съ 1846 и моей практической спеціальностью въ 48 и 49 годахъ". (См. дальше, письмо № IV). Между тѣмъ, какъ объ этомъ мы скажемъ и дальше, генеза этой идеи у Бакунина и до сихъ поръ представляется не ясною.

Послѣдствіемъ упомянутой рѣчи была высылка Бакунина изъ Франціи, по просьбѣ русскаго посла Киселева. Бакунинъ выѣхалъ въ Бельгію,—откуда писалъ между прочимъ Анненкову отъ 28 Дек. 1847 г. изъ Брюселя:

...„Изъ поляковъ видѣлъ я Лелевеля, Скржнецкаго, графа Тишкевича и еще двухъ, которыхъ и называть не стоитъ. Исключая Лелевеля, съ которымъ я знакомъ уже съ давнихъ лѣтъ, всѣ другіе мнѣ какъ-то не симпатичны; они составляютъ особенную партію подъ предводительствомъ Тишкевича и довели мелкую ненависть и сплетни, эту общую болѣзнь всѣхъ эмиграцій, особливо польской, до высшей степени развитія. И не смотря на это, я, вѣроятно, скоро долженъ буду снова ораторствовать; покамѣсть не говорите объ этомъ, кромѣ Тур-

генева, никому; я боюсь, чтобъ черезъ Сазонова не узнали объ этомъ славянщики, а дѣло еще не совсѣмъ рѣшено. Можетъ статься, что меня и отсюда также прогонятъ,—пусть себѣ гонятъ, и я буду тѣмъ смѣлѣе, чутче и мѣтче говорить. Вся жизнь моя опредѣлялась до сихъ поръ почти невольными изгибами, независимо отъ моихъ собственныхъ предположеній; куда она меня поведетъ—богъ знаетъ! Чувствую только, что возвратиться назадъ я не могу, и что никогда не измѣню своимъ убѣжденіямъ. Въ этомъ вся моя сила и все мое достоинство; въ этомъ также вся дѣйствительность и вся истина моей жизни: въ этомъ моя вѣра и мой долгъ, а до остальнаго мнѣ дѣла нѣтъ: будетъ, какъ будетъ. Вотъ вамъ вся моя исповѣдь, Анненковъ. Во всемъ этомъ много мистицизма—скажете вы,—да кто же не мистикъ? Можетъ ли быть капля жизни безъ мистицизма? Жизнь только тамъ, гдѣ есть строгій, безграничный и потому и нѣсколько неопредѣленный мистическій горизонтъ; право, мы всѣ почти ничего не знаемъ, живемъ въ живой сферѣ, окруженные чудесами, силами жизни, и каждый ихъ шагъ можетъ ихъ вызвать наружу безъ нашего вѣдома и часто даже независимо отъ нашей воли.

„Пріемъ, сдѣланный мнѣ поляками, наложилъ на меня огромную обязанность, но вмѣстѣ показалъ и далъ мнѣ возможность дѣйствовать. Я знаю, милый Анненковъ, что вы относитесь ко всему этому нѣсколько скептически, и вы съ своей стороны правы; и я также переношусь иногда на вашу точку зрѣнія, но чтожъ дѣлать! Природѣ не измѣнишь. Вы—скептикъ, я—вѣрующій; у каждаго изъ насъ свое дѣло, но въ сущности мы всегда будемъ другъ съ другомъ симпатизировать, потому что, не смотря на всѣ различія, дѣло наше—одно.

„Маркесъ treibt hier dieselbe eitle Wirtschaft wie vorher, портитъ работниковъ, дѣлая изъ нихъ резонеровъ. То же самое теоретическое сумасшествіе и неудовлетворенное, недовольное собою самодовольствіе. Видѣли ли Хоткевича? Онъ, кажется, на пути измѣнить славянскому дѣлу.

Въ письмѣ этомъ особенно важно упоминаніе о ка-

кихъ-то *славянщикахъ* въ Парижѣ. Сопоставивъ это выраженіе со словами Бакунина о Хоткевичѣ, можно думать, что это былъ болѣе или менѣе спеціализированный кружокъ. Онъ не могъ состоять изъ русскихъ, такъ какъ послѣднихъ въ Парижѣ тогда было немного, да и тѣ, какіе были, не отличались интересомъ къ славянству. Скорѣе всего это должны были быть поляки. О славянствѣ въ 40-е годы говорилъ въ Парижѣ Мицкевичъ въ своихъ лекціяхъ въ Collège de France, но говорилъ въ такомъ католическо-польскомъ духѣ, что врядъ ли могъ оказать вліяніе на Бакунина. Изъ дневника Герцена можно видѣть, какъ могъ относиться человѣкъ его круга къ идеямъ Мицкевича: „12 Февр. 1844. Лекціи Мицкевича въ Collége de France 1840—1842. Мицкевичъ славянофилъ, въ родѣ Хомякова и К°, съ тою разницею, что онъ полякъ, а не москаль, живетъ въ Европѣ, а не въ Москвѣ, толкуетъ не объ одной Руси, но и о чехахъ, иллирахъ и пр. и пр.“. (Сочиненія. I, 171). Если судить по статьѣ Jana Alegeto „*Stanowisko Polski w Słowiańszczyźnie*“, въ органъ польской демократической эмиграціи, выходившемъ въ Парижѣ „*Pamiętnik Demokratyczny*“ (1843, № 3), то трудно предположить, чтобъ на идеи Бакунина могли имѣть вліяніе и польскіе демократы въ Парижѣ, такъ какъ альфа и омега названной статьи—Польша, а объ освобожденіи и Россіи въ ней нѣтъ и слова.

Скорѣе всего подходило бы къ идеямъ Бакунина ученіе Лелевеля о демократической общинности (gminowładstwo), какъ первоначальной основѣ славянской жизни передъ установленіемъ въ Польшѣ шляхетства (możnowładstwo). Но объ отношеніяхъ между Лелевелемъ и Бакунинымъ мало извѣстно. Самъ Бакунинъ въ вышеприведенныхъ словахъ письма къ Анненкову только упоминаетъ, что встрѣчался съ Лелевелемъ и раньше пріѣзда въ Брюссель въ 1847 г. Въ книгѣ іезуитскаго священника Заленскаго „Geneza i rozwój nihilizmu w Rossyi (Kraków, 1892, 2 wyd. 41, примѣч.) находимъ такое показаніе о Бакунинѣ: „передъ 1848 г. онъ бросился съ горячкой на основаніе *лиги славянской*, втянулъ въ эту работу Лелевеля“.

Къ сожалѣнію, и на краткое сообщеніе нельзя по-

ложиться, такъ какъ книга г. Заленскаго написана безъ всякой критики, со множествомъ ошибокъ и анахронизмовъ. Впрочемъ, существованіе нѣкотораго общаго грунта идей между Лелевелемъ и Бакунинымъ несомнѣнно, основаніе, или замыслъ основанія Бакунинымъ *лиги славянской* не невѣроятенъ,—но во всякомъ случаѣ интересно, что Бакунинъ въ концѣ 1847 г. боится, чтобъ парижскіе *славянщики* не узнали о его будущей рѣчи въ Брюсселѣ.

Провозглашеніе республики во Франціи, вслѣдствіе революціи 24 Февраля 1848, вновь открыло Бакунину двери Франціи. Онъ явился опять въ Парижѣ, но пробылъ тамъ не долго. Герценъ, возвратившись въ Парижъ изъ Италіи, уже не засталъ Бакунина, разсказываетъ объ этомъ парижскомъ пребываніи такъ:

„Первые дни послѣ Февральской революціи были лучшими днями жизни Бакунина. Возвратившись изъ Бельгіи, куда его вытурилъ Гизо за его рѣчь на Польской годовщинѣ 29 Ноября 1847, онъ съ головой нырнулъ во всѣ тяжкія революціоннаго моря. Онъ не выходилъ изъ казармъ Монтаньяровъ, ночевалъ у нихъ, ѣлъ съ ними и проповѣдывалъ, все проповѣдывалъ коммунизмъ et l'égalité du salaire, нивеллированіе во имя равенства, освобожденіе всѣхъ славянъ, уничтоженіе всѣхъ Австрій, революцію en permanence ,войну до избіенія послѣдняго врага. Префектъ съ баррикадъ, дѣлавшій „порядокъ изъ безпорядка“, Косидьеръ, не зналъ, какъ выжить дорогого проповѣдника и придумалъ съ Флокономъ отправить его въ самомъ дѣлѣ къ Славянамъ съ братской акколадой и увѣренностью, что онъ тамъ себѣ сломитъ шею и мѣшать не будетъ. „Quel homme! Quel homme! говорилъ Косидьеръ о Бакунинѣ: „въ первый день революціи это просто кладъ; а на другой день его надобно разстрѣлять“.

„Скажите Косидьеру, говорилъ я шутя его пріятелямъ: что тѣмъ то Б. и отличается отъ него, что и Косидьеръ славный человѣкъ, но что его лучше бы разстрѣлять *наканунѣ* революціи. Въ послѣдствіи въ Лондонѣ въ 1854 г., я ему упомянулъ объ этомъ. Префектъ въ изгнаніи только ударилъ огромнымъ кулакомъ своимъ въ молодецкую грудь съ той силой, съ которой вби-

ваютъ сваи въ землю, и говорилъ: „Здѣсь ношу Бакунина, здѣсь“. (Сборникъ посмертныхъ сочиненій, стр. 194—195).

Изъ этого разсказа Герцена важно было бы провѣрить показаніе, что именно Косидьеръ и Флоконъ (членъ временнаго правительства) придумали послать Бакунина въ славянскія земли. Головинъ сообщаетъ, что Бакунинъ жилъ въ 1848 г. въ Парижѣ у „Рейхеля, саксонца-музыканта,—и предводилъ большою манифестаціей рабочихъ, которая протестовала противъ національной гвардіи (bonnets á poils). Флоконъ, который прежде сотрудничалъ въ „Réforme“ и теперь былъ министромъ публичныхъ работъ, говорилъ-де, что Франціей невозможно было бы управлять, если бы въ ней было 300 Бакунинныхъ. Онъ далъ-де Бакунину 3000 франковъ, французскій паспортъ и порученіе революціонировать Германію“. Руге, въ воспоминаніяхъ, изъ которыхъ мы приведемъ выдержку, говоритъ, что Бакунинъ выѣхалъ изъ Парижа для агитаціи въ Россіи *).

Тотчасъ послѣ этого выѣзда изъ Парижа Бакунинъ написалъ, 17 Апр. 1848 г., слѣдующее письмо Анненкову изъ Кельна:

„Любезный другъ Анненковъ, я такъ спѣшилъ и забѣгался въ послѣдній день въ Парижѣ, что не успѣлъ даже проститься съ вами и съ Тургеневымъ. Вы не можете себѣ вообразить, какъ мнѣ это было грустно, но въ послѣднее время я былъ какъ сумасшедшій, не могъ ни прійти въ себя, ни вздохнуть свободно; только здѣсь въ Германіи и, еще опредѣленнѣе, здѣсь только въ Кёльнѣ опомнился. Во Франкфуртѣ я все еще былъ какъ въ лихорадкѣ; здѣсь лихорадка невозможна, потому что, не смотря на все мнимое, кажущееся движеніе, здѣсь царствуетъ филистерское спокойствіе. Странная вещь! Большая часть Германіи въ безпорядкѣ, но безъ собственной революціи, что не мѣшаетъ нѣмцамъ говорить, запивая рейнвейномъ: „innerer Revolution“. Впрочемъ, въ Берлинѣ, говорятъ, живѣе, а въ

*) Въ „Neue Fr. Presse“ Руге ставитъ въ ковычкахъ слова: „чтобы направиться на русскую границу, и сдѣлать что-нибудь для русской революціи“, какъ-будто слова самого Бакунина.

Баденъ-Баденѣ, безъ всякаго сомнѣнія, уже дерутся. Отсутствіе всякой централизаціи теперь ощутительнѣе чѣмъ когда нибудь. Въ Ахенѣ (6 часовъ ѣзды отъ Кельна) вотъ уже два дня какъ работники отчаянно дерутся противъ bourgeoisie, а здѣсь мертвое спокойствіе; правда, что клубовъ и здѣсь много, гдѣ нѣмецъ съ гордостью пользуется безопасностью слова,—но революціи здѣсь рѣшительно нѣтъ. Во Франкфуртѣ было гораздо живѣе и опять будетъ живо въ Маѣ мѣсяцѣ, когда соберутся депутаты со всѣхъ странъ Германіи. Я познакомился тамъ, по крайней мѣрѣ, съ пятидесятью живыми, энергичными и вліятельными демократами и подружился особенно съ тремя: съ Jakobi изъ Кёнигсберга, съ графомъ Рейхенбахъ изъ Силезіи и съ отставнымъ поручикомъ артиллеріи Willich, выгнанномъ изъ прусской службы за разпространеніе коммунистическихъ мыслей. Послѣднему ввѣренно теперь начальство надъ соединенною революціонною арміей баденскихъ крестьянъ и нѣмецкихъ выходцевъ изъ Парижа и Швейцаріи; тамъ и нашъ другъ Гервегъ теперь дѣйствуетъ; объ немъ я ничего не слышалъ... Бѣда, если имъ не удастся, потому что реакція хотя и сломана, но обломки ея еще являются вездѣ и грозятъ безпрестанно; теперь сильны не короли и князья, но bourgeoisie, которая отчаянно отвергаетъ республику, какъ ведущую за собою соціальные вопросы и торжество демократіи. Впрочемъ, республика въ Германіи неминуема: старая власть рушится, вездѣ лишена инициативы; анархія безъ революціи—вотъ положеніе Германіи, и только республика можетъ стать на мѣсто убитаго и бруланнаго Германскаго союза и дать единство, этотъ идеалъ всякаго нѣмца, Германіи. „Deutsche Einheit“—вы не можете себѣ вообразить, сколько глупостей наговорено уже на эту тему. Въ продолженіе этихъ четырнадцати дней нѣмецъ много говорилъ и хочетъ, чтобъ все, что онъ говоритъ, было напечатано. Что живо въ Германіи, это начинающійся двигаться пролетаріатъ и крестьянское сословіе; здѣсь будетъ еще революція страшная, настоящій потокъ взрывовъ; потокъ этотъ смоетъ съ лица земли развалины стараго міра, и тогда доброму, говорливому Bürger'у будетъ

плохо, очень плохо. Симптомы этой революціи уже вездѣ показываются: денегъ мало, покупателей еще менѣе, фабрики останавливаютъ работы, и работники безъ работы съ каждымъ днемъ умножаются. Демократическая революція начнется здѣсь не позже двухъ или трехъ мѣсяцевъ; теперь предводители ея организуютъ мало по малу свои силы и стараются ввести единство въ революціонное движеніе цѣлой Германіи; есть умные, дѣльные люди, и они дѣйствуютъ хорошо. Филистеръ же теперь занимается тремя вещами: во-первыхъ, онъ готовится къ выборамъ въ германскій парламентъ, который долженъ открыться 1-го Мая во Франкфуртѣ и долженъ рѣшить, какую форму правленія будетъ имѣть Германія: „Republik oder Monarchie“; во вторыхъ, принимаетъ всѣ возможныя мѣры противъ народа, вооружается со страхомъ пополамъ, и въ третьихъ, высылаетъ молодыхъ людей противъ Даніи для спасенія нѣмецкихъ братьевъ in Schleswig und Holstein; это Schleswig-Holstein'ское движеніе совершенно реакціонное; во главѣ его Прусскій король: „Es soll bewiesen werden, das die Könige auch für die deutsche Herrlichkeit und für die Würde der deutschen grossen Nation sorgen!“ И странная вещь! Нѣмецъ объявляетъ Шлезвигъ нѣмецкою землею, не смотря на то, что половина народонаселенія тамъ состоитъ изъ датчанъ; и въ Позенѣ, гдѣ нѣмецъ поселился насильственно, всякою неправдой и всѣми подлыми средствами, филистеръ не хочетъ признать.... права поляковъ. Вообще позенскіе нѣмцы ведутъ себя самымъ подлымъ образомъ, что вамъ впрочемъ должно быть извѣстно изъ газетъ; для насъ это хорошо.

„Теперь нѣсколько словъ обо мнѣ: я сижу здѣсь пять дней въ ожиданіи своихъ вещей изъ Брюсселя,— но вещи не пришли и сегодня вечеромъ отправлюсь въ Берлинъ. Въ Берлинѣ пробуду не болѣе двухъ дней и оттуда прямо въ Позенъ. Сказать ли вамъ, Анненковъ: чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ становится мнѣ грустнѣе и страшнѣе“.....

(Конецъ письма не сохранился).

Письмо это важно для общей харастеристики Бакунина, какъ примѣръ его вѣры въ ближайшее наступленіе народной революціи,—примѣръ приниманія „второго мѣсяца беременности за девятый“, говоря словами Герцена. Эта вѣра поколебалась у Бакунина только послѣ его покушенія установить революціонную коммуну въ Ліонѣ въ 1870 г. Но спеціально для разъясненія вопроса, куда именно и съ какими цѣлями выѣхалъ Бакунинъ изъ Франціи въ 1848 году, и это письмо (на несчастье еще безъ конца) даетъ мало.

Слѣдующее по времени и мѣсту извѣстіе объ этомъ пребываніи Бакунина въ Германіи мы имѣемъ въ замѣткахъ Арн. Руге. Во время взрыва революціоннаго движенія въ Германіи Руге былъ въ Лейпцигѣ. Дѣла дошли до агитаціи въ пользу выборовъ въ германскій предварительный парламентъ (Vorparlament). Саксонское патріотическое общество (Vaterlandsverein) должно было поставить своихъ кандидатовъ. Руге былъ въ числѣ ихъ, но комитетъ общества былъ къ нему не расположенъ. Назначенъ былъ митингъ въ *Odeum*. Руге присутствовалъ,—какъ въ это время ему доложили, что одинъ господинъ изъ Парижа желаетъ его видѣть.

„Я сказалъ, говоритъ Руге, что буду занятъ на нѣсколько часовъ. Тогда мнѣ передали карточку съ именемъ Бакунина. Этому я не могъ противустоять. Я поспѣшилъ выйти и нашелъ его въ коляскѣ.

— „Садись сюда, закричалъ онъ,—брось своихъ филистеровъ и поѣзжай со мной въ Hôtel de Pologne. Я тебѣ имѣю разсказать безконечно много.

„Я протестовалъ и просилъ его дать мнѣ пару часовъ времени, выражая твердое убѣжденіе, что въ мое отсутствіе меня вычеркнутъ изъ списка кандидатовъ.

— „Пойдемъ, старый другъ, мы выпьемъ бутылку шампанскаго, а тѣхъ оставимъ выбирать, кого они хотятъ. Ничего изъ этого не выйдетъ—однимъ обществомъ упражненія въ краснорѣчіи больше и больше ничего! Ты развѣ много ожидаешь?

— „Не очень много. Но нельзя же ихъ бросить. Одни они не выпутаются изъ затрудненій.

— „Ну, такъ ты, наконецъ, дѣйствуешь лишь изъ состраданія! Исторія будетъ испорчена еще разъ,—и

если тебя при этомъ не будетъ, то ты не будешь въ отвѣтѣ. Ну, садись сюда!

„Я далъ себя уговорить, и то, что я предполагалъ, случилось: патріотическое общество отбросило мою кандидатуру.

„Бакунинъ былъ Парижемъ совсѣмъ не доволенъ. Движеніе, казалось ему, ослабѣваетъ и навѣрно наступитъ поворотъ назадъ. Уже то, что оставили безъ помощи Испанію и Италію,— ошибка, а о нѣмецкой и славянской революціи не имѣютъ тамъ никакого понятія, и съ большимъ трудомъ удалось ему получить средства на агитацію въ Россіи; онъ хочетъ съ этой цѣлью отправиться въ Бреславль, чтобы быть ближе къ русской границѣ. Изъ Парижскихъ политиковъ онъ особенно сблизился съ de Flotte, который впрочемъ соглашается съ нимъ въ томъ, что революція слабѣетъ и что враждебные ей элементы поднимаются“.

Во время этого разговора Альтгаусъ принесъ вѣсть о паденіи кандидатуры Руге, и когда послѣдній упрекнулъ въ винѣ этого и Бакунина, который его увлекъ изъ Odeum, Бакунинъ утѣшалъ его: „ну, когда пойдетъ наша славянская революція, мы тебя вознаградимъ за неблагодарность этихъ саксонскихъ филистеровъ, такъ какъ ты больше сдѣлалъ для умственнаго возбужденія нашего времени, чѣмъ полный Odeum тѣхъ людей. Къ тому же ты принадлежишь не Саксоніи и не Лейпцигу, а Берлину“.

„Я отвѣтилъ: За исключеніемъ твоей слишкомъ высокой оцѣнки моихъ заслугъ, я съ тобою вполнѣ согласенъ.

„Такъ прошелъ у насъ этотъ вечеръ и мы скорѣе слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало предавались юмору и легкому разговору; до глубокой ночи оставались мы вмѣстѣ и всякій разъ, когда я собирался уходить, мой любезный русскій удерживалъ меня, восклицая: Руге, ты знаешь, что утрачено во мгновеніе, того никакая вѣчность не возвратитъ“.

„На другое утро онъ уѣзжалъ въ Бреславль, чтобъ завести сношенія (въ Россіи) съ поповичами, отъ которыхъ онъ ждалъ чувствительности къ идеямъ времени. Бакунинъ тогда очень далеко зашелъ съ коммунизмомъ. Революція, съ ея рѣшительными политическими

задачами, пошла нѣсколько на перерѣзъ всей соціалистической партіи, и Бакунинъ отбросилъ ее сначала на своихъ поповичей, послѣ на славянскій парламентъ и на возстаніе въ Прагѣ; въ Парижѣ, гдѣ соціализму дали слово въ Люксембургскомъ дворцѣ, не умѣлъ предложить ни одного исполнимаго проэкта". (Arn. Ruges. Briefwechsel etc., II, 42—45).

Когда наступили выборы во Франкфуртскій парламентъ, Бакунинъ вызвалъ Руге изъ Лейпцига въ Бреславль, обѣщая ему тамъ успѣхъ въ кандидатурѣ и прежде всего поддержку своего хозяина, купца St... (Тамъ же, 46).

О положеніи самого Бакунина въ Бреславлѣ Руге разсказываетъ такъ: „Бакунинъ завязалъ многосмыслѣнныя знакомства и охотно принимался всюду ради своей симпатичной и остроумной личности. Для своей цѣли онъ собралъ около себя нѣсколько русскихъ; онъ вступилъ въ сношенія съ чехами, и тогда было положено, что въ Прагѣ соберется конгрессъ славянъ, для того чтобъ различныя племена ихъ могли придти къ соглашенію". (Тамъ же, 49).

Къ сожалѣнію и эти извѣстія о планахъ Бакунина довольно темны. Интересно было бы знать болѣе, что это за поповичи (Popensöhne), на которыхъ возлагалъ надежды Бакунинъ. Должно быть это былъ первый „безпардонный" элементъ, на революціонность котораго разсчитывалъ Бакунинъ. Какого рода были тѣ русскіе въ Бреславлѣ, которыхъ собралъ около себя Бакунинъ? Въ тѣ времена въ Бреславлѣ бывали иногда изъ Россіи медики, но единицами, да купцы и ихъ прикащики, тоже въ незначительномъ количествѣ. Во всякомъ случаѣ это Бреславльское собираніе русскихъ около Бакунина, должо быть, осталось безъ всякихъ результатовъ, такъ какъ даже въ Прагу на конгрессъ славянскій, никто изъ нихъ съ Бакунинымъ не поѣхалъ *).

Обстоятельная исторія пражскаго съѣзда, который открылся 1 Іюня 1838 г. и прерванъ былъ 12 Іюня, еще

*) Герценъ въ своей статьѣ о Бакунинѣ, писанной по случаю его пріѣзда въ Лондонъ, („Колоколъ", № 119—120) говоритъ, что „въ Бреславлѣ собирался польско-славянскій съѣздъ" передъ пражскимъ. Намъ ничего не извѣстно объ этомъ съѣздѣ.

не написана, а поэтому нѣтъ прочной основы не только для оцѣнки участія въ немъ Бакунина, но даже для прагматическаго разсказа объ этомъ участіи. Въ Россіи же почти никому не извѣстны и тѣ свѣдѣнія о пражскомъ съѣздѣ и о послѣдовавшихъ за нимъ событіяхъ, которыя обнародованы за границей, а потому мы должны будемъ здѣсь говорить не только спеціально о дѣятельности Бакунина въ это время, но и о самихъ условіяхъ ея *).

Собственно говоря, положеніе Бакунина на пражскомъ съѣздѣ было не совсѣмъ естественно, въ соотвѣтствіе двойственности значенія самаго съѣзда. Непосредственная, вполнѣ практическая цѣль съѣзда была опредѣленіе политическаго положенія австрійскихъ славянъ въ виду національно-централистическихъ стремленій политиковъ венгерскихъ и нѣмецкихъ. Первые добились для себя весьма либеральныхъ уступокъ отъ австрійскаго императора, но желали сохранить и даже расширить гегемонію мадьярскаго племени надъ всѣми другими племенами короны Св. Стефана: славянами, румынами и даже нѣмцами. Политики же нѣмецкіе, въ томъ числѣ особенно либеральные,—желали включить въ предположенную ими нѣмецкую имперію, конституцію которой тогда вырабатывалъ парламентъ во Франкфуртѣ, — также и всѣ австрійскія провинціи, нѣкогда считавшіяся въ составѣ Священной римско-германской имперіи и съ 1815 г. въ Германскомъ Союзѣ, со всѣмъ ихъ славянскимъ и итальянскимъ населеніемъ. Для славянъ не была выгодна ни мадьярская гегемонія въ Венгріи, ни перспектива нѣмецкой гегемоніи въ будущей Германской имперіи, въ которой славяне составили бы меньшинство, обреченное на то подчиненіе, въ которомъ напр. теперь находятся познанскіе поляки.

*) Пособіями нашими будутъ главнымъ образомъ статья въ „*Casopis ceskeho museum*“ 1848 и брошюра *Jana M. Cerneho* „Slovensky zjezd w Praze roku 1848 Na pamětku ctyricitileteu“ V Praze 1888). *Jakuba Maleho*, „Nase znovuzrozeni. (V Praze, 1880). Протоколы съѣзда не были напечатаны. Поляки и югославяне вывезли протоколы своихъ секцій, уѣзжая изъ Праги въ началѣ уличныхъ безпорядковъ 12 Мая; остальные сложены были въ чешскомъ музеѣ и были забраны тамъ военными властями и переданы военному суду, который разбиралъ дѣло этихъ безпорядковъ.

Поэтому среди австрійскихъ славянъ 1848 г. оппозиція противъ мадьярскихъ и нѣмецкихъ стремленій проявилась въ двухъ направленіяхъ: первое предпочитало сохраненіе австрійскаго status quo, второе желало обращенія Австріи въ федеральную державу съ равноправностью національностей,—монархическую Швейцарію, какъ иногда говорилось.

Для послѣдней цѣли австрійскимъ славянамъ необходимо было согласиться въ цѣляхъ и средствахъ. Хорватскій писатель Кукульевичъ подалъ первый мысль о съѣздѣ; а чехи, которые считали свое положеніе особенно угрожаемымъ стремленіями франкфуртскаго парламента, подхватили эту мысль,—и съѣздъ славянскій былъ созванъ на 30 Мая 1848 г. въ Прагѣ.

Но созывающіе не ограничились одними австрійскими славянами. Идея всеславянскаго общенія, которая въ 40-е годы разрабатывалась въ литературѣ разныхъ славянскихъ народовъ, заставила организаторовъ пражскаго съѣзда позвать туда и неавстрійскихъ славянъ, хотя бы въ качествѣ гостей. Нѣкоторымъ практическимъ побужденіемъ къ тому было особое положеніе поляковъ. Собственно австрійскимъ—галицкимъ,—полякамъ не было практической необходимости въ съѣздѣ славянскомъ, такъ какъ Галиція не входила ни въ число земель венгерской короны, ни въ Германскій союзъ, и ничто не угрожало въ ней польской національности. Венгерскіе и австро-нѣмецкіе національные централисты надѣялись поэтому, что поляки совсѣмъ не примутъ участія въ славянскомъ съѣздѣ. Но поляки прусскіе, — познанскіе, — оказались въ иномъ положеніи, такъ какъ прусское правительство, очевидно въ разсчетѣ на болѣе успѣшное подавленіе польскаго сепаративнаго движенія въ Познани, если и эта провинція будетъ введена въ число земель германскихъ, предписало и познанцамъ послать своихъ представителей въ парламентъ франкфуртскій. Познанскіе поляки такимъ образомъ очутились въ томъ положеніи, какого боялись чехи,—и у поляковъ явился практическій резонъ искать опоры въ другихъ славянахъ для охраны своей національности въ Познани. Кромѣ того въ Галиціи русины (малоруссы) заявили желаніе освободить-

ся отъ супрематіи поляковъ,—поднятъ былъ даже вопросъ о раздѣленіи Галиціи на двѣ части: западную польскую, и восточную — русинскую. Галицкіе поляки могли надѣяться, что посредничество другихъ славянъ поможетъ улаженію польско-русинскихъ разногласій.

Но участіе въ пражскомъ съѣздѣ неавстрійцевъ, поляковъ познанскихъ, логически, или по крайней мѣрѣ діалектически,—повело за собою приглашеніе и всѣхъ другихъ славянъ—балканскихъ и русскихъ. Но передъ славянами балканскими стоялъ въ первой линіи вопросъ освобожденія ихъ отъ турокъ, врядъ ли возможнаго безъ военнаго вмѣшательства Россіи, — а славянскій вопросъ въ Россіи состоялъ въ освобожденіи поляковъ, невозможномъ безъ общей политической свободы. Такимъ образомъ участіе неавстрійскихъ славянъ въ пражскомъ съѣздѣ собственно парализовало дѣятельность австрійскихъ славянъ, крайне усложняя задачи съѣзда и выводя ихъ за предѣлы силъ австрійскихъ славянъ, которые все же составляли на съѣздѣ огромное большинство. (Члены съѣзда раздѣлились по спеціальностямъ такъ: 237 — вступили въ секцію чешско-моравско-силезско-словацкую, 62 — въ польско-русинскую, 42—словено-хорватско-сербско-далматинскую.

Между неавстрійскими членами съѣзда оказались познанскій полякъ Либельтъ, — членъ франкфуртскаго парламента, тщетно отстаивавшій въ немъ автономію Познани,—и Бакунинъ, принадлежавшіе оба къ числу самыхъ талантливыхъ, самыхъ образованныхъ и самыхъ либеральныхъ членовъ съѣзда, которые способны были оказывать наиболѣе сильное личное вліяніе на товарищей. Хотя и гости, Либельтъ и Бакунинъ, были избраны въ число членовъ дипломатическаго комитета и получили вмѣстѣ съ Захомъ миссіи составить проектъ воззванія къ европейскимъ народамъ *). Проектъ этотъ

*) Захъ былъ мораванъ, но служилъ при сербскомъ князѣ и въ спискѣ членовъ помѣченъ былъ: *moravánza Srbia*. Шпрингеръ говоритъ: „хотя по оффиціальной программѣ неавстрійскіе славяне должны были считаться только гостями, но въ дѣйствительности они имѣли наибольшее вліяніе на переговоры. Порядокъ занятій составилъ лужичанинъ, основы важнѣйшихъ мемуаровъ предлагалъ сербскій княжескій чиновникъ, по имени Захъ и Либельтъ

окончательно редактированный Палацкимъ, былъ принятъ въ общемъ собраніи съѣзда и можетъ считаться въ извѣстной мѣрѣ за сочиненіе Бакунина, который во всякомъ случаѣ раздѣлялъ его основныя мысли.

Манифеста этого достаточно, чтобъ снять съ пражскаго съѣзда обвиненіе въ реакціонности, которое наброшено было на него современными національными либералами нѣмецкими и мадьярскими и которое, съ ихъ голоса повторялось иногда и въ Россіи,—напр. въ радикальныхъ „Отеч. Запискахъ“ 70-хъ годовъ. Манифестъ провозглашалъ внѣшнюю и внутреннюю свободу всѣхъ народовъ и оканчивался даже предложеніемъ общаго европейскаго конгресса народовъ. Славянофильство въ манифестѣ этомъ можно усмотрѣть развѣ въ увѣреніи, что славяне никогда не притѣсняли другихъ народовъ, какъ завоеватели романскіе и германскіе, тогда какъ и теперь „свободный британецъ отказываетъ ирландцу въ полной національной самостоятельности, нѣмецъ угрожаетъ принужденіемъ славянскимъ племенамъ, а мадьяринъ не стыдится признавать въ Венгріи національныя права только за своимъ племенемъ“. Если въ этихъ словахъ и есть національное самообольщеніе, то во всякомъ случаѣ такое, которое не угрожало никому.

Кромѣ вышепоказанныхъ комитетовъ Бакунинъ, означенный въ общемъ спискѣ членовъ, какъ *rossijanin*, т. е. великоруссъ, былъ зачисленъ въ *польско-малорусскую секцію*, (zbor polsko-rusinski) состоявшую изъ галичанъ и буковинцевъ, т. е. поляковъ и русиновъ (малороссовъ) кромѣ Олимпія Милорадова, старообрядческаго священника изъ великорусской колоніи Бѣлая Криница въ Буковинѣ, который въ общемъ спискѣ членовъ означенъ *z Galicyi Rossijanin* *). Отъ этой секціи Баку-

---

изъ Познани, наибольшую жизнь въ конфиденціальныя собранія секцій вносилъ русскій, Бакунинъ“. (A. Springer. Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Frieden 1809. II. B., 333).

*) Поляки отмѣтили себя въ общемъ спискѣ буквою M., т. е. *Mazur*, соотвѣтственно тому взгляду, который признавалъ, что и русины, какъ и мазуры, только разновидность поляковъ. И. Либельтъ помѣченъ не полякомъ, а великополяниномъ (W. P.) изъ Познани. Либельтъ предсѣдательствовалъ въ польско-малорусской

нинъ былъ назначенъ посломъ-посредникомъ на секціи словено-хорватско-сербско-далматскую.

Бакунинъ сдѣлалъ съѣзду какое-то предложеніе, о которомъ чешскій современный историческій обзоръ съѣзда (Historicka sprava o zjezdu slovanském) говоритъ: „предложеніе Либельта и Бакунина не могло быть принято потому, что не относилось спеціально къ славянамъ въ Австріи, но брало во вниманіе и другія вѣтви, внѣавстрійскія“ (Casopis Ceského Museum. 1848, díl druhy, 12). Такъ какъ протоколы съѣзда не напечатаны, то намъ неизвѣстно точно, въ чемъ собственно состояло предложеніе Бакунина. Вѣроятно, оно было въ смыслѣ статьи его, напечатанной тогда же въ польской газетѣ „Dziennik Domowy“, которую мы даемъ въ приложеніи по нѣмецкому тексту ея, напечатанному въ „Slavische Jahrbücher, 1848. Суть этой статьи сводится къ проекту установленія всеславянскаго совѣта, который бы посредничалъ между разными славянскими племенами, соединенными въ братскій союзъ и устранялъ бы между ними всякія противныя братству дѣйствія. Вся эта концепція славянскаго братства не только утопична для тогдашняго, какъ и нынѣшняго положенія дѣлъ, но и вполнѣ идиллична и совсѣмъ не занималась собственно политическими, конституціонными подробностями вопроса,—такъ что въ этомъ уступаетъ программамъ Кирило-Меѳодіевскаго братства Костомарова 1846—1847 гг., и даже предложеніямъ Либельта пражскому съѣзду 1848 г. *). Соціалистическая тенденція въ слабой степени представлена въ статьѣ Бакунина въ видѣ желанія, чтобъ каждый славянинъ имѣлъ право на земельный участокъ въ общей территоріи

секціи, Эдм. Хоецкій, который послѣ былъ пріятелемъ Герцена, отмѣтилъ себя мазуромъ съ Украйны!!

*) Программы Костомаровскаго братства сведены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1893, № 7,—а предложенія Либельта, см. въ названной статьѣ чешскаго музея, прил. VI. Программа Костомарова хотя и утопическая для своего времени, все таки выставляетъ опредѣленныя политическія формы славянскаго единства: она проектируетъ славянскіе соединенные штаты съ правительствами областными и федеральнымъ, при чемъ предлагаетъ раздѣленіе и Россіи на политическія области этнографическія и географическія, какъ напр. по нѣсколько областей малорусскихъ и великорусскихъ.

славянской, — но и это желаніе выражено нѣсколько туманно.

Вообще съѣздъ принялъ нѣсколько рѣшеній, которыя могли имѣть непосредственное значеніе относительно дѣлъ австрійскихъ славянъ и которыя имѣли цѣлью превращеніе Австріи въ федерацію равноправныхъ народностей. Относительно же не-австрійскихъ славянъ съѣздъ ограничился платоническими пожеланіями, которыя изложены были еще передъ его открытіемъ въ программѣ его занятій:

„Если бы наше слово могло быть уважено внѣ Австріи, то мы бы высказались за уложеніе русско-польскихъ споровъ и объ освобожденіи славянъ изъ-подъ ярма турецкаго. Между русскими и поляками идетъ дѣло главнымъ образомъ о прочномъ опредѣленіи правъ обѣихъ народностей. Когда оно наступитъ, то настанетъ само собою соглашеніе между тѣми могучими славянскими народами. Пусть свѣтъ свободы, который свѣтитъ намъ, австрійскимъ славянамъ на пути къ единству, приведетъ также русскихъ и поляковъ къ пристани. О, еслибъ дѣйствительно, русскій народъ увидалъ свѣтъ свободы въ своей родинѣ!“

Далѣе слѣдуютъ такія же пожеланія освобожденія славянъ въ Турціи, „подъ знаменемъ благороднаго народа сербскаго“, и наконецъ пожеланіе, чтобъ „просвѣщенное правительство саксонское не угнетало малаго и безвреднаго народа лужичанъ“, а Пруссія отказалась отъ систематической германизаціи славянъ въ Силезіи, Нижней Лужицѣ, въ западной и восточной Пруссіи“. (О Познани не сказано, очевидно, потому, что польскій характеръ ея ставился внѣ спора).

Славянскій съѣздъ успѣлъ оформить только одно изъ своихъ постановленій: манифестъ къ европейскимъ народамъ, который былъ одобренъ въ собраніи 12 Іюня. На 14 Іюня было назначено постановленіе рѣшеній по другимъ вопросамъ. Но уже 12-го началось въ Прагѣ возстаніе, которое положило конецъ работамъ съѣзда и во время котораго разсѣялись и его бумаги.

Мы привели выше слова Руге о томъ, что Бакунинъ возлагалъ большія надежды на святодуховское возстаніе въ Прагѣ, и приведемъ дальше чешскія показанія

о томъ какое участіе принималъ въ немъ Бакунинъ. Надо намъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ возстаніи.

Причины возстанія этого лежатъ въ тогдашнемъ крайне запутанномъ и возбужденномъ состояніи всей Австро-Венгріи и въ частности чеховъ. Чехи, въ своемъ стремленіи къ автономіи имѣли противъ себя и придворно-военную партію и національно-либеральныхъ нѣмцевъ и въ частности нѣмцевъ Богеміи съ Прагой. Сами они раздѣлялись на разныя партіи, изъ которыхъ одни думали достигнуть цѣли переговорами съ династіей, другіе черезъ — парламентаризмъ, третьи — черезъ народное возстаніе. Настроеніе въ Прагѣ и войска и населенія было таково, при которомъ, какъ говорится, ружья сами стрѣляютъ. Въ первые часы послѣ мартовскихъ волненій въ Вѣнѣ, чехи и въ частности городъ Прага получили нѣкоторыя уступки правительства и между прочимъ народную гвардію (Svornost) одинъ изъ легіоновъ которой, по примѣру Вѣны, составили студенты. Отряды этой гвардіи составляли почетный караулъ славянскаго съѣзда и находились въ общеніи, особенно студенты, съ болѣе радикальными его членами.

Ближайшимъ поводомъ ко взрыву возстанія было назначеніе въ Прагу командиромъ войскъ и верховнымъ начальникомъ администраціи кн. Авг. Шварценберга, извѣстнаго за реакціонера, которому приписывали изреченіе: „для меня человѣкъ начинается съ барона“. Назначеніе это оживило консерватизмъ нѣмецкой части населенія въ Прагѣ, которое составило „Союзъ спокойствія и порядка“ (Verein fur Ruhe und Ordnung) и раздражило чеховъ. Тотчасъ по вступленіи въ должность, кн. Шварценбергъ издалъ полицейскія правила, между прочимъ ограничившія демонстративныя движенія около чешскаго музея, гдѣ засѣдалъ славянскій съѣздъ. Студенты, послѣ уличнаго митинга, послали депутацію Виндишгрецу требовать отмѣны его распоряженій, какъ оскорбительныхъ для съѣзда, и выдачи имъ легіону 60.000 патроновъ (11 Іюня). Когда Виндишгрецъ отвѣтилъ отказомъ, изъ депутаціи раздались рѣзкія противъ него восклицанія. По городу

пошли слухи, что студенты готовятся сдѣлать противъ Шварценберга демонстрацію съ обычной въ такихъ случаяхъ въ Германіи и Австріи „кошачьей музыкой“.

12 Іюня, въ День Святого Духа, на одной изъ площадей Праги священникъ служилъ обѣдню. По городу пошли слухи, что это славянская обѣдня и что послѣ нея будетъ „братаніе“ чешскихъ студентовъ и рабочихъ противъ войскъ и нѣмцевъ. Толпа собралась значительная. Когда послѣ обѣдни часть ея проходила мимо дома Виндишгреца, изъ него выходила депутація „Союза спокойствія и порядка“. Пѣсни, которыя пѣла толпа, приняты были во дворѣ Виндишгреца, гдѣ были собраны солдаты, за «кошачью музыку“, — а можетъ быть среди пѣвшей толпы и были такіе, которые пустили въ ходъ такую музыку. Солдаты выскочили изъ двора и стали разгонять толпу холоднымъ оружіемъ. Толпа бросилась на улицы съ крикомъ: „насъ бьютъ!“ и начала строить баррикады. Къ мѣстамъ безпорядка стали собираться солдаты,—и въ то время, по показаніямъ, которыя повторяетъ и Яковъ Малый въ его исторіи чешскаго возстанія (*Jakub Maly*, — Nase znovuzrozeni. V. Praze 1880 I—VI) раздались первые выстрѣлы по войскамъ изъ дома гостинницы Голубой Звѣзды, гдѣ жилъ Бакунинъ и нѣкоторые поляки, члены съѣзда; началась перестрѣлка, жертвой которой была между прочимъ и жена Шварценберга, подошедшая къ окну. Къ вечеру, впрочемъ, баррикады по главнымъ улицамъ были очищены солдатами,—но нѣкоторыя больнія зданія, въ томъ числѣ семинарія (Clementinum), университетъ и почти вся высокая часть города, Старая Сторона, находились въ рукахъ возставшихъ. Между прочимъ въ рукахъ студентовъ оказался и начальникъ губерніи, Левъ Тунъ.

На другой день граждане Праги отправили депутацію къ Шварценбергу для мирныхъ переговоровъ, которые протянулись три дня, когда въ городѣ была относительная тишина.

Между тѣмъ кн. Шварценбергъ вывелъ изъ города большую часть войскъ и поставилъ ее вокругъ города на высокихъ мѣстахъ, — что и дало ему возможность

потомъ бомбардировать городъ. Это, въ сущности зловѣщее, отступленіе войскъ сдѣлало болѣе смѣлыми возставшихъ,—и кто то изъ нихъ выставилъ на улицахъ объявленія, которыя излагали требованія: установленія временнаго правительства Богеміи, отвѣтственнаго богемскаго министерства и особой національной арміи. Со Стараго города стали учащенно, хотя совершенно напрасно, стрѣлять черезъ рѣку по солдатамъ, которые стояли въ т. наз. Маломъ городѣ.

Между тѣмъ въ Прагу прибыли два комиссара вѣнскаго министерства. 15 Іюня они согласились съ членами городской управы на томъ, что баррикады будутъ оставлены и Виндишгрецъ выйдетъ въ отставку, на что соглашался и послѣдній. Уже соглашеніе это было возвѣщено по улицамъ 16 Іюня, какъ опять часть возставшихъ начала стрѣльбу со Стараго города по берегу рѣки. Виндишгрецъ объявилъ себя свободнымъ отъ всякихъ условій и началъ бомбардировку города. Послѣ первыхъ выстрѣловъ Виндишгрецу предложена была представителями города сдача на извѣстныхъ условіяхъ,—но генералъ требовалъ безусловной сдачи и выдачи заложниковъ, хотя и прекратилъ канонаду. Но въ это время опять стали стрѣлять со Стараго города,—и бомбардированіе было возобновлено. Ночной пожаръ впрочемъ напугалъ городъ,—и Прага сдалась безусловно и поступила въ управленіе Шварценберга на военномъ положеніи. (См. описаніе этихъ событій у Шпрингера, II, 342—347 и Малаго, II, 77—81).

І. Пречекъ характеризуетъ это святодуховское возстаніе, говоря, что никто изъ дѣйствовавшихъ въ немъ мѣщанъ и студентовъ не могъ сказать, какія оно имѣетъ цѣли, что никакой системы въ направленіи его не было, а только всякій разъ, когда близилось соглашеніе съ Виндишгрецомъ, стрѣльба гдѣ нибудь возобновлялась на сторонѣ возставшихъ. „Позже, говоритъ чешскій писатель, выяснилось, что тайное правительство возстанія сидѣло въ Клементинумѣ. Тамъ сидѣлъ Бакунинъ съ своею компаніей около стола, на которомъ лежали планы Праги, и оттуда давалъ приказанія о продолженіи сопротивленія“. (Maly, II, 81).

Первымъ послѣдствіемъ этого святодуховскаго воз-

станія было прекращеніе славянскаго съѣзда. Уже 12 Іюня начальникъ народной гвардіи, кн. Лобковицъ посовѣтовалъ польскимъ, хорватскимъ и сербскимъ членамъ съѣзда уѣзжать изъ Праги, что многіе изъ нихъ и сдѣлали. 16 Іюня, по прекращеніи бомбардировки, часть оставшихся членовъ собралась было для продолженія обсужденій, но когда бомбардированіе возобновилось, то члены съѣзда объявили его отсроченнымъ и разошлись.

Для чеховъ вообще послѣдствіемъ возстанія было неисполненіе тѣхъ уступокъ, которыя привезли изъ Инсбрука (куда удалился изъ Вѣны императоръ) какъ разъ во время возстанія чешскіе депутаты гр. Ностицъ и Ригеръ. Надо прибавить, что въ числѣ самыхъ горячихъ возбудителей возстанія, призывавшихъ пражанъ строить баррикады, былъ словакъ, членъ слав. съѣзда, Туранскій, который оказался шпіономъ и провокаторомъ, посланнымъ венгерскимъ правительствомъ съ цѣлью скомпрометировать съѣздъ. (Springer, II, 340—341).

Послѣ бомбардировки Праги, Бакунинъ убѣжалъ въ Германію. Тамъ онъ скрывался въ Берлинѣ, Дессау, Кётенѣ и др., и въ Апрѣлѣ 1849 г. явился въ Лейпцигѣ, въ кружкѣ студентовъ-чеховъ. Объ этой порѣ жизни Бакунина даютъ нѣкоторое понятіе воспоминанія Августа Рёккеля (Aug. Röckel,—Sachens Erhebung und das Zuchthaus zu Waldheim, 1865, Frankfurt a M., bei E. Adelmann). По словамъ Реккеля Бакунинъ ожидалъ, что скоро возстанетъ Чехія и желалъ замедлить это возстаніе, пока подготовится таковое въ Германіи. Для этого онъ послалъ Реккеля въ Прагу,— но эмисаръ нашелъ Богемію весьма далекою отъ возстанія. Въ это время Бакунинъ издалъ въ Кётенѣ по нѣмецки „Воззваніе къ Славянамъ“ (Aufruf die Slaven), переводъ котораго мы даемъ въ „Рѣчахъ“ *). Брошюра эта, полная благородныхъ намѣреній служить свободѣ и братству народовъ, не могла впрочемъ имѣть никакого непосредственнаго практическаго значенія, хотя такова

*) „Воззваніе“ Бакунина было напечатано и по чешски Сабиною въ его газетѣ „Noviny Slavenske“, — что вызвало осужденіе даже въ журналѣ Гавличка „Nar. Noviny“, 1849, № 18.

была ея цѣль, — такъ какъ прежде всего среди самихъ нѣмцевъ (не говоря уже о мадьярахъ) не было сколько нибудь значительнаго элемента, готоваго признать права славянъ на политическое равенство съ нѣмцами. Кромѣ того совѣтъ Бакунина славянамъ работать для разрушенія Австріи совершенно не соотвѣтствовалъ дѣйствительнымъ условіямъ австрійскихъ земель, въ которыхъ національности такъ перемѣшаны, что раздѣленіе ихъ невозможно, а потому раціональною можетъ быть только цѣль превращенія Австріи въ федеральное государство въ родѣ Швейцаріи, а вовсе не распаденія этого государства по принципу этнографическому.

Врядъ ли нужно пускаться въ критику той части брошюры Бакунина, которая касается Россіи, — гдѣ авторъ предлагаетъ австрійскимъ славянамъ взять на себя инціативу освобожденія поляковъ и русскихъ отъ Николая I, а въ то же время увѣряетъ ихъ, что Россія готова къ революціи.

Ко времени написанія Бакунинымъ „Воззванія къ славянамъ“ относятся слова Герцена, въ статьѣ, писанной сейчасъ послѣ появленія Бакунина въ Лондонѣ къ началу 1862 г. „Оставивъ Прагу, Бакунинъ сдѣлалъ опытъ, въ противность Палацкому, соединить славянскихъ демократовъ съ венгерцами, искавшими независимости, и съ нѣмецкими революціонерами. Союзъ этотъ былъ составленъ со многими поляками; на него отъ венгровъ пріѣзжалъ гр. Л. Телеки. Бакунинъ, желая скрѣпить собственнымъ примѣромъ союзъ, принялъ главное управленіе въ защитѣ Дрездена; тамъ онъ покрылъ себя славой, которой не отрицали его враги“. (Колоколъ, № 119—120, 15 Янв. 1862).

Какъ извѣстно, многіе поляки приняли активное участіе въ венгерскомъ возстаніи 1848 — 1849 гг., но это не имѣло никакого вліянія на отношенія между другими славянами и венграми, — такъ какъ поляки никакихъ внутреннихъ дѣлъ, общихъ съ венграми не имѣютъ,—не то, что славяне въ земляхъ, которыя венгерскіе націоналисты называютъ достояніемъ короны Св. Стефана, и въ которыхъ они не признаютъ и теперь равноправія другихъ національностей съ венгер-

скою. Въ 1848 же году венгерское правительство Кошута, которое стало потомъ во главѣ возстанія, явно было противно всѣмъ славянскимъ стремленіямъ и даже поставило оффиціальныхъ представителей на франкфуртскомъ парламентѣ, выражаясь, что нѣмцы представляютъ въ Австріи передъ славянами „элементъ цивилизаціи“, и настаивая на присоединеніи нѣмецко-славянскихъ земель въ Австріи къ Германіи, чтобъ „Австрія не стала славянскою монархіей“ (Springer. II, 330), — по L. *Szalay*, Diplomatische Actenstücke zur Beleuchtung der ungarischen Gesandschaft in Deutschland. Zürich, 1849). Что до предположеннаго Бакунинымъ союза славянъ съ нѣмцами въ 1848 г., то самъ же Герценъ писалъ въ той же вышеупомянутой статьѣ, которая была, очевидно, писана при помощи Бакунина: Бакунинъ страшно заплатилъ за благородную ошибку, за несбыточную мечту общаго дѣйствія съ нѣмецкими демократами. У большей части нѣмцевъ слишкомъ развита племенная ненависть къ намъ. Мы знаемъ, что нѣмецкій общественный дѣятель работаетъ въ пользу нѣмецкаго народа, не удивляемся этому и уважаемъ его. Но нѣмецъ ждетъ отъ русскаго и славянина, чтобъ онъ презиралъ свой народъ и несъ бы нѣмецкую цивилизацію своимъ дикарямъ“... Когда Бакунинъ сидѣлъ въ саксонской крѣпости Кенигштейнѣ, ожидая смертнаго приговора, въ газетѣ К. Маркса явилось извѣстіе, будто Бакунинъ былъ агентомъ русскаго правительства. (См. дальше, при письмѣ № LIII).

Возстаніе Саксоніи произошло подъ предлогомъ требованія приведенія въ исполненіе конституціи, выработанной германскимъ парламентомъ во Франкфуртѣ, которой не признали ни прусскій король, отказавшійся принять предложенную ему этимъ парламентомъ 2 Апр. 1849 г. карту Германіи, ни Австрійское правительство, отозвавшее депутатовъ - австрійцевъ изъ франкфуртскаго парламента. Бакунину въ Дрезденѣ пришлось явиться защитникомъ франкфуртскаго парламента, противъ котораго онъ выступалъ въ Прагѣ съ славянской точки зрѣнія и къ которому и нѣмецкіе радикалы были въ свое время довольно равнодушны, какъ къ слишкомъ умѣренному. Очевидно, Бакунинъ былъ увле-

ченъ своимъ революціоннымъ инстинктомъ, а кромѣ того, можетъ быть, разсчитывалъ, что дрезденское возстаніе, разросшись, приметъ болѣе широкое направленіе. Съ 5 по 9 мая Бакунинъ игралъ видную, чуть не диктаторскую, роль въ защитѣ Дрездена отъ саксонскихъ и прусскихъ войскъ. Авторъ статьи „*Michael Bakunin und der Radicalismus*“ въ книгѣ „*Russland vor und nach dem Kriege*“ (2 Aufl., Leipzig, Brockhaus, 1879) приписываетъ Бакунину накопленіе горючихъ матеріаловъ въ ратушѣ и приготовленіе осмоленныхъ вѣнковъ, которые были положены въ Цвингеръ (музей) и въ оперный театръ, послѣдствіемъ чего былъ пожаръ въ Цвингерѣ, истребившій часть его коллекцій. Герценъ разсказываетъ, что Бакунинъ совѣтовалъ революціоннымъ правителямъ въ Дрезденѣ „поставить на городскія стѣны Мадонну Рафаэля и картины Мурильо и ими защищаться отъ пруссаковъ, которые zu klassisch gebildet, чтобъ осмѣлиться стрѣлять по Рафаэлю“. (Посм. Сочиненія, 195).

8 мая Бакунинъ держалъ рѣчь прибывшимъ изъ Лейпцига городскимъ депутатамъ о европейскомъ значеніи отчаянной защиты Дрездена, но 9-го дрезденскіе революціонеры должны были разсѣяться, или отступить къ Фрейбургу. 10 мая Бакунинъ былъ взятъ въ Хемницѣ. Прусскій офицеръ, который его сторожилъ въ Альтенбургѣ, разсказывалъ о его непоколебимости и о томъ, какъ Бакунинъ научалъ его, что въ политическихъ дѣлахъ только успѣхъ опредѣляетъ, что великое дѣло, и что преступленіе“ (*von Varchmin*. Die soziale Frage, 1876, въ „Russland vor und nach dem Kriege“).

Съ августа 1849 по май 1850 года Бакунинъ содержался въ крѣпости Königstein, и былъ приговоренъ къ смерти секретнымъ военнымъ судомъ, но король замѣнилъ казнь на вѣчную тюрьму. Вскорѣ Бакунинъ былъ переданъ австрійскому правительству. Въ маѣ 1850 г. Бакунинъ былъ отправленъ скованный въ Прагу. Австрійское правительство хотѣло отъ осужденнаго на *вѣчную тюрьму* узнать тайны славянскаго движенія. Бакунинъ отказался отвѣчать: его около года оставили въ Грачинѣ, ничего не спрашивая. Въ мартѣ 1851 г., напугавшись слуха, что Бакунина хотятъ освободить, его

перевели въ Ольмюцъ; тамъ онъ просидѣлъ шесть мѣсяцевъ, прикованный къ стѣнѣ. Австрійскія власти опять приговорили Бакунина къ смерти, но затѣмъ выдали его въ Россію въ маѣ 1861. („Колоколъ", № 119—120).

Арнольдъ Руге разсказываетъ въ „N. Fr. Presse" о жизни Бакунина отъ пребыванія въ Прагѣ до выдачи въ Россію, такъ:

„Не можетъ быть сомнѣнія относительно того, въ какомъ смыслѣ говорилъ онъ въ Прагѣ. Что онъ сражался храбро, объ этомъ мнѣ передавали прибывшіе во Франкфуртъ поляки, сообщившіе мнѣ извѣстіе, которое я напечаталъ для конгресса (франкфуртскаго).

„Когда я ради управленія „Реформой" оставилъ Франкфуртъ и переселился въ Берлинъ, то я нашелъ тамъ и Бакунина. Со времени пражскихъ событій онъ сдѣлался нѣкоторымъ образомъ бродягой и не всегда могъ спасать съ собой свои вещи. Отъ этого его элегантность значительно пострадала, и одинъ нашъ молодой другъ „изъ племени Авраамова", который слышалъ, что объ этомъ уже было сдѣлано замѣчаніе въ обществѣ, упрекнулъ въ неопрятности Бакунина, встрѣтивъ его у меня въ редакціи „Реформы" и увѣщевалъ его исправиться; это произвело комическое впечатлѣніе. Бакунинъ, желая, очевидно, оставаться независимымъ даже въ своемъ гардеробѣ, смѣрилъ изумленнымъ взглядомъ своего увѣщевателя съ головы до ногъ и вскричалъ: „чего ему надо, этому маленькому чистенькому жиду?" оскорбленно задымилъ своей папиросой — и не исправился.

„Франкфуртъ все болѣе опускался и становился обществомъ упражненія въ разговорахъ, и центръ тяжести движенія падалъ на Берлинъ, пока и тамъ не угасло солнце отъ ноябрьскаго переворота и король Фридрихъ Вильгельмъ IV ополчился противъ франкфуртской конституціи и противъ своего собственнаго императорства. Этотъ пріемъ, посредствомъ котораго пруссаки запрягли лошадей позади экипажа, бросилъ меня сначала въ Лейпцигъ, гдѣ я опять встрѣтилъ Бакунина, и замѣшалъ насъ разными способами въ дрезденское возстаніе за конституцію. Бакунинъ завелъ болѣе крѣпкія связи съ пражской молодежью и со-

общилъ мнѣ свои планы. Однако, я совершенно разошелся съ нимъ въ этомъ и заявилъ ему, что время заговоровъ прошло; чего нельзя достигнуть агитаціей и непосредственнымъ народнымъ движеніемъ, то еще менѣе можетъ быть достигнуто тайными союзами. Я говорилъ, что вижу въ этомъ только отчаянный шагъ и потому я рѣшительно противъ. Это объясненіе рѣшительно охладило его къ намъ, и незадолго до вспышки въ Дрезденѣ я потерялъ его совершенно изъ виду. Онъ втихомолку отправился въ Дрезденъ и жилъ тамъ, скрываясь уже изъ-за однихъ своихъ кредиторовъ давнихъ временъ.

„Какъ вдругъ вспыхнули безпорядки, потому что дрезденское правительство считало нужнымъ не допускать проведенія конституціи, что, со времени берлинскаго отреченія отъ короны, было не въ его власти; когда реакція вызвала безпорядки и кровопролитіе такимъ легкомысленнымъ поворотомъ къ насилію надъ народной волей, то, казалось, пришло время наверстать медлительность мартовскихъ дней. Дворъ бѣжалъ въ Кенигштейнъ; въ Дрезденѣ составилось временное правительство, Бакунинъ вышелъ изъ своего убѣжища и предложилъ ему свои услуги. Онъ, кажется, нѣкоторое время думалъ о совмѣстномъ дѣйствіи Праги и Дрездена. Но прусское вмѣшательство не дало достаточно времени дрезденскому народному движенію. Поднялась контръ-революція, и временное правительство бѣжало въ Хемницъ. Тамъ Гейбнеръ и Бакунинъ были арестованы и отведены въ Кенигштейнъ, отданы подъ судъ и приговорены къ смерти за государственную измѣну.

„На вопросъ, желаютъ ли подсудимые обратиться къ королю съ просьбой о помилованіи, Бакунинъ отвѣчалъ, что онъ „предпочтетъ быть разстрѣляннымъ“! Если бы это было особенно невѣрно, то Гейбнеръ можетъ самъ это легко опровергнуть, чтобы намъ избѣжать необходимости обращаться за разъясненіями къ бакунинскимъ противникамъ. Тѣмъ не менѣе Бакунинъ былъ помилованъ, но потомъ, по причинамъ пражскаго возстанія, былъ выданъ Австріи подъ условіемъ, что по окончаніи слѣдствія онъ будетъ опять

препровожденъ въ Саксонію. За этотъ фактъ я также не могу поручиться. Бакунинъ, упорно отрицавшій свое вмѣшательство въ пражскія событія, былъ, наконецъ, выданъ Россіи".

Русскій императоръ, какъ разсказываетъ Бакунинъ въ печатаемомъ нами письмѣ, № III, пожелалъ получить отъ него записку о славянскихъ дѣлахъ. По словамъ Герцена, Николай I, прочитавъ записку Бакунина (которую, можетъ быть, можно бы было розыскать въ архивѣ бывшаго III-го отдѣленія, ставшаго теперь довольно доступнымъ), сказалъ: „Онъ умный и хорошій малый, но опасный человѣкъ; его надобно держать въ заперти" *). (Посм. сочин. 197).

Изъ времени ареста Бакунина въ Петербургѣ есть о немъ упоминаніе въ запискахъ бывшаго саксонскаго повѣреннаго въ Петербургѣ гр. Фитцума-фонъ-Экштадта, который передаетъ между прочимъ свой разговоръ съ кн. Г., управлявшимъ тайной полиціей. Князь Г. сначала сообщилъ своему собесѣднику довольно фактическія свѣдѣнія о такъ называемомъ „заговорѣ" Петрашевцевъ, будто бы приготовлявшихся „съ истинно-дьявольской геніальностью" перебить въ одинъ день въ Петербургѣ и въ провинціяхъ высокопоставленныхъ лицъ, губернаторовъ и полицейскихъ чиновниковъ и обратить Россію въ федеративную республику. Далѣе кн. Г. сказалъ: я впрочемъ имѣю всѣ причины предполагать, что Бакунинъ, котораго вы три года тому назадъ поймали въ Саксоніи, состоялъ въ тѣснѣйшей связи съ Иваномъ Ивановичемъ (такъ

*) Ив. Головинъ разсказываетъ, что записка Бакунина Николаю I оканчивалась словами: „за мои иностранныя преступленія судите меня, какъ русскій государь". (Op. cit., 52). Г-жа Тучкова-Огарева передаетъ этотъ конецъ такъ: „государь, за мое откровеніе простите мнѣ мои нѣмецкіе грѣхи". (Р. Стар. 1894, XI, 20). Эти слова врядъ ли вѣрны, такъ какъ Александръ II, читая записку Бакунина, говорилъ, что въ ней „нѣтъ никакого раскаянія". (См. дальше, письмо № III). Описаніе дороги Бакунина изъ Австріи въ Петербургъ у г-жи Огаревой довольно правдоподобно,—показаніе же, будто вѣсть о смерти Николая I „застала Бакунина въ Соловецкомъ монастырѣ",—странная ошибка! Бакунинъ переведенъ былъ въ 1854 г. изъ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ въ Шлиссельбургъ.

названъ у Фицтума, очевидно, Спѣшневъ, котораго кн. Г. считалъ главою „заговора“). Бакунинъ въ настоящее время здѣсь, такъ какъ австрійское правительство выдало намъ его. Я самъ допрашивалъ его. Жаль этого человѣка! Не думаю, чтобъ въ русской арміи нашелся хоть одинъ артиллерійскій офицеръ, который могъ бы сравниться съ нимъ въ познаніяхъ. Въ настоящемъ случаѣ провидѣніе явно охраняло насъ, и оба преступника, какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Бакунинъ, поплатятся за свои происки каторгою“. (Изъ книги St. Petersburg und London in den Jahren 1852—1864,—„Русская Старина“ 1887, V, 394). Сопоставляя эти слова кн. Г. съ отзывомъ самого Бакунина о Петрашевцахъ и спеціально о Спѣшневѣ далѣе, въ письмѣ № I, нельзя не улыбнуться по поводу точности свѣдѣній петербургской тайной полиціи, а между тѣмъ такія свѣдѣнія заставляли всемогущаго Николая I говорить тому же Фицтуму: „*le sol est miné sous mes pieds*“!

По словамъ Б. У. Ф., Тургеневъ, во время ареста Бакунина въ Шлиссельбургѣ, „осмѣлился просить облегченія его участи и снабжалъ его книгами, не смотря на то, что самъ былъ на дурномъ счету у имп. Николая“. (Р. Стар. 1884, Май, 396).

Дальнѣйшая исторія Бакунина довольно ярко отражена въ печатаемыхъ дальше письмахъ. Съ 1851 по 1854 г. Бакунинъ содержался въ Петропавловской крѣпости, а послѣ до 1859 въ Шлиссельбургской, потомъ поселенъ былъ въ Западной и дальше въ Восточной Сибири.

О сибирской жизни Бакунина сообщаетъ нѣчто Катковъ, но съ свойственнымъ ему озлобленіемъ и, вѣроятно, нѣсколько ретушируя по своему основу фактовъ. „Въ 1859 году, разсказывалъ Катковъ (въ „Моск. Вѣдомостяхъ“, 1870, № 4, по поводу ареста Нечаевцевъ и прокламацій Бакунинскихъ),—въ 1859 г., когда Бакунинъ еще проживалъ въ Сибири и служилъ по откупамъ, (?— по золотопромышленнымъ дѣламъ у откупщика Бенардаки? *М. Др.*), мы получили отъ него неожиданно письмо, въ которомъ онъ припоминалъ о нашемъ недавнемъ знакомствѣ и которое

показалось намъ искреннимъ. Мы предложили ему попробовать писать въ нашъ журналъ изъ его далекаго захолустья, которое для ума живаго и любознательнаго должно представлять много новыхъ и интересныхъ сторонъ. Въ теченіе 1861—1862 гг. получили мы отъ него еще два-три письма черезъ ссыльныхъ изъ поляковъ, которые, бывъ помилованы, возвращались на родину. Оказалось, что онъ жилъ въ Сибири не только безъ нужды, но и въ избыткѣ, ничего не дѣлалъ и читалъ французскіе романы, но на серьезный трудъ, хотя бы малый, его не хватало. Русскую литературу онъ не обогатилъ своими произведеніями. Въ письмахъ его къ намъ проглянулъ прежній Бакунинъ: отъ нихъ вѣяло хотя благонамѣреннымъ, но пустымъ и лживымъ фантазерствомъ. Мѣстами онъ заговаривалъ тономъ вдохновенія, пророчествовалъ о будущихъ судьбахъ славянскаго міра и взывалъ къ нашимъ русскимъ симпатіямъ въ пользу польской націи. Переписки съ своей стороны мы не поддерживали. Послѣднее посланіе получили мы отъ него уже въ эпоху варшавскихъ демонстрацій. Прежній Бакунинъ явился передъ нами во всей полнотѣ своего, ничуть не поврежденнаго, существа. Онъ потребовалъ отъ нашей гражданской доблести присылки ему денегъ, по малой мѣрѣ 6.000 р. Дабы облегчить для насъ это пожертвованіе, онъ дозволилъ намъ открыть въ его пользу подписку между людьми, ему сочувствующими и его чтящими, которыхъ, по его разсчету, долженствовало быть не мало. Зачѣмъ же вдругъ и такъ экстренно понадобилась ему вышеозначенная сумма? Вотъ зачѣмъ: однажды его осѣнило сознаніе, что онъ получалъ даромъ жалованье отъ откупщика, у котораго состоялъ на службѣ, ничего не дѣлая; онъ вдругъ сообразилъ, что откупщикъ выдавалъ ему ежегодно, въ продолженіе трехъ лѣтъ, по 2000 р. единственно изъ угожденія генералъ-губернатору, которому Бакунинъ приходился сродни. Сознаніе это не давало ему-де покоя, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, возвратить откупщику всю, въ продолженіе трехъ лѣтъ, перебранную сумму. Благородный рыцарь, онъ хотѣлъ подаяніемъ уплатить подаяніе и изъ чужихъ кармановъ

возстановить свою репутацію во мнѣніи откупщика. Мы не могли ему быть полезны, и письмо его осталось втунѣ. Но прошло затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ, и мы узнали, что Бакунинъ все таки добылъ сумму, которую требовалось возвратить откупщику, но откупщику ея не возвратилъ, а бѣжалъ съ полученными деньгами изъ Сибири“ (Невѣдѣнскій, 503—505).

Показаніе это нѣсколько сбивчиво: въ 1862 г. Бакунинъ былъ уже въ Лондонѣ и не могъ писать Каткову изъ Сибири. По всей вѣроятности послѣднее письмо Бакунина было еще отъ 1861 года. Затѣмъ сомнительно, чтобъ Бакунинъ имѣлъ 6000 р. передъ отъѣздомъ изъ Сибири. Во всякомъ случаѣ желательно обнародованіе текста писемъ Бакунина къ Каткову, которыя могли сохраниться въ архивѣ „Моск. Вѣдомостей“. Основа же писемъ, передаваемая Катковымъ, какъ равно и обращеніе Бакунина къ Каткову за деньгами не представляютъ ничего невѣроятнаго. Замѣтимъ, что начиная издавать въ 1856 г. „Русскій Вѣстникъ“, Катковъ помѣстилъ въ числѣ сотрудниковъ и Сатина и Огарева. Правда въ 1861 г. уже намѣтилось различіе между все еще, впрочемъ, либеральнымъ журналомъ Каткова и радикальнымъ „Современникомъ“,—но мы увидимъ далѣе въ иркутскихъ письмахъ Бакунина, что онъ одинаково презрительно смотрѣлъ на всю тогдашнюю русскую журналистику.

Объ отъѣздѣ Бакунина изъ Сибири ходятъ нѣсколько фантастическіе разсказы, напр., даже такіе, что будто онъ женился на дочери своего тюремщика (géolier) и съ ея помощью бѣжалъ и т. п. (B. Malon, L'Internationale, La Nouvelle Revue, 1884, 15 Fevr., 750)). На самомъ дѣлѣ, кажется, что отъѣздъ Бакунина нельзя назвать собственно и побѣгомъ: онъ имѣлъ свободу движенія по Сибири и выѣхалъ изъ Иркутска безпрепятственно, а на р. Амурѣ сѣлъ на американскій пароходъ и отплылъ съ нимъ. (Дальнѣйшее см. въ письмахъ №№ IV—VI).

Кавелинъ писалъ Герцену по поводу отъѣзда Бакунина изъ Сибири: „ушелъ онъ изъ Россіи нехорошо, нечестно“ (Письма Кав. и Тургенева, 48), и г-жа Тучкова-Огарева сообщаетъ, что самъ Бакунинъ, прибывъ

въ Лондонъ, говорилъ: „хоть и совѣстно, а пришлось и друзей обмануть, чтобъ вырваться на волю". (Р. Старина, 1894, IX, 20).

Арн. Руге разсказываетъ о жизни Бакунина въ Сибири, конечно, со словъ самого Бунина,—но, можетъ быть, съ нѣкоторыми ошибками:

„Въ Сибири онъ скоро получилъ столько свободы, что могъ жениться и даже на дамѣ, которая принесла ему маленькое имѣніе. Бакунинъ изображалъ жизнь ссыльнаго какъ рѣшительно анти-рускую *). Всѣ принимаютъ непрерывно живѣйшее участіе въ европейскомъ развитіи. Сибирь освобождается все болѣе и болѣе отъ вліянія Россіи и въ далекомъ будущемъ станетъ безъ сомнѣнія сама госпожей своей судьбы. Но все же эта жизнь, беззаботная и замкнутая, не удовлетворяла нашего друга; онъ стремился уйти изъ этой расширенной темницы, доставилъ себѣ средства чрезъ продажу своего имѣньица и устроилъ такъ, что одна торговая фирма въ Иркутскѣ дала ему свидѣтельство, какъ своему коммивояжеру по Амуру. Снаряженный такимъ образомъ, онъ задумалъ переплыть море, въ то время какъ его жена должна была ѣхать по сухопутью ему на встрѣчу чрезъ Европу. На Амурѣ плаваніе какъ разъ не было оживленнымъ и Бакунинъ нашелъ только императорскій фрегатъ, который шелъ по пути. У него хватило храбрости подняться на бортъ, изложить свою просьбу и побудить капитана взять его съ собой, разсказавъ ему о своихъ дѣлахъ и порученіяхъ. Капитанъ нашелъ пріятнаго спутника, а Бакунинъ пріятное путешествіе, которое заняло порядочное разстояніе внизъ по пустынной рѣкѣ. Ему угрожала опасность встрѣтиться съ губернаторомъ, съ которымъ онъ былъ лично знакомъ и, такъ какъ ему навстрѣчу шелъ фрегатъ, Бакунинъ вывѣдалъ разговаривая, въ какомъ мѣстѣ фрегатъ долженъ встрѣтиться съ губернаторомъ, хотѣлъ было перебраться на купеческій корабль, который они нашли на якорѣ. Капитанъ корабля былъ житель Бремена: ему дѣло показалось довольно подозрительнымъ и онъ отказался взять съ собой въ Япо-

*) Т. е. антиправительственную. М. Др.

нію мнимаго коммивояжера даже за хорошее вознагражденіе. Капитанъ фрегата, который любезно заинтересовался путешественникомъ, взялъ его на свой ботъ и отвезъ къ одному американскому кораблю, который тоже тамъ стоялъ на якорѣ и также собирался въ Японію. Тамъ капитанъ помѣстилъ Бакунина, и послѣдній разстался, искренно благодарный, съ услужливымъ другомъ, котораго онъ плѣнилъ своимъ обаятельнымъ обращеніемъ.

На другой день американскій клиперъ, съ Бакунинымъ въ каютѣ проплылъ мимо фрегата съ губернаторомъ. Такимъ образомъ опасность миновала и Японія была достигнута. Въ Іокогамѣ была небольшая остановка, Бакунинъ сошелъ на берегъ и принялъ ванну, отъ которой ему могло быть плохо, такъ какъ слуга началъ обливать его горячей водой, и Бакунинъ полагалъ, что только его густые волосы спасли его отъ погибели. Послѣ пріятнаго, все время благополучнаго и быстраго плаванія черезъ Великій Океанъ, счастливый бѣглецъ прибылъ въ Санъ-Франциско и тамъ, между переселенцами, ищущими золота, встрѣтилъ много европейскихъ знакомыхъ, которые, болѣе мягко, но все же были также выброшены контр-революціей. Бакунинъ проѣхалъ одну половину земного шара въ цѣпяхъ, другую какъ бѣглецъ, пока прибылъ въ Европу. Здѣсь, въ Санъ-Франциско, встрѣтилъ онъ форпосты той великой арміи, въ которой онъ служилъ съ такимъ рвеніемъ и смертной отвагой и въ которую онъ намѣревался возвратиться.

„Его друзья въ Санъ-Франциско снабдили его средствами поѣхать дальше въ Нью-Іоркъ, а оттуда помогъ ему выбраться Александръ Герценъ, которому онъ писалъ въ Лондонъ. Герценъ нашелъ ему и парижскаго издателя для описанія его приключеній и побѣга: „Ut sine Festungs und ut sine Stromtid“, котораго, къ сожалѣнію, онъ никогда не написалъ“.

Въ концѣ 1861 г. (27 Декабря) Бакунинъ явился въ Лондонъ въ общество Герцена и Огарева, которые приняли его съ распростертыми объятіями. Впрочемъ, одно близкое лицо къ Герцену передавало намъ воспоминаніе о томъ, что Герценъ ожидалъ осложненій, кото-

рыя Бакунинъ внесетъ въ дѣятельность „Колокола“. Съ этимъ согласно и показаніе Н. И. Тучковой-Огаревой, которая говоритъ, что, „дочитавъ письмо (Бакунина изъ Америки), Герценъ задумался и сказалъ Огареву: „признаться, я очень боюсь пріѣзда Бакунина; онъ навѣрно испортитъ наше дѣло“... Огаревъ былъ согласенъ съ Герценомъ и думалъ тоже, что Бакунинъ не удовлетворится ихъ пропагандой, а будетъ настаивать на дѣятельности по образцу западныхъ революціонныхъ явленій. Вдобавокъ Бакунинъ на Западѣ всегда представлялся защитникомъ Польши. Герценъ и Огаревъ тоже сочувствовали Польшѣ въ размѣрѣ ея испытаній, но они не сочувствовали аристократическому характеру поляковъ, ихъ отношенію къ низшему классу и пр... Предчувствіе Герцена скоро начало оправдываться. Съ пріѣзда Бакунина польская струнка живѣй забилась въ вольной русской типографіи. Сначала Бакунинъ помѣщалъ въ „Колоколѣ“ свои статьи (собственно половину статьи М. Др.), но замѣтивъ вышесказанное направленіе, Герценъ предложилъ ему печатать свои статьи отдѣльными брошюрами, или въ изданіяхъ, называемыхъ „Голоса изъ Россіи“, потому что взгляды ихъ расходились... Главное заключалось въ томъ, что взгляды Огарева и Бакунина были какъ-то ближе, и послѣдній возымѣлъ большое вліяніе на перваго. А Герценъ всегда уступалъ Огареву, даже когда сознавалъ, что Огаревъ ошибается“. („Русская Старина“, 1894, Ноябрь, 18—21).

Надо впрочемъ сказать, что на показанія г-жи Огаревой можно полагаться лишь въ самыхъ общихъ чертахъ ихъ,—такъ какъ они часто противорѣчатъ даже тому, что говорится въ запискахъ Герцена и сбивчивы въ хронологіи. Кромѣ того, г-жа Огарева слишкомъ уже старается уменьшить сочувствіе Герцена польскому возстанію (см. особ. стр. 25) и разсказываетъ совсѣмъ невѣрно, будто „посланники“ варшавскаго революціоннаго комитета (въ 1862 г.) уѣхали, не получивъ отъ Герцена никакихъ обѣщаній“.

Главное различіе Герцена и Бакунина было въ томъ, что первый хотѣлъ ограничиться только пропагандой извѣстныхъ идей, — въ соотвѣтствіе силамъ кружка и

своимъ способностямъ, — а второй стремился къ революціонной акціи, заговорщицкой и военной. Отсюда и его сочувствіе къ польскому возстанію, большее, чѣмъ можно было ожидать, судя по его теоретическимъ идеямъ.

Изъ писемъ, которыя печатаются дальше, мы видимъ, что между Бакунинымъ и издателями „Колокола“ сейчасъ возникли несогласія. Самъ Герценъ разсказываетъ объ отношеніяхъ Бакунина къ „Колоколу“ такъ:

„Въ Лондонѣ онъ, во первыхъ сталъ *революціонировать „Колоколъ“* и говорилъ въ 1862 г. противъ насъ почти то, что говорилъ въ 1847 г. противъ Бѣлинскаго. *Мало было* пропаганды; надобно было неминуемо приложеніе, надобно было устроить центры, комитеты; мало было близкихъ людей, надобны были „посвященные и полупосвященные братья“, организаціи въ краѣ— славянская организація, польская организація. Бакунинъ находилъ насъ умѣренными, неумѣющими пользоваться своимъ положеніемъ, недостаточно любящими рѣшительныя средства. Онъ, впрочемъ, не унывалъ и вѣрилъ, что въ скоромъ времени поставитъ насъ на путь истинный. Въ ожиданіи нашего обращенія, Б. сгруппировалъ около себя цѣлый кругъ славянъ. Тутъ были чехи... сербы... наконецъ былъ болгаринъ. лекарь въ турецкой арміи, и поляки всѣхъ эпархій: Бонапартовской, Мирославской, Чарторижской; демократы безъ соціальныхъ идей, но съ офицерскимъ оттѣнкомъ; соціалисты, католики, анархисты и просто солдаты, хотѣвшіе гдѣ нибудь подраться, въ сѣверной или южной Америкѣ, и преимущественно въ Польшѣ.

„Отдохнулъ съ нами Б. за девятилѣтнее молчаніе и одиночество. Онъ спорилъ, проповѣдывалъ, распоряжался, кричалъ, рѣшалъ, направлялъ, организовывалъ и ободрялъ цѣлый день, цѣлую ночь, цѣлыя сутки. Въ короткія минуты, остававшіяся у него свободными, онъ бросался за письменный столъ и принимался писать пять, десять, пятнадцать писемъ въ Семипалатинскъ и Арадъ, въ Бѣлградъ и Царьградъ, въ Бессарабію, Молдавію и Бѣлокриницу“. (Сборн. Посм. Соч., 200—201).

Съ пріѣздомъ Бакунина въ Лондонъ, на Герцена,

который уже содержалъ семью Огарева, упала забота и по содержанію Бакунина. По этому вопросу встрѣчаемъ нѣкоторыя указанія въ письмахъ И. С. Тургенева. Отъ 25 Янв. 1862 г. онъ пишетъ Герцену изъ Гейдельберга: „Доставленіе постоянной суммы М. А. затруднительно. С. давно уѣхалъ въ Египетъ,—да и, сколько мнѣ извѣстно, это чванливое животное, которое не дастъ ни гроша, если нельзя о томъ протрубить во всеуслышаніе. Боткинъ будетъ давать по временамъ небольшія суммы, но едва ли согласится на что нибудь постоянное. Впрочемъ, я еще съ нимъ потолкую. Надо посмотрѣть, что можно сдѣлать въ самой Россіи. Что до меня касается, то я съ величайшей готовностью беру на себя обязанность давать Б—ну ежегодную сумму 1500 фр. впредь на неопредѣленное время и первые 500 фр. (считая съ 1 Янв.) отправлю на твое имя тотчасъ. Такимъ образомъ 1/4 желанной суммы уже обезпечена; надо постараться и объ остальной". 11 Февр. онъ же пишетъ: „Братъ Б—на былъ здѣсь и уѣхалъ, оставивъ мнѣ адресъ какихъ-то Lafare frères, которымъ надобно заплатить задолженныхъ Мишелемъ 1000 фр. Я открылъ подписку, но къ моимъ 500 фр. прибавилось пока 250. Надѣюсь собрать всѣ. Б—нъ пишетъ мнѣ о 1000 р. с. Я готовъ ихъ выдать ему до моего отъѣзда отсюда, но тогда они будутъ зачислены въ счетъ трехлѣтняго пансіона (не вполнѣ трехлѣтняго; я обѣщалъ 1500 фр. въ годъ, а 1000 р. с. съ 500 фр. составятъ меньше этой суммы). Отговори его, пожалуйста, теперь же выписывать свою жену. Это было бы безуміе; пусть онъ осмотрится сперва". (Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену, 143, 145—146).

Изъ письма Тургенева къ Бакунину отъ 28 Окт. 1862 г. видно, что послѣдній обратился къ первому съ какой-то просьбой по устройству его жены. Тургеневъ обѣщаетъ свое содѣйствіе, прибавляя: „въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, ты можешь надѣяться на мою старинную пріязнь, независящую, слава Богу, ни отъ какихъ политическихъ воззрѣній". (Тамъ же, 168).

Въ письмѣ къ Герцену, отъ 2 Апр. 1864 г., Тургеневъ говоритъ о вышеупомянутой, или, можетъ быть, новой выдачѣ денегъ Бакунину, говоря: „что Б., за-

нявшій у меня деньги и своей бабьей болтовней и легкомысліемъ поставившій меня въ непріятнѣйшее положеніе—(другихъ онъ погубилъ вовсе)—что Б., говорю, распространялъ обо мнѣ самыя пошлыя и гадкія клеветы,—это въ порядкѣ вещей,—и я, зная его съ давнихъ поръ, другого отъ него не ожидалъ". (Тамъ же, 181).

Впрочемъ, какъ говоритъ Б. У. Ф., Тургеневъ и послѣ, прервавши сношенія съ Бакунинымъ, помогалъ ему, когда тотъ хворалъ и нуждался, дѣлая это безъ его вѣдома, да и вообще мало кто зналъ объ этомъ". („Р. Стар.", 1884, Май, 396).

Въ изданномъ Феемъ вскорѣ появленія Бакунина въ Лондонѣ его посланіи къ „*Русскимъ, Польскимъ* и *славянскимъ братьямъ*", Бакунинъ высказываетъ между прочимъ мнѣніе о значеніи т. наз. *раскола*, какъ политическаго протеста противъ петровскаго государства. Это мнѣніе, основанное на научномъ недоразумѣніи и само послужившее источникомъ всякихъ практическихъ недоразумѣній для русской оппозиціи,—распространилось у русскихъ съ легкой руки Щапова и было привезено въ Лондонъ Кельсіевымъ *). Въ кружкѣ „Колокола" оно нашло себѣ наиболѣе сочувствія у Огарева, который основалъ при „Колоколѣ" прибавленіе „Общее Вѣче", преимущественно посвященное агитаціи среди раскольниковъ. Въ немъ Огаревъ старался приблизиться къ раскольникамъ настолько, что самъ иногда принималъ видъ раскольника. Въ воспоминаніяхъ старообрядческаго епископа Пафнутія Коломенскаго, который былъ въ Лондонѣ въ 1861—1862 г. съ цѣлью установленія отношеній своихъ единовѣрцевъ съ кружкомъ „Колокола", есть нѣсколько замѣчаній и о роли, какую въ этомъ дѣлѣ игралъ Бакунинъ. Разсказы Пафнутія, во-

*) Между причинами этого недоразумѣнія надо поставить стѣсненія духовной цензуры, которой должны подвергаться въ Россіи всѣ сочиненія, касающіяся религіи, вслѣдствіе чего въ Россіи наука о религіяхъ и церквахъ, можно сказать, не существуетъ вовсе. Отъ этого русскіе ученые и не оцѣниваютъ значенія соціально-религіознаго элемента въ исторіи и готовы объяснять судьбу христіанства, реформаціи, раскола и т. п. исключительно причинами политическими и соціальными.

шли, какъ матеріалы, въ статью „*Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій*“, напечатанную въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1866 и 1867 г.

Тамъ, между прочимъ, читаемъ: Пафнутій разсказалъ (на пріемѣ у Герцена), какъ инокъ Алимпій (Милорадовъ) отличался на пражскомъ сеймѣ (sic!) и на улицахъ города Праги во время происходившаго тамъ возстанія противъ австрійцевъ. Это извѣстіе было совершенною новостью для Герцена. Раскольникъ монахъ держитъ рѣчь на революціонномъ сеймѣ, идетъ на баррикады!.. Не дальше, какъ на слѣдующій день, послѣ свиданія (Пафнутія) съ Герценомъ, Кельсіевъ вбѣжалъ въ комнату Пафнутія и сообщилъ новость, что въ Лондонъ пріѣхалъ Бакунинъ, что его спрашивали между прочимъ объ Алимпіи, что разсказъ Пафнутія онъ подтвердилъ вполнѣ и очень радъ повидаться съ знакомымъ своего пражскаго сподвижника. Вечеромъ 5 Янв., въ крещенскій сочельникъ, Пафнутій сидѣлъ одиноко въ своей квартирѣ. Вдругъ онъ слышитъ, что кто-то, распѣвая густымъ басомъ „*Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ Господи*“,—тяжелыми шагами поднимается по лѣстницѣ; дверь распахнулась, и какой-то незнакомецъ, сопровождаемый Кельсіевымъ, съ хохотомъ вошелъ въ комнату и сталъ привѣтствовать изумленнаго Пафнутія. Это былъ самъ Бакунинъ. Его наружность, грубая безцеремонность и это распѣваніе священной пѣсни, которымъ онъ какъ будто хотѣлъ скрасить свой первый визитъ къ старообрядцу, но въ которомъ слышалось невольно самое наглое кощунство, все это произвело на Пафнутія крайне непріятное впечатлѣніе. Кельсіевъ также чувствовалъ себя неловко. Но дѣло мало-по-малу уладилось, и знакомство съ новою знаменитостью изъ герценовскаго кружка завязалось. Вскорѣ потомъ онъ составилъ для „Колокола“ статью о своихъ похожденіяхъ, въ которой упоминалъ и о подвигахъ о. Алимпія. Статью, прежде напечатанія, показали Пафнутію. Оберегая интересы старообрядчества, онъ просилъ, чтобъ не писали объ этихъ подвигахъ и особенно, чтобъ не было упоминаемо самое имя Алимпія, особы очень немаловажной въ исторіи бѣлокриницкой іерархіи. Само собою разумѣется, что его просьба была уважена, и въ статьѣ

ограничились только подстрочнымъ замѣчаніемъ, что на пражскомъ сеймѣ съ Бакунинымъ никого изъ русскихъ не было, кромѣ одного старообрядческаго инока *). При другомъ свиданіи, также въ присутствіи Кельсіева, Бакунинъ читалъ Пафнутію письма, которыя приготовилъ къ своимъ старымъ друзьямъ, въ томъ числѣ и къ Алимпію; онъ извѣщалъ ихъ о своемъ освобожденіи и приглашалъ снова приниматься за старое дѣло. „Отецъ Алимпій, такъ писалъ онъ къ этому послѣднему, помнишь ли Прагу? Что же ты дремлешь? Пора за дѣло и т. д. Кельсіевъ съ тревожнымъ любопытствомъ слѣдилъ, какъ дѣйствовало это чтеніе на Пафнутія, и вообще не мало смущался болтливостію и неумѣстною откровенностью Бакунина, который непринужденно витійствовалъ о такихъ вещахъ, относительно которыхъ, очевидно, ему хотѣлось оставить Пафнутія въ невѣдѣніи".

„Кельсіевъ, говорится дальше въ этомъ разсказѣ, понималъ, что не слѣдуетъ посвящать Пафнутія во всѣ таинства политическихъ и особенно религіозныхъ ученій, принятыхъ въ обществѣ Герцена, что по крайней мѣрѣ нужно знакомить съ ними постепенно и соблюдать осторожность. Самъ Герценъ не могъ не признать справедливости этихъ замѣчаній и до того простеръ внимательность къ старообрядческимъ убѣжденіямъ своего гостя, что у него даже не курили въ присутствіи Пафнутія, пока, наконецъ, этотъ послѣдній самъ не попросилъ оставить такую щепетильность".

„Когда Пафнутій, понявъ, наконецъ, зачѣмъ Герценъ и его гости выходили въ сосѣднюю комнату, попросилъ ихъ, не стѣсняясь курить при немъ, то Бакунинъ, къ крайнему неудовольствію Кельсіева, захохотавши, воскликнулъ: *„ну, значитъ, благословилъ!"* Онъ, очевидно, издѣвался надъ тѣмъ, какъ Герценъ съ братіей заискивали передъ пріѣзжимъ старообрядцемъ. Однако же Пафнутій не преминулъ сдѣлать Бакунину строгое замѣчаніе за кощунство въ его словахъ; онъ замѣтилъ,

*) Тутъ идетъ рѣчь о статьѣ Герцена „М. А. Бакунинъ", помѣщенной въ 119—120 № „Колокола" 15 Янв. 1862). Мы думаемъ, что вышеприведенное свѣдѣніе о „подвигахъ" Алимпія Милорадова нуждается въ провѣркѣ.

что иное дѣло терпѣть непозволительный обычай, а иное дѣло благословлять, что если бы онъ имѣлъ право раздавать благословенія, то никогда не далъ бы его на куреніе табаку, хотя и смотритъ на этотъ обычай снисходительно, такъ какъ не находитъ въ немъ ереси". („Русск. Вѣстникъ", 1867, апрѣль, 713—715).

Въ числѣ результатовъ поѣздки Пафнутія въ Лондонъ было то, что онъ не только оставилъ планъ устройства тамъ старообрядческой епископіи, монастыря и школы, при помощи русскихъ эмигрантовъ, но уклонился и отъ свиданія съ Кельсіевымъ, когда тотъ проѣхалъ въ Москву, а вслѣдъ за тѣмъ бѣлокриницкій митрополитъ Кириллъ издалъ *архипастырское посланіе*, въ которомъ совѣтовалъ своимъ единовѣрцамъ „показати всякое благоразуміе и благонамѣреніе предъ царемъ и отъ врагъ его удалятися и бѣгати, яко отъ мятежныхъ крамольниковъ поляковъ, тако наипаче отъ *злокозненныхъ безбожниковъ, гнѣздящихся въ Лондонѣ*" и т. д. (*Д. П. Партія Герцена и старообрядцы*. „Русскій Вѣстникъ", 1867, мартъ, 401).

О лондонскомъ пребываніи Бакунина есть нѣсколько свѣдѣній и въ перепискѣ Арн. Руге. Этотъ послѣдній тоже жилъ въ это время въ Лондонѣ и сильно былъ недоволенъ публикаціями Герцена, гдѣ юная Россія представлялась какъ провиденціальная земля для соціализма, который будто бы старый латино-германскій міръ выработалъ теоретически, какъ древній міръ христіанство, но не способенъ осуществить его на практикѣ, а потому необходимо выступленіе на сцену новаго народа — славянскаго, какъ нѣкогда необходимо было для обновленія міра явленіе германцевъ,—а также воззрѣніями Герцена, что деспотизмъ петербургскаго императорства есть политика нѣмецкая, а не русская. Уже въ письмѣ къ Герцену отъ 1854 г., писанномъ, очевидно, по поводу книжки Герцена „Du developpement des idées rèvolutionnaires en Russie", посвященной Бакунину, Руге говорилъ: „Вы знаете, какъ меня всегда интересовали ваши сообщенія о Россіи... но то явленіе, что даже свободномысленнѣйшіе русскіе, какъ вы и Бакунинъ, все еще остаетесь русскими націоналистами, все гордитесь этимъ ужаснымъ отечествомъ, все высо-

комѣрно относитесь къ намъ, вашимъ тиранамъ, что вы вызываете варварство и коммунизмъ, что вы думаете, будто эта (русская) простая, не самостоятельная толпа можетъ быть сравниваема съ тѣми гордыми вольными индивидуумами, которые разрушили древній міръ, со старыми германцами,—это дѣйствительно горькое для меня открытіе" *).

Получивъ запросъ о прибытіи Бакунина въ Лондонъ, Руге писалъ 9 января 1862 года Валесроду изъ Брайтона: пріѣхалъ ли Бакунинъ, я не знаю,—я, конечно, буду его видѣть. Но онъ сдѣлается еще болѣе русскимъ, чѣмъ Герценъ. Русская революція дѣлаетъ русскихъ, какъ Герценъ и Бакунинъ, еще безстыднѣе, и я заранѣе ожидаю слышать высокомѣрныя рѣчи о „молодости Россіи" и „объ изжившей гнилой Германіи" (op. cit., II, 217). 13 марта Бакунинъ обратился къ Руге съ письмомъ, въ которомъ благодарилъ Руге за заступничество за него по поводу клеветы Урквартa, будто

---

*) Arn. Ruges. Briefwechsel, II, 147. Все письмо это крайне интересно. Руге признаетъ, между прочимъ, что „нѣмцы царствуютъ отъ Остенде до Камчатки, но что безъ нѣмцевъ же нѣмецкая тиранія нашего времени въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ не можетъ быть разрушена,—и боится, что если она разрушится, то славяне не будутъ играть роли друзей свободы. Они воспитаны въ такой системѣ, которой послѣдствія разстроили ихъ умъ и испортили ихъ сердце. Раболѣпныя, ханжи, склонныя къ насилію, массы этихъ юношей, полныхъ надежды, какъ могутъ они сразу научиться свободно думать и свободно дѣйствовать?"

Дальше будетъ еще рѣчь о нападеніяхъ марксова кружка на Герцена и Бакунина. Нападенія эти довольно грязны и подкладка ихъ національное высокомѣріе слишкомъ явна,—но и на сторонѣ Герцена и даже отчасти Бакунина была доля этого высокомѣрія и увлеченія міровой миссіей русскаго народа и въ изображеніи окостенѣлости нѣмецкой жизни по остзейскимъ провинціямъ въ книгѣ Герцена было много несправедливаго. Остзейскія провинціи Россіи далеко не могли и въ 40-е годы считаться за образецъ жизни германской. Вообще по поводу разногласій между старыми русскими эмигрантами (Герценъ, Бакунинъ и др.) и нѣмецкими (Руге, Марксъ и др.), слѣдуетъ сказать, что нѣмцы были совершенно правы, указывая на слабость культуры среди русскихъ и славянъ вообще, какъ на препятствіе къ осуществленію революціонныхъ надеждъ русскихъ эмигрантовъ, но не правы были въ томъ, что ставили славянъ и качественно, по существу, ниже нѣмцевъ и даже сочувствовали германизаторскимъ опытамъ надъ славянами разныхъ нѣмецкихъ правительствъ.

Бакунинъ агентъ русскаго правительства (см. объ этомъ примѣчаніе къ письму № LШ). 9 іюля Руге писалъ Фрейлигрaту, что „Бакунинъ замѣчательно сохранилъ молодость и хорошее расположеніе духа“ *), — и прибавляетъ дальше: „Бакунинъ натурально полонъ русской революціи, — и исторія эта высматриваетъ довольно дико; это милое начало. Каково-то будетъ высматривать конецъ?“ Вслѣдъ за тѣмъ, 12 іюля Руге писалъ Фрейлигрaту же: „Натурально, Бакунинъ вполнѣ русскій и даже не только русскій, но славянинъ. Но онъ не таковъ, какъ Головинъ, который считалъ, что русскіе утвердились непобѣдимо въ Валахіи; напротивъ, онъ ожидалъ и желалъ взятія Севастополя, чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ лопнула николаевская система. Натурально онъ весь живетъ въ начинающейся русской революціи, но не ослѣпленъ насчетъ ея варварскаго характера и ея „вѣроятнаго столкновенія съ Германіей изъ-за притѣсненныхъ нами славянъ“. Но это кажется ему, какъ и мнѣ, еще далекимъ. Близко,—читаемъ сегодня телеграмму, — царь вступилъ въ соглашеніе съ Луи Наполеономъ. Если это соглашеніе перейдетъ въ союзъ, а союзъ поведетъ къ войнѣ, посредствомъ которой царь можетъ пожелать спастись отъ революціи, „то,— говоритъ Бакунинъ вполнѣ вѣрно,— мы можемъ только молчать. Наше время наступитъ только тогда, когда народъ станетъ господиномъ; но тогда мы будемъ стоять другъ противъ друга во враждебныхъ лагеряхъ“. Но эта минута, по моему мнѣнію, лежитъ довольно далеко за границами нашей жизни. Ибо когда таки на свѣтѣ русскіе станутъ народомъ, а русскій народъ господиномъ? Крѣпостные могутъ уничтожить дворянъ. Но крѣпостные далеко еще не народъ и еще меньше смогутъ образовать народовластіе, чѣмъ французы и нѣмцы могли это въ 1848 году... Панславистическая демократія кажется мнѣ безконечно далеко выглядывающей и совсѣмъ не страшной фантазіей. „Я

*) Впрочемъ, и въ „N. Fr. Presse“ Руге говоритъ о впечатлѣніи, какое на него произвелъ Бакунинъ въ Лондонѣ послѣ тюрьмы и сибирской жизни: „Даже тонъ его рѣчи сталъ другой. Только по его идеямъ узналъ я его. Онъ просидѣлъ страшно долгое время въ тюрьмѣ и поплатился за это своимъ здоровьемъ“.

не спорю съ богами одинъ", — и мы съ Бакунинымъ можемъ еще выпить много стакановъ вина, прежде чѣмъ выступятъ другъ противъ друга „два непріязненные лагеря"—„великонѣмецкій" и „панславистическій".

Вмѣсто столкновенія между нѣмцами и славянами передъ Бакунинымъ стало столкновеніе поляковъ съ русскимъ государствомъ.

Польское революціонное движеніе 1862 — 1863 гг. увлекло Бакунина, а онъ увлекъ Огарева и Герцена гораздо дальше, чѣмъ этого можно было ожидать. Герценъ имѣлъ уже случай въ „Колоколѣ" 1859—1860 гг. высказаться по польскому вопросу. При всемъ желаніи полякамъ автономіи, даже совершеннаго отдѣленія отъ Россіи, если они непремѣнно того желаютъ, Герценъ относился критически къ вопросу о полезности такого отдѣленія для самихъ поляковъ и особенно къ претензіямъ поляковъ на „историческія" границы Польскаго государства 1772 г. Въ то же время Герценъ относился критически къ соціально-политическимъ тенденціямъ польскихъ патріотовъ. (Подобный анализъ мнѣній Герцена по этимъ вопросамъ сдѣланъ въ книжкѣ „Историческая Польша и великорусская демократія". Женева, 1882). Изъ сибирскихъ писемъ Бакунина и изъ его статьи „Русскимъ, польскимъ и славянскимъ братьямъ" (см. въ Рѣчахъ) видно, что и Бакунинъ раздѣлялъ это отношеніе Герцена къ польскому вопросу. Несомнѣнно, что, оставаясь на почвѣ публициста-критика (на *своей* почвѣ), Герценъ могъ бы оказать значительныя услуги „польскому и русскому дѣлу" въ горячій часъ 1862—1863 г. Но Бакунинъ скоро былъ увлеченъ революціонно-конспираторскою частью своей натуры совершенно въ лагерь тогдашнихъ польскихъ революціонеровъ и немногочисленныхъ молодыхъ, неопытныхъ и просто незнакомыхъ съ деталями польскаго вопроса русскихъ заговорщиковъ и потянулъ за собою и Огарева съ Герценомъ.

Печатаемыя дальше письма достаточно рисуютъ Бакунина въ этотъ періодъ его жизни. Изъ нихъ ясно, что Бакунинъ желалъ присоединиться къ польскому возстанію не къ тому, какое было въ дѣйствительности,

а къ тому, которое онъ создалъ въ своемъ воображеніи, т. е. къ такому, которое бы направилось не только противъ русскаго правительства, но и противъ польскихъ и русскихъ помѣщиковъ и котораго не желали даже и самые крайніе демократы между вождями возстанія. Интересно, что Бакунинъ самъ видѣлъ это нежеланіе, а все таки, увлекаемый потребностію дѣйствія, напрашивался въ союзники польскому возстанію. (См. письмо № XIX). Очевидно, что избытокъ активности увлекъ Бакунина въ дѣло, съ которымъ у него принципіальныхъ связей было мало и о которомъ онъ только вѣрилъ, что оно послѣ пойдетъ въ желанномъ для него направленіи *).

Такой же упованельный характеръ имѣла для Бакунина и политико-національная сторона польскаго возстанія 1863 г. Изъ писемъ, статей, и рѣчей Бакунина, до возстанія и послѣ, видно, что онъ собственно никогда не признавалъ исторической Польши, т. е. правъ поляковъ на Литву, Бѣлоруссію и Украйну. Въ этомъ пунктѣ онъ отличался не только отъ польскихъ революціонеровъ, но и отъ молодыхъ русскихъ членовъ „Земли и Воли“, которые не имѣли ясныхъ понятій не только о настоящемъ состояніи западно-русскихъ провинцій, но даже и объ ихъ исторіи, если могли называть ихъ (напр. въ прокламаціи „Офицерамъ русскихъ войскъ отъ комитета русскихъ офицеровъ въ Польшѣ“, напеч. въ „Колоколѣ“ 1862, № 147, 15 Окт.) „областями, соединенными съ Польшей воспоминаніями прошедшаго“,—между тѣмъ какъ именно воспоминанія прошедшаго и разъединяли массы тамошняго народа съ Польшей. Бакунинъ только вѣровалъ, что толчекъ, данный польскимъ возстаніемъ, поднимет массы на-

*) Судя по орѳографіи нѣкоторыхъ польскихъ словъ въ письмахъ Бакунина, сомнительно, чтобъ онъ зналъ польскій языкъ. Свѣдѣнія его въ польской исторіи совершенно поверхностны. Это тоже характерная черта. Мы встрѣчали нѣсколько великоруссовъ, соприкасавшихся болѣе или менѣе близко съ польскимъ движеніемъ 1862—64 гг. Ни одинъ изъ нихъ не зналъ польскаго языка; объ исторіи и этнографіи Польши и сосѣднихъ провинцій и говорить нечего. Такимъ образомъ всѣ эти „русскіе друзья польскаго дѣла“ лишены были возможности разобраться въ его сложныхъ деталяхъ.

рода западнорусскихъ провинцій къ возстанію же, и *самоопредѣленію* къ автономіи, вполнѣ независимой, или же федеративной. На такую точку Бакунинъ перетянулъ и Герцена съ Огаревымъ.

Между тѣмъ, по понятіямъ и поляковъ, и всей массы русскихъ, присоединеніе Бакунина и „Колокола", вслѣдъ за „Землею и Волей" къ возстанію, которое самымъ недвусмысленнымъ образомъ заявляло претензію возстановить историческую Польшу 1772 г., было понято, какъ признаніе со стороны русскихъ радикаловъ этой претензіи—*и это было главною причиною паденія ихъ популярности.* Какъ современный свидѣтель событій, мы можемъ сказать, что *возстаніе польское, пока оно сосредоточивалось около Варшавы, въ чисто польской области, пользовалось сочувствіемъ русскаго образованнаго общества. Но сочувствіе это оборвалось сразу, какъ только польскіе инсургенты появились около Кіева и въ Могилевской губерніи* *). Результатомъ такого расширенія возстанія было не автономное самоопредѣленіе западнорусскихъ областей, а проявленіе въ непольскихъ слояхъ ихъ населенія реакціи полякамъ, которая фатально приняла центростремительное направленіе въ пользу единства Россіи, а въ Великороссіи поддержала централистическое стремленіе, тогда какъ скомпрометированіе великорусскаго радикализма союзомъ съ польскимъ возстаніемъ дало силу въ Россіи реакціи вообще.

Вотъ какъ Герценъ разсказываетъ о своихъ отношеніяхъ къ польскому возстанію и о роли въ этомъ Бакунина въ 1862 году:

---

*) Мы считаемъ нужнымъ напомнить эти обстоятельства, такъ какъ съ тѣхъ поръ хотя и часто говорится о вліяніи польскаго возстанія 1863 г. на упадокъ популярности Герцена, рѣдко кто обращаетъ вниманіе на различія въ этомъ отношеніи возстанія въ Польшѣ собственно и въ т. наз. западныхъ губерніяхъ. Обыкновенно говорятъ, что поддержка Герценомъ польскаго возстанія вообще была причиною упадка его популярности (см. напр. статью о Герценѣ въ La Grande Encyclopedie), — что какъ видимъ, невѣрно.—Знать и помнить истинный пунктъ ошибки, совершенной Герценомъ, важно для всякаго русскаго политическаго дѣятеля для блага Россіи и поляковъ: ничѣмъ такъ не можетъ русскій послужить дѣлу польской свободы, какъ критическимъ отношеніемъ къ стремленіямъ польскихъ „историческихъ" патріотовъ, при сочувствіи къ автономіи Польши этнографической.

„Польская гроза приближалась больше и больше. Осенью 1862 г. явился на нѣсколько дней въ Лондонъ Потебня *). Грустный, чистый, беззавѣтно отдавшійся урагану, онъ пріѣзжалъ поговорить съ ними отъ себя и отъ товарищей, и все таки итти своей дорогой. Чаще и чаще являлись поляки изъ края; ихъ языкъ былъ опредѣленнѣе и рѣзче, они шли къ взрыву прямо и сознательно. Мнѣ съ ужасомъ мерещилось, что они идутъ на неминуемую гибель.

— „Смертельно жаль Потебню и его товарищей, говорилъ я Б., и тѣмъ болѣе, что врядъ ли имъ по дорогѣ съ поляками.

— „По дорогѣ, по дорогѣ, возражалъ Б. Не сидѣть же намъ вѣчно, сложа руки и рефлектируя. Исторію надобно принимать, какъ она представляется; не то всякій разъ будешь заурядъ то позади, то впереди.

„Б. помолодѣлъ, онъ былъ въ своемъ элементѣ. Онъ любилъ не только ревъ возстанія и шумъ клуба, площади и баррикады, онъ любилъ также и приготовительную агитацію, эту возбужденную и вмѣстѣ съ тѣмъ задержанную жизнь конспирацій, консультацій, неспанныхъ ночей, переговоровъ, договоровъ, ректификацій, химическихъ чернилъ и условныхъ знаковъ. Кто изъ участниковъ не знаетъ, что репетиціи къ домашнему спектаклю и приготовленіе елки составляютъ одну изъ лучшихъ, изящныхъ частей. Но какъ онъ ни увлекался приготовленіями елки, у меня на сердцѣ скребли кошки; я постоянно спорилъ съ нимъ и, нехотя дѣлалъ не то, что хотѣлъ...

„Б. вѣрилъ въ возможность военно-крестьянскаго возстанія въ Россіи, вѣрили отчасти и мы; *да вѣрило и само правительство*, какъ оказалось впослѣдствіи рядомъ мѣръ, статей по казенному заказу и казней по казенному приказу. Напряженіе умовъ, броженіе умовъ было неоспоримо, и никто не предвидѣлъ тогда, что его свернутъ на свирѣпый патріотизмъ.

„Б., не слишкомъ останавливаясь на взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ, смотрѣлъ на одну дальнюю цѣль

---

*) Одинъ изъ русскихъ офицеровъ, рѣшившихъ присоединиться къ польскому возстанію.

и принялъ второй мѣсяцъ беременности за девятый. Онъ увлекалъ не доводами, а желаніемъ. Онъ *хотѣлъ* вѣрить и вѣрилъ, что Жмудь и Волга, Донъ и Украйна возстанутъ, какъ одинъ человѣкъ, услышавъ о Варшавѣ; онъ вѣрилъ, что старовѣръ воспользуется католическимъ движеніемъ, чтобъ узаконить расколъ.

„Въ томъ, что между офицерами войскъ, расположенныхъ въ Польшѣ и Литвѣ, общество, къ которому принадлежалъ Потебня, росло и крѣпло,—сомнѣнія не могло быть; но оно далеко не имѣло той силы, которую ему преднамѣренно придавали поляки и наивно Б.

„Какъ то, въ концѣ Сентября, пришелъ ко мнѣ Б. особенно озабоченный и нѣсколько торжественный. „Варшавскій Центральный Комитетъ,—сказалъ онъ,—прислалъ двухъ членовъ, чтобъ переговорить съ нами. Одного изъ нихъ ты знаешь: это Падлевскій; другой Г., закаленный боецъ; онъ изъ Польши прогулялся въ кандалахъ до рудниковъ и, только что возвратился, снова принялся за дѣло. Сегодня вечеромъ я ихъ приведу къ вамъ, а завтра соберемся у меня: надобно *окончательно опредѣлить наши отношенія*“.

„Тогда набирался мой отвѣтъ офицерамъ *).

— „Моя программа готова; я имъ прочту мое письмо.

— „Я согласенъ съ твоимъ письмомъ, ты это знаешь; но не знаю, все ли понравится имъ; во всякомъ случаѣ, я думаю, что этого имъ будетъ мало.

„Вечеромъ Б. пришелъ съ тремя гостями вмѣсто двухъ. Я прочелъ мое письмо. Во время разговора и чтенія Б. сидѣлъ встревоженный, какъ бываетъ съ родственниками на экзаменѣ, или съ адвокатами, трепещущими, чтобъ ихъ кліентъ не проврался и не испортилъ всей игры защиты, хорошо налаженной, если не по всей правдѣ, то къ успѣшному концу.

„Я видѣлъ по лицамъ, что Б. угадалъ и что чтеніе не то чтобъ особенно понравилось. Прежде всего, замѣтилъ Г., мы прочтемъ письмо къ вамъ отъ Центральнаго Комитета. Читалъ М.; документъ этотъ, извѣстный читателямъ „*Колокола*“, *былъ написанъ по русски* не совсѣмъ правильнымъ языкомъ, но ясно. Говорили, что

*) „Колоколъ“ 1862 г. 15 октября.

я его перевелъ съ французскаго и переиначилъ: это *неправда*. Всѣ трое хорошо говорили по русски.

„Смыслъ акта состоялъ въ томъ, чтобъ черезъ насъ сказать русскимъ, что слагающееся польское правительство согласно съ ними и кладетъ въ основаніе своихъ дѣйствій *„Признаніе правъ крестьянъ на землю, обрабатываемую ими, и полную самоправность всякаго народа располагать своей судьбой“*. Это заявленіе, говорилъ М., обязывало меня смягчить вопросительную и сомнѣвающуюся часть моего письма. Я согласился на нѣкоторыя перемѣны и предложилъ имъ съ своей стороны посильнѣе оттѣнить и яснѣе высказать мысль о самозаконности провинцій; они согласились. Этотъ споръ изъ за словъ показывалъ, что сочувствіе наше къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ не было *одинаково*.

„На другой день утромъ Б. уже сидѣлъ у меня. Онъ былъ недоволенъ мной, находилъ, что я слишкомъ холоденъ, какъ будто не довѣряю.

— „Чего же ты больше хочешь? Поляки никогда не дѣлали такихъ уступокъ. Они выражаются другими словами, принятыми у нихъ какъ катихизисъ; нельзя же намъ, подымая національное знамя, на первомъ шагѣ оскорбить раздражительное народное чувство.

— „Мнѣ все кажется, что имъ до крестьянской земли въ сущности мало дѣла, а до провинцій слишкомъ много.

— „Любезный другъ, у тебя въ рукахъ будетъ документъ, поправленный тобой, подписанный при всѣхъ насъ, чего же тебѣ еще?

— „Есть таки кое-что.

— „Какъ для тебя труденъ каждый шагъ! ты вовсе не практическій человѣкъ.

— „Это уже прежде тебя говорилъ Сазоновъ.

— „Б. махнулъ рукой и пошелъ въ комнату къ Огареву. Я печально смотрѣлъ ему вслѣдъ; я видѣлъ что онъ запилъ свой революціонный запой и что съ нимъ не столкуешь теперь. Онъ шагалъ семимильными сапогами чрезъ горы и моря, чрезъ годы и поколѣнія. За возстаніемъ въ Варшавѣ, онъ уже видѣлъ свою „славную и славянскую“ федерацію, о которой поляки говорили не то съ ужасомъ, не то съ отвращеніемъ; онъ

уже видѣлъ красное знамя „Земля и Воля“, развѣвающимся на Уралѣ и Волгѣ, на Украйнѣ и Кавказѣ, пожалуй на Зимнемъ Дворцѣ и Петропавловской крѣпости, и торопился сгладить *какъ нибудь* затрудненія, затушевать противорѣчія, не заполнить овраги, а бросить черезъ нихъ чортовъ мостъ.

„*Нѣтъ освобожденія безъ земли*“.

„Ты точно дипломатъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, повторялъ мнѣ съ досадой Б., когда мы потомъ толковали у него съ представителями жонда: придираешься къ словамъ и выраженіямъ. Это не журнальная статья, не литература.

— „Съ моей стороны, замѣтилъ Г., я изъ-за словъ спорить не стану; мѣняйте, какъ хотите, лишь бы главный смыслъ остался тотъ же.

— „Браво Г., радостно воскликнулъ Б.

— „*Ну этотъ*, — подумалъ я, — *пріѣхалъ подкованный и по льтнему и на шипы*; онъ ничего не уступитъ на дѣлѣ и оттого такъ легко уступаетъ все на словахъ.

„Актъ поправили, члены жонда подписались; я его послалъ въ типографію.

„Г. и его товарищи были убѣждены, что мы представляли заграничное средоточіе цѣлой организаніи, зависящей отъ насъ и которая по нашему приказу примкнетъ къ нимъ или нѣтъ. Для нихъ, дѣйствительно, дѣло было *не въ словахъ* и не въ теоретическомъ согласіи; свое profession de foi они всегда могли оттѣнить толкованіями такъ, что его яркіе цвѣта пропали бы, полиняли и измѣнились.

„Что въ Россіи клались первыя ячейки *организаціи*, въ этомъ не было сомнѣнія: первыя волокна, нити, были замѣтны простому глазу; изъ этихъ нитей, узловъ, *могла* образоваться при тишинѣ и времени обширная ткань. Все это такъ; *но ея не было* и каждый сильный ударъ грозилъ сгубить работу на цѣлое поколѣніе и разорвать начальныя кружева паутины.

„Вотъ это-то я и сказалъ, отправивъ печатать письмо Комитета, Г. и его товарищамъ, говоря имъ о несвоевременности ихъ возстанія. Падлевскій слишкомъ хорошо зналъ Петербургъ, чтобъ удивляться моимъ словамъ; хотя и *увѣрялъ меня*, что сила и развѣтвленіе

общества „Земля и Воля“ идутъ гораздо дальше, чѣмъ мы думали, но Г. призадумался. „Вы думали,—сказалъ я ему улыбаясь,—что мы сильнѣе? Да, Г., вы не ошиблись, сила у насъ большая и дѣятельная, но сила эта вся утверждается на общественномъ мнѣніи, т. е. она можетъ сейчасъ улетучиться; мы сильны *сочувствіемъ* къ намъ, унисономъ съ своими. Организаціи, которой бы мы сказали: иди направо или налѣво, *нѣтъ*.

— „Да, любезный другъ, однако же, началъ Б., ходившій въ волненіи по комнатѣ...

— „Что же, развѣ *есть*, спросилъ я его и остановился.

— „Ну, это какъ ты хочешь назвать; конечно, если взять внѣшнюю форму, это совсѣмъ не въ русскомъ характерѣ. Да видишь...

— „Позволь же мнѣ кончить; я хочу пояснить Г., почему я такъ настаивалъ на словахъ. Если въ Россіи на вашемъ знамени не увидятъ *надѣлъ земли и волю провинціямъ*, то наше сочувствіе *вамъ не принесетъ никакой пользы, а насъ погубитъ*; потому что вся наша сила въ одинаковомъ біеніи сердца; у насъ оно можетъ биться посильнѣе и потому ушло секундой впередъ, чѣмъ у друзей нашихъ; но они связаны съ нами сочувствіемъ, а не службой!

— „Вы будете нами довольны, говорили Г. и Падлевскій.

„Черезъ день двое изъ нихъ отправились въ Варшаву; третій уѣхалъ въ Парижъ.

„Падлевскій уѣхалъ въ Польшу.

„Б. собирался въ Стокгольмъ, совершенно независимо отъ экспедиціи Лапинскаго, о которой тогда никто не думалъ. Мелькомъ явился Потебня и исчезъ вслѣдъ за Б. Въ то же время какъ Потебня, пріѣхалъ черезъ Варшаву изъ Петербурга уполномоченный отъ „Земли и Воли“. Онъ съ негодованіемъ разсказывалъ, какъ поляки, пригласившіе его въ Варшаву, ничего не сдѣлали. Онъ былъ первый русскій, видѣвшій начало возстанія. Онъ разсказалъ объ убійствѣ солдатъ, и раненомъ офицерѣ, который былъ членомъ общества. Солдаты думали, что это предательство, и начали съ ожесточеніемъ бить поляковъ. Падлевскій, главный начальникъ въ Ковно, рвалъ волосы, но не смѣлъ явно

выступить противъ своихъ. Уполномоченный былъ полонъ важности своей миссіи и пригласилъ насъ *сдѣлаться агентами* Общества „Земля и Воля“. Я отклонилъ это къ крайнему удивленію не только Б., но и Огарева. Я сказалъ, что мнѣ не нравится это битое французское названіе. Уполномоченный трактовалъ насъ такъ, какъ Комиссары Конвента 1793 г. трактовали генераловъ въ дальнихъ арміяхъ. Мнѣ и это не понравилось.

— „А много васъ? спросилъ я.

— „Это трудно сказать: нѣсколько сотъ человѣкъ въ Петербургѣ *и тысячи три* въ провинціяхъ.

— „Ты вѣришь? спросилъ я потомъ Огарева. Онъ промолчалъ.—Ты вѣришь? спросилъ я Б.

— „Конечно, *онъ* прибавилъ: *ну, нѣтъ теперь столько*, такъ будутъ потомъ! и онъ расхохотался.

— Это другое дѣло.

— „Въ томъ-то все и состоитъ, чтобъ поддержать слабыя начинанія; еслибъ они были крѣпки, они и не нуждались бы въ насъ,—замѣтилъ Огаревъ, въ этихъ случаяхъ всегда недовольный моимъ скептицизмомъ.

— „Они такъ и должны бы были явиться передъ нами, откровенно слабыми, желающими дружеской помощи, а не предлагать глупое агентство.

— „Это молодость, прибавилъ Б. и уѣхалъ въ Швецію“ *).

О тамошнемъ его пребываніи Герценъ говоритъ:

„Б. былъ въ Швеціи, знакомясь со всѣми, открывая пути въ Землю и Волю чрезъ Финляндію, слаживая посылку *Колокола* и книгъ и видаясь съ представителями всѣхъ польскихъ партій. Принятый министрами и братомъ

*) Цифра 3—4000 членовъ „Земли и Воли“ повторялась послѣ нѣсколько разъ и въ печати. (По счету Ткачова впрочемъ 1500). На самомъ дѣлѣ врядъ ли этихъ членовъ было и нѣсколько сотенъ и, если не считать офицеровъ въ Ц. Польскомъ, которые признавали девизъ „Земля и Воля“, но собственно не принадлежали къ петербургскому обществу этого имени, то врядъ ли это общество можно считать за величину, сколько нибудь значительную. На Югѣ Россіи въ 1863 г. мы встрѣчали только одного формальнаго члена этого общества, да и тотъ, познакомившись въ Кіевѣ съ дѣйствительнымъ положеніемъ польскаго вопроса, рѣзко перемѣнилъ о немъ принесенныя изъ Петербурга мнѣнія. М. Др.

короля, онъ всѣхъ увѣрилъ въ неминуемомъ возстаніи крестьянъ и въ сильномъ волненіи умовъ въ Россіи. Увѣрилъ тѣмъ больше, что самъ *искренно вѣрилъ*, если не въ такихъ размѣрахъ, то вѣрилъ въ растущую силу. Объ экспедиціи Лапинскаго тогда никто не думалъ. Цѣль Б. стояла въ томъ, чтобъ, устроивши все въ Швеціи, пробраться въ Польшу и Литву".

Почему собственно Бакунинъ не исполнилъ этого намѣренія, Герценъ не говоритъ; судя по письмамъ Бакунина изъ Стокгольма можно думать, что его удержало отъ поѣздки въ Польшу и Литву убѣжденіе, что руководители польскаго возстанія боятся бакунинской революціи больше даже, чѣмъ русскаго правительства. (См. письмо № XXV).

Изъ Швеціи Бакунинъ прибылъ въ к. 1863 г. на короткое время въ Лондонъ, откуда въ началѣ 1864 г. переѣхалъ во Флоренцію. Въ это пребываніе въ Лондонѣ Бакунинъ видѣлся съ Марксомъ. Объ этомъ Бакунинъ самъ разсказываетъ такъ: „Герценъ мнѣ говорилъ, что гражданинъ Карлъ Марксъ принималъ активное участіе въ клеветахъ на меня (о которыхъ была рѣчь выше). Я этому не удивлялся очень, зная по прежнему опыту,— такъ какъ я знаю его съ 1845 г., — что знаменитый соціалистъ нѣмецкій, котораго великимъ качествамъ я отдавалъ и не премину отдавать всегда полную справедливость, имѣетъ однакожъ въ своемъ характерѣ нѣкоторыя черты, которыя съ меньшимъ удивленіемъ встрѣтилъ бы у еврейскаго беллетриста, корреспондента нѣмецкихъ газетъ, чѣмъ у такого сéрьезнаго, у такого горячаго защитника человѣчества и справедливости. По этому, прибывъ въ 1862 г. въ Лондонъ,—я удержался отъ визита ему, мало желая возобновлять свое съ нимъ знакомство. Но въ 1864 г., при моемъ проѣздѣ черезъ Лондонъ, онъ пришелъ ко мнѣ самъ и увѣрялъ меня, что онъ не принималъ ни прямо, ни косвенно участія въ этихъ клеветахъ, которыя онъ считалъ самъ гнусными. Я долженъ былъ этому вѣрить." (La théologie de Mazzini et l'Internationale, 1871, p. 46). Очевидно, Бакунинъ не вѣрилъ словамъ Маркса. Съ 1864 по 1868 г. Бакунинъ жилъ въ Италіи, во Флоренціи, а потомъ въ Неаполѣ.

Впослѣдствіи Бакунинъ считалъ основанное имъ въ Италіи въ 1864 г. общество „Союзъ Соціальной Демократіи“ за прямого предшественника „Интернаціональнаго Союза Соціальныхъ Революціонеровъ“ и говорилъ о немъ такъ: „Возникнувъ, какъ утвержденіе соціализма противъ религіозно-политическаго догматизма Маццини, Союзъ поставилъ въ своей программѣ атеизмъ, совершенное отрицаніе всякаго авторитета и власти, уничтоженіе юридическаго права, отрицаніе гражданственности, замѣняющей въ государствѣ свободную человѣчность, коллективную собственность; онъ объявилъ трудъ основаніемъ общественной организаціи, которая въ этой его программѣ указывалась въ видѣ вольной федераціи снизу вверхъ“. (Историч. развитіе Интернаціонала, 301; ср. La théologie politique de Mazzini et l'Internationale par M. Bakounine. 1871). *).

О флорентинскомъ періодѣ жизни Бакунина находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ разсказѣ г. Анджело Де-Губернатиса, который былъ одно время близокъ къ Бакунину, женился на его родственницѣ (Безобразовой, племянницѣ А. и М. Н. Муравьевыхъ), но потомъ разошелся съ Бакунинымъ. Разсказъ г. Де-Губернатиса,— напечатанный въ автобіографическомъ предисловіи (Proemio autobiografico) къ его Біографическому словарю современныхъ писателей (Dizionario Biografico delli scrittori contemporanei. Firenze, 1880), имѣетъ цѣлью оправданіе этого расхожденія, а потому, конечно, долженъ былъ выйти нѣсколько односторонень и провѣренъ другими показаніями. Мы даемъ ему мѣсто здѣсь, такъ какъ основа его вполнѣ вѣроятна.

„Подъ конецъ 1864 и въ началѣ 1865 г.,—говоритъ г. Де-Губернатисъ,—случай захотѣлъ, чтобъ я встрѣтилъ въ домѣ извѣстнаго венгерскаго эмигранта Фр. Пульскаго знаменитаго изгнанника русскаго и соціалиста

*) Реакція ученіямъ Маццини (Dio e popolo) побудила Бакунина стать рѣшительнымъ атеистомъ. По поводу атеистическаго заявленія Б—на на Бернскомъ конгрессѣ Лиги Мира и Свободы въ 1869 г. Тургеневъ писалъ Герцену: „А Бакунинъ, видно, перемѣнилъ свои убѣжденія: онъ въ Лондонѣ, въ послѣдній разъ, когда я его видѣлъ, (въ 1862 г.) еще вѣрилъ въ личнаго Бога и въ разговорѣ со мной, на старый романтическій ладъ, ходя ночью при лунѣ по улицѣ, осуждалъ тебя за невѣріе“. (Письма Кав. и Тург. 202—203).

Михаила Бакунина. Онъ сидѣлъ, гремя и имѣя передъ собою громадную чашку чаю, которая ставилась передъ нимъ, соотвѣтственно его пищеварительной способности. Около него былъ кружокъ разныхъ лицъ, слушавшихъ его слово, ученое, обильное и остроумное. Онъ видѣлъ много людей и много вещей и разсказывалъ охотно и съ пониманіемъ о философіи гегеліанской. Однимъ вечеромъ, замѣтивши, что я болѣе живо слушалъ его, онъ продолжалъ говорить, обращаясь постоянно ко мнѣ, хотя я еще и не былъ ему представленъ, какъ будто хотѣлъ околдовать меня своимъ взглядомъ. При одномъ мѣстѣ, говоря о Шопенгауерѣ, онъ пріостановился, сказавши: „но зачѣмъ я говорю вамъ объ ученіяхъ Шопенгауера? Вотъ кто можетъ сказать о нихъ болѣе, такъ какъ можетъ показать, откуда Шопенгауеръ взялъ свои идеи“,—и указалъ на меня. (Г. Де-Губернатисъ былъ уже профессоромъ санскрита и всеобщей литературы). Я оказался открытымъ и далъ легко взять себя за душу. Скоро Бакунинъ всталъ, приблизился ко мнѣ и пожалъ мнѣ руку, спросивши меня немного таинственно,—не масонъ ли я?—Я объявилъ, что нѣтъ и что не хочу имъ быть, имѣя отвращеніе къ тайнымъ обществамъ... Бакунинъ сказалъ мнѣ, что я правъ, что онъ самъ не имѣетъ большого уваженія къ масонству, но что оно ему доставляетъ способъ приготовлять другое. Спросилъ меня за тѣмъ, не мацциністъ ли я и республиканецъ. Я отвѣтилъ: „не въ моей природѣ слѣдовать одному человѣку, какъ бы онъ великъ не былъ, и что я могъ бы быть республиканцемъ, но не маццініанцемъ, хотя я и признаю, что Мацціни оказалъ большія услуги свободѣ; но эта республика кажется мнѣ пустымъ словомъ; теперь по крайней мѣрѣ оно не значитъ болѣе ничего; могутъ быть республики аристократическія и монархіи демократическія; въ Италіи теперь не монархія, а бюрократическій порядокъ, который наводитъ скуку; что нужно теперь, такъ это свобода; — что нужно было бы, такъ это возможность преобразовать общество такъ, чтобъ всѣ были равны, не только передъ закономъ, но и передъ вопросомъ о хлѣбѣ, каковой вопросъ еще не одинаковъ для всѣхъ, такъ какъ одни имѣютъ излишнее, а другіе

терпятъ недостатокъ". Тутъ Бакунинъ стиснулъ мнѣ крѣпко руку, говоря: „ну, такъ вы нашъ,—такъ какъ мы работаемъ надъ этимъ предметомъ; вы должны присоединиться къ нашей работѣ". Я возражалъ, что желаю остаться свободнымъ, что хочу отвѣчать публично за всѣ свои поступки; тогда онъ пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, не малое,—и убѣдилъ меня, что въ виду мрачнаго заговора государствъ на зло общества, необходимо противупоставить другой заговоръ. Онъ говорилъ: „реакціонеры всѣ согласны между собою, а либералы, напротивъ, разсѣяны, раздѣлены, несогласны; необходимо заключить договоръ тайный, интернаціональный."

Великій змій окружилъ меня съ этой минуты своими фатальными кольцами; я немного противился еще, но наконецъ объявилъ, что, если пойдетъ дѣло на соціальную революцію непосредственную, то я вступлю въ тайное общество. Я возвратился домой въ часъ по полуночи,—попробовалъ лечь въ постель, чтобъ заснуть,—но напрасно. Новыя мысли такъ волновали мой мозгъ, что не давали мнѣ лежать. Я всталъ съ постели, ходилъ туда и сюда въ страшномъ возбужденіи по моимъ двумъ комнатамъ, ставшимъ отнынѣ слишкомъ тѣсными для новаго одушевленія (furore), который овладѣлъ мною,—обвиняя гнусность и безполезность моей прошлой жизни, но объявляя громко и быстро самому себѣ, что я былъ бы тѣмъ болѣе гнусенъ, еслибъ остался еще одинъ часъ больше, съ моими чувствами республиканскими и даже революціонными, въ моей оффиціальной должности" *).

Г. Де-Губернатисъ отказался отъ своей государственной службы и посвятилъ себя вполнѣ бакунинскому обществу. Бакунинъ представилъ его „братьямъ", какъ „лучшаго изъ итальянцевъ" и помѣстилъ его фотографію въ своемъ альбомѣ между портретами Маццини и

*) Этотъ разсказъ г. Де-Губернатиса напоминаетъ слова Басистова о вліяніи Рудина: „.... А что касается до вліянія Рудина, клянусь вамъ, этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигалъ, онъ не давалъ тебѣ останавливаться, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя! („Рудинъ" Тургенева).

Гарибальди. Но скоро горячій адептъ сталъ замѣчать, что общество въ сущности ничего не дѣлаетъ. „Братья далеко не дѣлили моей горячности, говоритъ г. Де-Губернатисъ,—а верховный глава былъ вполнѣ погруженъ въ собираніе пожертвованій для бѣдныхъ поляковъ, какъ онъ говорилъ. а на дѣлѣ для самого себя и для болѣе нуждающихся братьевъ, которые были вхожи къ нему въ домъ... Въ обществѣ всѣ хотѣли высшаго чина и никто не хотѣлъ служить какъ простой рядовой, а генералиссимусъ составлялъ каждую недѣлю новый шифръ и хотѣлъ, чтобъ я его изучалъ, говоря, что я одинъ долженъ обладать ключемъ его. Я отвѣчалъ, что считаю безполезнымъ всякій шифръ, когда работа идетъ общая въ одномъ городѣ и т. д.... Бакунинъ, видя мою рѣшимость вступить въ дѣйствіе, поручилъ мнѣ преподать соціальный катихизисъ двумъ молодымъ людямъ, которые тогда имѣли нѣкоторое вліяніе среди рабочихъ. Одинъ изъ нихъ, наборщикъ, оказался расположеннымъ вступить въ общество,—а о другомъ я долженъ сказать, что онъ самъ помогъ моему отрезвленію своимъ живымъ здравымъ смысломъ. Это былъ хорошій типъ тосканскаго рабочаго, сдѣлалъ походы въ Сицилію и къ Аспромонте, былъ молодъ сердцемъ и умомъ и откровененъ, schitto, честенъ, красивъ, обворожителенъ. Когда я ему изложилъ мою миссію, онъ мнѣ сказалъ: „посмотрите на эту винтовку; она служила дважды для моей родины; въ тотъ день, когда вы, господа, откроете ваши батареи и лучше объясните то, что вы хотите сдѣлать для нашего бѣднаго народа, я возьму ее опять и появлюсь въ первыхъ рядахъ бойцовъ,—но имѣйте терпѣніе: я не способенъ идти за другими, не зная куда!“.—Я готовъ былъ расцѣловать его,—такъ онъ мнѣ понравился. Я ушелъ и доложилъ дѣло главѣ верховнаго революціоннаго трибунала“.... Недолго спустя, какъ говоритъ г. Де-Губернатисъ, онъ настоялъ на томъ, чтобъ „общество“ или „братство“ было распущено. (Op. cit. XXI—XXIII).

Въ Неаполѣ въ 1865 г. Бакунинъ основалъ новое „интернаціональное братство“, вмѣстѣ съ депутатами Фанелли и Фришія. Малонъ называетъ его „первою секціей Интернаціонала“,—хотя „братство“ это не имѣло

никакого соприкосновенія съ организовавшимся тогда въ Лондонѣ „Интернаціональнымъ обществомъ рабочихъ“ *).

„Горячая молодежь,—говоритъ Малонъ,—въ которой мы находимъ Туччи, Гамбуцци, Капоруссо, Реццо, Коста, Кафіеро, Малатеста, Набруцци, Цанарделли, прониклась духомъ Бакунина, въ то время, какъ Биньани и Пичинини въ Ломбардіи, Ньокки-Віани въ Римѣ, посвящали себя также интернаціоналистической пропагандѣ. Программа великаго рускаго революціонера, обнародованная въ Giustizia e Liberta, имѣла много общихъ точекъ съ незадолго передъ тѣмъ опубликованнымъ завѣщаніемъ Пизакане; она имѣла большое распространіе и такъ сказать отдала соціалистическое движеніе въ Италіи въ его руки“. (B. Malon. L'Internationale. „La Nouvelle Revue“, 1884, 15 Février, 751).

Бакунинъ резюмировалъ свою программу въ такихъ словахъ: „уничтоженіе государства во всѣхъ его проявленіяхъ, юридическихъ, политическихъ и соціальныхъ, реорганизація по свободной иниціативѣ свободныхъ индивидуумовъ въ свободныхъ группахъ“ (тамъ же, 753).

Въ 1867 г. Бакунинъ явился въ Женевѣ на конгрессѣ „Лиги Мира и Свободы“ и выбирается членомъ постояннаго совѣта Лиги. Тутъ Бакунинъ обратилъ вниманіе на организованное передъ тѣмъ въ Лондонѣ Международное Общество Рабочихъ (такъ наз. Интернаціоналъ), которое имѣло уже 2-й конгрессъ (2—8 Сент. 1867) въ Лозаннѣ. Бакунинъ предложилъ Интернаціоналу проектъ союза съ Лигой, на условіи, что „рабочіе обяжутся поддерживать буржуазію, при завоеваніи политической свободы, а буржуазія обяжется содѣйствовать экономическому освобожденію пролетаріата“. Такой союзъ не былъ заключенъ, но рабочіе послали въ Женеву делегацію, которая присутствовала на конгрессѣ Лиги. Въ Іюлѣ 1868 г. Бакунинъ поступилъ въ Интернаціоналъ, былъ принятъ, по предложенію г. Элпидина, членомъ въ центральную

*) Мысль объ Интернац. обществѣ рабочихъ была поставлена въ Лондонѣ на митингѣ 28 Сент. 1864 г.; въ Сент. 1865 г. была въ Лондонѣ о томъ конференція, а 3 Сент. 1868 открылся въ Женевѣ первый конгрессъ Интернаціональнаго общества.

секцію въ Женевѣ *) и предложилъ вновь союзъ Лиги и Интернаціонала,—но Брюссельскій конгресъ послѣдняго (5—11 Сент. 1868 г.), согласился только послать депутацію на конгрессъ Лиги въ Бернѣ. Депутаты, впрочемъ, должны были присутствовать тамъ лишь какъ частныя лица. На конгрессѣ Лиги въ Сентябрѣ 1868, лишь 30 членовъ изъ 110 приняло соціалистическую программу Бакунина, (между ними братья Реклю, Фанелли, Жуковскій и пр.),—и тогда это меньшинство вышло изъ Лиги и образовало „*Alliance internationale de la Démocratie Socialiste*“. Въ этомъ союзѣ было образовано тайное интернаціональное братство, котораго центральный комитетъ передалъ диктатуру Бакунину. Союзъ хотѣлъ поступить въ Интернаціоналъ, сохраняя при этомъ свою отдѣльную организацію,—но ни національные совѣты Интернаціонала въ Бельгіи и Франціи, ни общій совѣтъ въ Лондонѣ не принялъ Союза на такихъ основаніяхъ и лишь въ 1869 г., когда общая организація Союза была объявлена (22 Іюня) распущенною, отдѣльныя секціи его были приняты въ Интернаціоналъ. Не смотря на это, бакунисты покушались неоднократно возобновить подъ разными именами Союзъ, сохраняя въ тоже время свое мѣсто въ Интернаціоналѣ.

Между тѣмъ въ Россіи возникло т. наз. Нечаевское дѣло. Процессъ, разбиравшійся въ Россіи въ Іюлѣ 1871 г. по поводу убійства въ к. 1869 г. Нечаевымъ и сообщниками его студента Петровской земледѣльческой академіи у Москвы Иванова, открылъ цѣлый рядъ обмановъ со стороны Нечаева **). Какъ видно изъ пе-

*) Въ т. наз. центральныя секціи обыкновенно поступали лица, которыя не принадлежали къ числу рабочихъ,—поэтому такія секціи назывались „секціями пропаганды“. Въ 1869 г. Бакунинъ явился на конгрессъ Интернаціонала въ Базелѣ, какъ делегатъ размотчицъ шелка въ Ліонѣ, хотя и жилъ въ Женевѣ. Въ спискѣ членовъ конгресса онъ записанъ такъ: „Bakounine, publiciste, délégué des ouvrières ovalistes de Lyon; Genève, 125, Rue Montbrillant“. (Testut, L'Internationale, 147).

**) Сергѣй Г. Нечаевъ родился въ с. Хомутовкѣ во Владимірской губ. въ семействѣ священника и въ 1867 г. былъ учителемъ Закона Божія и репетиторомъ въ Сергіевскомъ училищѣ въ Петербургѣ. Тамъ онъ сблизился со студентами медико-хирургиче-

чатаемыхъ далѣе писемъ, Бакунинъ сначала вполнѣ довѣрился Нечаеву.

Время дружбы Бакунина съ Нечаевымъ, — это періодъ въ жизни Бакунина, который производитъ самое несимпатичное впечатлѣніе. Нельзя читать многія письма этого времени безъ отвращенія, особенно тѣ, которыя обнаруживаютъ усилія, то нахальныя, то хитрыя, затянуть въ нечаевщину старшую дочь Герцена, едва оправившуюся отъ тяжкой болѣзни и вынесшую страшный ударъ смерти отца, — дѣвушку, о которой самъ Бакунинъ говорилъ Огареву, что онъ любитъ ее больше всѣхъ „изъ семьи нашего друга“ *). Совер-

ской академіи, среди которыхъ было много семинаристовъ, и у одного не семинариста сталъ брать уроки французскаго языка, читая преимущественно La Lanterne Рошфора. Во время студенческихъ волненій въ началѣ 1869 г. Нечаевъ являлся часто на собранія студенческихъделегатовъ, при чемъ называлъ себя делегатомъ литераторовъ и увѣрялъ, что имѣетъ связи даже въ III-мъ отдѣленіи. Въ Мартѣ 1869 г. Нечаевъ явился въ Женеву, послѣ студенческихъ волненій въ Россіи, и выдалъ себя за делегата студентовъ, выдумывая при этомъ, будто онъ убѣжалъ изъ Петербургской крѣпости. По словамъ брошюры Н. Утина, Бакунинъ былъ предупрежденъ относительно выдумокъ Нечаева, но тѣмъ не менѣе сошелся съ нимъ и выдалъ ему удостовѣреніе такого содержанія: „Предъявитель этого удостовѣренія есть одинъ уполномоченный представитель русской вѣтви всемірнаго революціоннаго союза“, — съ печатью *„Alliance révolutionnaire européenne“*, помѣткою: 12 Мая 1869 и подписью *Михаилъ Бакунинъ*. Замѣчательно, что титулы революціоннаго общества на этомъ удостовѣреніи и печать не совпадаютъ ни съ *„Association Internationale des travailleurs“*, ни съ *„Alliance de la démocratie socialiste“*, а между тѣмъ въ Россіи Нечаевъ выступалъ отъ имени перваго сообщества. 3/15 Сент. 1869 г. Нечаевъ явился съ этимъ удостовѣреніемъ въ Москвѣ къ Успенскому и приступилъ къ организаціи революціоннаго общества, увѣряя въ тоже время своихъ агентовъ въ существованіи уже въ Россіи многочисленнаго соціально-революціоннаго союза и его могучаго комитета. Встрѣтивъ недовѣріе и оппозицію въ Ивановѣ, студентѣ Земледѣльческой Академіи около Москвы, Нечаевъ убѣдилъ нѣсколькихъ товарищей убить его, какъ предателя; убійство совершенно было ночью въ паркѣ Землед. Академіи; скоро начались аресты по этому поводу, но Нечаевъ уѣхалъ въ Швейцарію. Дальнѣйшая его исторія видна въ письмахъ Бакунина. (Кромѣ данныхъ о процессахъ, см. о Нечаевѣ— „Матеріалы для біографіи“ его Л. Т. и З. Р. въ № 1 „Вѣстника Народной Воли“. Женева. 1883, и Zamfir C. Arbure „Temnita si exil“. 1894, 67 и д.).

*) Дальше, при письмѣ № LXVIII находится стихотвореніе Огарева, которое послужило рекомендаціей Нечаеву, черезъ перемѣну,

шенно понимая желаніе многихъ набросить вуаль на эту часть жизни Бакунина, мы не могли однако жъ утаить отъ потомства ни фактовъ, ни писемъ изъ этого времени, между прочимъ и потому, что по поводу отношеній Бакунина съ Нечаевымъ на перваго брошено уже не мало грязи и консерваторами и марксистами. Лучше уже разсказать правду во всей ея документальной наготѣ, такъ какъ правда все оправдываетъ, потому что все объясняетъ, а къ тому же и учитъ „потомство“.

Не лишено значенія и то обстоятельство, что „нечаевщина“ произвела было самое отталкивающее впечатлѣніе на современную русскую молодежь, тотчасъ послѣ опубликованія процесса Нечаевцевъ въ 1871 г., но послѣ, когда нѣкоторыя подробности были забыты, были дѣлаемы даже попытки идеализаціи Нечаева и новой популяризаціи среди русской молодежи его пріемовъ „революціонной дѣятельности“, признакъ, показывающій, что болѣзнь нечаевщины сидитъ глубже, и распространена больше, чѣмъ можно было предполагать.

Увлеченіе Бакунина Нечаевымъ показываетъ всего лучше, какъ Бакунинъ, хотя и самъ обладалъ способностью производить обаятельное дѣйствіе на другихъ, способенъ былъ самъ увлекаться другими, даже низшими себя натурами, если встрѣчалъ въ нихъ активность. Во всякомъ случаѣ близость съ Нечаевымъ сильно повредила Бакунину въ Западной Европѣ.

Въ Сентябрѣ 1871 г. Лондонская конференція Интернаціонала, по предложенію Общаго совѣта, руководимаго Марксомъ, рѣшила разслѣдовать участіе Союза и

по совѣту Бакунина, посвященія Нечаеву, вмѣсто Астракова, товарища молодости Огарева. Подобнымъ же образомъ Бакунинъ хотѣлъ добыть признаніе Нечаева и со стороны Нат. Ал. Герценъ. Для этого онъ просилъ послѣднюю нарисовать виньетку: мужика (великорусскаго) съ топоромъ и подписать свое имя, но ни за что не соглашался сказать, какое употребленіе онъ сдѣлаетъ изъ этой виньетки. Н. А. Герценъ отказала. Вообще надо сказать, что пробы макіавелизма, какъ и конспираторства, у Бакунина отличались большой наивностью: видно, что добродушная, русско-помѣщичья натура Мих. А—ча не имѣла въ себѣ ни зерна натуры хитраго венеціанца Яго!

Бакунина въ дѣлахъ Нечаева и поручила Николаю Утину составить по этому вопросу докладъ. Послѣдній былъ представленъ Гаагскому конгрессу Интернаціонала въ 1872 г. и изданъ подъ заглавіемъ „L'Alliance de la Démocratie Socialiste et l'Association Internationale des Travailleurs“ (Londres, A. Darson. Hambourg, en vente chez Otto Meissner, нѣмецкое изданіе въ Брауншвейгѣ *). Гаагскій конгрессъ исключилъ Бакунина изъ Интернаціонала, который, впрочемъ, вслѣдъ за тѣмъ распался, какъ изъ-за бакунинскаго вопроса, такъ и изъза вопроса о необходимости существованія въ Интернаціоналѣ центральнаго Общаго совѣта. Не смотря на то, что Гаагскій конгрессъ назначилъ пребываніе этому совѣту въ Америкѣ и тѣмъ ослабилъ его практическое значеніе въ Европѣ, многія секціи швейцарскія, испанскія и бельгійскія, не желавшія никакой централизаціи въ Интернаціоналѣ, протестовали и созвали отдѣльный конгрессъ „антиавторитарнаго“, или „федералистическаго“ Интернаціонала въ St. Imier, въ Юрской Швейцаріи. Этотъ новый Интернаціоналъ, въ которомъ Бакунинъ сохранилъ нѣкоторый авторитетъ, и котораго главную опору составляла Юрская федерація, продолжалъ созывать конгрессы до 1877 г., пока въ Гентѣ и онъ распался на группы коллективистовъ и чистыхъ анархистовъ. Но въ это время Бакунинъ уже не жилъ. Онъ умеръ 6 Іюля (нов. ст.) 1876 г. въ Бернѣ, куда пріѣхалъ для леченія у стараго пріятеля, доктора Фохта.

О послѣднемъ времени пребыванія Бакунина въ Локарно есть весьма характерныя показанія въ „Воспоминаніяхъ Дебагорія Мокріевича“ (Парижъ, 1894).

Хотя мы считаемъ еще преждевременною, по недостаточоости матерьяловъ, общую оцѣнку значенія дѣя-

---

*) Защита Alliance изложена въ книгѣ „Memoire présenté par la Fédération Jurassienne de l'Association Internationale des travailleurs à toutes les fédérations de l'Internationale“. Sonvilier, 1873. Въ книгѣ этой много документовъ, а также газетныхъ статей и рѣчей Бакунина. Брошюрой Утина пользовался главнымъ образомъ E. De Levelaye для своей характеристики Бакунина, какъ „апостола нигилизма“, въ книгѣ „Le Socialisme contemporain“. Довольно обстоятельно и безпристрастно изложено столкновеніе партій Маркса и Бакунина въ упомянутой выше статьѣ Малона.

тельности Бакунина, но позволяемъ себѣ сказать въ заключеніе нашего біографическаго очерка, что слова Бѣлинскаго, взятыя нами за эпиграфъ, вѣроятно, окажутся близкими къ оцѣнкѣ. Въ лицѣ Бакунина мы имѣемъ крупный образецъ активнаго русскаго человѣка, въ области политики едва ли не единственный въ 40-е годы и даже послѣ, довольно рѣдкій. Само собою разумѣется, что при оцѣнкѣ всякой активности должна приниматься во вниманіе не только энергія ея и ея направленіе, но и ея умѣлость и полезность ея результатовъ. Относительно же многихъ проявленій активности Бакунина и теперь можно уже сказать, что они приносили больше вреда, чѣмъ пользы для самого дѣла, которому онъ же хотѣлъ служить. Но вины тому слѣдуетъ искать не только въ личныхъ свойствахъ Бакунина, но и въ общихъ условіяхъ русской политической жизни. Цѣлесообразное направленіе энергіи, умѣлость въ политической дѣятельности—это вещи, которыя не импровизируются, а вырабатываются долгимъ и при томъ наслѣдственнымъ опытомъ, какъ умѣнье плавать пріобрѣтается только въ водѣ. А гдѣ же въ Россіи была та политическая вода, въ которой бы Бакунинъ могъ выучиться умѣло плавать? Отсутствіемъ всякихъ кадровъ для свободной общественной дѣятельности, русскіе люди и до сихъ поръ осуждены учиться ей не столько положительными примѣрами, сколько наблюденіемъ ошибокъ предшественниковъ и сверстниковъ.

Считаемъ не лишнимъ сказать хоть нѣсколько словъ по поводу сужденій, какія часто высказываются о Бакунинѣ въ западно-европейской печати. Такъ, напр., Бакунинъ выставляется спеціальнымъ врагомъ нѣмцевъ изъ побужденій русскаго шовинизма, который у него скрывался-де подъсоціализмомъ, — такъ онъ называется отцомъ русскаго нигилизма, а въ послѣднее время отцомъ современнаго бомбистскаго анархизма.

Раздраженіе противъ нѣмцевъ проходитъ и черезъ печатаемые нами документы. Но надо поискать источ-

никъ этого раздраженія и вообще противунѣмецкихъ тенденцій Бакунина.

Корень раздраженія Бакунина противъ нѣмцевъ находится въ его участіи въ славянскомъ съѣздѣ 1848 г., который былъ ненавистенъ почти всѣмъ нѣмцамъ въ свое время. Отсюда же идетъ и нерасположеніе нѣмецкой прессы къ Бакунину, независимое отъ какихъ бы то ни было его воззрѣній. Между тѣмъ можно сказать, что вопросъ, который раздражалъ главнымъ образомъ и нѣмцевъ и славянъ въ 1848 г., уже порѣшенъ исторіей и при томъ главнымъ образомъ нѣмецкой, въ смыслѣ гораздо болѣе близкомъ къ желаніямъ славянскихъ патріотовъ 1848 г., чѣмъ нѣмецкихъ: съ 1866 г. Австрія съ ея землями, входившими въ германскій союзъ, и съ славянскимъ ихъ населеніемъ, устранена изъ Германіи и въ ней *volens-nolens* стало сильнѣе развиваться равноправіе народностей, которое несомнѣнно приблизится къ типу швейцарскому.

Затѣмъ, какъ это ни страннымъ можетъ показаться, а значительная часть антинѣмецкихъ идей Бакунина есть въ сущности славянорусскій переводъ нѣмецкихъ же историческихъ теорій, бывшихъ особенно въ ходу въ то время, когда Бакунинъ учился въ Германіи. Какъ извѣсто, тогда во всей Западной Европѣ, а особенно въ Германіи, было въ большой силѣ построеніе исторіи, которое видѣло во всемірной цивилизаціи проявленіе національнаго духа и сущностей (Geist und Wesen), со смѣной національныхъ гегемоній. Только нѣмецкіе теоретики предполагали въ новой исторіи безконечную гегемонію германскаго духа, между тѣмъ какъ славянскіе ихъ ученики ждали періода гегемоніи славянской. Подобно тому, какъ германофилы раздѣлялись на консервативныхъ, церковно-монархическихъ, которые видѣли осуществленіе германскаго идеала въ католической Австріи или въ лютеранской Пруссіи, и прогрессивныхъ,—либерально-раціоналистическихъ, которые считали представителями Тацитовой Германіи Англію или Сѣверную Америку, — раздѣлились и славянофилы: въ то время какъ одни поклонялись православію и царизму, — другіе считали славянъ, по крайней мѣрѣ русскихъ, за народъ реалистическій, не ре-

лигіозный по преимуществу, а политическихъ идеаловъ славянскихъ искали въ *демократіяхъ*, какія описаны византійскими писателями. Спеціально въ Россіи даже ортодоксальная школа московскихъ славянофиловъ (Хомякова, Аксаковыхъ и др.) видѣла идеалъ національнаго государства не въ бюрократической имперіи Николая I, какъ фракція Погодина, а въ московскомъ царствѣ съ его челобитьями (петиціями) земскихъ соборовъ. Другіе, — (особенно украинскіе панслависты школы Костомарова)—отступали еще болѣе въ глубину вѣковъ и видѣли національный идеалъ славянорусскаго государства въ Кіево-Новгородскихъ вѣчахъ, а продолженіе его въ казацкихъ кругахъ. Герценъ и Бакунинъ сблизились съ этимъ послѣднимъ направленіемъ, которое изъ историковъ великоруссовъ стали излагать проф. Пл. В. Павловъ и Щаповъ *).

Впрочемъ, Костомаровъ, Павловъ и Щаповъ, какъ присяжные ученые, были довольно сдержанны въ своихъ обобщеніяхъ и при томъ чужды ученія объ устарѣлости романогерманскаго запада. Да и у Бакунина этого ученія всегда было мало видно,—онъ только антипатизировалъ спеціально нѣмецкому вліянію на русское государство въ ряду другихъ подобныхъ вліяній, измѣнившихъ будто бы его національный, свободный характеръ,—какъ вліяніе византійское и татарское.

Такимъ образомъ у русскихъ націоналистовъ, въ родѣ Бакунина и Герцена, составилось ученіе о томъ, что современная имъ Русская имперія есть государство типа чуждаго русскому народу: византійско-татарско-нѣмецкое или „голштейнъ-татарское“, какъ выражался Герценъ, пародируя фамильный титулъ династіи Романовыхъ: домъ голштейнъ-готторпскій. Такая философія исторіи русской,—которой цѣликомъ все же не раздѣляли болѣе ученые русскіе историки, была довольно удобна для борьбы съ императорскимъ абсолютизмомъ и потому пошла въ ходъ въ публикѣ и публицистикѣ.

*) Пр. Павловъ провелъ нѣкоторое время въ Лондонѣ въ близкихъ отношеніяхъ съ Герценомъ (см. показанія г-жи Огаревой). Многія экскурсіи Герцена и Огарева въ область философіи исторіи Россіи напоминаютъ намъ лекціи пр. Павлова, слышанныя нами въ Кіевскомъ университетѣ.

Къ тому же несомнѣнное участіе нѣмецкихъ фамилій въ числѣ слугъ системы Николая I (Клейнмихели, Бенкендорфы и т. п.) давало видимую поддержку этой историко политической философіи *).

Всѣ такія построенія исторіи и политики теперь подорваны въ корнѣ сравнительно-антропологическими студіями, которыя между прочимъ показали, что общинно-свободныя учрежденія—фактъ общечеловѣческій, а въ то же время и абсолютно-бюрократическія представляютъ собою фазу, черезъ которую проходятъ всѣ большія государства, при чемъ фактъ посторонняго вліянія (азіатскихъ деспотій на грековъ и римлянъ, римско-византійскаго права на среднюю Европу, Франціи на Германію, Германіи на Россію) есть фактъ второстепенный. Но нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ всѣ эти національстическія и даже національно мессіанистическія построенія исторіи и политики были дѣломъ весьма естественнымъ и въ Западной Европѣ и въ Россіи.

Въ Россіи эти построенія были подорваны съ половины 60-хъ годовъ, какъ началомъ новаго научнаго направленія, такъ и рѣшительнымъ переходомъ славянофиловъ въ лагерь реакціонный, такъ что Герценъ съ его соціалистическимъ славянофильствомъ остался изолированнымъ. Бакунинъ заплатилъ дань славянскому мессіанизму гораздо слабѣе, чѣмъ Герценъ **). Послѣ неудачи польскаго возстанія 1863 — 64 гг. этотъ мессіанизмъ у Бакунина совершенно исчезаетъ. У него осталось раздраженіе противъ нѣмцевъ или, лучше сказать его словами, противъ нѣмецкихъ евреевъ, поддерживаемое полемическими нападеніями на него,—да недовѣріе къ революціонности нѣмцевъ, но мнѣній о какомъ бы то ни было превосходствѣ славянъ передъ „латино-германскимъ западомъ“ у Бакунина въ то время

*) Даже Костомаровъ замѣтилъ въ статьѣ о „Началѣ Руси“, что присоединеніе остзейскихъ провинцій къ Россіи оказало особенно большое вліяніе на развитіе въ ней „государственности“.

**) Сильнѣйшее выраженіе этого мессіанизма у Бакунина мы находимъ въ слѣдующей фразѣ „Воззванія къ славянамъ“,— гдѣ онъ говоритъ, что славяне могутъ „перелить свою внутреннюю политику, какъ свѣжіе весенніе соки въ жилы окоченѣлой европейской народной жизни“ (см. дальше, стр. 132).

нѣтъ вовсе. Совсѣмъ напротивъ: онъ высказываетъ мнѣ, ніе, что западъ долженъ опередить Россію по части соціальной революціи и возлагаетъ особенныя надежды на романскіе народы.

Въ болѣе молодыхъ русскихъ передовыхъ кругахъ, особенно среди соціалистовъ, подъ вліяніемъ Интернаціонала, всякія націоналистическія тенденціи если не исчезаютъ, то прячутся: у народниковъ онѣ живутъ, какъ вѣра въ то, что русскій крестьянинъ по натурѣ соціалистъ, и способенъ произвести соціальную революцію, можетъ быть, и раньше западнаго рабочаго. Но какъ теоретическое ученіе русскій мессіанизмъ не высказывается ясно уже никѣмъ въ передовыхъ русскихъ кругахъ съ 20-хъ годовъ. Спеціально же у соціалистовъ русскихъ замѣчается съ этого времени даже возрастающее подчиненіе мнѣніямъ западныхъ школъ, въ томъ числѣ, въ послѣднее время, особенно нѣмецкимъ соціалъ-демократамъ, у которыхъ русскіе не замѣчаютъ даже остатковъ стараго нѣмецкаго націонализма, сильнаго въ особенности у тѣхъ, которые воспитались до 1848 г. *).

*) Ни у Герцена, ни у Бакунина не найдется ничего подобнаго словамъ Лассаля, который аплодировалъ надеждамъ Родбертуса Ягетцова „дожить до времени, когда турецкое наслѣдство достанется Германіи и когда нѣмецкіе полки солдатъ или работниковъ будутъ стоять на Босфорѣ“ и признавалъ славянъ не за націи, а „за расы, которыя имѣютъ одно право: быть ассимилированными великими культурными націями“ (Briefe von Ferdinand Lassale an Karl Rodbertus-Jahetzow. Berlin. 1878, 56—57). Во время послѣдней балканской войны нѣмецкіе соціалъ-демократы, съ Либкнехтомъ во главѣ, были открыто на сторонѣ Турціи и не потому, что боялись, что Россія не достаточно освободитъ балканскихъ славянъ, а прямо изъ ненависти къ славянамъ. Въ своихъ рѣчахъ и статьяхъ Либкнехтъ оплакиваетъ исключеніе Австріи изъ Германіи, такъ какъ черезъ это „прорванъ валъ, который шелъ чрезъ славянскій міръ отъ Балтійскаго моря до Адріатики“ и такъ какъ черезъ это „Австрія предана почти безпомощно славянскому наводненію“. Онъ считаетъ турецкія жестокости за русскую выдумку, равно какъ и существованіе „южныхъ славянъ, стремящихся къ свободѣ“ и т. д. (Die Orientdebatte im deutschen Reichstag.—id. Zur orientalischen Frage, oder: Soll Europa kosakisch werden? Ein Mahnwort an das deutsche Volk. Leipzig. Höhme.—Ср. Zur orientalischen Frage, oder Soll die sozialistische Arbeiterpartei türkisch werden? Ein Mahnwort an die deutsche Socialdemokratie von H. L. (сербъ). Между тѣмъ русскіе соціалъ-демократы простираютъ свое

Относительно приложенія къ Бакунину имени *отца русскаго нигилизма* надо прежде всего сказать, что подъ слово нигилизмъ подгоняютъ движеніе слишкомъ сложное, чтобъ его можно опредѣлить однимъ словомъ, и часто называютъ нигилистами, напримѣръ, такихъ противниковъ правительства въ Россіи, которые въ западной Европѣ явились бы весьма умѣренными политиками. Кромѣ того, подъ слово нигилизмъ подводятъ два движенія, которыя были въ сущности своей весьма различны и по своей идейной подкладкѣ, да и по личному составу. Движеніе, олицетворенное въ Базаровѣ, въ романѣ Тургенева, писанномъ въ 1861 г., имѣло въ себѣ мало соціально-политическаго элемента, а было больше философскимъ и культурнымъ,—какъ отраженіе въ Россіи идей матеріализма и утилитаризма, съ оттѣнкомъ всероссійской малокультурности и великороссійской грубоватости. Движеніе же 70-хъ годовъ, проявившее себя въ „хожденіи въ народъ“ съ его послѣдствіями, было насквозь соціальнымъ и явилось, какъ смѣсь западнаго соціализма съ отечественнымъ „народничествомъ“.

Бакунинъ совсѣмъ былъ непричастенъ къ базаровщинѣ, да мало имѣлъ соприкосновенія и съ такими предшественниками соціально-революціоннаго хожденія въ народъ, каковымъ была прокламація „Молодая Россія“ въ 1862 г., провозгласившая надежду только на народъ (черный) и учащуюся молодежь, и пошедшую собственно въ разрѣзъ съ проявившимся тогда движеніемъ въ образованномъ „обществѣ“ съ дворянствомъ,—къ побужденію правительства созвать земскій соборъ. Это движеніе поддерживалъ Чернышевскій (Письма безъ адреса) и самъ Бакунинъ съ Огаревымъ редижировали проектъ адреса о земскомъ соборѣ и Бакунинъ

космополитическое усердіе до того, что тоже не одобряли сербоболгарскаго движенія противъ Турціи въ 1875—77 гг. и совѣтовали балканскимъ славянамъ подождать соціальной революціи въ Германіи, Австріи и Россіи (см. напр. „Впередъ“ г. Лаврова), а недавно совершенно наивно напечатали въ русскомъ „Соціалъ-демократѣ“ статью Энгельса объ иностранной политикѣ Россіи, не замѣтивъ ни ея старомоднаго національнаго, ни фактическаго незнакомства съ предметомъ.

полемизировалъ съ „Молодой Россіей“, которую только послѣ 1866 г. онъ началъ ставить въ образецъ новѣйшей молодежи. Такимъ образомъ можно сказать, что Бакунинъ былъ столько же въ отцахъ болѣе новаго движенія, проявившагося въ 70-е годы, сколько и въ дѣтяхъ его предшественниковъ и въ его братьяхъ. И въ этомъ пунктѣ онъ и увлекалъ другихъ, и самъ былъ увлекаемъ.

По отношенію къ современному, бомбистскому анархизму, Бакунинъ можетъ быть признанъ развѣ дѣдомъ его, а вовсе не отцомъ, какъ Прудонъ и Максъ Штирнеръ могутъ быть признаны прадѣдами его. Конечно, вполнѣ выяснить отношеніе это можетъ только обнародованіе всей переписки Бакунина съ соціалистами западно-европейскихъ странъ. Пока же въ письмахъ Бакунина и его прокламаціяхъ можно найти мысль о „всеразрушеніи“ государственныхъ формъ, о значеніи огня, кинжала и яда въ революціи, совѣта парижскимъ комунарамъ разрушить полъ-Парижа и даже слѣды плановъ, добыть средства для революціи посредствомъ частной кражи (см. письмо № ХС). Но преобладающей революціонной мечтой Бакунина былъ организованный общинный бунтъ, а не индивидуальные подвиги Равашоля, Генри и т. п. Политическое ученіе Прудона объ *анархіи*, которое сводилось у него собственно къ *федерализму*, на манеръ швейцарскаго (см. его *Du principe fédératif*) Бакунинъ видоизмѣнилъ въ *аморфизмъ*, и то какъ переходный моментъ къ будущему построенію общества *снизу вверхъ*, — и въ то же время превратилъ прудоновское *воздержаніе* отъ участія въ политическихъ выборахъ во время имперіи, въ постоянное отрицаніе для соціалистовъ политической дѣятельности среди „буржуазнаго государства“, рекомендуя вмѣсто нея *пропаганду* революціонными *фактами* (*propagande par le fait*). Но характерный примѣръ бакунинскаго *парлефетизма*, послѣ неудачи *Болонской попытки* 1874 г. (см. дальше при письмѣ № СХШ) была *Беневентская попытка*, устроенная вполнѣ по рецепту Бакунина въ 1877 г., когда въ села явились группы революціонеровъ (предводимыя итальянскими друзьями Бакунина и однимъ русскимъ) и объявили уничтоженіе податей,

частной собственности, сожигали оффиціальныя бумаги и т. п. (см. между прочимъ *Em. de Laveleye*, Le Socialisme contemporain, VII ed., 257—259). Различіе съ анархизмомъ, бросающимъ бомбы въ кафе,—огромное!

Надо замѣтить и то, что въ Россіи, гдѣ вліяніе Бакунина должно было быть значительно, и которая считается почвою бакунизма, ничего похожаго на новѣйшій анархизмъ нѣтъ *). Въ пропагандѣ новѣйшаго анархизма во Франціи въ 80-е годы приняли участіе гораздо больше послѣдователи Бланки и Піа съ примѣсью агентовъ хитроумнаго префекта Andrieux, чѣмъ старые анархисты школы Бакунина **).

Русскій „терроризмъ“ 1878—1881 гг., или проще сказать, рядъ политическихъ убійствъ въ Россіи, — не имѣетъ ничего общаго съ новѣйшимъ западно-европейскимъ анархизмомъ ни по своимъ политическимъ идеямъ и цѣлямъ, ни по своему приложенію. Конечно, онъ вліялъ на возбужденіе новѣйшаго анархизма въ западной Европѣ, но лишь своимъ примѣромъ употребленія динамита и фактомъ своего существованія,—но даже знаменитый русскій „исполнительный комитетъ“ прямо заявилъ, что считаетъ политическія убійства въ странѣ, гдѣ есть политическая свобода, неоправданнымъ преступленіемъ. Разговоры же, которые велись въ нѣкоторыхъ кружкахъ русской молодежи въ 1880-е годы о необходимости систематизировать въ Россіи „терроръ ирландскій“, т. е. преступленія аграрныя

*) Единственный теперь русскій анархистъ, кн. Петръ Крапоткинъ принимаетъ въ анархическомъ движеніи чисто платоническое участіе и пишетъ въ англійскихъ обозрѣніяхъ статьи объ анархизмѣ, скорѣе филантропическаго, чѣмъ революціоннаго характера, такъ что одну изъ нихъ консервативный Journal des Debats поставилъ даже въ образецъ французскимъ анархистамъ, такъ какъ она не проповѣдуетъ ни кражъ, ни убійствъ и т. п. Одинъ изъ русскихъ учениковъ Бакунина, принимавшій участіе въ „Беневентской попыткѣ“, нѣсколько разъ выступалъ въ англійской печати противъ новѣйшаго бомбистскаго анархизма. Также точно и г. Мокріевичъ указываетъ на разницу этого анархизма съ бунтарствомъ Бакунина (см. выше).

**) Изъ послѣднихъ болѣе видные, какъ Маллонъ, Гэдъ, Бруссъ, какъ въ Италіи Коста, оказались среди поссибилистовъ, соціалъ-демократовъ и т. п., другіе, какъ Guillaume, совсѣмъ удалились отъ политики.

(практикуемыя въ Россіи крестьянами) остались безъ всякаго примѣненія на дѣлѣ. Но и между ирландскими аграрными преступленіями и бомбами новѣйшаго анархизма лежитъ цѣлая пропасть!

М. Драгомановъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

РѢЧЬ М. А. БАКУНИНА

ПРОИЗНЕСЕННАЯ 29 НОЯБРЯ 1847 Г. ВЪ ПАРИЖѢ НА БАНКЕТѢ ВЪ ГОДОВЩИНУ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ 1830 Г.

(Переводъ по тексту, напечатанному въ газетѣ La Réforme 1847, 14 Décembre).

Господа,

Настоящая минута для меня очень торжественна. Я русскій и прихожу въ это многочисленное собраніе, которое сошлось, чтобъ праздновать годовщину польскаго возстанія и котораго одно присутствіе здѣсь есть уже родъ вызова, угроза и какъ бы проклятіе, брошенное въ лицо всѣмъ притѣснителямъ Польши;—я прихожу къ нему, господа, одушевленный глубокою любовью и непоколебимымъ уваженіемъ къ моему отечеству.

Мнѣ не безизвѣстно, насколько Россія не популярна въ Европѣ. Поляки смотрятъ на нее, не безъ основанія, быть можетъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ ихъ несчастій. Люди независимые въ другихъ странахъ видятъ въ столь быстромъ развитіи ея могущества опасность, постоянно растущую, для свободы народовъ. Повсюду имя русскаго является синонимомъ грубаго угнетенія и позорнаго рабства. Русскій, во мнѣніи

Европы, есть ни что другое, какъ гнусное орудіе завоеванія въ рукахъ ненавистнѣйшаго, какъ и опаснѣйшаго деспотизма.

Господа,—не для того чтобъ оправдывать Россію отъ преступленій, въ которыхъ ее обвиняютъ, не для того чтобъ отрицать истину, взошелъ я на эту трибуну. Я не хочу пробовать невозможное. Истина становится болѣе, чѣмъ когда либо, нужною для моего отечества.

И такъ, да,—мы еще народъ рабскій! У насъ нѣтъ свободы, нѣтъ достоинства человѣческаго. Мы живемъ подъ отвратительнымъ деспотизмомъ, необузданномъ въ его капризахъ, безграничномъ въ дѣйствіи. У насъ нѣтъ никакихъ правъ, никакого суда, никакой апелляціи противъ произвола; мы не имѣемъ ничего, что составляетъ достоинство и гордость народовъ. Нельзя вообразить положеніе болѣе несчастное и болѣе унизительное.

Извнѣ наше положеніе не менѣе плачевно. Будучи пассивными исполнителями мысли, которая для насъ чужая, воли, которая также противна нашимъ интересамъ, какъ и нашей чести, мы страшны, ненавидимы, я хотѣлъ даже сказать, почти презираемы, потому что на насъ повсюду смотрятъ, какъ на враговъ цивилизаціи и человѣчества. Наши повелители пользуются нашими руками, для того чтобъ сковать міръ, чтобъ поработить народы и всякій успѣхъ ихъ есть новый позоръ, прибавленный къ нашей исторіи.

Не говоря о Польшѣ, гдѣ съ 1772 и особенно съ 1831 г. мы опозориваемся каждый день жестокими насиліями, гнусностями, которымъ нѣтъ имени,—какую только несчастную роль не заставляли насъ играть въ Германіи, въ Италіи, въ Испаніи, даже во Франціи, повсюду, куда наше вредоносное вліяніе могло только проникнуть?

Послѣ 1815 г. было ли хоть одно благородное дѣло, которое бы мы не подавляли, хоть одно дурное дѣло, которое бы мы не поддерживали, хоть одна великая несправедливость политическая, въ которой мы бы не были подстрекателями или соучастниками?—Вслѣдствіе фатальности, поистинѣ плачевной, и гибельной прежде всего для самой Россіи, эта Россія, съ самаго начала ея поднятія до чина первостепеннаго государства,

сдѣлалась поощреніемъ къ преступленію и угрозою всѣмъ святымъ интересамъ человѣчества. Благодаря этой ненавистной политикѣ нашихъ государей, русскій, въ оффиціальномъ смыслѣ слова, значитъ рабъ и палачъ!

Вы видите, господа,—я вполнѣ сознаю свое положеніе; и все таки я являюсь здѣсь, какъ русскій,—не несмотря на то, что я русскій, но потому что я—русскій. Я прихожу съ глубокимъ чувствомъ отвѣтственности, которая тяготитъ на мнѣ, равно какъ и на всѣхъ другихъ личностяхъ изъ моего отечества, такъ какъ честь личная нераздѣльна отъ чести національной: безъ этой отвѣтственности, безъ этого внутренняго союза между націями и ихъ правительствами, между личностями и націями, не было бы ни отечества, ни націи. (Аплодисменты).

Этой отвѣтственности, этой солидарности въ преступленіи никогда, господа, я не чувствовалъ такъ больно, какъ въ эту минуту; потому, что годовщина, которую вы сегодня празднуете, господа, для васъ—великое воспоминаніе, воспоминаніе святаго возстанія и геройской борьбы, воспоминаніе объ одной изъ прекраснѣйшихъ эпохъ вашей національной жизни. (Продолжительные аплодисменты). Вы всѣ присутствовали при этомъ великолѣпномъ возбужденіи народномъ, вы принимали участіе въ этой борьбѣ, вы были въ ней дѣятелями и героями. Въ этой святой войнѣ, казалось, развили, распространили, истощили все, что великая душа польская содержитъ въ себѣ энтузіазма! Подавленные численною силою вы наконецъ упали. Но воспоминаніе объ этой эпохѣ, на вѣки памятной, осталось записаннымъ пламенными буквами въ вашихъ сердцахъ; но вы всѣ вышли возрожденные изъ этой войны: возрожденные и сильные, закаленные противъ искушеній несчастія, противъ печалей изгнанія, полные гордости за ваше прошлое, полные вѣры въ ваше будущее!

Годовщина 29 Ноября, господа, для васъ не только великое воспоминаніе, но еще и залогъ будущаго освобожденія, будущаго возврата вашего въ ваше отечество. (Аплод.).

Для меня, какъ для русскаго, это годовщина позора;

да,—великаго позора національнаго! Я говорю это громко: война 1831 г. была съ нашей стороны войной безумной, преступной, братоубійственной. Это не было только несправедливое нападеніе на сосѣдній народъ, это было чудовищное покушеніе на свободу брата. Это было болѣе, господа: со стороны моего отечества это было политическое самоубійство. (Аплод.). Эта война была предпринята въ интересѣ деспотизма и никоимъ образомъ не въ интересѣ націи русской,—ибо эти два интереса абсолютно противуположны. Освобожденіе Польши было нашимъ спасеніемъ; если бы вы стали свободны, мы бы стали также; вы не могли бы ниспровергнуть путь царя польскаго, не поколебавъ трона императора Россіи... (Аплод.). Мы дѣти одной породы, и наши судьбы не раздѣльны и наше дѣло (cause) должно быть общимъ. (Аплод.).

Вы это хорошо поняли, когда вы написали на вашихъ революціонныхъ знаменахъ эти русскія слова: „за нашу и за вашу вольность". Вы это хорошо поняли, когда, въ самый критическій моментъ борьбы, вся Варшава собралась въ одинъ день, подъ вліяніемъ великой братской мысли отдать честь публично и торжественно нашимъ героямъ, нашимъ мученикамъ 1825 г., Пестелю, Рылѣеву, Муравьеву-Апостолу, Бестужеву-Рюмину и Коховскому (аплод.), повѣшеннымъ въ Петербургѣ, за то что они были первые граждане Россіи!

Ахъ, господа, вы ничѣмъ не пренебрегали, чтобъ убѣдить насъ въ вашемъ симпатическомъ расположеніи, чтобъ тронуть наши сердца, чтобъ вытянуть насъ изъ нашего фатальнаго ослѣпленія. Напрасныя попытки! Потерянный трудъ! Солдаты царя, глухіе къ вашему призыву, не видя, не понимая ничего, мы пошли противъ васъ,—и преступленіе совершено! Господа, изъ всѣхъ утѣснителей, изъ всѣхъ враговъ вашей страны, наиболѣе заслужили ваши проклятія и вашу ненависть—мы.

И однакожъ я являюсь передъ вами не только какъ русскій кающійся. Я осмѣливаюсь провозгласить въ вашемъ присутствіи мою любовь и мое почтеніе къ моему отечеству. Я осмѣливаюсь еще болѣе, господа, осмѣливаюсь пригласить васъ на союзъ съ Россіей.

Я долженъ объясниться.

Около года тому назадъ,—я думаю, послѣ убійствъ въ Галиціи, польскій дворянинъ, въ очень краснорѣчивомъ и сдѣлавшимся извѣстнымъ письмѣ, адресованномъ къ князю Меттерниху, дѣлалъ вамъ страшное предложеніе *). Увлеченный, безъ сомнѣнія, ненавистью, впрочемъ совершенно законною, противъ австрійцевъ, онъ предлагалъ вамъ ни много—ни мало, какъ подчиниться царю, отдаться ему тѣломъ и душею, вполнѣ, безъ условій и оговорокъ; онъ вамъ совѣтовалъ захотѣть добровольно то, чему вы до тѣхъ поръ подчинялись, и обѣщалъ вамъ, въ вознагражденіе за это, что лишь только вы перестанете позировать какъ рабы, вашъ господинъ, противъ своей воли, станетъ вашимъ братомъ. Вашимъ братомъ, господа, слышите ли вы?—императоръ Николай вашимъ братомъ! (Нѣтъ нѣтъ! Живое движеніе).

Угнетателя, врага самаго ожесточеннаго, врага личнаго Польши, палача столькихъ жертвъ (браво!...) похитителя вашей свободы, того, кто васъ преслѣдуетъ съ такою адскою настойчивостію, столько же по ненависти и инстинкту, какъ и изъ политики,—вы приняли бъ за брата? (Нѣтъ! нѣтъ!).

Всякій изъ васъ предпочелъ бы погибнуть (Да!...) я это хорошо зналъ; всякій изъ васъ предпочелъ бы видѣть погибель Польши, чѣмъ согласиться на такой чудовищный союзъ. (Удвоенныя браво). Но допустите на мгновеніе это невозможное предположеніе. Знаете ли, какое было бы самое вѣрное средство для васъ нанести вредъ Россіи? Это было бы подчиниться царю. Онъ нашелъ бы въ этомъ освященіе для своей политики и такую силу, которую отнынѣ ничто бы не могло остановить. Горе намъ было бы, еслибъ эта антинаціональная политика воспреобладала надъ всѣми препятствіями, которыя еще противятся ея полному осуществленію! И первое, самое большое препятствіе, это безспорно

*) Въ 1846 г. польскіе (а вовсе не русинскіе, какъ повторяютъ многіе и до сихъ поръ) крестьяне въ западной (польской) Галиціи перебили польскихъ инсургентовъ и затѣмъ многихъ помѣщиковъ-поляковъ. По этому поводу написалъ открытое письмо Меттерниху маркизъ Велепольскій, впослѣдствіи начальникъ гражданской администраціи въ Ц. Польскомъ 1862—1863 гг. М. Др.

Польша, это отчаянное сопротивленіе этого геройскаго народа, который спасаетъ насъ, борясь съ нами. (Шумные аплодисменты).

Да,—потому что вы враги императора Николая, враги Россіи оффиціальной, вы натурально, даже того не желая, друзья народа русскаго. (Аплод.).

Я знаю, въ Европѣ вообще думаютъ, что мы съ нашимъ правительствомъ составляемъ нераздѣльное цѣлое, что мы чувствуемъ себя очень счастливыми подъ управленіемъ Николая, что онъ и его система, притѣснительная внутри и наступательная извнѣ, прекрасно выражаютъ нашъ національный духъ.

Все это неправда.

Нѣтъ, господа, народъ русскій не чувствуетъ себя счастливымъ! Я говорю это съ радостью, съ гордостью. Потому что если бы счастіе было возможно для него въ той мерзости, въ которую онъ погруженъ, это былъ бы самый подлый, самый гнусный народъ въ мірѣ. Нами тоже управляетъ иностранная рука, монархъ происхожденія нѣмецкаго, который не пойметъ никогда ни нуждъ, ни характера народа русскаго и котораго правительство, странная смѣсь монгольской грубости и прусскаго педантизма, совершенно исключаетъ національный элементъ. Такимъ образомъ, лишенные политическихъ правъ, мы не имѣемъ даже той свободы натуральной,— патріархальной, такъ сказать,— которою пользуются народы наименѣе цивилизованные и которая позволяетъ по крайней мѣрѣ человѣку отдохнуть сердцемъ въ родной средѣ и отдаться вполнѣ инстинктамъ своего племени. Мы не имѣемъ ничего этого; никакой жестъ натуральный, никакое свободное движеніе намъ не дозволено. Намъ почти запрещено жить, потому что всякая жизнь предполагаетъ извѣстную независимость, а мы только бездушные колеса въ этой чудовищной машинѣ притѣсненія и завоеванія, которую называютъ русской имперіей. Ну, господа,—предположите, что у машины есть душа и, быть можетъ, вы тогда составите себѣ понятіе объ огромности нашихъ страданій. Мы не избавлены ни отъ какого стыда, ни отъ какой муки и мы имѣемъ всѣ несчастія Польши безъ ея чести.

Безъ ея чести, сказалъ я,—и я настаиваю на этомъ выраженіи для всего, что есть правительственнаго, оффиціальнаго, политическаго въ Россіи.

Нація слабая, истощенная, могла бы нуждаться во лжи, для поддержанія жалкихъ остатковъ существованія, которое угасаетъ. Но Россія не въ такомъ положеніи, слава богу! Природа этого народа попорчена только на поверхности: сильная, могучая и молодая,—ей только надо опрокинуть препятствіе, которымъ смѣютъ ее окружать,—чтобъ показаться во всей первобытной красотѣ, чтобъ развить всѣ свои невѣдомыя сокровища, чтобъ показать наконецъ всему свѣту, что русскій народъ имѣетъ право на существованіе не во имя грубой силы, какъ думаютъ обыкновенно, но во имя всего, что есть наиболѣе благороднаго, наиболѣе священнаго въ жизни народовъ, во имя человѣчности, во имя свободы.

Господа, Россія не только несчастна, но и недовольна,—терпѣніе ея готово истощиться. Знаете ли вы, что говорится на ухо даже при дворѣ въ Петербургѣ? Знаете ли, что думаютъ приближенные, фавориты, даже министры и литераторы? Что царствованіе Николая похоже на царствованіе Людовика XV. Всѣ предчувствуютъ грозу,—грозу близкую, ужасную, которая пугаетъ многихъ, но которую нація призываетъ съ радостію. (Шумные аплод.).

Внутреннія дѣла страны идутъ ужасно дурно. Это полная анархія со всѣми видимостями порядка. Подъ внѣшностію іерархическаго формализма, крайне строгаго, скрываются отвратительныя раны; наша администрація, наша юстиція, наши финансы все это одна ложь: ложь, чтобъ обмануть заграничное мнѣніе, ложь, чтобъ усыпить чувство безопасности и сознаніе императора, который поддается ей тѣмъ охотнѣе, что дѣйствительное положеніе дѣлъ его пугаетъ. Это наконецъ организація на большую руку, организація такъ сказать обдуманная и ученая несправедливости, варварства и грабежа,—потому что всѣ слуги царя, начиная отъ тѣхъ, которые занимаютъ наивысшія должности и оканчивая самыми мелкими уѣздными чиновниками, разоряютъ, обкрадываютъ страну, совершаютъ неспра-

ведливости самыя вопіющія, самыя отвратительныя насилія, безъ малѣйшаго стыда, безъ малѣйшаго страха, публично, среди бѣлаго дня, съ нахальствомъ и грубостью безпримѣрными, не давая себѣ даже труда скрывать свои преступленія передъ негодованіемъ публики, настолько они увѣрены въ своей безнаказанности.

Императоръ Николай принимаетъ иногда видъ, будто онъ хочетъ остановить ростъ этой страшной испорченности, но какъ можетъ онъ устранить зло, котораго главная причина въ немъ самомъ, въ основѣ самой его правительства, — и вотъ гдѣ тайна его глубокаго безсилія къ добру. Потому что правительство, которое кажется такимъ импозантнымъ извнѣ, внутри страны безсильно: ничто ему не удается, всѣ преобразованія, которыя оно предпринимаетъ, тотчасъ же обращаются въ ничто. Имѣя опорой своей только двѣ самыя гнусныя страсти человѣческаго сердца: продажность и страхъ, дѣйствуя внѣ всѣхъ національныхъ инстинктовъ, внѣ всѣхъ интересовъ, всѣхъ полезныхъ силъ страны, правительство Россіи, ослабляетъ себя каждый день своимъ собственнымъ дѣйствіемъ и разстраиваетъ себя страшнымъ образомъ. Оно волнуется, кидается съ мѣста на мѣсто, перемѣняетъ ежеминутно проэкты и идеи, оно предпринимаетъ сразу много, но не осуществляетъ ничего. У него есть одна только сила—вредить и ею оно пользуется широко, какъ будто оно хотѣло само ускорить минуту своей гибели. Чуждое и враждебное странѣ посреди самой этой страны, оно отмѣчено для будущаго паденія.

Враги его повсюду: во первыхъ эта страшная масса крестьянъ, которые не ждутъ болѣе отъ императора своего освобожденія и которыхъ бунты съ каждымъ днемъ все болѣе частѣе, показываютъ, что они устали ждать; далѣе классъ промежуточный, очень многочисленный и состоящій изъ элементовъ очень различныхъ, классъ безпокойный, буйственный, который бросится со страстью въ первое революціонное движеніе.

Наконецъ и особенно это безчисленная армія, которая покрываетъ все пространство имперіи. Николай смотритъ правда на своихъ солдатъ, какъ на своихъ лучшихъ друзей, какъ на самыя твердыя опоры трона:

но это странная иллюзія, которая не преминетъ сдѣлаться для него гибельною. Какъ! Опора трона, эти люди, вышедшіе изъ рядовъ народа, такъ глубоко несчастнаго, люди, которыхъ отрываютъ грубо отъ ихъ семействъ, которыхъ ловятъ, какъ дикихъ звѣрей, по лѣсамъ, гдѣ они прячутся, часто изуродовавши сами себя, чтобъ избавиться отъ рекрутства,—которыхъ ведутъ закованными въ полки ихъ, гдѣ они приговорены въ теченіе 20 лѣтъ, т. е. всю жизнь человѣка, къ одному существованію, гдѣ ихъ бьютъ каждый день, угнетаютъ ежедневно новыми тяжкими работами и гдѣ они постоянно умираютъ съ голода! Чѣмъ были бы они, великій боже! эти русскіе солдаты, если бы, посреди такихъ пытокъ, они могли любить ту руку, которая ихъ мучитъ! Вѣрьте мнѣ, господа, наши солдаты самые опасные враги теперяшняго порядка вещей,—особенно гвардейскіе, которые видя зло у источника его, не могутъ обманываться на счетъ единственной причины всѣхъ ихъ страданій. Наши солдаты—это самъ народъ, но еще болѣе недовольный, это народъ совершенно разочарованный, вооруженный, привыкшій къ дисциплинѣ и къ общему дѣйствію. Хотите ли доказательства? Во всѣхъ послѣднихъ бунтахъ крестьянскихъ отпускные солдаты играли главную роль. Чтобъ окончить этотъ обзоръ враговъ правительства въ Россіи, я долженъ наконецъ сказать, господа, что въ дворянской молодежи есть много людей образованныхъ, великодушныхъ, патріотовъ, которые краснѣютъ отъ стыда и ужаса нашего положенія, которые оскорбляются чувствовать себя рабами, которые всѣ питаютъ противъ императора и его правительства неугасимую ненависть. Ахъ, вѣрьте мнѣ право, элементовъ революціонныхъ достаточно въ Россіи! Она оживляется, она волнуется, она считаетъ свои силы, она узнаетъ себя, сосредоточивается,—и минута не далека, когда буря, великая буря, наше общее спасеніе, поднимется! (Продолжительные аплод.).

Господа, —я вамъ предлагаю союзъ отъ имени этого новаго общества, этой настоящей націи русской! (Аплод.).

Мысль о революціонномъ союзѣ между Польшей и

Россіей не нова. Она уже зародилась, какъ вы знаете, между заговорщиками обѣхъ странъ въ 1824 г.

Господа, воспоминаніе, которое я вызвалъ сейчасъ, наполняютъ мою душу гордостью. Русскіе заговорщики первые тогда переступили черезъ пропасть, которая, казалось, насъ раздѣляла. Слушаясь только своего патріотизма, не обращая вниманія на предубѣжденія, которыми вы были естественно одушевлены противъ всего, что носило имя русское, они обратились къ вамъ первые, безъ недовѣрія, безъ задней мысли; они предложили вамъ общее дѣйствіе противъ нашего общаго врага, противъ нашего единственнаго врага. (Аплод.).

Вы простите мнѣ, господа, эту минуту невольной гордости. Русскій, который любитъ свое отечество, не можетъ холодно говорить объ этихъ людяхъ; они наша самая чистая слава,—и я счастливъ, что могу провозгласить это посреди этого большого и благороднаго собранія, посреди этого польскаго собранія (аплод.)— они наши святые, наши герои, мученики нашей свободы, пророки нашего будущаго. (Аплод.). Съ высоты своихъ висѣлицъ, изъ глубины Сибири, гдѣ они стонутъ до сихъ поръ, они были нашимъ спасеніемъ, нашимъ свѣтомъ, источникомъ всѣхъ нашихъ добрыхъ вдохновеній, нашею охраною противъ проклятыхъ вліяній деспотизма, нашимъ доказательствомъ передъ вами и передъ всѣмъ міромъ, что Россія содержитъ въ себѣ всѣ элементы свободы и истиннаго величія! Стыдъ, стыдъ тому изъ насъ, кто не признаетъ этого! (Шумные аплод.).

Господа,—призывая ихъ великія имена, опираясь на ихъ могучій авторитетъ, я являюсь передъ вами, какъ братъ,—и вы меня не оттолкнете. (Нѣтъ! нѣтъ!)

Я не уполномоченъ формально говорить вамъ такъ; но безъ малѣйшей суетной претензіи я чувствую, что въ эту торжественную минуту моими устами говоритъ вамъ сама нація русская. (Аплод.). Я не единственный въ Россіи, который любитъ Польшу и который испытываетъ къ ней чувство горячаго удивленія, страстную горячность, глубокое чувство, смѣшанное съ покаяніемъ и надеждой, которое я никогда не смогу вамъ

передать. „Друзья, извѣстные и неизвѣстные, которые раздѣляютъ мои симпатіи, мои мнѣнія, многочисленны (аплод), и мнѣ было бы легко доказать это вамъ, называя вамъ факты и имена, если бъ я не боялся безполезно скомпрометировать многія лица. Отъ имени ихъ, господа, отъ имени всего, что есть живого и благороднаго въ моей странѣ, протягиваю я вамъ братскую руку. (Живые аплод.). Прикованные другъ къ другу судьбою фатальною, неизбѣжною, долгою и драматическою исторіей, которой печальныя послѣдствія мы теперь терпимъ, наши страны долго взаимно ненавидѣли одна другую. Но часъ примиренія пробилъ: пора уже нашимъ разногласіямъ окончиться. (Аплод.).

Наши преступленія передъ вами велики! Вамъ надо много простить насъ! Но наше раскаяніе не менѣе велико, и мы чувствуемъ въ себѣ силу доброй воли, которая съумѣетъ исправить всѣ зла нами нанесенныя, и заставить васъ забыть прошлое. Тогда наша вражда замѣнится любовью, любовью тѣмъ болѣе пламенною, чѣмъ больше наша вражда была неугасимою. (Живое согласіе).

Пока мы оставались раздѣленными, мы взаимно парализовали другъ друга. Ничто не сможетъ противиться нашему общему дѣйствію.

Примиреніе Россіи и Польши — дѣло огромное и достойное того, чтобъ ему отдаться всецѣло. Это увольненіе 60-ти мильоновъ душъ, это освобожденіе всѣхъ славянскихъ народовъ, которые стонутъ подъ игомъ иностраннымъ, это наконецъ паденіе, окончательное паденіе деспотизма въ Европѣ. (Аплод.).

Да наступитъ же великій день примиренія, — день, когда русскіе, соединенные съ вами одинаковыми чувствами, сражаясь за ту же цѣль и противъ общаго врага, получатъ право запѣть вмѣстѣ съ вами національную пѣсню польскую, гимнъ славянской свободы: „*Jeszcze Polska nie zginela!*“

(Нѣмецкій переводъ этой рѣчи былъ напечатанъ подъ заглавіемъ: Russland wie es wirklich ist. Mannheim. 1847).

II.

(Въ журналѣ Іордана Slavische Jahrbücher, 1848, № 49, стр. 257 — 260, напечатано нижеслѣдующее подъ заглавіемъ „*Statuten der neuen slavischer Politik*“ и съ такимъ вступленіемъ: „Нижеслѣдующая статья вышла изъ подъ пера извѣстнаго русскаго публициста и эмигранта Бакунина и помѣщена въ газ. Wcela, № 75 отъ 15 Сент. въ переводѣ изъ Cziennik Domowy“).

Основы новой славянской политики.

Послѣ того какъ славяне пережили времена рабства, тяжелой борьбы и жалобъ, которыя были послѣдствіемъ ихъ раздѣленія, соединяются они теперь въ первый разъ на общемъ съѣздѣ и подаютъ взаимно руки въ знакъ братскаго единенія, заявляютъ они передъ богомъ и народами, что слѣдующія основныя положенія составляютъ основы ихъ новой политической жизни:

1) Какъ послѣдніе пришельцы въ развитіи европейскаго образованія, опытные и способные, чувствуютъ они себя призванными къ осуществленію того, что другіе народы Европы приготовили черезъ свое развитіе, то есть къ осуществленію того, что теперь считается за конечную цѣль гуманности, особенно величія, свободы и счастія всѣхъ, принимающихъ участіе въ святомъ и братскомъ единеніи, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и народовъ.

2) Очень долгое время они сами были жертвою чуждаго притѣсненія, видѣли очень хорошо печальныя того послѣдствія: упадокъ родныхъ (національныхъ) нравовъ и дисгармонію въ обществѣ, которая выходитъ изъ притѣсненія не только для притѣсненныхъ, но также и особенно для притѣснителей; кромѣ того они слишкомъ возненавидѣли чуждое иго, чтобъ когда нибудь пожелать наложить свое иго на чужія народы. Уваженіе и любовь къ свободѣ другихъ есть въ ихъ глазахъ первое условіе собственной свободы.

3) Кромѣ того они слишкомъ долго были жертвою

хитрости и насилія, чтобъ начать черпать новую жизнь и новую силу въ чемъ либо другомъ, кромѣ, какъ въ чистой и святой истинѣ, въ чистой свободѣ, въ чистой справедливости безъ всякаго ограниченія, безъ всякой задней коварной мысли; по этому они устраняютъ столько же во внутренней, сколько и во внѣшней политикѣ дипломатію и ея соображенія, все что искусственно и что могло бы имѣть цѣлью какую бы то ни было центральную власть на счетъ свободы, будь то индивидуума, будь то народовъ. Новая политика славянскихъ народовъ будетъ не государственная политика, а политика народовъ, политика независимыхъ свободныхъ людей.

4) Они основываютъ свое новое могущество на неразрывномъ и братскомъ союзѣ всѣхъ народовъ, составляющихъ славянское племя, и не будутъ искать никакой другой централизаціи, кромѣ той, какая вытекаетъ изъ соединенія всѣхъ славянъ. Все ихъ несчастіе было въ раздѣленіи; соединенные они были бы непобѣдимы, и однакожъ они были раздѣлены и такъ страстно держались того, что они забывали святую связь рода и крови, которая бы непремѣнно ихъ соединила для исполненія общаго призванія. Одни изъ нихъ дали себя соблазнить для братоубійственной войны. Другіе, наконецъ, забывались до того, что пользовались чужими племенами и анти-славянской политикой для уничтоженія своихъ братьевъ. Но въ наказаніе за то Богъ попустилъ, чтобъ одно славянское племя за другимъ подпало игу нѣмцевъ, не исключая и тѣхъ, которыя сохранили призракъ національной и независимой жизни, или стали мучителями своихъ братьевъ столько же, сколько и несчастными исполнителями нѣмецкихъ замысловъ.

Однакожъ уже исчезли времена страданій, — часъ освобожденія пробилъ для славянъ. По прибытіи въ Прагу отъ противоположныхъ границъ, они нашли себя братьями, — признали себя и почувствовали братьями одинъ другому не только въ сердцѣ, но поняли другъ друга на ихъ языкахъ, которыя только разные діалекты одного, оттѣнки одного прекраснаго и благозвучнаго языка, который распространялся отъ береговъ Адріа-

тическихъ до границъ Бѣлаго моря и Сибири *). Они увидѣли себя соединенными общностью ихъ дѣлъ и еще сильнѣе они увидѣли себя соединенными великимъ призваніемъ, которое имъ приготовляетъ будущее. Они поблагодарили Бога за то, что онъ положилъ конецъ ихъ долгимъ страданіямъ, что онъ ихъ сохранилъ въ полной чистотѣ братскаго чувства; они простили себѣ взаимно прошедшее и видятъ передъ собою только настоящее и будущее, въ сознаніи долга болѣе не нарушать своихъ судебъ.

Основы славянской федераціи.

1) Признается независимость всѣхъ народовъ, составляющихъ славянское племя.

2) Всѣ эти народы, впрочемъ, состоятъ между собою въ союзномъ единеніи. Это единеніе должно быть настолько тѣсно, что счастіе или несчастіе одного должно быть въ то же время счастіемъ или несчастіемъ другого, и никто не можетъ чувствовать себя свободнымъ и считать себя таковымъ, если другіе не свободны и наоборотъ: притѣсненіе одного есть притѣсненіе другого.

3) Общій союзъ всѣхъ славянскихъ народовъ есть выраженіе и осуществленіе этого соединенія. Онъ представляетъ все славянство и называется славянскій совѣтъ (Rada Slowenskà).

4) Славянскій совѣтъ руководитъ всѣмъ славянскимъ народомъ, какъ первая власть и высшій судъ; всѣ обязаны подчиняться его приказаніямъ и исполнять его рѣшенія.

5) Всякое несправедливое дѣйствіе какого-либо славянскаго народа, которое бы стремилось учредить особый союзъ въ средѣ соединеннаго всеславянства, или

*) Какъ бы тамъ ни было, а историкъ Шпрингеръ, вообще мало симпатизирующій пражскому съѣзду, говоритъ, что свѣдѣнія о томъ, будто собравшіеся тамъ славяне могли понимать другъ друга только при посредствѣ нѣмецкаго языка, — есть „выдумка злыхъ языковъ“. (A. Springer, Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Freiden 1809, II, 334).

подчинить себѣ другое славянское племя, посредствомъ ли дипломатіи или насилія, въ намѣреніи основать сильную центральную власть, которая бы могла уничтожить или ограничить власть всего соединеннаго славянства, — всякое стремленіе къ какой бы то ни было гегемоніи надъ соединенными народами, въ пользу ли одного народа, или нѣкоторыхъ соединенныхъ, но къ невыгодѣ другихъ, будетъ считаться за преступленіе или за измѣну всему славянству. Славянскіе народы, которые хотятъ составить часть федераціи, должны отказаться вполнѣ отъ своего государственнаго значенія и передать его непосредственно въ руки совѣта и не должны искать себѣ особеннаго величія иначе, какъ въ развитіи своего счастія и свободы.

6) Только Совѣтъ имѣетъ право объявлять войну иностраннымъ державамъ. Никакой отдѣльный народъ не можетъ объявлять войну безъ согласія всѣхъ, такъ какъ вслѣдствіе соединенія, всѣ должны участвовать въ войнѣ каждаго и ни одинъ не можетъ оставить братское племя въ минуту несчастія.

7) Внутренняя война между славянскими племенами должна быть запрещена какъ позоръ, какъ братоубійство. Если бы возникли несогласія между двумя славянскими народами, то они должны быть устранены Совѣтомъ и его рѣшеніе должно быть приведено въ исполненіе, какъ священное.

8) Изъ послѣднихъ трехъ пунктовъ ясно вытекаетъ, что, если какой славянскій народъ подвергнется нападенію другого славянскаго народа, находящагося въ возмущеніи, раньше, чѣмъ Совѣтъ имѣлъ бы время постановить что нибудь, или приложить разныя посредническія мѣры, то всѣ сосѣднія племена обязаны помогать его освобожденію. Потому будетъ считаться измѣнникомъ всякій славянскій народъ, который нападетъ на другой съ оружіемъ, или который при нападеніи чужого не поспѣшитъ на помощь подвергшемуся нападенію брату. Защищать брата есть первая обязанность.

9) Никакое славянское племя не можетъ заключать союза съ чужими народами; это право исключительно предоставлено Совѣту; никто не можетъ отдать въ ра-

споряженіе чужому народу или чужой политикѣ славянское ополченіе.

Внутреннее устройство славянскихъ народовъ.

Славянскіе народы независимы, поэтому каждый народъ можетъ себѣ, по своей волѣ, дать такое правленіе, какое соотвѣтствуетъ его обычаямъ, потребностямъ и его обстоятельствамъ. Но первыя основанія его должны лежать въ славянскомъ характерѣ, который долженъ образовать основу новой жизни соединенныхъ славянскихъ народовъ, и безъ святого сохраненія тѣхъ основъ никакой народъ не можетъ приступить къ общему союзу.

1) Принципы, которыя составляютъ эти основы суть: равенство всѣхъ, свобода всѣхъ и братская любовь. Подъ небомъ свободнаго славянства нѣтъ никого не свободнаго ни по праву, ни на дѣлѣ. Подданство (крѣпостная зависимость) подъ какимъ бы видомъ она не показывалась, навсегда отмѣняется. Всѣ славяне одинаково свободны, одинаково братья. Между ними нѣтъ никакого неравенства, кромѣ того, какое создала природа. Сословій (кастъ) нѣтъ никакихъ. Гдѣ еще господствуетъ аристократія, привилегированное дворянство, оно должно, если хочетъ быть славянскимъ, на будущее время искать себѣ преимуществъ и привилегій въ богатствѣ своей любви и величіи своей жертвы. Аристократія ученыхъ и художниковъ, старшая сестра въ народѣ, должна распуститься въ массѣ народа, чтобъ черпать изъ нея новую жизнь и чтобъ вести ее взаимно къ просвѣщенію, пріобрѣтенному временемъ.

2) На великомъ и благословенномъ пространствѣ, которое заняли славянскія племена, есть довольно мѣста для всѣхъ, по этому каждый долженъ имѣть часть во владѣніи народа и быть полезнымъ всѣмъ.

3) Каждое лицо, которое принадлежитъ къ какому либо славянскому народу, имѣетъ черезъ то право поселенія во всякомъ другомъ славянскомъ народѣ, и единеніе, которое связываетъ славянскіе народы, должно считаться за братское и должно господствовать также

и въ отношеніяхъ между отдѣльными славянскими лицами.

4) Совѣтъ имѣетъ право и обязанность смотрѣть за тѣмъ, чтобъ эти принципы свято соблюдались и точно исполнялись во внутреннихъ учрежденіяхъ всѣхъ народовъ, которые составляютъ весь союзъ. Онъ имѣетъ право и обязанность вмѣшательства, если эти принципы будутъ уничтожены какимъ либо постановленіемъ, и всякій славянинъ имѣетъ право обращаться къ Совѣту противъ несправедливаго дѣйствія своего отдѣльнаго правительства.

(Переводъ съ нѣмецкаго текста у Іордана. — Эта статья была еще напечатана по чешски въ журналѣ "Cech", выходившемъ въ Женевѣ въ 1861 г., и въ отдѣльномъ изъ него оттискѣ подъ заглавіемъ: „Zakladni pravidla politiky a federace slovanské").

III.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ СЛАВЯНАМЪ

РУССКАГО ПАТРІОТА

МИХАИЛА БАКУНИНА

Члена Славянскаго съѣзда въ Прагѣ.

(Aufruf an die Slaven. Von einem russischen Patrioten Michael Bakunin. Mitglied des Slavenkongresses in Prag. Koethen. Selbstverlag des Verfassers. 1848).

Братья!

Рѣшительный часъ пробилъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы открыто и отважно рѣшить, чью сторону взять, сторону ли развалины стараго міра, чтобы поддержать ее еще на короткое мгновеніе, или сторону новаго міра, котораго заря занимается, который принадлежитъ бу-

дущимъ поколѣніямъ и которому принадлежатъ будущія поколѣнія. Для васъ дѣло идетъ о томъ, ваша ли будетъ молодая будущность, или вы еще разъ хотите впасть на цѣлые вѣка въ могилу безсилія, во тьму тщетныхъ надеждъ, въ проклятіе рабства. Отъ вашего выбора зависитъ, удастся ли и остальнымъ народамъ, стремящимся къ освобожденію, достичь цѣли быстрымъ и безостановочнымъ шагомъ, или же эта цѣль, если она и не можетъ никогда исчезнуть, то все же должна опять отодвинуться въ необозримую даль. На васъ обращены глаза всѣхъ, полные ожиданія. На томъ, какой будетъ вашъ выборъ, покоится рѣшеніе ближайшей и дальнѣйшей судьбы міра. Рѣшайтесь, что вамъ выбрать,—спасеніе себѣ или гибель, быть ли вамъ благословеніемъ или проклятіемъ міра. Этотъ выборъ лежитъ передъ вами,—выбирайте!

Міръ раздѣленъ на два стана. Между ними не проложено никакой средней дороги. И ни одна часть не можетъ безнаказанно отдѣлиться отъ великаго неразрывнаго союза, въ которомъ стоятъ всѣ, кто преслѣдуетъ одинаковую цѣль, и кто всѣ вмѣстѣ должны побѣдить или покориться.

Міръ раздѣленъ на два стана. Здѣсь *революція*, тамъ *контрреволюція*,—вотъ лозунги. На одинъ изъ нихъ долженъ рѣшиться каждый, и мы, и вы, братья, должны рѣшиться.

Средней дороги нѣтъ. Тѣ, которые ее указываютъ и прославляютъ, или обманутые, или обманщики.

Обманутые, если вѣрятъ въ ложь, будто можно вѣрнѣе всего проскользнуть къ цѣли, уступая понемножку обѣимъ борющимся партіямъ, чтобы обѣ успокоить и помѣшать взрыву необходимой открытой битвы между ними.

Обманщики, если хотятъ увѣрить васъ, будто вы, по примѣру хитрыхъ дипломатовъ, должны стать внѣ обоихъ лагерей, чтобы улучивши время, примкнуть къ сильнѣйшему и при его помощи счастливо обдѣлать ваше собственное дѣло.

Братья! не довѣряйте дипломатическимъ уловкамъ. Поляки уже бросились въ гибель, они столкнутъ и васъ туда.

Что говоритъ вамъ дипломатическая хитрость? Она говоритъ вамъ, что стоитъ только вамъ воспользоваться ею, какъ средствомъ, и вы побѣдите враговъ. Но не видите ли вы, что пока вы ею воспользуетесь, она, вмѣсто того, употребитъ васъ, чтобы, при вашей помощи, разбить на голову своего теперешняго врага, а потомъ, справившись съ нимъ, поработить и васъ, стоящихъ одиноко и потому тоже слишкомъ слабыхъ для сопротивленія? Развѣ вы не видите, что постыдная хитрость контрреволюціи именно въ томъ и заключается, что она старается разрознить передовыхъ бойцовъ молодого, нового времени, прилагая старое правило всѣхъ угнетателей: „раздѣляй и управляй“, чтобы ихъ по одиночкѣ поработить и заковать въ оковы?

Чего же иного можете вы отъ нея надѣяться? Развѣ можетъ дипломатія отречься отъ своей матери, которая есть ничто иное, какъ самая старая деспотія? Можетъ ли она стараться помогать побѣдѣ какихъ либо интересовъ, кромѣ тѣхъ, благодаря которымъ она сама началась? Можетъ ли она работать для рожденія того новаго быта, который есть ея проклятіе и смерть? Можетъ ли она быть союзницей той демонической силы, міръ обновляющей, которая *намъ*, братья, прокладываетъ дорогу, чтобы мы могуче перелили нашу внутреннюю полноту, какъ свѣжіе весенніе соки въ жилы окоченѣлой европейской народной жизни? Никогда! Взгляните только твердо и проницательно въ искаженное злостью лицо вѣроломной дипломатіи и вы проникнетесь страхомъ и отвращеніемъ отъ ея сводническихъ приманокъ и съ ужасомъ и омерзеніемъ оттолкнете ее прочь отъ себя. Никогда не выйдетъ правда изъ лжи, великое изъ посредственности, и свобода завоевывается только свободой.

Вашъ гнѣвъ былъ справедливъ; справедливо дышали вы местью противъ той достойной проклятія нѣмецкой политики, которая замышляла только вашу гибель, которая вѣками держала васъ въ рабствѣ, которая въ Франкуртѣ говорила съ презрѣніемъ о вашихъ справедливыхъ надеждахъ и требованіяхъ, которая въ Вѣнѣ злорадно ликовала надъ пораженіемъ нашего, полнаго жизни пражскаго съѣзда! Но не заблуждай-

тесь, присмотритесь! Эта политика, которую мы осуждаемъ, которую мы проклинаемъ и которой мы страшно отомстимъ, не есть политика будущаго нѣмецкаго народа, не есть политика нѣмецкой революціи, нѣмецкой демократіи; это политика старой государственности, политика княжескаго права, аристократовъ и привилегированныхъ всякаго рода, политика камарилей и генераловъ, управляемыхъ ими какъ машины, Радецкихъ, Виндишгрецовъ, Врангелей, это политика, для погибели которой мы всѣ, юношески оживленные современнымъ духомъ, отважно и радостно должны схватить протянутыя руки демократовъ всѣхъ странъ, и, въ тѣсномъ союзѣ съ ними, должны сражаться за ихъ и наше общее спасеніе, за ихъ и нашу общую будушность.

Что дѣлаютъ реакціонеры для своего неправаго дѣла, и неужели мы не сдѣлаемъ того же для нашего праваго дѣла?

Если реакція конспирируетъ во всей Европѣ, если она при помощи принятой организаціи дѣйствуетъ соединенно и сплоченно, то и революція должна создать себѣ соотвѣтственную силу дѣйствія. Священная обязанность насъ всѣхъ, борцевъ революціи, демократовъ *всѣхъ* странъ, соединить наши силы, постараться другъ друга понять и сплотиться вмѣстѣ, для того, чтобы въ союзѣ мы могли отразить и побѣдить враговъ нашей общей свободы.

Именно первымъ признакомъ жизни революціи,—вы это знаете,—былъ крикъ ненависти противъ старой политики угнетенія, крикъ сочувствія и любви ко всѣмъ угнетеннымъ національностямъ. Народы, которыхъ такъ долго водила на арканѣ лицемѣрная и предательская дипломатія, почувствовали, наконецъ, позоръ, какимъ старая дипломатія покрыла человѣчество, и признали, что благо націй не обезпечено, пока хоть одинъ народъ въ Европѣ живетъ подъ гнетомъ, что свобода народовъ, для того, чтобы укорениться гдѣ-либо, должна укорениться вездѣ, и въ первый разъ дѣйствительно потребовали они, словно изъ однихъ устъ, свободы для всѣхъ людей, для всѣхъ народовъ, свободу истинную и цѣльную, свободу безъ условій, безъ исключеній, безъ границъ. „Прочь угнетателей!“ раздалось словно изъ однихъ

устъ, „да здравствуютъ угнетенные, поляки, итальянцы, и всѣ! Не надо болѣе завоевательныхъ войнъ“, еще только одно послѣднее сраженіе революціи для окончательнаго освобожденія всѣхъ народовъ! Долой искусственныя границы, насильно проведенныя конгрессами деспотовъ ради такъ называемыхъ историческихъ, географическихъ, коммерческихъ, стратегическихъ необходимостей! Не должно быть никакихъ другихъ границъ раздѣленія между націями, кромѣ границъ согласныхъ съ природою, проведенныхъ справедливо въ духѣ демократіи, которыя начертаетъ верховная воля самихъ народовъ на основаніи ихъ національныхъ особенностей!“ Такъ пролетѣлъ кличъ по всѣмъ народамъ.

Вы внимаете, братья, кличу величественному, полному предчувствія? Помните, какъ въ Вѣнѣ вы внимали ему, когда, сражаясь съ другими за спасеніе всѣхъ, вы, между нѣмецкими баррикадами, воздвигли большую славянскую баррикаду со знаменемъ *нашей будущей свободы.*

Велико и прекрасно было это движеніе, которое прошло всю Европу. Какъ поднялись, трепеща отъ радости, тронутые дуновеніемъ революціи, итальянцы, поляки, славяне, нѣмцы, мадьяры, валахи, тѣ, что въ Австріи, и тѣ, что въ Турціи, словомъ всѣ, которые до тѣхъ поръ стонали въ домашнихъ цѣпяхъ или подъ чужимъ игомъ! Самыя дерзкія мечты пришли въ исполненіе. Народы видѣли, какъ съ могилы ихъ независимости свалился, словно сдвинутый, невидимой рукой, тяжелый камень, тяготѣвшій на ней цѣлыя столѣтія; волшебная печать была сломана, и драконъ, сторожившій болѣзненное оцѣпененіе столькихъ заживо погребенныхъ націй, лежалъ тамъ убитый и хрипящій. Занялась красная, какъ кровь, заря весны народовъ. Старая государственная политика погрузилась въ ничто; новая политика вступила въ жизнь, политика народовъ. Революція объявила разрушенными ея совершенною властью деспотическія государства,—объявила разрушенною прусскую державу, признавши доставшіеся ей польскія части края отдѣленными,—объявила разрушенною Австрію, это чудовище, сплетенное хитростью, насиліемъ и преступленіемъ изъ самыхъ раз-

народныхъ національностей, — объявила разрушенной турецкую державу, въ которой едва семьсотъ тысячъ османовъ попирали ногами двѣнадцатимилліонное населеніе славянъ, валаховъ и грековъ,—наконецъ, объявила разрушеннымъ послѣднее утѣшеніе деспотовъ, послѣднее обманщицкое укрѣпленіе разбитой на голову дипломатіи, русскую державу, чтобы три порабощенныя ею націи, великороссы, малороссы и поляки, предоставленные самимъ себѣ, могли подать свободную руку остальнымъ славянскимъ братьямъ. Такъ былъ разрушенъ, опрокинутъ и наново устроенъ весь сѣверъ и востокъ Европы, Италія освобождена и конечной цѣлью всего поставлена была—всеобщая федерація европейскихъ республикъ.

Тогда мы вмѣстѣ, какъ братья, вступили въ Прагу: представители всѣхъ славянскихъ народностей встрѣтились, наконецъ, какъ братья, послѣ долгой разлуки, и съ восторгомъ говорили другъ другу, что отнынѣ ихъ дороги не должны расходиться. Живо чувствуя общую связь исторіи и крови, клялись мы не допускать болѣе, чтобы наши судьбы шли розно. Проклиная политику, жертвой которой мы были такъ долго, мы сами себѣ создали право, основанное на совершенной независимости и обѣщали, что она отнынѣ будетъ общей всѣмъ славянскимъ народамъ. Мы признали за чехами и хорватами самостоятельность. Мы рѣшительно отразили нахальныя притязанія франкфуртскаго парламента, этого сборища, ставшаго уже теперь посмѣшищемъ всей Европы, которое хотѣло онѣмечить насъ, и въ то же время мы протянули братскую руку нѣмецкому народу демократической Германіи. Во имя тѣхъ изъ насъ, которые живутъ въ Венгріи, мы предложили братскій союзъ мадьярамъ, бѣшенымъ врагамъ нашей расы, имъ, которые, едва насчитывая четыре милліона, осмѣливались стараться наложить свое иго на восемь милліоновъ славянъ. И тѣхъ нашихъ братьевъ, которые вздыхали подъ гнетомъ турокъ, не забыли мы въ нашемъ союзѣ освобожденія. Мы торжественно прокляли ту преступную политику, которая трижды разорвала Польшу и еще разъ хочетъ разорвать ея печальные остатки, и выразили живую надежду, что воскресеніе этого бла-

городнаго, святого народа-мученика скоро подастъ намъ знакъ къ освобожденію насъ всѣхъ отъ стараго рабства. Наконецъ, къ великому русскому народу, тому народу, который одинъ изъ всѣхъ славянскихъ народовъ сумѣлъ удержать въ полной мѣрѣ свою политически-національную самостоятельность, мы обратились съ воззваніемъ, съ убѣжденіемъ помнить о томъ, что онъ самъ слишкомъ хорошо знаетъ, что вся эта самостоятельность и величіе есть ничто, пока народъ самъ въ себѣ не освободится и пока онъ терпитъ, чтобы его сила была чумой для несчастной Польши и вѣчно угрожающимъ бичемъ для всей европейской цивилизаціи. Все это мы высказали и, вмѣстѣ со всѣми демократами всѣхъ народовъ, потребовали: свободы, равенства и братства всѣхъ націй, въ средѣ которыхъ, свободные какъ онѣ и въ братскихъ отношеніяхъ со всѣми, славянскіе народы должны завязать между собою тѣсный братскій союзъ для образованія одного большого союзнаго тѣла.

Мы чувствовали тогда себя увѣренными въ нашемъ дѣлѣ; въ его успѣхѣ нельзя было сомнѣваться, если бы только мы стояли при немъ до конца; потому что справедливость и человѣчность были всецѣло на нашей сторонѣ, на сторонѣ же нашихъ враговъ ничего, кромѣ несправедливости и варварства. Не пустымъ грезамъ отдавались мы; нѣтъ, это были мысли о единственно вѣрной и необходимой политикѣ, политикѣ самоосвобожденія, революціи, единодушнаго дѣйствія вмѣстѣ съ народными возстаніями всѣхъ странъ, въ братскомъ единеніи съ демократами всего міра. Мы отбросили противную политику, которая была вамъ предлагаема, политику лицемѣрія и предательства, политику дипломатовъ, государственныхъ умниковъ, которые преподавали вамъ мудрость, будто вы должны искать избавленія въ возстановленіи самодержавія императорской власти и въ спасеніи Австріи, потому будто бы, что если вы опять возвратите силу императору, то вы, австрійскіе славяне, образуете независимое славянское государство и будете свободны при помощи возстановленной вами императорской власти. Что насъ эта политика можетъ совратить, въ этомъ была въ Прагѣ единственная опас-

ность, отъ которой я тогда предостерегалъ на съѣздѣ. Тогда мы избѣжали опасности, и партія государственныхъ политиковъ уступила передъ нашимъ воодушевленіемъ общимъ дѣломъ всѣхъ славянъ и всѣхъ свободныхъ націй.

Но что же тогда сдѣлали рабы отвергнутой нами государственной политики? Они были благосклонны къ нашему съѣзду, пока надѣялись воспользоваться имъ для своихъ дипломатическихъ цѣлей и для подавленія нѣмецкой и мадьярской революціи въ Австріи, но тотчасъ начали свирѣпствовать противъ него, какъ только увидали, что онъ обращается противъ ихъ плановъ и хочетъ служить не интересамъ государственной политики, а чистымъ интересамъ національной свободы и братства народовъ. Теперь они достигли того, что разбили нашъ съѣздъ и допустили Виндишгреца бомбардировать Прагу. Напрасно было пятидневное героическое сопротивленіе вдохновеннаго народа; городъ принужденъ былъ покориться, преданный тѣми, которые были призваны защищать его, и славянскій съѣздъ былъ распущенъ. Но мы еще ничего не потеряли. Съ сердцами, волнуемыми вѣрой въ наше святое и правое дѣло, разстались мы и разсѣялись, чтобы повсемѣстно работать для него и вездѣ подготовлять почву для нашего будущаго освобожденія; мы желали другъ другу увидѣться снова въ великій день нашего общаго славянскаго возстанія.

Деспоты дрожали, несмотря на ихъ кажущуюся побѣду въ Прагѣ. Они дрожали отъ страха, что мы страшно исполнимъ тѣ клятвы, которыя мы произнесли, пылая местью, передъ развалинами и грудами труповъ, купаясь въ крови нашихъ храбрыхъ братьевъ, подъ громомъ бомбъ, которыми Виндишгрецъ, палачъ нашей свободы, осыпалъ золотую Прагу. Они дрожали передъ возстаніемъ славянскихъ народовъ, которыхъ прежде они мечтали водить на помочахъ, какъ послушныхъ дѣтей.

Что сдѣлали тогда деспоты? Они говорили между собою: возстаніе славянъ грозитъ намъ гибелью; поищемъ средствъ, чтобы превратить славянское возстаніе въ якорь нашего спасенія! Какія же средства? Вотъ

они: натравимъ славянъ на нѣмцевъ, а нѣмцевъ на славянъ! Собьемъ съ толку этихъ еще неопытныхъ въ политикѣ дѣтей разными кажущимися доводами и обаятельными обманами, пусть они воображаютъ себя мудрецами, ступая по дорогѣ, ведущей къ нашей цѣли. Вызовемъ для этого опять всю старую закоренѣлую ненависть, всѣ справедливые и несправедливые предразсудки, всѣ едва поколебленныя причины взаимнаго подозрѣванія и недовѣрія, шепнемъ имъ это въ уши, чтобы отравить сердце, возмутить умы, ослѣпить души и расталить ихъ другъ противъ друга! Мы раздуемъ въ неугасаемый пожаръ этотъ зажженный нами огонь льстивыми обѣщаніями съ нашей стороны, которыхъ мы никогда не исполнимъ.

Такъ они говорили, такъ они и сдѣлали. И врагамъ свободы, врагамъ справедливости, мастерамъ предательской государственной политики удалось на одно мгновеніе заморочить наши головы, братья! Вы допустили опутать себя на одну минуту изобрѣтеніемъ этихъ лукавыхъ политиковъ, которое состояло въ томъ, будто дѣло революціи все равно, что дѣло тѣхъ нѣмецкихъ пожирателей страны въ парламентахъ, на которыхъ обращенъ вашъ справедливый гнѣвъ, все равно, что дѣло вашихъ враговъ и притѣснителей, властолюбивыхъ мадьяръ, и вы, сбитые съ толку, обратились противъ основы вашей собственной и нашей общей свободы *противъ революціи*, и пристали къ своему заклятому опаснѣйшему врагу къ династической политикѣ и деспотизму. Нашего же естественнаго друга и союзника, демократію, вы оставили въ Вѣнѣ страдать и нести наказаніе за насъ. Славяне! какъ прежде грѣшила противъ васъ старая нѣмецкая государственная политика въ Вѣнѣ, такъ грѣшила подогрѣтая деспотическая система во Франкфуртѣ. Правда, славяне мстили въ Вѣнѣ за совершенныя противъ нихъ преступленія, но они выместили не на преступникахъ, а именно на прирожденныхъ судьяхъ преступника и естественныхъ союзникахъ мстителя. И партія государственныхъ политиковъ, трусливо уступившая въ вѣнскомъ парламентѣ въ рѣшительный часъ опасности, котда только одни народные интересы должны были считаться и всѣ

должны были соединиться, эта партія старалась потомъ увѣрить васъ въ Прагѣ, что послѣднее вѣнское возстаніе вовсе не было народнымъ движеніемъ, а было сдѣлано мадьярскими деньгами. Но, братья, кто изъ насъ былъ бы такъ жалокъ, такъ глупъ, чтобы повѣрить этимъ бабьимъ сказкамъ, будто революціи дѣлаются деньгами? Нѣтъ, деньги всего міра не могутъ подвинуть народъ къ возмущенію, ни одинъ народъ не имѣетъ такой скверной молодежи, которая бы дала себя подкупить. Императорская австрійская государственная политика,—говорила вамъ еще эта партія государственныхъ политиковъ, — это врагъ вашихъ враговъ, такъ какъ она врагъ разбойничьей мадьярщины, то она и врагъ нѣмечины, пожирающей страны! Ложь! Не видите ли вы, что австрійская государственная политика идетъ рука объ руку съ политикой центральной власти во Франкфуртѣ, съ политикой угнетенія во что бы то ни стало и подавленія всякой свободы? Правда, во Франкфуртѣ, въ этомъ фальшиво названномъ народномъ представительствѣ большинства, сидятъ такіе жалкіе, дѣтски глупые люди, которые противъ воли дѣйствительной нѣмецкой націи, только и мечтаютъ о расширеніи нѣмецкаго владычества и о покореніи всѣхъ ненѣмецкихъ народовъ, живущихъ на такъ называемой нѣмецкой землѣ. Но заблужденіемъ и глупостью этихъ людей злоупотребляетъ центральная власть Германіи, такъ же какъ австрійская государственная политика злоупотребляла довѣрчивостью одной части славянъ, чтобы поссорить этотъ чуждый народъ съ его истиннымъ нѣмецкимъ другомъ, съ друзьями свободы, равенства и братства всѣхъ націй, съ народомъ жаждущимъ свободы, съ демократами Германіи, со всѣми тѣми, которымъ вы должны протянуть братскую руку, потому что они не ваши враги, а враги вашихъ враговъ. Вы были бы свободны, такъ васъ морочатъ эти государственные политики, — вы были бы свободны, если бы помогли австрійской государственной политикѣ побѣдить ея враговъ. Но какая ложь! Вѣна пала,—что же, вы видите какой свободой пользуетесь вы теперь, послѣ этой ужасной катастрофы въ Прагѣ, видите, какъ дипломатія держитъ свои обѣщанія; вы ви-

дите, какіе горькіе плоды приноситъ ея союзничество? Гдѣ свобода Праги? Ищите ея съ фонаремъ!

Да, обманъ уже исчезаетъ, вы опять пришли въ себя, братья, вы опять прозрѣли. Что сдѣлалъ Елачичъ, вамъ это видно, такъ же какъ и тѣ цѣли, которыя онъ преслѣдовалъ, теперь онѣ уже ни для кого не тайна. Его первоначальная задача была защищать славянскую свободу противъ угнетательной политики господствующей партіи мадьяръ и помочь побѣдить враждебную народу государственную политику, на которую работала эта партія при Кошутѣ. Вмѣсто этого онъ пошелъ въ Вѣну и помогъ тамъ побѣдить народное возстаніе, демократію. Онъ измѣнилъ правой и святой цѣли, хорошему демократическому движенію южныхъ Славянъ и продалъ ихъ именно этой безбожной политикѣ, ради ниспроверженія которой возмущенныя славянскія племена довѣрили его представительству свою молодую буйную силу. Его призваніе было поддерживать наше нуждающееся въ помощи братское племя, Словаковъ, силами, доставленными ему южнославянскимъ возстаніемъ. Презрѣвъ это святое призваніе, онъ предпочелъ стать слугой австрійскаго государства и повести свое войско противъ столицы имперіи, чтобы сдѣлать изъ нея очагъ деспотизма для всей Австріи, для всей Европы. Вмѣсто того, чтобы работать для свободы всѣхъ народовъ, онъ работалъ для выкованнаго въ Инсбрукѣ и Вѣнѣ, радостно принятаго и поощреннаго въ Потсдамѣ и санкціонированнаго франкфуртской центральной властью, какъ и въ Петербургѣ, комплота притѣснителей народныхъ, опустошителей городовъ, массовыхъ убійцъ, старыхъ деспотовъ.

Вы должны быть австрійцами, этого хочетъ государственная политика, этого хочетъ предатель Елачичъ, который отважился провозгласить открыто и громко эту политику, какъ спасеніе славянъ.

Вы должны быть австрійцами. Что значитъ быть австрійцами? Это значитъ: помогать деспотіи ослаблять розню и ненавистью каждую изъ разнообразныхъ напиханныхъ въ Австрію народностей, чтобы, усилившись слабостью и взаимной ненавистью ихъ, она наложила на всѣхъ ихъ свое иго. Это значитъ сдѣлать для дес-

потіи возможной уловку, состоящую въ томъ, чтобы помѣшать слиться свободно въ націи людямъ, роднымъ между собою по крови, языку и нравамъ, по великимъ историческимъ воспоминаніямъ и еще большимъ надеждамъ въ будущемъ, чтобы оторвать отъ нихъ куски и изъ этихъ оторванныхъ и обезсиленныхъ отдѣленіемъ кусковъ сковать одно искусственное, всякой природѣ противное, государственное цѣлое, котораго части гнулись бы легко подъ скипетръ деспотіи, такъ какъ они были бы слишкомъ чужды и враждебны одна другой, чтобы вмѣстѣ держаться и сопротивляться. Это значитъ: дать деспотіи возможность возобновить старую игру, которая разорвала Польшу на куски, и продала одинъ кусокъ одному, другой другому государству, и все еще продолжаетъ разрызать тѣло этого прекраснаго народа, чтобы задушить всякую надежду на возрожденіе Польши, если бы это было возможно *). Это значитъ: оторвать отъ общаго славянскаго дѣла дѣло Чеховъ, Словаковъ, Сербовъ, Кроатовъ и всѣхъ другихъ народовъ нашего племени, живущихъ подъ австрійскимъ владычествомъ,

Вы должны быть австрійцами. Что же вы выиграете, братья, если станете австрійцами?

Одно изъ двухъ: или австрійское государство остается тѣмъ, чѣмъ оно есть, смѣсью народностей, которымъ будутъ даны изъ милости равныя права, и вы будете долго посреди этого хаоса тѣмъ, чѣмъ были, низкими, безсильными, презираемыми рабами произвольнаго полка, смиренно и послушно покорными предписаніямъ, посылаемымъ вамъ изъ Вѣны, безъ свободы, безъ собственной силы, безъ вліянія на развитіе будущности всѣхъ соединенныхъ Славянъ, на общечеловѣческую будущность.

Или же австрійскому государству только тѣмъ удастся утвердиться прочно какъ государство, что оно дѣйствительно сдержитъ свое притворное обѣщаніе,

---

*) Кажется, и Бакунину, какъ польскимъ политикамъ 1848 г. представлялось отдѣленіе русиновъ отъ поляковъ въ Галиціи новымъ раздѣломъ Польши, не смотря на то, что въ Россіи онъ желалъ самостоятельности малороссовъ, т. е. такихъ же русиновъ.
М. Др.

данное вамъ, и превратится совершенно въ славянское государство, но что же вамъ отъ этого? Будете ли вы велики и свободны въ этомъ послѣднемъ, лучшемъ случаѣ? Нѣтъ, вы тогда будете съ одной стороны угнетателями вашихъ братьевъ чужой національности, деспотами Итальянцевъ, Мадьяръ, Нѣмцевъ австрійскихъ. Вы будете дѣлать другимъ то, чего не хотите, чтобы съ вами случилось. И вы сдѣлаетесь опять рабами, рабами своей собственной деспотіи; потому что никто не можетъ обращать другого въ рабство, не дѣлаясь рабомъ самъ: я какъ русскій, говорю это вамъ. Вы навлечете на себя ненависть не только тѣхъ, которыхъ вы будете угнетать, но и всего свободолюбиваго міра, ненависть, негодованіе, презрѣніе и проклятіе всѣхъ народовъ, и наконецъ погибнете сами какъ губители.

Скажите, на что вы можете опереться послѣ того какъ покроетесь позоромъ тиранiи, когда придетъ на васъ день суда, когда та самая сила, которая толкаетъ васъ теперь на борьбу съ вашими притѣснителями, революція, встанетъ противъ васъ и вы тогда, не только какъ враги порабощенныхъ вами, но и какъ враги вашихъ собственныхъ братьевъ по племени, отъ которыхъ вы преступно отдѣлились, для свободы которыхъ вы ничего не сдѣлали, которыхъ бѣдствіе вы помогли продлить, — когда вы какъ враги народной свободы, какъ враги всего человѣческаго рода, будете стоять отвергнутые всѣмъ міромъ? Скажите, къ чему будетъ ваша сила, если вы ее не тамъ будете искать, гдѣ ее только и можно найти, а именно въ святомъ единеніи, въ общности всѣхъ славянскихъ братьевъ на землѣ? Императоръ ли Фердинандъ ваша сила, это несчастное слабоумное созданіе, которое даетъ себя гонять съ мѣста на мѣсто женщинамъ и придворнымъ и безъ воли даетъ себя дѣлать палачемъ и убійцей тѣхъ, добрымъ отцемъ которыхъ онъ себя называетъ, этотъ императоръ, въ груди котораго, если бы даже это была грудь мужчины, не можетъ жить никакое чувство къ нашему національному стремленію, къ нашему спасенію и будущности, такъ какъ что бы ни билось въ этой груди, это не будетъ славянское сердце? — Или ваша сила въ этой интригующей крамольной кама-

рильѣ, которая только живетъ вашимъ ослѣпленіемъ и которой существованіе только и поддерживается цѣною ненависти, возбужденной ею къ вамъ во всѣхъ, кого она гнетъ вмѣстѣ съ вами въ одно ярмо, которая пользуется вами для усмиренія ихъ, а ихъ употребляетъ, чтобы не дать вамъ возгордиться, которой послѣднее утѣшеніе, если ужъ провалятся всѣ ея хитрости, есть армія императора Николая, главы и стража всей народопредательской крамолы въ Европѣ? — Или вы сами себѣ будете силой, вы двѣнадцать милліоновъ Славянъ противъ цѣлаго міра противниковъ и враговъ, безъ симпатіи и помощи отвергнутыхъ и оставленныхъ вами вашихъ братьевъ по племени въ Россіи и Польшѣ, этихъ вашихъ естественныхъ союзниковъ изъ шестидесяти милліоновъ,—вы, которые уже теперь думаете, что не можете устоять сами, не опираясь на черножелтую камарилью и на ея государственныя уловки?

Что выйдетъ изъ васъ при такой обособленности и заброшенности? Ничего! Чѣмъ бы вы могли стать въ союзѣ съ вашими братьями? Громадной силой изъ восьмидесяти милліоновъ, сильнымъ знаменемъ свободы, радостью и гордостью всего соединеннаго юношески пробужденнаго человѣчества.

Братья! я русскій, я говорю вамъ какъ славянинъ. Я вамъ изложилъ откровенно на съѣздѣ въ Прагѣ мои намѣренія, чувства и мысли. Вы знаете, что я, какъ русскій, вижу спасеніе моихъ земляковъ только въ общности со всѣми остальными братьями, въ федераціи свободныхъ племенныхъ союзовъ. Вы знаете, что я поставилъ задачей своей жизни стремленіе къ этой великой и святой цѣли. Это даетъ мнѣ право говорить съ вами такъ, какъ я говорю теперь, потому что ваши обстоятельства вмѣстѣ съ тѣмъ и мои собственныя, ваше дѣло есть наше, ваше спасеніе наше спасеніе, вашъ позоръ нашъ позоръ, ваша гибель наша гибель. Отъ племени шестидесяти милліоновъ Славянъ я обращаюсь къ вамъ съ рѣчью, отъ имени шестидесяти милліоновъ вашихъ братьевъ, которые устали отъ долгаго тяжелаго рабства и которые какъ только узнали о собраніи Славянскаго съѣзда, стали смотрѣть на него, какъ на

избавителя и спасителя. Быть членомъ этого съѣзда и принимать участіе во всѣхъ совѣтахъ и рѣшеніяхъ, предпринятыхъ для нашего общаго спасенія, я съ своей стороны считаю за величайшую честь въ своей жизни. Вы тоже признаете величіе и силу того могучаго племени, котораго представителемъ я былъ на нашемъ общемъ совѣтѣ и отъ имени котораго взываю къ вамъ теперь, я это знаю; я знаю, что вы съ гордостью смотрите на народъ, которому одному изъ всѣхъ славянъ удалось сохранить въ цѣлости свою національную независимость, что вы вѣрите въ его будущность, которая навѣрное будетъ опорой и силой славянства.

Но различайте хорошо, братья Славяне! Если вы ждете спасенія отъ Россіи, то предметомъ вашего упованія должна быть не порабощенная, холопская Россія съ своимъ притѣснителемъ и тираномъ, а возмущенная и возставшая для свободы Россія, сильный русскій народъ.

Отъ имени этого народа говорю я вамъ, я, русскій: *наше все спасеніе въ революціи и нигдѣ болѣе.*

Не въ императорѣ Николаѣ, не въ его войскахъ, не въ его могуществѣ и политикѣ искать вамъ избавленія и спасенія, а въ той Россіи, которая какъ разъ скоро свергнетъ эту императорскую Россію и сотретъ ее съ лица земли.

Вѣрьте мнѣ, указы царя, деспота Россіи, не выражаютъ нашихъ чувствъ, нашихъ желаній, нашей воли. Нѣтъ, и еще разъ нѣтъ! Это искаженіе того, что живетъ въ глубинѣ нашего русскаго сердца. Наше племя глубоко чувствуетъ срамъ и позоръ рабства, въ которомъ его деспотъ держитъ его; оно наибольшій врагъ того, кого еще многіе изъ васъ считаютъ истиннымъ представителемъ русской народности, наибольшій врагъ этого палача, этого мучителя и посрамителя его чести, Николая.

Вѣдь кто же этотъ Николай? Славянинъ? Нѣтъ, голштинско-готторнскій господинъ на славянскомъ тронѣ, тиранъ чужеземнаго происхожденія! — Другъ своего народа? Нѣтъ, разсчетливый деспотъ, безъ сердца, безъ всякого чувства ко всему русскому, ко всему славянскому, безъ малѣйшаго понятія о томъ, что тихо и

скрыто кипитъ и клокочетъ въ его народѣ. Защитникъ общеславянскихъ интересовъ? Нѣтъ, настолько вѣтъ, что онъ ежедневно измѣняетъ имъ и, страшное слово, „панславизмъ“ употребляетъ только какъ угрожающее средство, чтобы при помощи его обезпечить свое вліяніе въ Германіи, которое Нѣмцы проклинаютъ, и свое господство надъ нѣмецкой политикой, которое есть гибель для Нѣмцевъ. Имѣть силу въ Германіи, которой отдѣльные деспоты его ученики и вмѣстѣ почитатели, ползающіе передъ нимъ въ пыли поклонники и обожатели его мудрости и силы, вотъ чего онъ ищетъ и добивается: Россія, Славянство нужны ему только какъ орудія для проведенія его старой, насквозь нѣмецкой и на Германію мѣтящей, политики раздѣленія и господства, которая состоитъ въ томъ, что онъ предаетъ Славянъ при помощи нѣметчины для того, чтобы потомъ предать Нѣмцевъ при помощи преданнаго Славянства. Какъ мало для него значитъ Славянство, это вы видите изъ того, что онъ посылалъ свой высочайшій похвальный листъ Виндишгрецу, убійцѣ славянски мыслящихъ Славянъ въ Прагѣ, въ знакъ благодарности ему за рѣзню, произведенную надъ защитниками славянскаго дѣла! Вы видите это изъ того, какъ онъ давалъ поддержку южнымъ Славянамъ деньгами, оружіемъ и войскомъ, но не какъ Славянамъ, возставшимъ для спасенія всѣхъ насъ, а только потому, что ихъ возстаніе, по его разсчету, должно было послужить на пользу его любимому дѣтищу, австрійской деспотіи, и только подъ условіемъ, чтобы отдѣлить ихъ дѣло отъ польскаго дѣла! Вы видите это изъ того, что онъ держалъ на готовѣ своихъ солдатъ, чтобы по первому знаку австрійской камарильи ворваться въ Галицію! Вы видите это по тому, какъ онъ дѣлаетъ все, что только въ его силахъ, чтобы помѣшать возрожденію Польши, такъ какъ возрожденіе Польши было бы концомъ его силы.

Но его часъ пробилъ.

Я говорю вамъ еще разъ: русскій народъ пресыщенъ и утомленъ порабощеніемъ и позоромъ, онъ усталъ служить жалкимъ орудіемъ достойной проклятія политики.

Братья, не обманывайтесь внѣшнимъ видомъ, будто этотъ народъ-великанъ до сихъ поръ еще лежитъ скованный по всѣмъ членамъ желѣзнымъ волшебнымъ сномъ! Я вамъ говорю: онъ спитъ ужъ не глубоко, онъ только тихо дремлетъ, онъ уже началъ пробуждаться. Не обманывайтесь упованіемъ Николая, его увѣренностью въ своихъ деспотическихъ козняхъ, въ вѣрности его войска, въ подчиненности массъ, въ ея вѣрѣ въ его силу.

Я вамъ говорю: эта вѣра вездѣ пошатнулась, а удары кнута, лишенія правъ и имущества, ссылки въ Сибирь и на Кавказъ, все это плохія средства, чтобы оживить ее.

Я вамъ говорю: деспотическія козни разбиваются все болѣе и болѣе о каменную грудь революціоннаго духа, для отраженія котораго отъ русской земли тиранъ, внутренно уже дрожащій, хотя наружно сохраняющій притворное спокойствіе и твердость, напрасно выставляетъ на своихъ границахъ страшныя пограничныя войска и готовится даже выступить противъ него, духа революціи, на прусской и австрійской землѣ, напрасно, говорю я, потому что духъ невидимо ступаетъ впередъ, и, словно азіатская холера, смѣется надъ всякими пограничными стражами и заставами.

Я вамъ говорю: вѣрность русскаго войска надломлена сочувствіемъ славянъ къ славянамъ, влеченіемъ русскаго сердца къ братскому польскому сердцу. Да, русское сердце обливается кровью отъ стыда и боли, что нѣмецкіе обладатели русскаго скипетра такъ жестоко предали братскій славянскій народъ германскимъ тиранамъ и такъ безчестно раздѣлили славянскую страну съ германскими тиранами; оно обливается кровью, это русское сердце и возмущается ужасной судьбой этого геройскаго славянскаго племени, которое опередило насъ всѣхъ по дорогѣ свободы и пролило по каплѣ свою драгоцѣнную кровь въ долгомъ мученичествѣ за нашу общую свободу, которое, однако, среди всякихъ униженій и терзаній не отступаетъ и не устаетъ, и котораго окончательное возстановленіе въ ряду народовъ подастъ вамъ огненный сигналъ, который, прорѣзывая тьму нашего рабства, поведетъ всѣхъ славянъ по пути

къ освобожденію и спасенію. Да, Польша, это стрѣла въ русскомъ тѣлѣ; черезъ униженную Польшу истекаетъ кровью русская деспотія; крестъ, на которомъ она распинала мученика, будетъ ея собственнымъ позорнымъ столбомъ, у котораго она кончитъ свою мерзкую жизнь. Николай это предчувствуетъ, онъ знаетъ это и потому все глубже и глубже запускаетъ свои ястребиные когти въ судорожные члены несчастнаго растерзаннаго польскаго тѣла, мучимый страхомъ и дрожащій передъ возможностью, что эти безсмертные члены все же наконецъ соберутся и вновь соединятся въ одно одушевленное тѣло, чтобы воздать давно уготованную, но не выполненную, ужасную месть своему и всеславянскому палачу. Его смертельно мучитъ проглоченный кусокъ этого величія, котораго деспотизмъ никогда не переваритъ во внутренностяхъ своей власти и великолѣпія. Онъ это чувствуетъ и знаетъ, но онъ только одному не хочетъ вѣрить, что ядъ уже свирѣпствуетъ по всѣмъ жиламъ и сосудамъ тѣла его власти, что его войско, солдаты и начальники, какъ только приходятъ въ соприкосновеніе съ польской народностью, тотчасъ чувствуютъ магическую силу этой святыни нашей національности, освященной безмѣрными страданіями, этой скиніи завѣта нашего освобожденія, этого огненнаго и дымоваго столба, который день и ночь указываетъ намъ дорогу черезъ пустыню нашего рабства въ обѣтованную землю свободы всѣхъ славянъ. Да, они чувствуютъ вмѣстѣ съ Польшей, они вдохновлены для Польши, они видятъ въ спасеніи Польши свое собственное спасеніе, они уже не противъ Польши, а только за ея дѣло могутъ сражаться.

А подчиненность массъ,—если ты и разсчитываешь на нее, ослѣпленный царь, ты, который такъ уменъ и хитеръ въ мелочахъ да на запутанныхъ дорожкахъ твоихъ низкихъ хитростей, дѣйствующихъ чудесно только на старчески слабую Европу, ослѣпленный царь, ты строишь на пескѣ! Правда, крестьянскій бунтъ въ Галиціи плохъ, потому что онъ обращается, питаемый и покровительствуемый тобою, противъ демократически настроенныхъ, духомъ свободы проникнутыхъ дворянъ; но онъ скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ зародышъ но-

вой, неожиданной силы, вулканическій огонь, взрывъ котораго похоронитъ подъ громадами лавы благоустроенные искусственные сады твоей дипломатіи и господства, потрясетъ и истребитъ безъ слѣда въ одинъ мигъ твою власть, ослѣпленный царь. Крестьянскій бунтъ въ Галиціи это ничто, но его огонь разгорается все больше на подземномъ огнѣ и уже. выростаетъ огромный кратеръ между крестьянскими массами чудовищной русской державы. Это демократія Россіи, пламя которой пожретъ державу и освѣтитъ всю Европу своимъ кровавымъ заревомъ. Чудеса революціи встанутъ изъ глубины этого пламеннаго океана, Россія есть цѣль революціи; ея наибольшая сила, —тамъ развернется и тамъ достигнетъ своего совершенства. Этой первобытной твердостью въ желѣзной настойчивости, съ которой русскій народъ охранялъ свою внѣшнюю независимость при всѣхъ буряхъ, потрясавшихъ славянскій міръ, онъ укрѣпится теперь для революціи, чтобы добыть и удержать свою внутреннюю свободу. Въ Москвѣ будетъ разбито рабство всѣхъ соединенныхъ подъ русскимъ скипетромъ славянскихъ народовъ, а съ нимъ вмѣстѣ и все европейское рабство и навѣки будетъ схоронено въ своемъ паденіи подъ своими собственными развалинами; высоко и прекрасно взойдетъ въ Москвѣ созвѣздіе революціи изъ моря крови и огня, и станетъ путеводной звѣздой для блага всего освобожденнаго человѣчества.

Встаньте же славянскіе братья! Вы, которыхъ призваніе въ томъ, чтобы сражаться въ передовыхъ рядахъ, встаньте! Во имя милліоновъ, которые должны скоро дать главное сраженіе, во имя сѣверныхъ славянъ, которые когда-нибудь потребуютъ отъ васъ строгаго отчета, что вы сдѣлали для нашего святого дѣла, во имя этого народа еще и еще разъ взываю я къ вамъ: *порвите съ реакціей разъ навсегда, порвите съ дипломатіей, порвите со всякой половинной и недостойной васъ политикой и бросьтесь отважно и всецѣло въ объятія революціи!*

Въ ней все, — ваше пробужденіе, ваше воскресеніе, ваша надежда, ваше спасеніе, ваша будущность! Въ ней и только въ ней! Довѣрьтесь ей! Вы должны довѣриться, потому что, навѣрное, она не плохой союз-

никъ. Вамъ говорятъ: она уже упала подъ ударами контръ-революціи. Это неправда. Оглянитесь, посмотрите на ея дѣло! Не измѣнилось ли все въ европейскомъ мірѣ? Развѣ онъ не сдѣлался вдругъ хаосомъ, въ которомъ тѣ именно, которые стараются возстановить порядокъ стараго міра, вносятъ только еще больше внутреннее замѣшательство своими созывами войскъ, своими бомбардировками и осадами, своими громко вопіющими о мести насиліями, своими бойнями и опустошеніями? Развѣ не стала анархія постоянной и всякая попытка обуздать ее не бываетъ ли еще болѣе анархической, чѣмъ первоначальная анархія? Оглянитесь вокругъ васъ, революція вездѣ. Она одна царитъ, она одна сильна. Новый духъ со своей разрушающей, разлагающей силой вторгнулся безповоротно въ человѣчество и проникаетъ общество до самыхъ глубокихъ и темныхъ слоевъ. И революція не успокоится, пока не разрушитъ окончательно одряхлѣвшаго міра и не создастъ новаго прекраснаго. Поэтому въ ней и только въ ней вся наша сила, мощь и вѣрность побѣды. Только въ ней жизнь, внѣ ея—смерть. Только тотъ, кто идетъ за ней и ведетъ ея дѣло, увидитъ свое дѣло увѣнчавшимся, потому что одна она раздаетъ всѣ прекрасныя военныя награды; кто противъ нея, тотъ долженъ рано или поздно погибнуть и не увидитъ дня спасенія. Она не терпитъ никакой середины, двойственности, заигрыванія немножко съ ней, немножко съ ея врагомъ, никакой колеблющейся, недовѣрчивой, лицемѣрной предупредительности; она требуетъ, чтобы ей отдавались безусловно, откровенно, довѣрялись и принадлежали ей вполнѣ. Она сила, она право, она правда, она спасеніе этого времени, она единственная практика, ведущая къ добру и удачѣ; внѣ ея нѣтъ ума, мудрости, политики, она одна умъ, мудрость, политика и все, что ведетъ къ цѣли. Она одна можетъ создать полноту жизни, даровать непоколебимую увѣренность, придать силы, творить чудеса, превратить въ одну живую и жизнь производящую массу міръ изъ восьмидесяти милліоновъ людей, который деспотизмъ держитъ въ тысячелѣтнемъ снѣ. Вѣрьте революціи. Отдайтесь ей вполнѣ и всецѣло! Безъ нея нѣтъ славянства!

Вы должны отдаться революціи всецѣло и безусловно.

Какъ это будетъ?

Такъ, что вы будете преслѣдовать извнѣ и внутри чисто революціонную политику.

Какая должна быть ваша политика извнѣ?

Вы должны быть друзьями и союзниками всѣхъ народовъ и партій, сражающихся за революцію.

Какіе народы и партіи сражаются за революцію?

Всѣ, которые сражаются за свою собственную независимость и вмѣстѣ съ тѣмъ за свободу всѣхъ, а потому въ союзѣ противъ одного общаго врага, противъ конспираціи деспотовъ.

Что поставила себѣ ближайшей задачей конспирація деспотовъ?

Сохраненіе Австріи. Австрія есть центральный пунктъ сраженія.

Чего должны мы вслѣдствіе этого желать?

Противуположнаго тому, чего они желаютъ: *совершеннаго разрушенія Австрійской имперіи.* Деспоты совершенно правы въ *своемъ* интересѣ, дѣлая Австрію главнымъ пунктомъ сраженія; потому что какъ русская имперія служитъ внѣшней опорой деспотизма, такъ Австрія служитъ систематическимъ проведеніемъ его въ сердцѣ Европы; Австрія это окаменѣлое безправіе, плотина, о которую такъ долго разбивались въ безсиліи волны стремленія къ свободѣ въ Европѣ. Поэтому и мы вправѣ желать распаденія и уничтоженія Австрійской имперіи въ интересахъ свободы; потому что распаденіе этой Австріи будетъ освобожденіемъ и поднятіемъ многихъ порабощенныхъ австрійскому единству народовъ и освобожденіемъ сердца Европы. Кто за Австрію, тотъ противъ свободы. Поэтому мы, стоящіе за свободу, должны быть противъ Австріи. Мы должны произвесть разрушеніе этой имперіи.

Какъ это случится?

Такъ, что мы посрамимъ всѣ теперешніе широко разставленные планы австрійскаго императорскаго двора.

Какъ мы узнаемъ эти планы?

Мы видимъ, что дѣлаютъ слуги Австріи.

Кто главный слуга?

Виндишгрецъ.

Куда идетъ теперь Виндишгрецъ?

Въ Венгрію. Послѣ того какъ онъ бомбардировалъ Прагу и убилъ въ ней свободу, послѣ того, какъ онъ бомбардировалъ Вѣну и въ ней убилъ свободу, онъ идетъ въ Венгрію, чтобы и тамъ убить свободу.

Что же мы должны вслѣдствіе этого дѣлать?

Это ясно: *мы должны теперь заявить себя и въ Венгріи за Мадьяръ и противъ Виндишгреца.*

Братья! Я знаю, какое я тяжелое слово произнесъ при этомъ. Что сдѣлали Мадьяры нашимъ славянскимъ братьямъ, какія преступленія совершили они противъ нашей національности, какъ они попирали ногами нашъ языкъ и независимость,—все это я знаю; я знаю, что они даже теперь, хотя научены опытомъ, который побудилъ ихъ бѣжать на помощь вѣнцамъ, все-таки не уважаютъ и не признаютъ свободы Славянъ. Несмотря на все это, братья, та политика, которую мы установили еще на съѣздѣ въ Прагѣ, а именно предложить Мадьярамъ федерацію обѣихъ народностей, подъ условіемъ взаимнаго уваженія правъ и обоюдной совершенной независимости, на эту политику мы и теперь должны рѣшиться. Это политика возвышенная, великодушная; предложенія союза народу, который теперь находится въ такой опасности, какъ народъ мадьярскій, не можетъ унизить ваше достоинство, напротивъ, вы этимъ возвысите вашу честь. Эта политика не можетъ остаться безъ успѣха. Навѣрное есть между Мадьярами люди, которые поймутъ все достоинство подобнаго предложенія и не отвергнутъ условій, связанныхъ съ нимъ, ради блага Венгріи; духъ, предписывающій эти условія, всегда вѣдь будетъ увеличивать свою власть надъ Мадьярами, вѣдь найдется и между ними теперь демократическая партія, которая только въ свободѣ *всѣхъ* народовъ увидитъ обезпеченіе свободы отдѣльнаго народа, и которая въ это время повсемѣстной нужды несомнѣнно легче чѣмъ когда либо пріобрѣтетъ себѣ всеобщій голосъ, но если бы было и не такъ; если бы даже ваша протянутая рука была отвергнута, то вы были бы свободны отъ всякой отвѣтственности и только на голову тѣхъ, которые дерзко и съ презрѣніемъ оттолкнули бла-

городнѣйшее предложеніе общаго спасенія, палъ бы неизгладимый позоръ и упрекъ. Потому что политика, которую я здѣсь совѣтую, это политика не только великодушія и благоразумія, но и мудрости, заботящейся о будущемъ. Потому что этимъ актомъ вашего великодушія вы сдѣлаете сильнѣйшую пропаганду принциповъ свободы всѣхъ народовъ: это актъ, который дастъ рѣшительный поворотъ не только борьбѣ въ Венгріи, но и общей борьбѣ революціи противъ деспотовъ, который поставитъ васъ во главѣ революціоннаго движенія и вы будете, какъ и прилично вамъ, гордо и отважно освѣщать факеломъ путь освобожденію европейскихъ народовъ.

Не нанесетъ ли Славянинъ самъ себѣ вреда, если протянетъ руку своему натуральному врагу?

Навѣрное нѣтъ! Мы такъ сильны, что можемъ быть благородны. О, навѣрное, Славянинъ не пострадаетъ, а выиграетъ. Навѣрное, онъ будетъ жить! И мы будемъ жить. Пока у насъ будутъ оспаривать малѣйшую частицу нашихъ правъ, пока будетъ отдѣленъ или оторванъ хоть одинъ изъ членовъ нашего общаго тѣла, мы будемъ бороться не на жизнь, а на смерть, до послѣдней капли крови, пока наконецъ Славянство станетъ посреди міра великое и совершенно свободное и независимое. Но именно потому мы должны смотрѣть выше малаго на большое, выше отдѣльнаго на цѣлое и направлять полную силу нашего сопротивленія на упрямаго врага союза, и если какой либо народъ, хотя бы одна часть его и была нѣкогда частью нашего врага, признаетъ наконецъ наше право и пожелаетъ сражаться за одно съ нами противъ большаго общаго врага, то мы должны охотно протянуть ему навстрѣчу руку.

Вы должны подать руку нѣмецкому народу. Не деспотамъ Германіи, съ которыми вы теперь въ союзѣ, нѣтъ, этого именно вы не должны дѣлать. Не тѣмъ нѣмецкимъ педантамъ и профессорамъ въ Франкфуртѣ, не тѣмъ плохимъ, узкимъ литераторамъ, которые, по ограниченности или ради денегъ, наполнили большую часть нѣмецкихъ газетъ ругательствами противъ васъ и вашихъ правъ, противъ Поляковъ и Чеховъ, не тѣмъ

нѣмецкимъ мѣщанамъ, которые радуются всякому несчастью Славянъ. А тому нѣмецкому народу, который происходитъ отъ революціи, который станетъ свободной нѣмецкой націей, той Германіи, которая еще не существуетъ и которая поэтому еще ни въ чемъ не провинилась противъ васъ, которой отдѣльные и по всей Германіи разбросанные члены, разбитые такъ же, какъ и наши славянскія народности, такъ же преслѣдуемые и угнетаемые, какъ и мы, достойны нашей дружбы и готовы съ распростертыми объятіями быть нашими друзьями.

Прежде всего вы должны сломить военную силу Австріи; эту силу, благодаря которой Австрія есть австрійскимъ государствомъ; эту силу, которая задерживаетъ и тормозитъ всякое свободное народное возстаніе и противится побѣдѣ всеобщей свободы, равенства и братства всѣхъ народовъ. Вы видѣли въ Прагѣ, что такое эта военная сила, какъ она отвратительна. Что за люди бомбардировали подъ начальствомъ Виндишгреца славянскую Прагу? Были ли это Мальяры? Были ли это Нѣмцы? Были ли это Итальянцы? Нѣтъ, это были Славяне и только Славяне: Чехи, Поляки, Словаки. И что такое австрійскій генералъ, это вы видѣли недавно на Елачичѣ. Это іезуитъ во главѣ дисциплинированныхъ бандъ, которыя безъ своей воли, безъ своихъ цѣлей, сильно повинуются его приказаніямъ, это человѣкъ, у котораго нѣтъ ничего святого, котораго не воодушевляетъ ни любовь къ отечеству, ни чувство къ своей націи, а только ревность къ службѣ для пагубной австрійской камарильи и, чтобы угодить этой камарильѣ, онъ готовъ совершить какое угодно преступленіе. И вотъ это чудовище, которое натравливаетъ братьевъ на братьевъ, которое душитъ и убиваетъ въ человѣческой груди всякое человѣческое движеніе, эту военную организацію, которая превращаетъ людей въ машины деспотіи, вы и должны разрушить, если вы хотите сдѣлать свободнымъ Славянство.

Вы должны отозвать вашихъ солдатъ изъ Италіи, этой прекрасной, загубленной австрійскимъ рабствомъ Италіи, потому что не позоръ ли это, что Славяне, ко-

торые сами борются за свою независимость, прилагаютъ свои руки, чтобы поработить благородный народъ, который не нанесъ имъ ни малѣйшаго оскорбленія, не сдѣлалъ имъ ни одной несправедливости? Вы должны повсюду отозвать славянскихъ солдатъ изъ австрійской службы, которая ихъ позоритъ, чтобы ими не пользовались болѣе, какъ палачами, потому что это даетъ право и другимъ быть палачами по отношенію къ вамъ, вы должны съумѣть создать изъ нихъ чистыя славянскія сердца, войско для служенія революціи, войско, которое бы сражалось за свободу всѣхъ славянскихъ народовъ и Европы.

Вы не можете измѣнить своей внѣшней политики, пока не измѣните внутренней.

Не надо болѣе этой администраціи австрійскими чиновниками!

Не надо этихъ вождей, которые наполовину возбуждаютъ, наполовину успокаиваютъ народъ. Пусть погибнутъ эти злые люди, которые вѣчно говорятъ вамъ: агитируйте, но не слишкомъ, потому что опасно возбуждать народъ; можно достигнуть цѣли болѣе кроткими, парламентарными, дипломатическими средствами. Не вѣрьте этимъ людямъ. Освобожденіе нашихъ народовъ можетъ выйти только изъ одного бурнаго движенія ихъ. Духъ новаго времени говоритъ и дѣйствуетъ только среди бури. Наша славянская натура не такова, какъ у отжившаго старика, которому подходитъ только ослабленное и разжиженное, она не погибла и не испортилась, она проста и велика, и только прямота и цѣльность дѣйствуетъ на нее. Славяне должны быть огнемъ, чтобы творить чудеса. Агитируйте среди славянскихъ массъ безъ оглядки, безъ удержу! Зажигайте въ нихъ святой огонь. Идите апостолами пробуждающагося славянства! Соединитесь, вы, славянскіе народы Австріи! Соединитесь всѣ вмѣстѣ и заключите между собою священный оборонительный и наступательный союзъ! Союзъ не подъ прикрытіемъ австрійской династіи, а союзъ противъ нея, союзъ для освобожденія отъ Австріи! Союзъ для основанія федераціи, которая скоро должна соединить между собою всѣ славянскіе народы. Будьте опять, какъ уже были

однажды въ золотой Прагѣ, для насъ, для всѣхъ славянъ сѣвера и Турціи, предвѣстниками, сверкающей грозовой тучей всѣхъ насъ освобождающей революціи.

Тогда воскреснетъ славянство!

Михаилъ Бакунинъ.

(Переводъ Т. С. Ж.).

IV.

РУССКИМЪ, ПОЛЬСКИМЪ И ВСѢМЪ СЛАВЯНСКИМЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Статья подъ этимъ заглавіемъ была напечатана 15 февраля 1862 г. при „Колоколѣ“, а также отдѣльными листками, и въ 1888 г. перепечатана была въ Женевѣ (M. Elpidine, Libraire-éditeur) и не составляетъ теперь рѣдкости, а потому мы можемъ ограничиться изложеніемъ ея содержанія, необходимымъ для характеристики движенія мыслей Бакунина.

Извѣщая друзей своихъ о своемъ побѣгѣ изъ Сибири, Бакунинъ заявляетъ готовность „положить вмѣстѣ съ ними всю остальную жизнь *на борьбу за русскую волю, за польскую волю, за свободу и независимость всѣхъ славянъ*“. Авторъ считаетъ время благопріятнымъ для дѣятельности: воскресеніе Италіи обѣщаетъ близкое разрушеніе „ненавистнаго зданія габсбурго-лотарингской монархіи“, а затѣмъ и „ея товарища по старости, страху и горю“ – имперіи „турецкой“. „Ожила Польша. Воскреснетъ теперь и Россія“. Въ такое „великое время“ Бакунинъ желаетъ работать на родинѣ, — потому что „плохо быть дѣятелемъ на чужой сторонѣ. Я это испыталъ, говоритъ онъ, въ революціонныхъ годахъ: ни во Франціи, ни въ Германіи я не могъ пустить корни... Я долженъ ограничить свою прямую дѣятельность Россіею, Польшею, славянами“.

Въ Россіи Бакунинъ видитъ двѣ, другъ другу противоположныя партіи: *партію реформъ и партію корен-*

наго переворота. Первая не понимаетъ, что „вся оффиціальная, Петромъ созданная Россія проникнута ложью“ (ср. Ив. Аксакова). Народъ сбросить ее“, — но „распаденіе петровскаго государства не будетъ похоже на разрушеніе австрійской или турецкой имперіи,—потому что даже въ крайнемъ случаѣ „останется огромное великорусское племя въ 40 милліоновъ, племя бодрое, умное, широкоспособное, еле-еле тронутое, а потому и неистощенное исторіей. „Какъ бы ни было тяжко положеніе (великорусскаго народа) внутри, онъ все-таки дорожилъ единствомъ, величіемъ, силами Россіи и готовъ былъ на всѣ жертвы. Такимъ способомъ образовался въ великорусскомъ народѣ государственный смыслъ и національизмъ безъ фразъ, а на дѣлѣ. Такимъ образомъ, онъ одинъ успѣлъ между славянскими племенами, одинъ удержался въ Европѣ и далъ себя почувствовать всѣмъ, какъ сила“. Въ это же время этотъ народъ отстаивалъ свою самобытность и противъ государства: *расколомъ.*

Теперь „времена приближаются“, какъ говорятъ раскольники. Освобожденія ждетъ народъ отъ царя, и горе царю, горе дворянамъ, монополистамъ, офицерамъ, чиновникамъ, казеннымъ попамъ, всей казенной Россіи, если народу не дастся теперь *полная свобода съ полнымъ обладаніемъ землею...* „Нѣмецкія подставы петровскаго государства сгнили... Старый императорскій міръ валится, съ нимъ вмѣстѣ валится вся казенная Россія: дворянство, чиновничество, казенная армя, кабакъ, острогъ и казенная церковь или въ старомъ николаевскомъ смыслѣ: народность, самодержавіе и православіе,—всѣ эти выродки чудовищнаго сочетанія татарскаго варварства съ нѣмецкою политическою наукою, обречены на несомнѣнную и скорую гибель. Что же останется живымъ?—Одинъ только народъ“.

Бакунинъ старается доказать ничтожество всѣхъ возрастовъ правительства. Сначала оно думало опереться на чиновниковъ противъ дворянъ. а теперь „пожалуй дадутъ дворянскую конституцію“. Но чиновничество и дворянство—одно и тоже и одинаково ненавистны народу. Дворянство это „пойметъ, когда блес-

нетъ топоръ...“ „И такъ да здравствуетъ *крестьянская Россія!*“

Кромѣ крестьянъ Бакунинъ признаетъ въ Россіи силой только „общество всѣхъ людей живой мысли и доброй воли, соединенныхъ безграничною любовью къ свободѣ, вѣрою въ русскій народъ, въ будущность славянскаго племени“. Эта сила „состоитъ изъ безчисленнаго множества лицъ всѣхъ сословій... оторвавшагося отъ сословій и отъ всѣхъ признанныхъ положеній въ Россіи, (изъ людей) ненавидящихъ настоящее, готовыхъ отдать жизнь свою за будущее, живущихъ такъ сказать на воздухѣ, бездомная, странствующая церковь свободы...“ Къ этимъ людямъ и обращается Бакунинъ и спрашиваетъ: *„что мы должны дѣлать?“*

„Мнѣ кажется, отвѣчаетъ Бакунинъ, что мы должны во-первыхъ, оставаясь посторонними зрителями всего, что дѣлается и пробуждается нынѣ въ оффиціальномъ и дворянскомъ мірѣ, всѣхъ этихъ конституціонныхъ и полуконституціонныхъ попыткъ, которыя, разумѣется, кончатся ничѣмъ и можетъ быть ускорятъ неминуемый разгромъ имперіи народною силою,—мы должны *крѣпко между собою соединиться*, дабы образовать *народную партію и силу* сознательную, цѣлесообразную, дѣйствительную, *внѣ и противъ* оффиціальной силы. Должны организоваться въ *кружки... собирать деньги...*

Во-вторыхъ, мы должны громко и ясно выговорить *цѣль* общества. Но можетъ ли быть у насъ иная цѣль и другое желаніе, кромѣ *пришествія народнаго царства.* Мы любимъ только народъ, вѣримъ только въ народъ и хотимъ только того, чего хочетъ народъ. Но что нужно народу? Повторяю съ „Колоколомъ“: „Земля и Воля“... не часть земли, но *вся русская земля*... съ выкупомъ или безъ выкупа,—все равно... Народу нужна свобода, но не выкроенная по узкой мѣркѣ нашихъ доктринеровъ ученыхъ и бюрократовъ. Ему нужна вся свобода, и прежде всего безъизъятная и безконтрольная *свобода движенія*... такъ какъ въ русскомъ мірѣ останутся только два сословія: горожанинъ и селянинъ,—даже и не сословія, а только различія, и различія не окаменѣлыя, какъ на Западѣ, но переливающіяся другъ въ друга...

„Ему нужна полная и безграничная свобода вѣры и слова, свобода торговли и промысла, и наконецъ свобода собираться публично для политическихъ и неполитическихъ цѣлей. Однимъ словомъ, ему нужны всѣ свободы, всѣ разновидныя проявленія одной свободы. А для того, чтобъ свобода стала для него дѣйствительностью, ему нужно *Самоуправленіе*, устройство котораго дай Богъ чтобъ произошло не по велѣнію диктатора, и не по рѣшенію верховнаго парламента, точно никогда не выражающаго волю народную; не сверху книзу, какъ это дѣлалось по сію пору въ Европѣ; ноіорганически, снизу вверхъ, чрезъ вольное соглашеніе самостоятельныхъ обществъ въ одно цѣлое, начиная отъ общины,—соціальной и политической единицы, краеугольнаго камня всего русскаго міра, — до областнаго, государственнаго, пожалуй, до федеральнаго обще-славянскаго управленія,..

„Но Боже избави насъ отъ одной ошибки: не будемъ доктринерами, не станемъ сочинять конституцій и напередъ предписывать законы народу. Вспомнимъ, что наше призваніе иное; что мы не учители, а только предтечи народа; что мы должны расчистить передъ нимъ дорогу, и что наше дѣло по преимуществу не теоретическое, а *практическое*.

„Мы должны въ *третьихъ* подать братскую руку всѣмъ *Славянамъ*, но прежде всего и во что бы то ни стало, нашимъ оскорбленнымъ братьямъ *Полякамъ*“.

Бакунинъ далѣе говоритъ относительно много о польскомъ вопросѣ и между прочимъ о границахъ Польши. По этому поводу онъ говоритъ: „Поляки требуютъ можетъ быть слишкомъ много. Они не удовольствуются однимъ Царствомъ Польскимъ, изъявятъ историческія притязанія на Литву, Бѣлоруссію, даже включая Смоленскъ, на Лифляндію, Курляндію и на всю Украйну, включая Кіевъ... Я думаю, что поляки дѣлаютъ большую ошибку, ставя вопросъ такимъ образомъ“. Бакунинъ предлагаетъ предоставить самимъ народамъ названныхъ провинцій рѣшить вопросъ,— хотятъ ли они „слиться съ Польшею, или Россіей, быть ли самостоятельными членами Польской или Русской или общеславянской федераціи“. Русскимъ, или собственно вели-

коруссамъ опъ предлагаетъ во всякомъ случаѣ заботиться объ очищеніи народной Россіи отъ чужого ей оффиціальнаго міра: „Отошлемъ своихъ татаръ въ Азію, своихъ нѣмцевъ въ Германію, будемъ свободнымъ, чисто русскимъ народомъ“...

Тогда, надѣется Бакунинъ, и *хлопская Польша*, которая одна теперь возможна, потянетъ къ хлопской Россіи, и Россія станетъ нужна славянамъ и самимъ полякамъ. „Они сами позовутъ насъ на помощь, когда пробьетъ часъ общеславянской борьбы, когда нужно будетъ отстаивать славянскія земли въ западной Пруссіи, въ Познани, въ Шлезіи, въ Буковинѣ, въ Галиціи, въ Велико Чешской Землѣ, во всей Австріи и въ цѣлой Турціи“.

Подъ конецъ Бакунинъ опять обращается къ полякамъ, съ предложеніемъ союза для предстоящей въ Россіи борьбы. Въ слѣдующей половинѣ статьи онъ обѣщаетъ поговорить „съ братьями Австрійскими и Турецкими Славянами“,—но эта половина не появилась, хотя подъ первою было напечатано: „продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ“.

V.

НАРОДНОЕ ДѢЛО *).

РОМАНОВЪ, ПУГАЧЕВЪ ИЛИ ПЕСТЕЛЬ?

М. Бакунина.

Лондонъ. Trübner und C°., Paternoster row, E. C. 1862.

Времена—что ни день—становятся серьезнѣе. Наступила и для русскихъ пора дѣла. Замолкъ праздный шумъ упоенной собою литературы. Подъ гнетомъ со-

*) Дошло до моего слуха, что мнѣ приписываютъ какія-то прокламаціи, недавно появившіяся въ Россіи. Считаю нужнымъ объявить, что кромѣ одной статьи въ „Колоколѣ“ я ничего не печаталъ и не писалъ. (Прим. М. Б.)

временныхъ и еще болѣе грозныхъ будущихъ обстоятельствъ, ожидаемыхъ и предвидимыхъ всѣми, люди наименѣе серьезные, наиболѣе развращенные богатовнею литературною, призадумались.—Полно болтать, опасно болтать, преступно болтать. Вѣдь дѣло идетъ о спасеніи себя, семьи, имущества, о спасеніи Россіи отъ кровавыхъ несчастій, отъ конечнаго разоренія. Всякій долженъ теперь размыслить серьезно и свои политическія вѣрованія и свое положеніе, а размысливъ рѣшиться: *куда, къ чему, съ кѣмъ и за кѣмъ идти?*

Теперь только наступаетъ въ Россіи время дѣйствительнаго образованія и развитія партій. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ очень много людей не знали еще сами къ какому они принадлежатъ лагерю. Было, правда, много ученыхъ раздѣленій и подраздѣленій въ теоріи, но на практикѣ они не разъединяли людей, потому что не было ясно опредѣленной практической цѣли. Болтливо-шумною толпою стремились всѣ впередъ, на свободу, иные по убѣжденію, другіе по инстинкту, третьи по модѣ, а наконецъ остальные изъ страха и, казалось, что въ этой толпѣ все единомышленники и братья. Но вотъ засвѣтилось первое, слабое зарево тѣхъ пожаровъ, которыми грозитъ, можетъ быть, кровавая *русская* революція ,и замолкъ гулъ праздной толпы. Она пріутихла.—Пожары были совершенно случайны; такіе пожары—обыкновенное, почти періодическое явленіе въ Россіи. Но возбужденныя политическія страсти, а главное подлый страхъ, скрывающійся нерѣдко за нашимъ шумливымъ геройствомъ, придали нынѣ петербургскимъ пожарамъ другое значеніе. Правительство первое дало примѣръ. Оно нашло полезнымъ обвинить въ поджогѣ передовую молодежь и распространить эту клевету между народомъ, дабы возбудить его противъ студентовъ. Въ прежнее время никто изъ литераторствующей, порядочной публики не смѣлъ бы присоединить своего голоса къ клеветливому воплю изъ-ума-вонъ испуганной власти. Того-бы не потерпѣло общественное мнѣніе, которое даже при самомъ Николаѣ умѣло клеймить продажную литературу и литераторовъ третьяго отдѣленія. Теперь имъ лафа. Пользуясь общимъ испугомъ публики, непривыкшей еще къ общественнымъ потря-

сеніямъ, знакомой только съ болтовней, а не съ дѣломъ, они смѣло подняли свое знамя. А для того чтобъ не испугать слабыхъ людей излишнею откровенностью, они написали на немъ слово „*Прогрессъ*“, искусно прикрывая клевету и доносъ недорогими либеральными фразами. И нѣтъ сомнѣнія, что они пріобрѣтутъ на первое время, но только на короткое время, значительную популярность. Николаевскій періодъ развилъ въ Россіи очень много дряблыхъ душъ, безъ страсти въ сердцѣ, безъ живой мысли въ головѣ, но съ великолѣпными фразами на языкѣ. Этимъ людямъ въ послѣднее время становилось между нами неловко. Они чувствовали, что дѣло доходитъ до дѣлъ, до жертвы... Ихъ много и они всѣ пойдутъ подъ доктринерское знамя, подъ сѣнь благодушащаго правительства. Благо, отступленіе открыто и для измѣны есть благовидный предлогъ, а для прикрытія ея великодушная фраза: „мы стоимъ за цивилизацію противъ варварства“, то есть за нѣмцевъ противъ русскаго народа... Чтожъ, съ Богомъ, идите! Намъ остается пожелать вамъ добраго пути, да успѣхъ на новомъ поприщѣ. Только смотрите, не ошибитесь въ разсчетѣ: случалось не рѣдко, что тѣ зданія, подъ которыми люди скрывались отъ бури, бывали первыя поражены громомъ.

Очистившись отъ старыхъ друзей, сомнительныхъ и слабонервныхъ, мы стали сильнѣе. Намъ нужны теперь люди, которые до конца были бы преданы *народному дѣлу*, и на которыхъ потому можно было бы разсчитывать, ибо теперь наша партія окончательно стала партіею дѣла. А наше дѣло—служить революціи.

Многіе еще разсуждаютъ о томъ, будетъ ли въ Россіи революція или не будетъ? не замѣчая того, что въ Россіи уже *теперь* революція. Она началась послѣдовательно, широко проникла во всѣ составы умирающаго отъ дряхлости государства и возобновляющейся общественной жизни; она царитъ во всѣхъ, вездѣ и во всемъ, дѣйствуетъ руками правительства еще успѣшнѣе даже, чѣмъ усиліями своихъ приверженцевъ, и не успокоится, не остановится до тѣхъ поръ, пока не переродитъ русскаго міра, пока не воздвигнетъ и не создастъ новаго славянскаго міра.

Династія явно губитъ себя. Она ищетъ спасенія въ прекращеніи, а не въ поощреніи проснувшейся народной жизни, которая, еслибъ была понята, могла бы поднять царскій домъ на невѣдомую доселѣ высоту могущества и славы. Но гдѣ высота, тамъ и бездна, и непонятая, оскорбленная, разъяренная смѣшными попытками пигмеевъ удержать ея непреклонно-логическое теченіе, та же народная жизнь можетъ сбросить его, со всѣми его нѣмецкими совѣтниками и доморощенными доктринерами, со всею бюрократическою и полицейскою сволочью, въ бездонную пропасть... А жаль!

Рѣдко царскому дому выпадала на долю такая величавая, такая благородная роль. Александръ II могъ бы такъ легко сдѣлаться народнымъ кумиромъ, первымъ русскимъ земскимъ царемъ, могучимъ не страхомъ и не гнуснымъ насиліемъ, но любовью: свободою, благоденствіемъ своего народа. Опираясь на этотъ народъ, онъ могъ бы стать спасителемъ и главою всего славянскаго міра. Для этого не нужно было ни генія, ни даже той макіавелистической науки, которою такъ искусно и такъ усиленно держатся другіе. Нужно было только широкое, въ благодушіи и въ правдѣ крѣпкое русское сердце. Вся русская, да и вся славянская живая дѣятельность просилась ему въ руки, готовая служить пьедесталомъ для его историческаго величія. Самое царствованіе отца, гибельное для Россіи и для славянъ во всѣмъ отношеніяхъ, должно было служить ему наукою и вмѣстѣ отрицательною рекомендаціею въ глазахъ народовъ. Николай душилъ Польшу; Александръ долженъ былъ освободить Польшу со всѣмъ, что хочетъ быть Польшей. Онъ долженъ былъ сдѣлать это и по справедливости, и для освобожденія Россіи отъ ненужной тяготы и отъ еще менѣе нужнаго безчестья, и для того, чтобъ, освободившись разъ навсегда отъ нѣмцевъ, открыть себѣ широкія ворота въ славянскій міръ. Николай довелъ до крайняго безумія систему петровскую, систему отрицанія и придушенія народа во имя нѣмецкаго государства; онъ до того напрягъ искусственныя силы этого государства, что оно надломилось и треснуло, убивъ его самого. Александръ долженъ бы былъ почувствовать, что безобразное зданіе, стоившее мил-

ліоповъ человѣческихъ жертвъ, потоковъ и своей, и чужой крови, держаться долѣе не можетъ, и что никакихъ силъ не достанетъ удержать его отъ конечнаго паденія. На развалинахъ петровскаго государства можетъ существовать только Россія *Земская*, живой народъ. Для народа нужно было расчистить мѣсто.

Казалось сначала, что Александръ II понималъ свое назначеніе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ Россіи, потому что въ Польшѣ онъ съ перваго раза громя словами испортилъ все свое положеніе. И сколько преступленій, сколько несчастій, сколько безчестія для насъ и кровавыхъ жертвъ для поляковъ вытекло изъ этихъ трехъ словъ: „Point de réveries!“ Теперь всякій можетъ рѣшить, кто безумно, преступно мечталъ: поляки или Александръ Николаевичъ?

Его начало въ Россіи было великолѣпно. Онъ объявилъ свободу народу, свободу и новую жизнь послѣ тысячелѣтняго рабства. Казалось, онъ хотѣлъ *земской Россіи*, потому что въ государствѣ петровскомъ свободный народъ немыслимъ. 19 февраля 1861 года, несмотря на всѣ промахи, недостатки, уродливыя противорѣчія и не менѣе безобразныя тѣсноты указа объ освобожденіи крестьянъ, Александръ II былъ самымъ великимъ, самымъ любимымъ, самымъ могучимъ царемъ, который когда-либо царствовалъ въ Россіи. Но онъ такъ мало понималъ это, такъ мало зналъ, чувствовалъ душу народную, онъ до такой степени нѣмецъ, что въ этотъ самый день, торжественнѣйшій изъ торжественныхъ дней въ русской исторіи, онъ прятался въ своемъ дворцѣ и окружалъ себя караулами, боясь народнаго бунта. Видно—совѣсть была не чиста, видно—онъ замышлялъ не доброе, видно—онъ не хотѣлъ настоящей свободы народу, который вѣрилъ, да и все еще вѣритъ въ него до безумія.

И въ самомъ дѣлѣ не была чиста совѣсть. Александръ II и не мыслилъ о свободѣ народа. Она была бы противна всѣмъ инстинктамъ его. Нѣмецъ никогда не пойметъ и не полюбитъ земской Россіи; и въ то самое время, какъ русскій народъ ждалъ отъ него новой жизни, онъ вмѣстѣ съ совѣтниками своими думалъ только о томъ, какъ бы укрѣпить, возстановить и если

можно расширить двухвѣковую причину русской безжизненности, народоненавистное тюремное зданіе петровскаго государства. Задумавъ гибельное, невозможное, онъ губитъ себя и свой домъ, и готовъ ввергнуть Россію въ кровавую революцію. Генія Петра Великаго не достало бы теперь на такое дѣло, а онъ предпринялъ его.

Отсутствіемъ русскаго смысла и народолюбиваго сердца въ царѣ, безумнымъ стремленіемъ удержать во что бы ни стало петровское государство, объясняются вполнѣ и всѣ противорѣчія указа объ освобожденіи и столь же раззорительная, сколь и опасная нелѣпость переходнаго состоянія, и безчеловѣчно глупое стрѣляніе по невиннымъ крестьянамъ въ разныхъ губерніяхъ, и объявленіе царя народу, что не будетъ ему другой воли, и студенческія исторіи, и заключеніе въ крѣпость тверскихъ дворянъ, и упорное желаніе правительства сохранить сословіе дворянское наперекоръ волѣ самого дворянства, и теперешній терроризмъ, и, наконецъ, послѣднее слово: Липранди! Липранди, убитый общимъ презрѣніемъ, воскресъ. Онъ зовется на помощь — онъ будетъ спасать Россію!.. Жребій брошенъ. Для Александра II, кажется, нѣтъ болѣе возврата на другую дорогу. Не мы, онъ главный революціонеръ въ Россіи, и да падетъ на его голову кровь, которая прольется!

А онъ, и только онъ одинъ, могъ совершить въ Россіи величайшую и благодѣтельнѣйшую революцію, *не проливъ капли крови.* Онъ можетъ еще и теперь: если мы отчаяваемся въ мирномъ исходѣ, такъ это не потому, чтобъ было поздно, а потому, что мы отчаялись, наконецъ, въ способности Александра Николаевича понять единственный путь, на которомъ онъ можетъ спасти себя и Россію. Остановить движеніе народа, пробудившагося послѣ тысячелѣтняго сна, невозможно. Но еслибъ царь сталъ твердо и смѣло во главѣ самаго движенія, тогда бы его могуществу на добро и на славу Россіи не было бы мѣры. На этомъ пути опасности нѣтъ никакой, успѣхъ вѣрный.

Народу нужна земля—отдайте ему всю землю. А чтобъ не раззорить собственниковъ *мнимымъ* выкупомъ, пусть выкупается она не крестьянами, а цѣлымъ го-

сударствомъ. Народу нужна воля, полная воля движенія, занятій... Такъ дайте ему эту волю, избавьте его изъ подъ опеки правительственной, которая его всегда угнетала да раззоряла, избавьте его отъ чиновниковъ, которыхъ онъ ненавидитъ, наравнѣ съ дворянами. Дайте ему полное самоуправленіе общинное, волостное, областное и государственное. Народу ненавистны сословія, созданныя вашими прадѣдами для притѣсненія народа; такъ уничтожьте эти сословія, которыя сами теперь готовы отказаться отъ всѣхъ своихъ преимуществъ, отчасти потому, что преимущества эти стали ничтожны, отчасти по благородному побужденію, отчасти же отъ страха. Пусть будетъ въ Россіи одинъ нераздѣльный народъ. И не бойтесь, онъ будетъ въ состояніи самъ собою управляться. Народъ знаетъ своихъ людей, и въ этихъ людяхъ, повѣрьте, болѣе дѣльнаго смысла, чѣмъ во взрослемъ въ блудномъ бездѣліи дворянствѣ. Не бойтесь также что черезъ областное самоуправленіе разорвется связь провинцій между собою, рушится единство русской земли. Вѣдь автономія провинцій будетъ только административная, внутреннезаконодательная, юридическая, а не политическая. И ни въ одной странѣ, исключая можетъ быть Франціи, нѣтъ въ народѣ такого смысла единства строя, государственной цѣлости и величія народнаго, какъ въ Россіи. Только во Франціи присоединяется къ этому страсть бюрократическая; въ Россіи ея нѣтъ. Чиновникъ противенъ народу, а бюрократическая централизація необходимымъ насиліемъ своимъ только отталкиваетъ его отъ единства; и только тогда воцарится дѣйствительная, вольная цѣлость въ русской землѣ, когда чиновническое управленіе замѣнится въ ней самоуправленіемъ народнымъ. Единство земли русской, находившее доселѣ свое выраженіе только въ царѣ, требуетъ теперь еще другого представительства: *Всенароднаго Земскаго Собора.*

Говорятъ, что въ Петербургѣ боятся пуще всего земской Думы; опасаются, что съ нею начнется революція въ Россіи. Да неужели же тамъ въ самомъ дѣлѣ не понимаютъ, что революція давно началась? Пусть посмотрятъ вокругъ себя, въ самихъ себя, пусть сравнятъ

свое настроеніе духа съ тѣмъ, что̀ чувствовалось правительствомъ при императорѣ Николаѣ, — и пусть скажутъ: развѣ это не коренная и не полная революція? Вы слѣпы, это правда. Но неужели слѣпота ваша дошла до той степени, что вы думаете—можно воротиться назадъ или отдѣлаться шутками? И такъ не въ томъ вопросъ, будетъ ли или не будетъ революція, а въ томъ: *будетъ ли исходъ ея мирный или кровавый?* Онъ будетъ мирный и благодатный, если царь, ставъ во главѣ движенія народнаго, вмѣстѣ съ земскимъ сборомъ, приступитъ широко и рѣшительно къ коренному преобразованію Россіи въ духѣ свободы и земства. Ну, а если ослѣпленный царь задумаетъ идти вспять, или остановится на полумѣрахъ, или станетъ искать спасенія въ Липранди,—исходъ будетъ ужасный. Тогда революція приметъ характеръ безпощадной рѣзни, не вслѣдствіе прокламацій и заговоровъ восторженной молодежи, а вслѣдствіе возстанія всенароднаго. На Александрѣ Николаевичѣ лежитъ теперь отвѣтственность страшная. Онъ можетъ еще спасти Россію отъ конечнаго разворенія, отъ крови. Сдѣлаетъ ли онъ? Захочетъ ли онъ?

Безъ Собора Земскаго онъ не сдѣлаетъ ничего. Только Земскій Соборъ способенъ умиротворить Россію, возстановить кредитъ публичный и частный, устроить и обезпечить выкупъ земли и возвратить потрясенному обществу спокойствіе и вѣру. А самодержавіе?! скажете вы.—Да развѣ оно дѣйствительно существуетъ? Это капризъ, вчера Панина, сегодня Головнина, завтра Липранди. Это безконтрольное право на зло, немощь на добро,—право быть пассивнымъ и далеко не почетнымъ орудіемъ въ рукахъ лакеевъ придворныхъ, министерскихъ и канцелярскихъ,—право чуждаться Россіи, не знать ее, мутить ее,—право ввергнуть ее въ кровавую революцію.

Ну, а если Земскій Соборъ будетъ враждебенъ царю?—Да, возможно ли это! Вѣдь посылать на него своихъ выборныхъ будетъ народъ, до сихъ поръ еще безгранично въ царя вѣрующій, всего отъ него ожидающій. Откудажъ взяться враждѣ? Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что еслибъ царь созвалъ *теперь* Земскій Соборъ, онъ *впервые* увидѣлъ бы себя окруженнымъ людьми,

дѣйствительно ему преданными. Продолжись безурядица еще нѣсколько лѣтъ, расположеніе народа можетъ перемѣниться. Въ наше время быстро живется. Но теперь народъ за царя и противъ дворянства, и противъ чиновничества, и противъ всего, что носитъ нѣмецкое платье. Для него всѣ враги въ этомъ лагерѣ офиціальной Россіи, всѣ—кромѣ царя. Кто жъ станетъ говорить ему противъ царя? А если бъ кто и сталъ говорить, развѣ народъ ему повѣритъ? Не царь ли освободилъ крестьянъ противъ воли дворянъ, противъ совокупнаго желанія чиновничества?

Разочаровать народъ, потрясти его вѣру въ царя можетъ только самъ царь. Вотъ гдѣ опасность и, можетъ быть, главная причина того паническаго страха, который ощущаютъ въ Петербургѣ при одномъ словѣ: „Земскій Соборъ“. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ двухсотлѣтняго отчужденія, русскій народъ, черезъ своихъ представителей, въ первый разъ встрѣтится лицемъ къ лицу съ своимъ царемъ. Минута рѣшительная, минута въ высшей степени критическая! Какъ понравятся они другъ другу? Отъ этой встрѣчи будетъ зависѣть вся будущность и царей и Россіи.

Двѣсти лѣтъ стоналъ русскій народъ подъ гнетомъ Московско-Петербургскаго государства и перепосилъ такія тягости, такія терзанія, такія мытарства, какихъ иноземецъ себѣ представить не можетъ. Прямою причиною всѣхъ бѣдствій его были цари. Они, позабывъ клятву своего родоначальника, народнаго избранника Михаила Романова, создали эту чудовищную самодержавную централизацію и окрестили ее въ народной крови. Они образовали народу противныя касты, и духовную и чиновно-дворянскую, какъ орудія для губительнаго самовластія, и отдали имъ народъ, однимъ въ духовное, другимъ въ тѣлесное рабство. Ихъ силою, волею, ихъ прямымъ покровительствомъ держались единственно и буйный произволъ полудикаго дворянина и притѣснительное варварство чиновниковъ. Цари, до самой послѣдней минуты, смотрѣли на русскій народъ съ презрѣніемъ горшечника къ глинѣ, какъ на бездушный матерьялъ, обязанный принять по ихъ произволу любую форму. Въ концѣ царствованія Николая,

одинъ генералъ изъ нѣмцевъ говорилъ полковнику, командиру образцоваго полка, принявшему партію несчастныхъ мужиковъ-рекрутъ: „Вы мнѣ хоть половину изъ нихъ убейте, но чтобъ другая за то была вымуштрована на славу“. И что нѣмецъ осмѣлился высказать громко, другіе дѣлали втихомолку. Жизнь простого человѣка, крестьянина, мѣщанина, была ничѣмъ. Система царская истребила такимъ образомъ въ продолженіи какихъ нибудь двухсотъ лѣтъ далеко болѣе милліона человѣческихъ жертвъ,—такъ, безъ всякой нужды, просто вслѣдствіе какого то скотскаго пренебреженія къ человѣческому праву и къ человѣческой жизни. И въ то время, когда дикое, раззоренное въ пухъ дворянство сорило народными деньгами, не менѣе блудные, не менѣе дикіе и безъ сомнѣнія болѣе виновные цари наши сорили людьми.

Но фактъ замѣчательный! Русскій народъ, хотя и главная жертва царизма, не потерялъ вѣры въ царя. Бѣды свои онъ приписываетъ кому и чему вамъ угодно, и помѣщикамъ, и чиновникамъ, и попамъ, только отнюдь не царю. Есть, правда, секты въ расколѣ, переставшія за него молиться; есть другія, тайно ненавидящія царскую власть. Но это отрицаніе, хоть выработавшееся въ средѣ народа, далеко не выражаетъ народное большинство, которое еще крѣпко держится своей вѣры въ царя. Здѣсь не мѣсто углубляться въ причины этого *факта* многозначительнаго, несомнѣннаго, а для насъ особенно важнаго, потому что, рады ли мы ему или нѣтъ, онъ обусловливаетъ непремѣнно и наше положеніе и нашу дѣятельность. Въ другомъ мѣстѣ я старался объяснить его тѣмъ, что народъ почитаетъ въ царѣ *символическое представленіе единства, величія и славы русской земли*. И думаю, что я не ошибся. Но этого мало: другіе, болѣе христіанскіе народы, когда имъ приходится жутко, а возстаніе по какимъ бы то ни было причинамъ кажется невозможно, ищутъ своего утѣшенія въ вознагражденіи загробномъ, въ небесномъ царѣ, на томъ свѣтѣ. Русскій народъ, по преимуществу, реальный народъ. Ему и утѣшеніе то надо земное; земной богъ—царь, лицо впрочемъ довольно идеальное, хоть и облеченное въ плоть и въ человѣ-

ческій образъ и заключающее въ себѣ самую злую пропію противъ царей дѣйствительныхъ. Царь—идеалъ русскаго народа, это родъ русскаго Христа, отецъ и кормилецъ русскаго народа, весь проникнутый любовью къ небу и мыслью о его благѣ. Онъ давно далъ бы народу все что нужно ему—и волю и землю. Да онъ самъ бѣдный—въ неволѣ: лиходѣи бояре да злое чиновничество вяжутъ его. Но вотъ наступитъ время, когда онъ воспрянетъ и, позвавъ народъ свой на помощь, истребитъ дворянъ, и поповъ, и начальство, и тогда наступитъ въ Россіи пора *золотой воли!* Вотъ кажется, смыслъ народной вѣры въ царя. Вотъ чего онъ ждетъ отъ него въ Февралѣ или въ Мартѣ 1863 г. Вѣдь онъ, болѣе двухсотъ лѣтъ, проведенныхъ въ неизъяснимыхъ мукахъ, ждетъ слова царскаго и воскресенія; и теперь, когда всѣ надежды, всѣ ожиданія его оживились предварительнымъ обѣщаніемъ царя, согласится ли онъ ожидать еще долѣе? Не думаю.

Въ 1863 году быть въ Россіи страшной бѣдѣ, если царь не рѣшится созвать всенародную Земскую Думу... И вотъ народъ пошлетъ своихъ выборныхъ къ царю-избавителю. Довѣрію и преданности посланцевъ народныхъ къ царю не будетъ предѣловъ, — и, опираясь на нихъ, встрѣтивъ ихъ съ равною вѣрою и любовью, и рѣшившись дать добровольно народу то, чего нынѣ нельзя уже болѣе удержать отъ него, царь могъ бы поставить свой тронъ такъ высоко и такъ крѣпко, какъ онъ еще никогда не стоялъ. Но что, если вмѣсто царя избавителя, царя земскаго, народные посланицы встрѣтятъ въ немъ петербургскаго императора въ прусскомъ мундирѣ, тѣсносердечнаго нѣмца, окруженнаго синклитомъ такихъ же нѣмцевъ? Что, если вмѣсто ожидаемой свободы, царь не дастъ ему ничего, или почти ничего, и захочетъ отдѣлаться отъ народа словами да полумѣрами? Ну, тогда не сдобровать и царизму, по крайней мѣрѣ императорскому петербургскому, нѣмецкому, гольштейнъ-готорпскому! Вѣдь привязанность народа къ царю не придворная, не холопская, а религіозная. И религія народа не небесная, а земная, жаждущая, требующая удовлетворенія себѣ на землѣ. Въ общемъ чувствѣ народномъ обѣтованный часъ исполненія, ка-

жется, наступъ, и народъ не хочетъ ему пройти даромъ. Тогда опять кровавая революція.

Но если бы въ этотъ роковой моментъ, когда для цѣлой Россіи будетъ рѣшаться вопросъ о жизни и смерти, о мирѣ и крови, царь земскій предсталъ передъ всенародный соборъ, царь добрый, царь правдивый, любящій Россію больше себя и довѣряющій широко любви народной, готовый устроить народъ по волѣ его, чего бы не могъ онъ сдѣлать съ такимъ народомъ! Кто смѣлъ бы возстать противъ него? И миръ, и вѣра возстановились бы какъ чудомъ, и деньги нашлись бы, и все бы устроилось просто, естественно, для всѣхъ безобидно, для всѣхъ привольно... Руководимый такимъ царемъ, Земскій Соборъ создалъ бы новую Россію на основаніяхъ вольныхъ, широкихъ, безъ потрясеній, безъ жертвъ, даже безъ усиленной борьбы и безъ шума; потому что воля и нужды народа — ясны, потому что въ немъ выработался умъ крѣпкій и здоровый зародышъ будущей организаціи,—и потому что злой умыселъ и никакая враждебная сила не были бы въ состояніи бороться противъ соединеннаго могущества царя и народа.

Есть ли надежда, что такой союзъ состоится? Мы скажемъ прямо, что нѣтъ. Несмотря на несомнѣнную преданность народа къ царю, царь видимымъ образомъ боится его. Боится потому, что не любитъ его, потому что не хочетъ поступиться передъ нимъ своею нѣмецкою важностью, своимъ мелкимъ императорскимъ произволомъ, и потому что чувствуетъ, вѣроятно, что съ этимъ народомъ шутить нельзя. Но можетъ быть, онъ рѣшился бы еще довѣриться народу въ надеждѣ на его слѣпую привязанность, еслибъ онъ не боялся пуще всего вліянія передовой революціонной молодежи. Страхъ въ настоящее время еще совершенно напрасный! Какъ ни горько сознаться въ этомъ, но я думаю, что для будущаго успѣха самого революціоннаго дѣла мы должны громко высказать то убѣжденіе, что до сихъ поръ вліяніе нашей партіи на народъ было близко къ нулю. Революціонерная пропаганда еще не нашла къ нему доступа и не умѣла еще потрясти его безумной, его несчастной вѣры въ царя. Никогда еще не чувствовался

такъ сильно разрывъ, существующій между народомъ и нами, и никто изъ насъ не перешелъ еще черезъ пропасть, отдѣляющую насъ отъ него. Мы готовы жить его жизнью, его мыслью, но онъ насъ не знаетъ, и пошелъ бы безъ сомнѣнія противъ насъ за царя, потому что и его онъ также не знаетъ... Итакъ, если вы хотите встрѣтиться съ народомъ свободнымъ отъ нашихъ вліяній, езывайте его теперь. Ну, а если пропустите время, то пожалуй наша передовая молодежь, наша надежда и наша сила, пробьетъ себѣ наконецъ дорогу къ народу и чрезъ роковую пропасть подастъ ему руку. Вина будетъ ваша.

И почему молодежь не за васъ, а вся молодежь противъ васъ? Вѣдь это для васъ большое несчастіе;— несчастіе потому, что молодежь уже сама по себѣ составляетъ и право и силу, особенно когда, не заключаясь въ себѣ, собой суетно не довольствуясь, она стремительно, страстно рвется въ народъ, къ службѣ народной. Для такой молодежи нѣтъ непреоборимыхъ препятствій. Народъ, самъ молодой и самъ страстный, рано или поздно призоветъ ее. Почемужъ она противъ васъ? Недавно умершій предводитель демократической партіи въ Соединенныхъ Штатахъ, полковникъ Дугласъ, во время послѣднихъ президентскихъ выборовъ, сказалъ одному изъ своихъ друзей: „наше дѣло потеряно, молодежь противъ насъ!“— Глубокое слово! Молодежь, какъ народъ, живетъ болѣе инстинктомъ, а инстинктъ всегда тянетъ ее на сторону жизни, на сторону правды... Съ нею бѣда. Она можетъ ошибаться въ мысляхъ, или вѣрнѣе, въ выраженіи мыслей своихъ,—въ чувствѣ она ошибается рѣдко. А чувство нашей молодежи, всею энергіею своею, отталкиваетъ ее отъ васъ. Вы, господа доктринеры всякого рода, ее ненавидите, какъ вообще не любятъ ея школьные учители, которые чувствуютъ, что она въ правѣ надъ ними смѣяться. Она бѣжитъ васъ, потому что пахнетъ отъ васъ фарисейскимъ педантствомъ, ложью и смертью; а ей прежде всего надо жизни, воли да правды. Но почему отстала она отъ царя, почему объявила себя противъ того, кто первый объявилъ свободу народу?

Никто не посмѣетъ упрекать ее въ эгоизмѣ. Она руко-

плескала освобожденію крестьянъ и готова теперь отдать все, начиная съ себя, для того только, чтобъ русскій народъ былъ свободенъ. Не увлеклась ли она отвлеченными революціонными идеалами и громкимъ словомъ „республика“? Отчасти, пожалуй, и такъ. Но это только весьма поверхностная и второстепенная причина. Большинство нашей передовой молодежи, кажется, хорошо понимаетъ что западныя абстракціи, консервативныя ли, либерально-буржуазныя, или даже демократическія, къ нашему русскому движенію не примѣнимы; — что оно—безъ сомнѣнія—и демократическое и въ высшей степени соціальное, но что оно развивается вмѣстѣ съ тѣмъ при условіяхъ, совершенно различныхъ отъ тѣхъ, при которыхъ совершались подобныя же движенія на Западѣ. И первое изъ условій—то, что оно не есть главнымъ образомъ движеніе образованной и привилегированной части Россіи. Таковымъ было оно во времена Декабристовъ. Теперь главную роль въ немъ будетъ играть народъ. Онъ есть главная цѣль и единая, настоящая сила всего движенія. Молодежь понимаетъ, что жить внѣ народа становится дѣломъ невозможнымъ, и что кто хочетъ жить, долженъ жить для него. Въ немъ одномъ жизнь и будущность, внѣ его мертвый міръ. Но этотъ народъ выступаетъ на сцену не какъ листъ бѣлой бумаги, на которомъ всякій по произволу можетъ записать свои любимыя мысли. Нѣтъ, листъ этотъ ужъ частью исписанъ и хоть осталось на немъ еще много бѣлаго мѣста, допишетъ его самъ народъ. Никому онъ не можетъ поручить этого дѣла, потому что никто въ образованномъ русскомъ мірѣ не жилъ еще его жизнью. Русскій народъ движется не по отвлеченнымъ принципамъ, онъ не читаетъ ни иностранныхъ, ни русскихъ книгъ, онъ чуждъ западнымъ идеаламъ, у всѣ попытки доктринаризма консервативнаго, либеральнаго, даже революціоннаго, подчинить его своему направленію будутъ напрасны. Да, ни для кого и ни для чего не отступится онъ отъ *своей* жизни. А жилъ онъ много, потому что страдалъ много. Не смотря на страшное давленіе императорской системы, даже въ продолженіе этого двухвѣковаго нѣмецкаго отрицанія, онъ имѣлъ свою внутреннюю живую исторію. У него выра-

боталисъ свои идеалы, и составляетъ онъ въ настоящее время могучій, своеобразный, крѣпко въ себѣ заключенный и сплоченный міръ, дышащій весенней свѣжестью—и чувствуется въ немъ стремительное движеніе впередъ. Наступило, кажется, его время: онъ просится наружу, на свѣтъ, хочетъ сказать свое слово и начать свое явное дѣло. Мы вѣримъ въ его будущность, надѣясь, что, свободный отъ закоренѣлыхъ и на Западѣ въ законъ обратившихся предразсудковъ религіозныхъ, политическихъ, юридическихъ и соціальныхъ, онъ въ исторію внесетъ новыя начала и создастъ цивилизацію иную: и новую вѣру, и новое право, и новую жизнь.

Предъ этимъ великимъ, серьезнымъ и даже грознымъ лицомъ народа пельзя дурачиться. Молодежь оставитъ смѣшную и противную роль непрошенныхъ школьныхъ учителей мертвецамъ московской и с.-петербургской привилегированной журналистики. Ей самой предстоитъ подвигъ другой, не учительскій, а очистительный, *подвигъ сближенія и примиренія съ народомъ*. Вѣдь она почти вся, по своему происхожденію, образованію, по привычкамъ жизни и мысли, наконецъ по всѣмъ общественнымъ отношеніямъ своимъ, стоитъ внѣ народа, принадлежа къ тому привилегированному оффиціальному міру, который народъ не безъ причины ненавидитъ, видя въ немъ главный источникъ всѣхъ своихъ бѣдствій. Стремленія ея чисты и благородны; она сама ненавидитъ исключительность своего положенія и готова жертвовать всѣмъ народу, лишь бы только онъ принялъ ее въ свое общеніе. Но народъ не знаетъ ея, и судя ее по платью, по языку, а главное по жизни, столь различной отъ его жизни, принимаетъ ее за врага. Гдѣжъ тутъ учительствовать! Развѣ безъ вѣры и доброй воли учащагося ученіе возможно? Да наконецъ чему мы станемъ учить? Вѣдь если оставимъ естественныя и математическія науки въ сторонѣ, послѣднимъ словомъ всей нашей премудрости будетъ отрицаніе такъ называемыхъ непреложныхъ истинъ западнаго ученія, полное отрицаніе Запада. Но народъ нашъ Западомъ никогда не увлекался; потому ему и до отрицанія его нѣтъ никакого дѣла. А главное то, что со всею своею наукою, мы безконечно бѣднѣе на-

рода. Народъ нашъ, пожалуй, грубъ, безграмотенъ, я не говорю—неразвитъ, потому что у него было свое историческое развитіе, покрѣпче и посущественнѣе нашего; онъ никакихъ книгъ, кромѣ немногихъ своихъ, еще не читаетъ. Но за то въ немъ есть жизнь, есть сила, есть будущность;—онъ есть... А насъ собственно нѣтъ; наша жизнь пуста и безцѣльна. У насъ нѣтъ ни дѣла ни поля для дѣла. И если будущность для насъ существуетъ, такъ только въ народѣ. И такъ народъ можетъ и безъ насъ обойтись, мы безъ него не можемъ.

Безъ сомнѣнія, слившись съ народомъ, принятые народомъ, мы можемъ принести ему много пользы. Да, мы принесемъ ему громадный опытъ неудавшейся западной жизни, которую мы вмѣстѣ съ Западомъ пережили, способность обобщенія и точнаго опредѣленія фактовъ, ясность сознанія. Знакомые съ исторіею и наученные чужимъ опытомъ, мы можетъ предохранить его отъ обмана и помочь ему высказать его волю.— Вотъ и все. Мы принесемъ ему формы для жизни, онъ дастъ намъ жизнь. Кто дастъ больше? Разумѣется народъ, а не мы.

Вопросъ о нашемъ сближеніи съ народомъ, не для народа, а для насъ, для всей нашей дѣятельности, есть вопросъ о жизни и смерти. Сближеніе это необходимо, но оно трудно, потому что требуетъ съ нашей стороны совершеннаго перерожденія, не только внѣшняго, но и внутренняго. Борода, русское платье, жесткія руки, грубая рѣчь не составляютъ еще русскаго человѣка. Нужно, чтобъ умъ нашъ выучился понимать умъ народа, и чтобъ наши сердца пріучились бить въ одинъ тактъ съ его великимъ, но для насъ еще темнымъ сердцемъ. Мы должны видѣть въ немъ не средство, а цѣль; не смотрѣть на него какъ на матеріалъ революціи по нашимъ идеямъ, какъ на „мясо освобожденія“, напротивъ смотрѣть на себя, *если онъ на то согласится*, какъ на слугъ своего дѣла. Однимъ словомъ мы должны полюбить его пуще себя, дабы онъ насъ полюбилъ, дабы онъ намъ свое дѣло повѣрилъ.

Любить страстно, отдаваться всею душою, побѣждать громадныя трудности и препятствія, силою любви и

жертвы побѣдить ожесточенное сердце народное, дѣло молодости. Вотъ гдѣ ея назначеніе! Учиться она должна у народа, а не учить. Не себя, а его возвышать и вся отдаться его дѣлу. Ну, тогда народъ признаетъ ее.

Прокламація „Молодая Россія“ доказываетъ, что въ нѣкоторыхъ молодыхъ людяхъ существуетъ еще страшное самообольщеніе и совершенное непониманіе нашего критическаго положенія. Они кричатъ и рѣшаютъ, какъ будто бы за ними стоялъ цѣлый народъ. А народъ то еще и по ту сторону пропасти, и не только васъ слушать не хочетъ, но даже готовъ избить васъ по первому мановенію царя. Что же,—мученичество? Да вѣдь мученичество хорошо, когда мученики дѣлаютъ дѣло .Радакторовъ „Молодой Россіи“ я упрекаю въ двухъ серьезныхъ преступленіяхъ. Во первыхъ, въ безумномъ и въ истинно доктринерскомъ пренебреженіи къ народу; а во вторыхъ въ нецеремонномъ, безтактномъ и легкомысленномъ обращеніи съ великимъ дѣломъ освобожденія, для успѣха котораго они между тѣмъ готовы жертвовать своею жизнью. Они, видно, такъ мало привыкли еще къ настоящему дѣйствію, что имъ все кажется, будто они вращаются въ мірѣ абстракцій. Въ теоріи все сходитъ съ рукъ. На практикѣ, особливо въ такое время. какъ наше, что не полезно, то вредно. Появленіе „Молодой Россіи“ причинило положительный вредъ общему дѣлу и виновниками вреда были люди, желавшіе служить ему. Безъ *дисциплины*, безъ строя, безъ скромности передъ величіемъ цѣли, мы будемъ только тѣшить враговъ нашихъ и никогда не одержимъ побѣды.

Но прокламація редакторовъ „Молодой Россіи“ не можетъ быть принята за серьезное выраженіе идей передовой молодежи. Нѣсколько смѣлыхъ юношей собрались и издали свою прокламацію... Довольно было, чтобъ перепугать до смерти нашихъ бѣдныхъ правителей. Правда, что юноши говорятъ и объ „общемъ собраніи“ и о „комитетахъ провинціальныхъ тайнаго революціоннаго общества“. Но вѣдь это было сказано зря, для пущей важности, и для того, чтобъ доставить лишнее впечатлѣніе черезъ чуръ впечатлительному правительству. Огромное большинство нашей моло-

дежи принадлежитъ къ партіи народной, къ той партіи, которая поставила себѣ единою цѣлью *торжество народнаго дѣла*. Эта партія не имѣетъ предразсудковъ ни за царя, ни противъ царя, и еслибъ самъ царь, начавши великое дѣло, не измѣнилъ впослѣдствіи народу, она бы никогда отъ царя не отстала.

И теперь было бы еще не поздно. И теперь та же самая молодежь радостно пошла бы за нимъ, лишь бы только онъ самъ шелъ во главѣ народа; не остановили бы ея никакіе западно революціонные предразсудки, ибо гдѣ жизнь, гдѣ правда, гдѣ разрѣшеніе судебъ народа, тамъ и она. И сколько молодой и благородной энергіи, столько живыхъ силъ и сколько ума было бы тогда къ его услугамъ для совершенія великаго дѣла— умиротворенія и возсозданія Россіи.

Россія спокойно и твердо пошла бы широкимъ путемъ свободнаго развитія и, укрѣпившись внутри, возстановила бы скоро свое утраченное внѣшнее обаяніе. Величіе Россіи русскому народу такъ дорого, что онъ никогда онъ него не откажется. Онъ принесъ ему столько жертвъ!.. Но понятно, что оно должно быть нынѣ воздвигнуто на иныхъ основаніяхъ. Богъ съ нимъ съ величьемъ петровскимъ, екатерининскимъ, николаевскимъ, обрекшимъ русскій народъ на постыдную роль палача и вмѣстѣ раба-мученика! Мы искали силы и славы, а нашли лишь безславіе, заслужили ненависть и проклятія истерзанныхъ нами народовъ, и кончили пораженіемъ и постыднымъ безсиліемъ. Слава богу! наша двухвѣковая тюрьма, петровское государство, наконецъ рушится. Никакая сила не возстановитъ его. Мы же сами подтолкнемъ его въ пропасть, и воля намъ! воля героической Польшѣ! воля Бѣлоруссіи, Литвѣ, Украйнѣ! Пусть будетъ Польшею все, что хочетъ быть Польшею. Воля Финляндіи! воля Чухонцамъ и Латышамъ въ Остзейскихъ провинціяхъ! А нѣмцамъ пора въ Германію!

Еслибъ царь понялъ, что онъ отнынѣ долженъ быть не главою насильственной централизаціи, а главою свободной федераціи вольныхъ народовъ, то опираясь на плотную возрожденную силу, въ союзѣ съ Польшею и Украйною, разорвавъ всѣ ненавистные союзы нѣмецкіе,

поднявъ смѣло всеславянское знамя онъ сталъ бы избавителемъ Славянскаго міра!

Мечта! скажутъ мнѣ; да, разумѣется, мечта. Но мечта только потому, что въ Петербургѣ нѣтъ ни мысли, ни сердца, ни воли, и что царь нашъ, въ противность царю Давиду, ищетъ всегда короны, а находитъ корову. И еще повторимъ: ни одному царю не было дано такъ много, и ни съ одного такъ много не спросится.

На Петербургъ надежды нѣтъ. Царь избралъ себѣ путь, гибельный для него, гибельный для Россіи. Какъ безнадежный больной онъ окружилъ себя шарлатанами,—настало время для нашихъ Некеровъ и Колонновъ. Настоящее министерство—jeune, intelligent et fort, и подражая дружественному нынѣ правительству, хочетъ надуть Россію формами безъ содержанія; съ свободою на языкѣ оно намѣрено продолжать дѣло блуднаго произвола. Но забываютъ они только одно, что обманъ, возможный въ странѣ истощенной политическими борьбами, невозможенъ у насъ, потому что у насъ жизнь только вчера началась, страсти въ приливѣ, а не въ отливѣ, и наша трагедія еще впереди... Какъ ни умны министры, но Александръ Николаевичъ не довѣряется имъ вполнѣ, на помощь имъ онъ позвалъ знаменитаго доктора Липранди, который лѣчитъ средствами героическими и безъ сомнѣнія скорѣе доведетъ до трагедіи. Большое утѣшеніе правительственнаго Петербурга теперь—это народъ и привязанность народа къ царю. Народомъ грозятъ они революціонной молодежи. „Стоитъ только царю махнуть рукою, и студентовъ не будетъ“. Да, безъ сомнѣнія не будетъ; да на другой день и дворянства въ цѣлой Россіи не будетъ, а съ дворянствомъ ляжетъ подъ топоромъ все чиновничество; вы сами голубчики пропадете. Ну-ка попробуйте махнуть то рукой! И останутся народъ да царь. Да что станетъ этотъ царь съ этимъ народомъ дѣлать? Вѣдь царь то нашъ бюрократическій, дворянскій, а не земскій. Онъ самъ утонетъ въ дворянской крови, чтобъ уступить мѣсто какому нибудь Пугачову! Не попробовать ли лучше николаевскихъ средствъ: кнута, висѣлицы да Сибири? Средства хорошія. Но врядъ ли они вамъ нынѣ помогутъ. *Вѣдь страхъ убитъ въ Россіи.*

Нынѣ пойдутъ на лобное мѣсто, смѣясь надъ вами. Да, и самымъ трусамъ нѣтъ никакого разсчета пятиться передъ *вашимъ* страхомъ. Въ Россіи есть теперь страхъ, пострашнѣе,—страхъ *народнаго воздаянія*. А если придется выбирать между топоромъ или висѣлицею, такъ разумѣется, лучше пасть съ сознаніемъ высокаго подвига, чѣмъ жертвою роковаго недоразумѣнія народнаго.

У васъ есть еще одно средство—война. Война національная противъ нѣмцевъ, въ союзѣ съ Италіей и съ Франціей, пожалуй хоть за свободу славянъ, лишь бы только русскому народу не дать свободы. Да, въ самомъ дѣлѣ, идти войною на нѣмцевъ хорошее, а главное, необходимое славянское дѣло, во всякомъ случаѣ лучшее, чѣмъ поляковъ душить нѣмцамъ въ угоду. Подняться на освобожденіе славянъ изъ подъ ига турецкаго и нѣмецкаго, будетъ потребностью, необходимостью и святою обязанностью освобожденнаго русскаго народа. Но вы, враги русской и польской свободы, какую дадите вы свободу славянамъ? Или вы хотите повторить въ сотый разъ старый, постыдный обманъ? Не удовлетворивъ никого и не разрѣшивъ ничего у себя дома, на что вы будете опираться? Даже войско придется вамъ содержать на мѣлокъ чужими субсидіями. И будете вы только служить средствомъ для цѣлей чужихъ, сами ничего не пріобрѣтете, Россію же въ конецъ разворите. Да можетъ быть, вы и расчитываете на ея истощеніе? Можетъ, думаете усмирить ее голодомъ? Смотрите, не ошибитесь въ разсчетѣ: война не помѣшала у насъ ни пугачевщинѣ, ни новгородскому бунту.

Но напрасны всѣ наши старанія. Ни война, ни уловки мнимо либеральнаго (?!) министерства, ни явная реакція вамъ не помогутъ. Народъ проснулся и ждетъ своего часа, вы сами способствовали его пробужденію. Кокетничая передъ нимъ и возбуждая его противъ молодого образованнаго поколѣнія, вы сами будите въ немъ сознаніе силы и онъ самъ возьметъ силою то, чего вы ему добровольно дать не хотите.

Для мирнаго исхода настоящаго неотвратимаго кризиса, средство только одно: *Земскій всенародный соборъ и на немъ разрѣшеніе земскаго народнаго дѣла.* Это сред-

ство единоспасительное въ рукахъ царя. Но онъ его употребить не хочетъ. Значитъ онъ хочетъ крови.

Когда правители губятъ страну, частные люди должны приняться за дѣло спасенія. Всѣмъ истиннымъ консерваторамъ имѣющимъ умъ, чтобъ понимать и предугадывать необходимыя происшествія, всѣмъ купцамъ, попамъ и дворянамъ, чиновникамъ военнымъ и гражданскимъ, любящимъ спокойствіе и миръ и желающимъ сохранить жизнь, имущество, женъ, сестеръ и дѣтей, всѣмъ, кому дороги благоденствіе и слава Россіи, я совѣтовалъ бы объ этомъ крѣпко подумать. Вѣдь времени на свободное размышленіе осталось не много. И не худо было бы, еслибъ они, сговорившись, составили между собою громадное консервативное общество, которое я имъ предложилъ бы назвать: „*общество для* спасенія Россіи отъ близорукости царской и отъ преступнаго министерскаго шарлатанства“, и пусть хоромъ подымутъ они голосъ въ пользу *Земскаго Собора*, какъ единаго средства для предотвращенія кровавой разрушительной катастрофы.

А намъ, революціонерной партіи, что дѣлать? Мы также сплотимся и станемъ подъ знамя „*Народнаго дѣла*“ Мы хотимъ достигнуть его *народнымъ путемъ* и не остановимся до тѣхъ поръ, пока оно не исполнится совершенно.

Мы хотимъ и желаемъ:

1. Чтобы вся земля русская была объявлена собственностью цѣлаго народа, такъ чтобъ не было ни одного русскаго, который бы не имѣлъ части въ русской землѣ.

2. Хотимъ самоуправленія народнаго—общиннаго, волостнаго, уѣзднаго, областнаго и наконецъ государственнаго, съ царемъ или безъ царя, все равно и какъ захочетъ народъ. Но чтобъ не было въ Россіи чиновничества и чтобъ централизація бюрократическая замѣнилась вольною областною федераціей.

3. Хотимъ, чтобъ Польшѣ, Литвѣ, Украйнѣ, Финнамъ и Латышамъ прибалтійскимъ, а также и Кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распорядиться собою и устроиться по своему произволу, безъ

всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, прямого или косвеннаго.

4. Хотимъ братскаго и, если будетъ возможно, федеральнаго союза съ Польшею, Литвою, Украйною, прибалтійскими жителями и съ народами Закавказскаго края. Готовы и обязаны помогать имъ противъ всякаго насилія и противъ всѣхъ внѣшнихъ враговъ, особливо же противъ нѣмцевъ, когда они сами позовутъ насъ на помощь.

5. Вмѣстѣ съ Польшей, съ Литвой, съ Украйной, мы хотимъ подать руку помощи нашимъ братьямъ Славянамъ, томящимся нынѣ подъ гнетомъ Прусскаго королевства, Австрійской и Турецкой имперіи, обязываясь не вложить меча въ ножны, пока хоть одинъ Славянинъ останется въ нѣмецкомъ, въ турецкомъ, или другомъ какомъ рабствѣ.

6. Мы будемъ искать тѣснаго союза съ *Италіей*, съ которою у насъ чувства, интересы и враги общіе,—съ *Мадьярами*, ненавидящими какъ и мы, Австрійскую монархію, если только они совершенно откажутся отъ притѣсненія Славянъ,—съ *Румынами* и даже съ *Греками*, когда послѣдніе оставятъ въ покоѣ Болгаръ, и довольствуясь быть собою, забудутъ свои честолюбивыя и свободопротивныя, а главное, суетныя византійскія мечты.

7. Мы будемъ стремиться, вмѣстѣ со всѣми племенами Славянскими, къ осуществленію завѣтной Славянской мечты: къ созданію *Великой и вольной федераціи Всеславянской*, гдѣ каждый народъ, великъ или малъ будетъ вмѣстѣ вольнымъ и братски съ другими народами связаннымъ членомъ: чтобъ каждый стоялъ за всѣхъ, и всѣ за каждаго, и чтобъ не было въ братскомъ союзѣ особенныхъ государственныхъ силъ, чтобъ не было ничьей гегемоніи, но чтобъ существовала единая и нераздѣльная общеславянская сила.

Вотъ широкая программа дѣла Славянскаго, вотъ необходимое послѣднее слово народнорусскаго дѣла. Этому то дѣлу мы посвятили всю жизнь свою.

Теперь съ кѣмъ, куда и за кѣмъ мы пойдемъ? Куда? мы сказали. Съ кѣмъ? мы также сказали: разумѣется ни съ кѣмъ, другимъ, какъ съ народомъ. Но за

кѣмъ? За Романовымъ, за Пугачевымъ или если новый Пестель найдется, за нимъ?

Скажемъ правду; мы охотнѣе всего пошли-бы за Романовымъ, еслибъ Романовъ могъ и хотѣлъ превратиться изъ петербургскаго императора въ царя земскаго. Мы потому охотно стали бы подъ его знаменемъ, что самъ народъ русскій еще его признаетъ, и что сила его создана, готова на дѣло, и могла бы сдѣлаться непобѣдимою силою, еслибъ онъ далъ ей только крещеніе народное. Мы еще потому пошли бы за нимъ, что онъ *одинъ* могъ совершить и окончить великую мирную революцію, не проливъ ни одной капли русской или славянской крови. Кровавыя революціи, благодаря людской глупости, становятся иногда необходимыми, но все таки онѣ зло, великое зло и большое несчастье, не только въ отношеніи къ жертвамъ своимъ, но и въ отношеніи къ чистотѣ и къ полнотѣ достиженія той цѣли, для которой онѣ совершаются. Мы видѣли это на революціи французской.

И такъ отношеніе наше къ Романову ясно. Мы не враги и не друзья его, мы друзья народно-русскаго, славянскаго дѣла. Если царь во главѣ его, мы за нимъ. Но когда онъ пойдетъ противъ него, мы будемъ его врагами. Поэтому весь вопросъ состоитъ въ томъ: хочетъ ли онъ быть русскимъ земскимъ царемъ Романовымъ, или Голштейнъ-Готорнскимъ императоромъ Петербургскимъ? хочетъ онъ служить Россіи, славянамъ или нѣмцамъ? Вопросъ этотъ скоро рѣшится, и тогда мы будемъ знать, что намъ дѣлать Ни для него и ни для кого въ мірѣ мы не отступимся ни отъ одного пункта своей программы. И если для осуществленія ея будетъ необходима кровь, да будетъ кровь.

Мы безъ содроганія не можемъ подумать о тысячахъ жертвъ, которыя падутъ вѣроятно. Но вся тяжесть кровавой вины пусть ляжетъ тогда на единственнаго виновника, на царя, который всѣхъ можетъ спасти и, кажется, всѣхъ погубитъ. А средство спасенія и для него и для насъ только одно: идти до конца во главѣ революціи и не останавливаться на полдорогѣ. Еслибъ мы хотѣли остановить настоящую революцію, то не могли бы: никто въ мірѣ не можетъ. А если бы могли,

то не хотѣли бы, потому что она необходима для освобожденія нашего народа, для совершенія русскихъ и славянскихъ судебъ.

Если царь измѣнитъ Россіи, Россія будетъ повергнута въ кровавыя бѣдствія. Что будетъ, какую форму приметъ движеніе, кто станетъ во главѣ его? Самозванецъ-царь, Пугачевъ, или новый Пестель-диктаторъ? Предугадать теперь невозможно. Если Пугачевъ, то дай богъ, чтобъ въ немъ нашелся политическій геній Пестеля, потому что безъ него онъ утопитъ Россію и пожалуй всю будущность Россіи въ крови. Если Пестель, то пусть будетъ онъ человѣкомъ народнымъ, какъ Пугачевъ, ибо иначе его не потерпитъ народъ... А можетъ быть ни Пестель, ни Пугачевъ, ни Романовъ, а Земскій Соборъ спасетъ Россію.

Предугадать нельзя ничего. Нашъ долгъ теперь крѣпко сомкнуться и единодушно готовиться къ дѣлу. Поклясться другъ другу не отставать отъ народа, идти съ нимъ, покуда силъ станетъ. Времени можетъ быть осталось не много,—*употребимъ его на сближеніе съ народомъ во чтобы ни стало, дабы онъ призналъ насъ своими* и позволилъ бы намъ спасти хоть нѣсколько жертвъ. Сойтись съ народомъ, слиться съ нимъ во единую душу и во единое тѣло—задача трудная, но для насъ неизбѣжная и неотвратимая. Иначе мы будетъ представителями не народнаго дѣла, а только своихъ тѣсныхъ кружковыхъ интересовъ и своихъ личныхъ страстей, чуждыхъ и противныхъ народу, а потому и преступныхъ, ибо нынѣ что не служитъ исключительно дѣлу народному, то преступно. Онъ одинъ призванъ къ жизни въ Россіи, и только что съ нимъ и что за него, то лишь одно имѣетъ право на жизнь, то будетъ имѣть силу на жизнь. Внѣ его нѣтъ русской силы и, лишь только соединившись съ нимъ, мы можемъ вырваться изъ безсилія. Вотъ почему мы должны сойтись съ народомъ во что бы ни стало. Важнѣе этого, для насъ нѣтъ теперь другого вопроса.

Какъ съ нимъ сойтись? Путь къ достиженію цѣли одинъ: *искренность, правда.* Если вы не обманываете ни его, ни себя, когда говорите о своихъ стремленіяхъ къ народу, то вы найдете дорогу въ душу и въ вѣру его.

Любите народъ, онъ васъ полюбитъ, живите съ нимъ и онъ пойдетъ за вами, и вы будете сильны его силою. Народъ нашъ уменъ, онъ скоро узнаетъ своихъ друзей, когда у него будутъ друзья *дѣйствительные*. Формулировать общее правило, извѣстный пріемъ для сближенія съ народомъ нѣтъ возможности: все это было бы мертво и сухо, потому что было бы ложно. Живое дѣло должно вытекать изъ живого ума и изъ живого сердца.

Васъ много и вы разсѣяны по всей русской землѣ. Пусть каждый изъ васъ, служа общему дѣлу, идетъ къ народу по своему, но пусть каждый идетъ прямо и искренно, безъ хитрости, безъ обмана, пусть каждый несетъ въ даръ ему и весь умъ и все сердце, и чистую, крѣпкую волю служить ему. Пусть каждый свяжетъ судьбу свою съ его судьбою. Пусть каждый молодой человѣкъ перевоспитаетъ себя въ средѣ народной... И вы сдѣлаетесь тогда, безъ сомнѣнія, людьми народными.

Подвигъ не легкій, но за то высокій и стоющій жертвъ: подвигъ повиванія новорождающагося русскаго міра! Кому онъ кажется противенъ, тотъ лучше не берись за русское дѣло. Для того есть пріютъ подъ знаменемъ доктринеровъ. Путь нашъ труденъ. Отсталыхъ, испуганныхъ и усталыхъ будетъ еще много... Но мы, друзья, выдержимъ до конца и безбоязненно твердымъ шагомъ пойдемъ къ народу, а тамъ, когда съ нимъ сойдемся, помчимся вмѣстѣ съ нимъ, куда вынесетъ буря.

VI.

РѢЧЬ БАКУНИНА

НА КОНГРЕССѢ ЛИГИ МИРА И СВОБОДЫ ВЪ 1867 Г.

(Напечатана въ книгѣ „Историческое Развитіе Интернаціонала“, стр. 302 –307).

Вступая на эту трибуну, я спрашиваю себя, граждане, какимъ образомъ я, русскій, являюсь среди этого международнаго собранія, имѣющаго задачей заключить союзъ между народами? Едва четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ русская имперія, которой я, правда, всенепокорнѣйшій подданный, возобновила свои преступленія и убійства надъ геройскою Польшею, которую она продолжаетъ давить и терзать, но которую къ счастью для всего человѣчества, для Европы, для всего славянскаго племени и для самихъ народовъ русскихъ ей не удается убить.

Вотъ почему, не заботясь о томъ, что подумаютъ и скажутъ люди, судящіе съ точки зрѣнія узкаго и тщеславнаго патріотизма, я, русскій, открыто и рѣшительно протестовалъ и протестую противъ самаго существованія русской имперіи. Этой имперіи я желаю всѣхъ униженій, всѣхъ пораженій въ убѣжденіи, что ея успѣхи, ея слава были и всегда будутъ прямо противоположны счастью и свободѣ народовъ русскихъ и не русскихъ, ея нынѣшнихъ жертвъ и рабовъ. Муравьевъ, вѣшатель и пытатель не только польскихъ, но и демократовъ русскихъ, былъ извергомъ человѣчества, но вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ вѣрнымъ, самымъ цѣльнымъ представителемъ морали, цѣлей, интересовъ, вѣкового принципа русской имперіи, самымъ истиннымъ патріотомъ, Сенъ-Жюстомъ, Робеспьеромъ императорскаго государства, основаннаго на систематическомъ отрицаніи всякаго человѣческаго права и всякой свободы.

Въ положеніи, созданномъ для имперіи послѣднимъ польскимъ возстаніемъ ей остаются только два выхода: или пойти по кровавому слѣду Муравьева, или рас-

пасться. Середины нѣтъ, а желать цѣли и не желать средствъ значитъ только обнаружить умственную и душевную трусость. Поэтому мои соотечественники должны выбирать одно изъ двухъ: или идти путемъ и средствами Муравьева къ усиленію могущества имперіи, или за одно съ нами откровенно желать ея разрушенія. Кто желаетъ ея величія, долженъ поклоняться, подражать Муравьеву и подобно ему, отвергать, давить всякую свободу. Кто, напротивъ, любитъ свободу и желаетъ ея, долженъ понять, что осуществить ее можетъ только свободная федерація провинцій и народовъ, т. е. уничтоженіе имперіи. Иначе свобода народовъ, провинцій и общинъ—пустыя слова. Право федераціи и отдѣленіе, т. е. отступленіе отъ союза, есть абсолютное отрицаніе историческаго права, которое мы должны отвергать, если въ самомъ дѣлѣ желаемъ освобожденія народовъ.

Я довожу до конца логику постановленныхъ мною принциповъ. Признавая русскую армію основаніемъ императорской власти, я открыто выражаю желаніе, чтобы она во всякой войнѣ, которую предприметъ имперія, терпѣла одни пораженія. Это требуетъ интересъ самой Россіи, и наше желаніе совершенно патріотично, въ истинномъ смыслѣ слова, потому что всегда только неудачи царя нѣсколько облегчали бремя императорскаго самовластья. Между имперіей и нами, патріотами, революціонерами, людьми свободомыслящими и жаждущими справедливости, нѣтъ никакой солидарности.

Но довольно о нашихъ частныхъ дѣлахъ. Займемся общими принципами, служащими предметомъ настоящихъ преній и долженствующими привести къ соглашенію два великіе интереса: интересъ отечества и интересъ свободы.

То, что по моему мнѣнію справедливо относительно Россіи, должно быть также справедливо относительно Европы. Сущность религіозной, бюрократической и военной централизаціи вездѣ одинакова. Она цинично груба въ Россіи, прикрыта конституціонной, болѣе или менѣе лживой личиной въ цивилизованныхъ странахъ запада, но принципъ ея все одинъ и тотъ же—насиліе. Насиліе внутри подъ предлогомъ общественнаго по-

рядка; насиліе внѣшнее подъ предлогомъ равновѣсія или даже за неимѣніемъ лучшаго повода,—подъ предлогомъ Іерусалимскихъ ключей. Въ нынѣшней Европѣ реакція почти всюду торжествуетъ: всюда она грозитъ послѣднимъ остаткамъ несчастной свободы, которая, повидимому, разучилась защищаться. Чѣмъ теперь заняты правительства? Они вооружаются другъ противъ друга. Всюду затѣваются чудовищныя вооруженія. Неужели мы идемъ къ ужаснымъ временамъ Валленштейна и Тилли? Горе, горе націямъ, вожди которыхъ вернутся побѣдоносными съ полей битвъ! Лавры и ореолы превратятся въ цѣпи и ковы для народовъ, которые вообразятъ себя побѣдителями.

Мы всѣ здѣсь друзья мира, и конгрессъ нашъ собрался для разсужденія о немъ. Но много ли найдется между нами до того наивныхъ, чтобъ считать себя въ силахъ не допустить человѣчество до готовящейся страшной всемірной войны? Нѣтъ, никто изъ насъ не повиненъ въ такомъ самообольщеніи. Мы собрались не для того, чтобы браться за дѣло, очевидно непосильное, а для того, чтобы изыскивать сообща условія, при которыхъ международный миръ возможенъ. Какіе же принципы должны лечь въ основу нашего дѣла?

Эти принципы, истинныя начала справедливости и свободы, должны быть непремѣнно провозглашены именно теперь, когда недостатокъ принциповъ деморализуетъ умы, разслабляетъ характеры и служитъ опорой всѣмъ реакціямъ и всѣмъ деспотизмамъ. Если мы въ самомъ дѣлѣ желаемъ мира между націями, мы должны желать международной справедливости. Стало быть, каждый изъ насъ долженъ возвыситься надъ узкимъ, мелкимъ патріотизмомъ, для котораго своя страна — центръ міра, который свое величіе полагаетъ въ томъ, чтобы быть страшнымъ сосѣдямъ. Мы должны поставить человѣческую, всемірную справедливость выше всѣхъ національныхъ интересовъ. Мы должны разъ навсегда покинуть ложный принципъ національности, изобрѣтенный въ послѣднее время деспотами Франціи, Россіи и Пруссіи для вѣрнѣйшаго подавленія верховнаго принципа свободы. Національность не принципъ; это законный фактъ, какъ индивидуальность,

Всякая національность, большая или малая, имѣетъ несомнѣнное право быть сама собою, жить по своей собственной натурѣ. Это право есть лишь выводъ изъ общаго принципа свободы.

Всякій, искренно желающій мира и международной справедливости, долженъ разъ навсегда отказаться отъ всего, что называется славой, могуществомъ, величіемъ отечества, отъ всѣхъ эгоистическихъ и тщеславныхъ интересовъ патріотизма. Пора желать абсолютнаго царства свободы внутренней и внѣшней. Программа нашихъ комитетовъ приглашаетъ насъ обсудить основанія организаціи Соединенныхъ Штатовъ Европы. Но возможна ли эта организація съ нынѣ существующими государствами? Вообразите себѣ федерацію, гдѣ Франція стоитъ на ряду съ великимъ герцогствомъ Баденскимъ, Россія на ряду съ Молдо-Валахіей. Вообще, вообразима ли федерація централизованныхъ бюрократическихъ и военныхъ государствъ, какія покрываютъ всю Европу, кромѣ Швейцаріи?

Всякое централизованное государство, какимъ бы либеральнымъ оно не заявлялось, хотя бы даже носило республиканскую форму, по необходимости угнетатель, эксплуататоръ народныхъ рабочихъ массъ въ пользу привиллегированнаго класса. Ему необходима армія, чтобы сдерживать эти массы, а существованіе этой вооруженной силы подталкиваетъ его къ войнѣ. Отсюда я вывожу, что международный миръ невозможенъ, пока не будетъ принятъ со всѣми своими послѣдствіями слѣдующій принципъ: всякая нація, слабая или сильная, малочисленная или многочисленная, всякая провинція, всякая община имѣетъ абсолютное право быть свободной, автономной, жить и управляться согласно своимъ интересамъ, своимъ частнымъ потребностямъ, и въ этомъ правѣ всѣ общины, всѣ націи до того солидарны, что нельзя нарушить его относительно одной, не подвергая его этимъ самымъ опасности во всѣхъ остальныхъ.

Всеобщій миръ будетъ невозможенъ, пока существуютъ нынѣшнія централизованныя государства. Мы должны, стало быть, желать ихъ разложенія, чтобы на развалинахъ этихъ единствъ, организованныхъ сверху

внизъ деспотизмомъ и завоеваніемъ, могли развиться единства свободныя, организованныя снизу вверхъ, свободной федераціей общинъ въ провинцію, провинцій въ націю, націй въ Соединенные Штаты Европы.

VII.

ЧЕТВЕРТАЯ РѢЧЬ БАКУНИНА

НА КОНГРЕССѢ ЛИГИ МИРА И СВОБОДЫ ВЪ 1868 Г.

(Напечатана въ книгѣ „Историческое Развитіе Интернаціонала“, стр. 339—365).

Граждане!

Я счастливъ, что могу въ вашемъ присутствіи принять руку, такъ откровенно протянутую намъ однимъ изъ представителей польской соціальной демократіи *). Я принимаю ее отъ имени русской соціальной демократіи; и мы имѣемъ право ее принять, потому что и мы, со страстью не уступающей по силѣ страсти польской демократіи, желаемъ полнаго разрушенія, совершеннаго уничтоженія русской имперіи, имперіи, которая служитъ вѣчной угрозой для свободы міра, постыдной тюрьмой для всѣхъ народовъ, ею покоренныхъ систематическимъ и насильственнымъ отрицаніемъ всего, что называется правомъ, справедливостью, человѣчностью.

Годъ тому назадъ, на Женевскомъ Конгрессѣ, я имѣлъ уже случай громко заявить, что между нами—партіей народнаго освобожденія—и между приверженцами этой чудовищной имперіи не возможно никакое соглашеніе. Наши цѣли діаметрально противоположны, онѣ взаимно исключаютъ другъ друга. Кто желаетъ сохраненія имперіи, увеличенія и развитія ея могущества, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, тотъ долженъ

---

*) Г. Мрочковскимъ. М. Др.

съ царемъ и съ Муравьевыми идти противъ насъ. Кто, напротивъ, желаетъ свободы, благосостоянія, умственнаго освобожденія и нравственнаго достоинства народа, тотъ долженъ вмѣстѣ съ нами содѣйствовать разрушенію имперіи.

Въ Европѣ обыкновенно смѣшиваютъ имперію, состоящую изъ великой и малой Россіи и всѣхъ покоренныхъ земель, съ самимъ народомъ, ошибочно воображая, что она есть вѣрное выраженіе инстинктовъ, стремленій и воли народа, между тѣмъ какъ она, напротивъ, всегда играла роль эксплоататора, мучителя и вѣкового палача народа.

Надо замѣтить, что совершенно невѣрно говорится о русскомъ народѣ, какъ объ единомъ цѣломъ, потому что русскій народъ не составляетъ однородной массы, а состоитъ изъ нѣсколькихъ родственныхъ, но все же различныхъ племенъ. Племена эти слѣдующія: во первыхъ, народъ великорусскій, славянскій по происхожденію, съ примѣсью финскаго элемента, составляющій однородную массу 35 ти милліоннаго населенія; это главная часть имперіи. На ней главнымъ образомъ основалось могущество московскихъ царей.

Но очень ошибется тотъ, кто предполагаетъ, что этотъ народъ добровольно и свободно сдѣлался рабскимъ орудіемъ царскаго деспотизма. Вначалѣ, до вторженія татаръ, и даже послѣ до начала XVII столѣтія, это былъ, конечно, тоже очень несчастный народъ, мучимый своими правителями и привилегированными эксплоататорами земли, но пользовавшійся однакожъ естественной свободой и полнымъ общиннымъ и даже часто областнымъ самоуправленіемъ.

Вся сѣверо-восточная часть имперіи, населенная преимущественно этимъ великорусскимъ народомъ, раздѣлялась, какъ извѣстно, даже во время татарскаго ига, на нѣсколько удѣльныхъ княжествъ, болѣе или менѣе независимыхъ другъ отъ друга; и это раздѣленіе, эта взаимная независимость ограждали, до извѣстной степени, свободу всѣхъ,—свободу, конечно, дикую, но дѣйствительную. Основанія первобытной и не вполнѣ сложившейся организаціи были чисто демократическія. Князья, часто прогоняемые и почти всегда

странствующіе изъ одного княжества въ другое, пользовались только ограниченной властью. Дворянство составлявшее княжескій дворъ, кочевало вмѣстѣ съ князьями; слѣдовательно, осѣдлыхъ собственниковъ было очень мало. Народъ тоже кочевалъ и потому земля въ дѣйствительности не принадлежала никому, т. е. она принадлежала всѣмъ — народу. Вотъ гдѣ кроется начало идеи, вкоренившейся въ умахъ всѣхъ русскихъ племенъ имперіи — идеи, пережившей всѣ политическія революціи и оставшейся болѣе могущественной, чѣмъ когда либо, въ народномъ сознаніи — идеи, носящей въ себѣ всѣ соціальныя революціи прошедшія и будущія и состоящей въ убѣжденіи, *что земля, вся земля принадлежитъ только одному народу*, т. е. всей дѣйствительно трудящейся массѣ, обработывающей ее своими руками.

Цари, вначалѣ великіе князья московскіе, были долгое время только управляющими татаръ въ Россіи, управляющими униженно рабскими, страшно корыстными и неутомимо жестокими; и какъ подобаетъ управляющимъ, они обдѣлывали свои собственныя дѣла гораздо больше, чѣмъ дѣла своихъ господъ; благодаря покровительству татаръ, они постепенно увеличивали свои владѣнія, въ ущербъ сосѣднимъ княжествамъ. Таково было начало московскаго могущества. Цѣлыя два столѣтія великіе князья московскіе, московскіе бояре и московская церковь образовывались въ политической школѣ, принципы которой выражаются словами—рабство, низкое подобострастіе, гнусная измѣна, жестокое насиліе, отрицаніе всякаго права и всякой справедливости и полное презрѣніе къ человѣчеству. Когда, благодаря этой политикѣ, благодаря особенно несогласію татаръ между собою, эти управляющіе, до сихъ поръ рабски покорные, почувствовали себя достаточно сильными, чтобы избавиться отъ своихъ господъ, они ихъ прогнали.

Но татарщина, вмѣстѣ съ своими скверными качествами рабства, успѣла глубоко вкорениться въ оффиціальномъ и оффиціозномъ мірѣ Москвы.

Подобное политическое начало достаточно объясняетъ дальнѣйшее развитіе Россійской имперіи. Но

судьба готовила намъ еще другой великій источникъ развращенія.

Въ концѣ XV вѣка Константинополь палъ и наслѣдіе умирающей византійской имперіи раздѣлилось на двѣ части. На западъ бѣжавшіе греки принесли съ собою безсмертныя традиціи древней Греціи, которыя дали толчокъ живому движенію Возрожденія. А намъ она завѣщала, вмѣстѣ съ своей княжной, своими патріархами и чиновниками, всю испорченность византійской церкви и ужасный азіатскій деспотизмъ въ политической, соціальной и религіозной жизни.

Вообразите себѣ дикаго князя, татарина съ головы до ногъ, грубаго, буйнаго, жестокаго, трусливаго въ случаѣ нужды, лишеннаго всякаго образованія, не только презирающаго всякое право, но совершенно не имѣющаго понятія о правѣ и человѣколюбіи; изъ первоначальнаго рабскаго положенія онъ вдругъ возносится въ своемъ воображеніи, по меньшей мѣрѣ, на высоту византійскаго императора и воображаетъ себя призваннымъ быть богомъ на землѣ, владыкой всего міра. А возлѣ него церковь, не менѣе грубая, не менѣе невѣжественная, но властолюбивая и развращенная, изъ своего рабскаго положенія въ Византіи, она переносится въ несравненно болѣе рабское положеніе въ Москвѣ, честолюбивая и въ тоже время алчная и раболѣпная, является всегда послушнымъ орудіемъ всякаго деспотизма; вѣчно пресмыкаясь передъ царемъ, она, наконецъ, такъ тѣсно смѣшала въ своихъ молитвахъ его имя съ именемъ бога, что удивленные вѣрующіе, въ концѣ концовъ, не знаютъ, кто богъ и кто царь. Рядомъ съ этой церковью и этимъ царемъ вообразите себѣ дворянство, не менѣе жестокое и варварское, составленное изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ: изъ потомковъ русскихъ князей, лишенныхъ своихъ удѣловъ, изъ татарскихъ князей, изъ литовскихъ дворянъ, укрывшихся въ Москвѣ, изъ новыхъ и старыхъ бояръ, титулованныхъ дворцовыхъ лакеевъ, чиновниковъ и сыщиковъ дикой московской администраціи; и всѣ они образуютъ вокругъ трона что-то въ родѣ наслѣдственной бюрократіи, оффиціальную касту, совершенно отдѣленную отъ народа; эта каста сама до безконечности

дробится по родамъ и чинамъ, разъединяется честолюбіемъ, жадностью, соревнованіемъ лакейства, но составляетъ единодушное цѣлое въ одномъ общемъ рабствѣ, въ невѣроятномъ самоуничтоженіи передъ истиннымъ богомъ имперіи — царемъ. Одинаково безличные, одинаково уничтоженные передъ нимъ, всѣ они, съ какимъ-то рабскимъ сладострастіемъ, называютъ сами себя его рабами, холопами, людишками, Мишками, Петьками, безропотно сносятъ отъ него всякое униженіе, позволяютъ себя оскорблять, бить, истязать, убивать, признаютъ его безусловнымъ господиномъ своего имущества, своей жизни, дѣтей и женъ своихъ, и взамѣнъ такого полнаго самоуниженія, они просятъ только одного—земли, какъ можно больше земли для эксплоатаціи, права грабить казну безъ стыда и немилосердно мучить народъ.

Итакъ, народъ, вотъ истинная вѣковая жертва московской исторіи.

Наша исторія представляетъ противоположность исторіи запада. Тамъ короли соединялись въ началѣ съ народомъ, чтобы подавить аристократію, а у насъ рабство народа было результатомъ корыстнаго союза царя, дворянства и высшаго духовенства. Слѣдствіемъ всего этого было то, что народъ великорусскій, свободный до конца XVI вѣка, вдругъ оказался прикрѣпленнымъ къ землѣ, и сначала фактически, а потомъ и юридически сдѣлался рабомъ господина—собственника земли, дарованной ему государствомъ.

Терпѣливо ли онъ выносилъ это рабство? Нѣтъ. Онъ протестовалъ тремя страшными возстаніями. Первое возстаніе произошло въ самомъ началѣ XVII вѣка, въ эпоху Лжедимитрія. Совершенно не вѣрно объяснять это возстаніе династическими вопросами или интригами Польши. Имя Димитрія было только предлогомъ, а польскія войска, проведенныя польскимъ магнатомъ, были такъ малочисленны, что не стоитъ говорить объ нихъ. Это было истинное возстаніе народныхъ массъ противъ тираніи московскаго государства, бояръ и церкви. Могущество Москвы было разбито и освобожденныя русскія провинціи послали туда своихъ депутатовъ, которые хотя и выбрали новаго

царя, но принудили его принять извѣстныя условія, ограничивавшія его власть; онъ поклялся сохранять эти условія, но впослѣдствіи, конечно, нарушилъ эту клятву. Главными основаніями этой хартіи были — уничтоженіе московской бюрократіи и автономія общинъ и областей, слѣдовательно, совершенное уничтоженіе гегемоніи и всемогущества Москвы.

Но хартія была нарушена. Царь Алексѣй, наслѣдникъ народнаго избранника, съ помощью дворянства и церкви возстановилъ деспотическую власть и рабство народа. Тогда то поднялось народное возстаніе, носившее на себѣ тройной характеръ: религіозный, политическій и соціальный—возстаніе Стеньки Разина, перваго и самаго страшнаго революціонера въ Россіи. Онъ поколебалъ могущество Москвы въ самомъ ея основаніи. Но онъ былъ побѣжденъ. Недисциплинированныя народныя массы не могли вынести напора военной силы, уже организованной офицерами, вызванными изъ Европы, особенно изъ Германіи. И эта новая побѣда государства надъ народомъ послужила основаніемъ новой имперіи Петра великаго. Петръ понялъ, что для основанія могущественной имперіи, способной бороться противъ рождавшейся централизаціи западной Европы, уже не достаточно татарскаго кнута и византійскаго богословія. Къ нимъ нужно было прибавить еще то, что называлось въ его время цивилизаціей запада— т. е. бюрократическую науку. И вотъ изъ татарскихъ элементовъ, полученныхъ въ наслѣдіе отъ отцовъ и съ помощью этой нѣмецкой науки, онъ основалъ ту чудовищную бюрократію, которая и до сихъ поръ давитъ и угнетаетъ насъ. На вершинѣ этой пирамиды стоитъ царь, самый безполезный и самый вредный изъ всѣхъ чиновниковъ; подъ нимъ дворянство, попы и привилегированные мѣщане, всѣ имѣющіе значеніе только по стольку, по сколько они служатъ и грабятъ государство, а внизу, какъ пьедесталъ пирамиды,— народъ, задавленный податями и мучимый немилосердно.

Покорился ли народъ своему рабству? Примирился ли онъ съ имперіей? Нисколько. Въ 1771 году, среди торжества Екатерины II надъ турками и надъ несча-

стной и благородной Польшей, которую она задушила и разорвала на части, не одна впрочемъ, такъ какъ ей помогали въ этомъ два знаменитыхъ представителя западной цивилизаціи: Фридрихъ великій, король прусскій, другъ философовъ и самъ философъ, и набожная Марія Терезія, императрица австрійская; и такъ среди торжества Екатерины II, въ то время, какъ весь міръ удивлялся возросшему могуществу и удивительному счастью императрицы всероссійской, Пугачевъ, простой, донской казакъ, поднялъ всю восточную Россію. Дѣйствительно, вся страна между Волгой и Ураломъ возстала; милліоны крестьянъ, вооруженныхъ топорами, пиками, ружьями и всякимъ оружіемъ, поднялись; и для чего? чтобы избить повсюду дворянъ и чиновниковъ, чтобы захватить всю землю въ свои руки и образовать на ней свободныя сельскія общины, основанныя на коллективной собственности. Екатерина сначала отнеслась съ презрѣніемъ къ этому возстанію, но затѣмъ испугалась не на шутку.

Многочисленные полки, посланные противъ бунтовщиковъ, подъ предводительствомъ старыхъ генераловъ, были разбиты. Вся народная Россія, Россія крестьянская, пробужденная, воспламененная доброй вѣстью, взволновалась. Народъ ждалъ Пугачева въ Москвѣ. Если бы онъ пришелъ, русская имперія погибла бы безвозвратно. Императрица послала противъ Пугачева огромную армію и народъ еще разъ былъ побѣжденъ.

Что же, покорился ли онъ послѣ этого? Нѣтъ. Со времени казни Пугачева и до нашихъ дней, внутренняя, болѣе или менѣе секретная исторія имперіи состоитъ изъ послѣдовательнаго и непрерывнаго ряда частныхъ и мѣстныхъ возстаній крестьянъ—возстаній, вызываемыхъ глубокой и непримиримой ненавистью ихъ къ помѣщикамъ, ко всѣмъ чиновникамъ и къ государственной церкви. Вы видите, господа, я былъ правъ, говоря, что между великорусскимъ народомъ и имперіей, его давящей, нѣтъ ничего общаго. Первый есть отрицаніе послѣдней; примиреніе между ними невозможно, потому что интересы ихъ не совмѣстимы: интересы народа заключаются въ свободномъ пользо-

ваніи земель, въ самостоятельности сельскихъ общинъ, въ благосостояніи, вытекающемъ изъ свободнаго труда и исключающемъ, слѣдовательно, помѣщичью собственность, опеку, т. е. бюрократическій грабежъ, наборъ, налоги—все, что составляетъ самую суть государства. Какъ же можетъ народъ любить государство и желать сохраненія его могущества?

Но, возразятъ, развѣ народъ не обожаетъ царя? На это я скажу, что обожаніе царя есть только результатъ громаднаго недоразумѣнія. За нѣсколько лѣтъ до великой французской революціи, англійскій путешественникъ, Артуръ Юнгъ, видя восторгъ, съ которымъ встрѣчало Людовика XVI сельское и городское населеніе Франціи, сказалъ, что „народъ, который такъ обожаетъ своего короля, никогда не можетъ быть свободенъ". Черезъ нѣсколько лѣтъ совершилась революція и никто не помѣшалъ столичнымъ революціонерамъ возвратить бѣжавшую царскую фамилію подъ стражей изъ Варенны въ Парижъ. Знаете ли, что означаетъ это воображаемое обожаніе русскаго царя народомъ? Это—проявленіе ненависти къ дворянству, къ оффиціальной церкви, ко всѣмъ государственнымъ чиновникамъ, т. е. ко всему, что составляетъ самую суть императорскаго могущества, самую существенную сторону имперіи. Царь для народа, подобно богу, только отвлеченность, во имя которой онъ протестуетъ противъ жестокой и подлой дѣйствительности.

Таково положеніе великорусскаго народа. Теперь судите сами, справедливо ли приписывать ему преступленія и завоеванія, совершаемыя имперіей. Но, скажутъ, развѣ онъ не снабжалъ солдатами? Да, конечно, какъ французскій народъ снабжалъ арміи Наполеона I для завоеванія міра, какъ онъ снабжалъ ими Наполеона III для покоренія Мексики и Рима, какъ въ настоящее время еще большая часть Германіи приготовляетъ своихъ солдатъ, чтобы сдѣлать ихъ нихъ пассивное орудіе въ рукахъ графа Бисмарка. Есть ли въ самомъ дѣлѣ въ характерѣ великорусскаго народа эти воинственные, завоевательные элементы, вотъ въ чемъ вопросъ. На это я могу смѣло отвѣтить, что славянскіе народы вообще, великорусскій въ особенности,

наименѣе воинственный, наименѣе завоевательный народъ въ мірѣ. Единственная вещь, которую онъ страстно желаетъ—это свободное и коллективное пользованіе землей, которую онъ обрабатываетъ, все остальное ему чуждо и вызываетъ въ немъ страхъ.

Впрочемъ, просмотрите всю исторію этого народа и скажите, шелъ ли онъ когда нибудь по доброй волѣ на западъ? Туда ходили русскія арміи, собранныя и дисциплинированныя кнутомъ для удовлетворенія честолюбія царей,—русскій же народъ никогда. Причина этого весьма проста. Народъ этотъ по преимуществу земледѣльческій и требуетъ земли, свободной земли. А на западѣ земля не свободна, напротивъ черезъ чуръ густо заселена, на востокѣ же она безпредѣльна, необработана и плодородна,—вотъ почему пока русскій народъ былъ свободенъ въ своихъ движеніяхъ, пока Петръ Великій не прикрѣпилъ его окончательно къ землѣ, онъ всегда направлялъ свой путь на востокъ, поворачивая спину западу до тѣхъ поръ, пока это движеніе не прекратилось насильственно имперіей.

Вотъ, господа, сущность исторіи великорусскаго народа. Но кромѣ него есть еще малороссы, болѣе чистые славяне, съ меньшей примѣсью финскаго элемента; они образуютъ въ имперіи 12 милліоновъ населенія, а если прибавить къ нимъ галиційскихъ русиновъ, то—цѣлые 15 милліоновъ однороднаго племени, говорящаго однимъ языкомъ, имѣющаго одинаковые нравы и великія историческія воспоминанія. Послѣ вторженія татаръ народъ этотъ къ несчастью былъ поставленъ между московскимъ деспотизмомъ съ одной стороны и жестокимъ притѣсненіемъ іезуитствующей и аристократической польской шляхты съ другой.

Возставши противъ этой послѣдней, въ половинѣ XVII вѣка, часть Украйны изъ ненависти къ Польшѣ совершила великую ошибку: она приняла покровительство русскаго царя. Цари обѣщали ей все: и сохраненіе ея вольностей и національную автономію. Но такъ какъ обѣщаніе всѣхъ государей, будутъ ли они цари, простые герцоги, короли или императоры, походятъ другъ на друга всегда и вездѣ, то русскіе цари наградили,

конечно, Малороссію самымъ грубымъ деспотизмомъ, такимъ же, какой существовалъ въ великой Россіи съ жестокой помѣщичьей эксплоатаціей и не менѣе жестокимъ притѣсненіемъ бюрократіи. Въ XVIII в., когда Франція готовилась къ революціи, Екатерина II, филантропствующая императрица, восхваляемая философами, ввела крѣпостное право, до того времени не существовавшее въ Польшѣ. А въ настоящее время это панславистское національное правительство систематически и жестоко преслѣдуетъ малороссійскій языкъ въ Малороссіи, какъ польскій въ Польшѣ. Пусть будетъ это предостереженіемъ австрійскимъ и турецкимъ славянамъ, которые ищутъ свое спасеніе въ Москвѣ.

Этотъ народъ, вмѣстѣ съ 4 милл. бѣлоруссовъ, по всей вѣроятности, составитъ отдѣльную, независимую націю милліоновъ въ 20 жителей, которая можетъ, конечно, вступить въ союзъ съ Польшей или Великороссіей, но должна остаться совершенно независимой отъ гегемоніи той и другой. Но, скажутъ, развѣ положеніе этихъ народовъ не улучшилось значительно со времени пресловутаго освобожденія крестьянъ, которымъ такъ гордится царствующій нынѣ императоръ? Не вѣрьте этому освобожденію, оно только на словахъ; народъ переталъ ему вѣрить окончательно. Я считаю необходимымъ сказать о немъ нѣсколько словъ, чтобы разсѣять заблужденія запада на этотъ счетъ. Я начну съ замѣчанія, что напрасно приписываютъ честь этой попытки или этого ложнаго освобожденія великодушію императора Александра II. Ея единственной причиной была крымская катастрофа. Эта война, къ счастью столь несчастная для насъ, нанесла тяжелый ударъ самому существованію имперіи. Зданіе воздвигнутое Петромъ Великимъ, Екатериною II и Николаемъ I, вдругъ пошатнулось, внезапно открыло всю свою преждевременную гнилость и дѣйствительную негодность. Послѣ крымской войны для всѣхъ стало очевидно, что старый порядокъ вещей не можетъ болѣе продолжаться и что если государство не будетъ преобразовано, то народная революція вспыхнетъ неминуемо. Старый порядокъ основанъ былъ на крѣпостномъ правѣ—слѣдовательно, надо освободить народъ. Таково было въ то время одино-

душное убѣжденіе всей Россіи; такова была страстная надежда, великое ожиданіе народныхъ массъ. Чтобы доказать вамъ справедливость моихъ словъ я приведу свидѣтельство одной важной особы, авторитетъ которой въ этотъ случаѣ не можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію. Эта особа самъ императоръ Александръ II. Не помню, было ли это въ 1859 или въ 1860 г., онъ произнесъ публично въ полномъ собраніи московскихъ дворянъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Господа, мы должны поторопиться освободить крестьянъ, ибо лучше для всѣхъ насъ, чтобы эта революція произошла сверху, а не снизу“. Смыслъ этихъ словъ черезъ чуръ простъ и ясенъ; неправда ли? Если бы народу не дали подобія свободы, онъ самъ бы ее взялъ; но взялъ бы уже свободу полную, дѣйствительную, безусловную, взялъ бы ее посредствомъ революціи, т. е. уничтоженія дворянства и имперіи.

Государство находилось тогда въ крайне трудномъ и щекотливомъ положеніи; съ одной стороны оно должно было освободить народъ, съ другой очень хорошо понимало, что не можетъ этого сдѣлать дѣйствительно, потому что все его существованіе, всѣ условія его бытія враждебны дѣйствительному освобожденію народа. Слѣдовательно надо было обмануть ихъ кажущимся освобожденіемъ, дать имъ, въ интересахъ сохраненія государства, такую свободу, которая въ сущности не была бы свободой, и не раззорила бы помѣщиковъ, заставивъ крестьянъ заплатить вдвое, втрое дороже за землю, которая и безъ того принадлежала имъ по праву ихъ собственнаго тяжелаго труда и труда всѣхъ предковъ ихъ. Это и было сдѣлано. Не смотря на эту свободу, о которой такъ много кричали въ Европѣ, русскій народъ до сихъ поръ прикрѣпленъ къ землѣ, и русскій крестьянинъ, сдѣлавшійся собственникомъ своей земли, вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно раззоренъ и почти умираетъ съ голоду.

Чтобы собрать оброки и покрыть недоимки, которые онъ не въ состояніи платить, продаютъ орудія его труда и даже его скотъ; у него нѣтъ болѣе сѣмянъ для посѣва, нѣтъ возможности обработывать землю. Вотъ то

счастье, которымъ наградилъ его великодушный Александръ II.

Не понимая подобной свободы, онъ возставалъ. Его били, разстрѣливали и ссылали. Во многихъ губерніяхъ онъ и теперь еще нерѣдко проситъ правительство взять землю назадъ, которая, при настоящихъ условіяхъ, его разоряетъ, его же бьютъ палками, сажаютъ въ тюрьмы, разстрѣливаютъ. Таково настоящее положеніе народа, и теперь онъ начинаетъ понимать, что царь— божественная отвлеченность и есть дѣйствительная и главнѣйшая причина всѣхъ его бѣдствій. Отъ этого сознанія до кровавой революціи очень не далеко.

Но кто съумѣетъ организовать и направить эту революцію? Молодежь. Говоря вамъ о революціонной русской молодежи, я не могу не упомянуть о случаѣ, бывшемъ между нами и которымъ хотѣли воспользоваться противъ меня. Я говорю о новомъ манифестѣ русской соціальной демократіи, который многіе изъ насъ читали. Имъ воспользовались третьяго дня, какъ неоспоримымъ аргументомъ, чтобы склонить васъ отвергнуть принципъ экономическаго и соціальнаго уравненія классовъ и лицъ, который мною и моими друзьями былъ вамъ предложенъ въ надеждѣ, что вы захотите дать рабочимъ массамъ серьезное и дѣйствительное доказательство искренности вашихъ демократическихъ и народныхъ чувствъ. Вамъ сказали: „видите, чего хотятъ эти нарушители общественнаго порядка. Они хотятъ уничтоженія религіи, собственности, семейства и государства— этихъ вѣчныхъ основъ цивилизаціи“, эти гг. должны бы были прибавить „и вѣчной несправедливости“. Эти основы и эти причины существующаго порядка вещей такъ прекрасны и такъ справедливы, что вы сами въ своей програмѣ заявляете о необходимости „радикальнаго“ ихъ преобразованія. Я не имѣю намѣренія входить въ подробности этого спора. Я хочу только отклонить отъ себя честь изданія этого манифеста, причемъ громко заявляю, что я отъ всего сердца признаю всѣ изложенные въ немъ принципы. Въ доказательство, что я дѣйствительно не участвовалъ въ составленіи этого документа я приведу только одинъ фактъ. Въ 1862 г. та же самая програма, съ неболь-

шими измѣненіями и, конечно, иначе изложенная была напечатана тайно въ Россіи подъ названіемъ „Манифеста Молодой Россіи“.

Скажутъ, какъ говорили и тогда, что „этотъ манифестъ есть только необдуманное и преувеличенное выраженіе чувствъ очень небольшого числа молодыхъ вѣтрениковъ“. Это, господа, глубокая ошибка. Хотите вы знать число молодыхъ и пожилыхъ людей, разбросанныхъ по Россіи и сочувствующихъ этимъ принципамъ, людей, которыхъ чувства, стремленія, инстинкты или, если такъ можно выразиться, симпатіи вполнѣ выражаются изложенными въ манифестѣ принципами. Я думаю, что я скорѣе уменьшу, чѣмъ преувеличу, если скажу, что число такихъ людей простирается до 40 даже до 50 тысячъ человѣкъ. Вѣдь это цѣлая армія! И армія осмысленная и энергичная. Кто составляетъ ее? Молодые люди, вышедшіе изъ корпусовъ, гимназій и университетовъ, дѣти мѣщанъ или раззорившагося мелкаго дворянства. Юноши, почти лишенные средствъ существованія, но тратящіе послѣдній свой грошъ на пріобрѣтеніе книгъ и образованіе; въ особенности дѣти сельскаго духовенства, большинство которыхъ погибаетъ въ адскихъ трущобахъ нашихъ семинарій, но изъ числа которыхъ очень многіе, притомъ самые умные и сильные, вырываются оттуда, полные энергіи и ненависти ко всему существующему строю. Наконецъ, много крестьянскихъ и мѣщанскихъ дѣтей—юношей полныхъ жизни, изъ которыхъ многіе дѣлаются замѣчательными людьми, если счастливый случай дастъ имъ возможность образоваться. Вотъ, господа, наша революціонная фаланга которую государство преслѣдуетъ немилосердно, сотнями ссылаетъ въ Сибирь, садитъ въ тюрьмы, умышленно убиваетъ и истязаетъ всѣми способами, и, не смотря ни на что, оказывается безсильнымъ противъ нихъ, такъ какъ они черезъ чуръ многочисленны, разбросаны по всему пространству имперіи, а главное черезъ чуръ незамѣтны и потому легко избѣгаютъ надзора.

Но что могутъ сдѣлать разбросанные 40 или 50 тысячъ человѣкъ противъ организованной силы государства? Они могутъ тоже организоваться; они уже

организовываются, а посредствомъ организаціи сдѣлаются въ свою очередь силою, и силою тѣмъ болѣе грозною, что она будетъ почерпать свою силу не въ себѣ самой, а въ народѣ. Они сдѣлаются безустаннымъ и дѣятельнымъ посредникомъ между нуждами, инстинктами неодолимой, но еще не сознанной, силой народа и революціонной идеей.

Съ такимъ народомъ, соціалистомъ по инстинку и революціонеромъ по природѣ, и съ такой молодежью, стремящейся по принципамъ и, что еще важнѣе, по самому своему положенію, къ уничтоженію существующаго порядка вещей,—революція въ Россіи несомнѣнна. Чтоже будетъ ея первымъ, ея необходимымъ дѣломъ? Разрушеніе имперіи, потому, что пока существуетъ имперія, ничего хорошаго и живого не можетъ осуществиться въ Россіи. Это, господа, убѣжденіе русской революціонной молодежи и мое также. Мы патріоты народа, а не государства. Мы хотимъ счастія, достоинства, свободы нашего народа, всѣхъ народовъ русскихъ и не русскихъ, заключенныхъ нынѣ въ имперіи. Поэтому то мы и желаемъ разрушенія имперіи. Ясно это?

Позвольте мнѣ, господа, прибавить къ этой длинной рѣчи, еще одно замѣчаніе. Годъ тому назадъ, одинъ демократическій журналъ, издаваемый въ Лейпцигѣ, обращаясь ко всей демократической русской эмиграціи и называя, между прочимъ и мое имя, задалъ намъ такой вопросъ: вы называете себя демократами, соціалистами, заклятыми врагами нашего правительства; скажите же намъ, каковы ваши чувѣтва и мысли относительно честолюбивыхъ стремленій вашей имперіи? Ненавидите ли вы, подобно намъ, порабощеніе Польши, Кавказа, Финляндіи, Балтійскихъ провинцій, ваши недавнія завоеванія въ Бухаріи и воинственные планы противъ Турціи?

На этотъ вопросъ, впрочемъ совершенно естественно, я не счелъ нужнымъ отвѣчать тогда: теперь я отвѣчу на него. Послѣ всего сказаннаго отвѣтъ будетъ легокъ. Впрочемъ для всѣхъ добросовѣстныхъ людей онъ вытекаетъ самъ собой изъ моей прошлогодней рѣчи, сказанной на Женевскомъ Конгрессѣ. Если мы желаемъ полнаго и совершеннаго уничтоженія имперіи, мы мо-

жемъ только ненавидѣть ея властолюбіе, а слѣдовательно и всѣ ея побѣды на сѣверѣ, какъ и на югѣ, на востокѣ, какъ и на западѣ, и я думаю, что самымъ большимъ счастіемъ для русскаго народа было бы пораженіе императорскихъ войскъ, какимъ нибудь внутреннимъ или внѣшнимъ врагомъ. Вотъ мое мнѣніе относительно общаго принципа.

Теперь, вдаваясь въ подробности и начиная съ сѣвера, я скажу: Я желаю, чтобы Финляндія была свободна и имѣла полную возможность организоваться, какъ желаетъ и соединиться, къ кѣмъ захочетъ. Я говорю тоже самое, совершенно искренно и относительно Балтійскихъ провинцій. Я прибавлю только маленькое замѣчаніе, которое мнѣ кажется необходимымъ, потому что многіе изъ нѣмецкихъ патріотовъ республиканцевъ и соціалистовъ имѣютъ повидимому двѣ мѣрки, когда дѣло доходитъ до международной справедливости—одну для нихъ самихъ, а другую для всѣхъ остальныхъ націй, такъ что нерѣдко то, что имъ кажется справедливымъ и законнымъ, когда оно касается германской имперіи, принимаетъ, въ ихъ же глазахъ, видъ отвратительнаго насилія, если совершается другой какой нибудь державой.

Предположимъ, напр., что германская страна будетъ завоевана иностраннымъ государствомъ, напримѣръ Франціею; тринадцать четырнадцатыхъ населенія этой страны, слѣдовательно, большинство обитателей, считается чистыми нѣмцами и только одна четырнадцатая, горсть завоевателей и властителей—классъ привиллегированнаго дворянства и буржуазіи—оказывается состоящей изъ французовъ. Я прошу нѣмцевъ, задававшихъ намъ вопросъ, отвѣтить въ свою очередь, откровенно, положа руку на сердце: будетъ ли эта страна по ихъ мнѣнію французская или нѣмецкая? Я отвѣчу за нихъ,—конечно она считается нѣмецкой въ ихъ глазахъ. Во первыхъ, потому что огромное большинство населенія осталось нѣмецкимъ, затѣмъ, потому что это большинство состоитъ изъ массы подавленной, эксплоатируемой, производительной—словомъ изъ рабочаго народа, а будущность, также какъ и симпатіи

ихъ—я не сомнѣваюсь въ этомъ ни минуты,—на сторонѣ рабочаго люда. Таково положеніе Балтійскихъ провинцій. Откройте Кольба, великаго статистика, которымъ такъ гордится Германія, и вы увидите, что во всѣхъ прибалтійскихъ провинціяхъ, включая туда даже петербургскую губернію, всего только двѣсти тысячъ нѣмцевъ, на населеніе въ два милліона восемь сотъ тысячъ человѣкъ *), какъ разъ одна четырнадцатая часть.

Посмотримъ теперь изъ какихъ элементовъ состоитъ это незначительное нѣмецкое меньшинство. Его составляютъ, во первыхъ, благородные потомки ливонскихъ рыцарей, которые съ папскимъ благословеніемъ и подъ предлогомъ религіи, а въ сущности, чтобы присвоить чужое достояніе, крестили огнемъ и мечемъ эту несчастную страну. Чѣмъ стали они теперь? Высокомѣрными владыками народа, котораго они продолжаютъ эксплоатировать, и рабски преданными слугами петербургскаго императора. Если наши нѣмецкіе друзья хотятъ взять ихъ, если они думаютъ, что королевскіе дворцы въ Берлинѣ недостаточно наполнены юнкерами Померанія, пусть они берутъ ихъ. Затѣмъ, ихъ управляющіе протестантскаго исповѣданія—самые непоколебимые, непреклонные и правовѣрные изъ всѣхъ протестантовъ; они покорные слуги помѣщиковъ, для пользы которыхъ всѣми силами стараются задушить умственныя способности несчастныхъ латышскихъ и финскихъ крестьянъ. Желаютъ ли наши друзья, принимая ихъ въ видѣ подарка, увеличить число своихъ собственныхъ эксплоататоровъ народнаго невѣжества?—Наконецъ, остается буржуазія, которая нисколько не лучше и не хуже мелкой, средней и крупной буржуазіи нѣмецкихъ городовъ, зарабатывающей своимъ трудомъ средства къ жизни, или эксплуатирующей, когда можно, чужой трудъ; она вѣрный слуга россійскаго императора, но будетъ тѣмъ же самымъ и для всякаго другого господина, который захотѣлъ бы ее подчинить своей власти. Она иногда можетъ резонерствовать, но

*) Кольбъ насчитываетъ во всей имперіи только всего 600,000 нѣмцевъ.

никогда не возмутится противъ своихъ господъ. ибо ея призваніе—резонерствовать и всегда повиноваться. Все остальное населеніе—два милліона шестьсотъ тысячъ—состоитъ изъ латышей и финовъ, т. е. изъ элементовъ совершенно чуждыхъ нѣмецкой народности, даже болѣе чѣмъ чуждыхъ, враждебныхъ—ибо нѣтъ имени болѣе ненавистнаго для этого народа, какъ имя нѣмцевъ. Это весьма естественно: развѣ рабъ можетъ любить своего господина и мучителя? Я слышалъ однажды самъ, какъ латышскій крестьянинъ говорилъ: „Мы ждемъ минуты, когда можно будетъ вымостить черепами нѣмцевъ большую дорогу, ведущую въ Ригу". Вотъ, господа, страна, которую германскія газеты представляютъ намъ нѣмецкой. Русская ли она поэтому? Нѣтъ, нисколько. Сдѣланная сначала нѣмецкой, а потомъ русской, по праву завоеванія, т. е. въ силу жестокой несправедливости и нарушенія всѣхъ правъ естественныхъ и человѣческихъ, она по природѣ своей, по инстинктамъ и желаніямъ своихъ обитателей, ни русская, ни нѣмецкая; она финская и латышская страна. Что произойдетъ съ ней въ будущемъ, съ какой національной группой захочетъ она соединиться?—трудно предвидѣть. Вѣрно одно, и это не осмѣлится отрицать ни одинъ искренній и серьезный демократъ, будетъ ли онъ русскій или нѣмецъ все равно, вѣрно неоспоримое право этого народа располагать своей судьбою, независимо отъ 200.000 нѣмцевъ, которые притѣсняли его и теперь притѣсняютъ, и которыхъ онъ ненавидитъ, независимо отъ всякаго германскаго союза и отъ россійской имперіи.

Теперь перейдемъ къ Польшѣ. Вопросъ, мнѣ кажется, одинаково простъ, если хотятъ разрѣшить его только съ точки зрѣнія справедливости и свободы: всѣ народности, всѣ страны, которыя захотятъ принадлежать къ новой польской федераціи, будутъ польскія, всѣ тѣ, которыя не захотятъ этого, не будутъ польскими. Русское населеніе Бѣлоруссіи, Литвы и Галиціи соединится съ кѣмъ захочетъ и никто не въ состояніи теперь опредѣлить его будущую судьбу. Мнѣ кажется, всего вѣроятнѣе и желательнѣе, чтобы они образовали

вначалѣ съ Малороссіей отдѣльную національную федерацію, независимую отъ Великороссіи и Польши.

Наконецъ, останется ли сама Великороссія съ своимъ 35 милліоннымъ населеніемъ тоже политически централизованной, какъ и теперь? Это не желательно и невѣроятно. Централизованное 35 милліонное населеніе никогда не можетъ быть свободнымъ внутри и мирнымъ и справедливымъ внѣ своихъ предѣловъ. Великоруссія, какъ всѣ другія славянскія земли, слѣдуя великому потоку вѣка, который требуетъ непремѣннаго разрушенія всѣхъ великихъ или малыхъ политическихъ централизацій, всѣхъ учрежденій, организацій, чисто политическихъ, и образованія новыхъ соціальныхъ группъ, основанныхъ на коллективномъ трудѣ и стремящихся къ всемирной ассоціаціи, — Великоруссія, которая, какъ всѣ другія страны, которыхъ коснулась демократическая и соціальная революція, разрушится сначала, какъ политическое государство и свободно реорганизуется вновь снизу вверхъ, отъ окружности къ центру, смотря по своимъ потребностямъ, инстинктамъ, стремленіямъ и интересамъ, какъ личнымъ, такъ коллективнымъ и мѣстнымъ—на единственномъ основаніи, слѣдовательно, на которомъ возможно утвердиться—истинной справедливости и дѣйствительной свободѣ.

Наконецъ, чтобы резюмировать все сказанное, я еще разъ повторяю: да, мы хотимъ совершеннаго разрушенія россійской имперіи, полнаго уничтоженія ея могущества и ея существованія. Мы хотимъ этого столько же во имя человѣческой справедливости, какъ и во имя патріотизма.

Теперь, когда я достаточно ясно высказался на столько ясно, что никакое двусмыслiе или сомнѣніе болѣе не возможно, я позволю себѣ задать одинъ вопросъ нашимъ нѣмецкимъ друзьямъ, предложившимъ намъ вышеприведенные вопросы. Согласны ли они, во имя любви къ справедливости и свободѣ, отказаться отъ польскихъ провинцій, каково бы то ни было ихъ географическое положеніе, ихъ стратегическая и торговая польза для Германіи—желаютъ ли они отказаться отъ всѣхъ польскихъ странъ, населенія которыхъ не

хотятъ быть нѣмецкими? Согласны ли они отказаться отъ своего, такъ называемаго историческаго права на часть Богеміи, которую до сихъ поръ не удалось германизировать, не смотря на прекрасныя, всѣмъ извѣстныя, историческія, іезуитскія и жестоко деспотическія средства,—на страны, обитаемыя моравами, силезцами и чехами, гдѣ ненависть, увы, совершенно справедливая, къ нѣмецкому владычеству, не можетъ подлежать сомнѣнію? Согласны ли они отречься, во имя справедливости и свободы, отъ честолюбивой политики Пруссіи, которая, во имя коммерческихъ и морскихъ интересовъ Германіи, хочетъ силою присоединить датское населеніе Шлезвига къ Сѣверному Германскому Союзу. Согласны ли они отказаться отъ своихъ притязаній, во имя тѣхъ же коммерческихъ и морскихъ интересовъ на городъ Тріестъ, гораздо болѣе славянскій, нежели итальянскій, и гораздо болѣе итальянскій, нежели нѣмецкій. Однимъ словомъ, согласны ли они отречься отъ своей страны, какъ они этого требуютъ отъ другихъ, отъ всякой политики и признать для себя, какъ для другихъ, всѣ условія и всѣ обязанности налагаемыя свободой и справедливостью. Согласны ли они принять во всей ширинѣ и во всѣхъ примѣненіяхъ слѣдующія принципы—единственные, на которыхъ можетъ создаться международный миръ и справедливость.

1) Уничтоженіе того, что называется историческимъ правомъ и политическою необходимостію государства, во имя каждаго населенія большого или малаго, слабаго или сильнаго, также какъ каждой отдѣльной личности, располагать собою съ полной свободой, независимо отъ потребности и притязаній государства, и ограничивая эту свободу только равнымъ правомъ другихъ.

2) Уничтоженіе всякихъ вѣчныхъ контрактовъ между личностями и коллективными единицами - ассоціаціями, областями, націями—иными словами, признаніе за каждымъ права, если онъ даже свободно связалъ себя съ другимъ лицомъ, уничтожить контрактъ, исполнивъ всѣ временныя и ограниченныя условія, которыя онъ содержитъ. Право это основывается на принципѣ, со-

ставляющемъ необходимое условіе дѣйствительной свободы—что прошедшее не должно связывать настоящаго, а настоящее не можетъ связывать будущаго, и что неограниченное право принадлежитъ живущимъ поколѣніямъ.

3) Признаніе для личностей, такъ же какъ и для ассоціацій, общинъ, провинцій и націй, права свободнаго удаленія изъ союзовъ съ единственнымъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы выходящая часть не поставила въ опасность свободу и независимость цѣлаго, отъ котораго отходитъ, своимъ союзомъ съ иностранной и враждебной державой. Вотъ истинныя, единственныя условія свободы и справедливости. Согласны ли они, наши нѣмецкіе друзья, признать ихъ такъ же искренно, какъ признаемъ ихъ мы? Однимъ словомъ, хотятъ ли они вмѣстѣ съ нами уничтоженія государства—всѣхъ государствъ?

Господа, въ этомъ заключается весь вопросъ. Государство это — насиліе, притѣсненіе, эксплоатація, несправедливость, возведенныя въ систему и сдѣлавшіяся краеугольнымъ камнемъ существованія всякаго общества. Государство никогда не имѣло и не можетъ имѣть нравственности. Его нравственность и его единственная справедливость есть высшій интересъ его самосохраненія и всемогущества — интересъ, передъ которымъ должно преклоняться все человѣчество. Государство есть полное отрицаніе человѣчества, отрицаніе двойное — и какъ противоположность человѣческой свободы и справедливости, и какъ насильственное нарушеніе всеобщей солидарности человѣческаго рода. Всемірное государство, которое столько разъ пробовали создать, всегда оказывалось невозможнымъ; слѣдовательно, пока государство будетъ существовать, ихъ будетъ нѣсколько; а такъ какъ каждое изъ нихъ ставитъ себѣ единственной цѣлью, высшимъ закономъ, поддерживать свое существованіе въ ущербъ всѣмъ другимъ, то понятно, что самое существованіе государства подразумѣваетъ уже вѣчную войну—насильственное отрицаніе человѣчности. Всякое государство должно завоевывать или быть завоеван-

нымъ. Каждое государство основываетъ свое могущество на слабости, а если можетъ безъ вреда для себя, и на уничтоженіи другихъ державъ.

Съ нашей стороны, господа, было бы страннымъ противорѣчіемъ и смѣшной наивностью заявлять желаніе, какъ это было сдѣлано на теперешнемъ конгрессѣ, учредить международную справедливость, свободу и вѣчный миръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣть сохранить государство. Невозможно заставить государства измѣнить свою природу, ибо въ силу именно этой природы они государства, и, отказываясь отъ нея, они перестаютъ существовать. Слѣдовательно, нѣтъ и не можетъ быть хорошаго, справедливаго и нравственнаго государства. Всѣ государства дурны въ томъ смыслѣ, что они по природѣ своей, т. е. по условіямъ цѣли своего существованія составляютъ діаметральную противоположность человѣческой справедливости, свободы и нравственности. И въ этомъ отношеніи, что бы ни говорили, нѣтъ большой разницы между дикой всероссійской имперіи и самымъ цивилизованнымъ государствомъ Европы. И знаете ли вы въ чемъ заключается это различіе? Царская имперія дѣлаетъ цинически то, что другіе совершаютъ подъ покровомъ лицемѣрія, и она составляетъ по своему открытому, деспотическому и презрительному отношенію къ человѣчеству тайный идеалъ, къ которому стремятся и которымъ восторгаются всѣ государственные люди Европы. Всѣ государства Европы дѣлаютъ то, что дѣлаетъ она, на сколько позволяетъ имъ это общественное мнѣніе и, главное, новая, но уже могущественная солидарность рабочихъ массъ, носящая въ себѣ сѣмя разрушенія государствъ. Добродѣтельнымъ государствомъ можетъ быть только государство безсильное, да и оно преступно въ своихъ мысляхъ и желаніяхъ.

Итакъ я прихожу къ такому заключенію: Тотъ кто желаетъ вмѣстѣ съ нами учрежденія свободы, справедливости и мира, хочетъ торжества человѣчества, кто хочетъ полнаго и совершеннаго освобожденія народныхъ массъ, долженъ желать вмѣстѣ съ нами разрушенія всѣхъ государствъ и основанія на ихъ разва-

линахъ всемірной федераціи производительныхъ свободныхъ ассоціацій всѣхъ странъ.

Мысль, выраженная въ концѣ этой рѣчи о томъ, что „нѣтъ большой разницы между дикой всероссійской имперіей и самымъ цивилизованнымъ государствомъ Европы", была довольно распространена между русскими, особенно между соціалистами. Чернышевскій даже высказывалъ, что для „демократа" Сибирь симпатичнѣе Англіи. Такимъ образомъ, всѣ культурные и политическіе оттѣнки европейскихъ странъ и Россіи сглаживались въ представленіи русскаго, особенно радикала и соціалиста.

Такія понятія были одною изъ причинъ слабости либеральнаго движенія въ Россіи передъ абсолютизмомъ. Для русскихъ радикаловъ и соціалистовъ 60—70-хъ годовъ западно-европейская политическая свобода, не говоря уже о другихъ проявленіяхъ культуры, представлялась вещью малоцѣнною. Только къ 1880 г. пріобрѣтеніе политической свободы или, по крайней мѣрѣ, народнаго собранія выставляется цѣлью усилій русскихъ „террористовъ-народовольцевъ",—параллельно современному либеральному земскому движенію,—но скоро и среди народовольцевъ мечта о „захватѣ власти" съ цѣлью произвести соціальный переворотъ сверху *)—беретъ перевѣсъ надъ либеральными планами,—въ противность, конечно, ученіямъ Бакунина объ анархіи и соціальной революціи „снизу вверхъ", но согласно съ его диктаторскими поползновеніями и конспираторскими привычками мысли и дѣйствій.

Въ этихъ рѣчахъ еще нѣтъ провозглашенія чистой (абстрактной) анархіи или аморфизма, и Бакунинъ остается еще на почвѣ федеральной, но этому эти рѣчи его имѣютъ и практическое значеніе. Схематизмъ выразился здѣсь только въ крайней постановкѣ: или вся русская государственная централизація съ муравьевщиной, или полное разрушеніе государства россійскаго.

---

*) Мысль прокламаціи „Молодая Россія" 1862 г.

VIII.

ТАЙНЫЙ УСТАВЪ ДЛЯ ALLIANCE DE LA DÉMOCRATIE SOCIALISTE.

Напечатано во французскомъ оригиналѣ въ книжкѣ Н. Утина по рукописи, отчасти написанной рукою Бакунина. Мы думаемъ, что въ основу этого устава легло проектъ устава, написанный для того братства, которое Бакунинъ организовалъ еще въ Италіи, тѣ бумаги, которыя онъ еще въ 1866 г. передавалъ Герцену и Огареву (см. въ письмахъ, стр. 170) и тѣ, о которыхъ онъ послѣ писалъ: „отдайте Мр—ому бумаги, привезенныя вамъ В — мъ, — организацію общества и (ту) которая такъ васъ скандализировала“ (тамъ же, 196),

---

Организація союза интернаціональныхъ братьевъ.

Три степени:

I. *Интернаціональные братья.*

II. *Національные братья.*

III. Полу-тайная, полу-открытая организація *интернаціональнаго союза соціальной демократіи.*

I. Правила интернаціональныхъ братьевъ.

1. Интернаціональные братья не имѣютъ иного отечества, кромѣ всемірной революціи, и иной чужбины, иного непріятеля, кромѣ реакціи.

2. Они отвергаютъ всякую политику сдѣлокъ и уступокъ и считаютъ реакціоннымъ всякое политическое движеніе, не имѣющее прямой и непосредственной цѣлью торжество ихъ принциповъ.

3. Они братья — никогда не нападаютъ другъ на друга, не выносятъ своихъ ссоръ въ публику или въ суды. Третейскій судъ, выбранный изъ братьевъ обѣими сторонами—вотъ единственное ихъ правосудіе.

4. Каждый долженъ быть священенъ для всѣхъ другихъ, болѣе священенъ, чѣмъ родной братъ. Каждаго брата другіе обязаны защищать и помогать ему до послѣдней возможности.

5. Интернаціональнымъ братомъ можетъ быть только тотъ, кто искренно приметъ всю программу со всѣми ея теоретическими и практическими послѣдствіями, и который къ уму, энергіи, честности и скромности присоединяетъ еще *революціонную страсть* — носитъ чорта въ тѣлѣ (a le diable au corps). Мы не налагаемъ ни долга, ни жертвы. Но у кого есть эта страсть, тотъ сдѣлаетъ много, не воображая даже, что онъ приноситъ жертвы.

6. Для брата не должно быть ни дѣла, ни интереса, ни обязанностей болѣе священныхъ, чѣмъ служеніе революціи и нашему тайному сообществу, которое должно ей служить.

7. Братъ имѣетъ право отказаться сдѣлать услугу, которой отъ него требуетъ центральный комитетъ или его національный комитетъ — но много послѣдовательныхъ отказовъ заставятъ смотрѣть на него, какъ на человѣка злой или лѣнивой воли; онъ можетъ быть отставленъ своимъ національнымъ комитетомъ и, по представленію послѣдняго, быть уволенъ центральнымъ комитетомъ, впредь до окончательнаго рѣшенія учредительнаго собранія.

8. Никто изъ братьевъ не можетъ принять общественной должности безъ согласія комитета, въ которомъ онъ участвуетъ. Никто не можетъ совершить дѣйствій или манифестацій публичныхъ, противныхъ или даже чуждыхъ образу поведенія, опредѣленному его комитетомъ, не посовѣтовавшись съ послѣднимъ. Всякій разъ, когда два или нѣсколько братьевъ соберутся вмѣстѣ, они должны совѣтоваться о важныхъ общественныхъ дѣлахъ.

9. Всѣ интернаціональные братья знаютъ другъ друга. *Между ними никогда не должно быть политической тайны.* Никто не можетъ принимать участія въ какомъ бы то ни было тайномъ обществѣ безъ согласія своего комитета и, въ случаѣ тотъ потребуетъ, безъ согласія центральнаго комитета. И то онъ можетъ принимать уча-

стіе только съ условіемъ открывать имъ всѣ тайны, могущія интересовать ихъ прямо или косвенно.

10. Организація интернаціональныхъ братьевъ подраздѣляется такимъ образомъ: a) *общій комитетъ* или учредительное собраніе; b) *центральный комитетъ;* c) *національные комитеты.*

A. Общій комитетъ.

Это собраніе всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, двухъ третей интерн. братьевъ, созываемыхъ правильно, или въ опредѣленные сроки, или какъ чрезвычайное собраніе, большинствомъ центральнаго комитета. Онъ есть верховная учредительная и исполнительная власть всей нашей организаціи, которой программу, правила и органическіе уставы онъ можетъ измѣнить.

B. Центральный комитетъ.

Состоитъ: a) изъ *центральнаго бюро* и b) изъ *центральнаго наблюдательнаго комитета.* Члены послѣдняго всѣ тѣ интернац. братья, которые, не участвуя въ бюро, находятся на такомъ разстояніи, что могутъ быть созваны въ теченіе двухъ дней, и, конечно, всѣ проѣзжіе братья. Впрочемъ, обо всѣхъ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ есть въ правилѣ союза соціальной демократіи (см. статьи 2—4).

C. Національные комитеты.

Всѣ національные комитеты будутъ состоять изъ всѣхъ тѣхъ интернаціональныхъ братьевъ (независимо отъ ихъ національности), которые будутъ на лицо или вблизи отъ центра національной организаціи. Каждый національный комитетъ будетъ равнымъ образомъ подраздѣляться на: a) *національное исполнительное бюро,* и на b) *національный наблюдательный комитетъ.* Послѣдній будетъ заключать въ себѣ всѣхъ находящихся на лицо интернац. братьевъ, не участвующихъ въ бюро. Тѣ же отношенія, что и въ союзѣ соціальной демократіи.

11. Для поступленія новаго брата нужно *единогласіе* всѣхъ присутствующихъ членовъ (по крайней мѣрѣ въ числѣ трехъ) національнаго комитета и *утвержденіе* большинствомъ двухъ третей *центральнаго комитета*. *Центральный комитетъ* можетъ принять новаго члена при единогласіи всѣхъ своихъ членовъ.

12. Каждый національный комитетъ долженъ собираться по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, чтобы провѣрять и оживлять организаторскую, пропагандаторскую и административную работу своего бюро. Онъ естественный судья поведенія каждаго изъ своихъ членовъ во всемъ, что касается ихъ революціоннаго достоинства или же ихъ отношеній съ обществомъ. Его приговоры должны представляться на утвержденіе центральнаго комитета. Онъ будетъ давать направленіе дѣйствію и публичнымъ манифестаціямъ всѣхъ членовъ. Онъ долженъ, чрезъ посредство своего бюро того изъ братьевъ, кого онъ назначитъ, поддерживать правильную переписку съ *центральнымъ бюро*, которому онъ долженъ писать по крайней мѣрѣ разъ въ двѣ недѣли.

13. *Національный комитетъ* организуетъ тайное *сообщество* изъ національныхъ братьевъ своей страны.

II. Національные братья.

14. Національные братья должны быть организованы въ каждой странѣ такимъ образомъ, чтобы они никогда не могли избѣгнуть управленія общей организаціи интернаціональныхъ братьевъ, а именно организаціи *общаго комитета* и *центральнаго комитета*.

15. Каждый національный комитетъ можетъ, если сочтетъ нужнымъ, установить между ними двѣ категоріи: a) категорію національныхъ братьевъ, которые знакомы между собою во всей странѣ, и b) категорію братьевъ, которые знаютъ другъ друга только по малымъ группамъ. Національные братья не должны ни въ какомъ случаѣ даже подозрѣвать существованія интернаціональной организаціи.

16. *Провинціальные центры* состоящіе цѣликомъ или частію изъ интернац. братьевъ, или изъ національныхъ

братьевъ первой категоріи, будутъ находиться во всѣхъ главныхъ пунктахъ края, имѣя задачей проводить, какъ можно глубже и какъ можно дальше, тайную организацію и пропаганду принциповъ, — не довольствуясь дѣятельностью въ городахъ, но стараясь также проводить ихъ въ деревняхъ и среди крестьянъ.

17. Національные Комитеты должны стремиться къ созданію, по возможности быстро, финансовыхъ средствъ, необходимыхъ не только для успѣха ихъ собственной организаціи, но также и для общихъ нуждъ всего Сообщества. По этому они должны посылать часть ихъ центральному Бюро.

18. Національныя Бюро должны быть очень дѣятельны—помня, что принципы, программы и правила только тогда и стоютъ чего нибудь, когда личности, которыя должны приводить ихъ въ исполненіе, носятъ въ себѣ чорта въ тѣлѣ, (ont le diable au corps).

III. Тайная организація Интернаціональнаго Союза Соціальной Демократіи.

1. *Постоянный центральный Комитетъ* Союза состоитъ изъ всѣхъ членовъ *постоянныхъ Національныхъ Комитетовъ* и членовъ *центральнаго Женевскаго отдѣленія.* Эти члены, вмѣстѣ собранные, составляютъ *общее тайное Собраніе,*—которое есть учредительная и верховная власть Союза и которое должно собираться по крайней мѣрѣ разъ въ годъ на Конгрессѣ Рабочихъ, какъ выборные отъ различныхъ національныхъ группъ Союза:—которое можетъ также быть созвано во всякое время, какъ *центральнымъ Женевскимъ отдѣленіемъ.*

2. Центральное Женевское отдѣленіе есть постоянная делегація постояннаго центральнаго Комитета. Оно состоитъ изъ всѣхъ членовъ *Центральнаго Бюро и Наблюдательнаго Комитета,* которые непремѣнно должны быть всегда членами *постояннаго Центральнаго Комитета.* — Центральное отдѣленіе будетъ *верховнымъ Исполнительнымъ Совѣтомъ* Союза въ границахъ Устава и круга дѣйствій, которыя могутъ быть опредѣлены и измѣнены только *общимъ Собраніемъ.* Оно будетъ рѣшать всѣ вопросы исполненія (но не устава и общей политики)

простымъ большинствомъ голосовъ, и такъ принятыя имъ рѣшенія будутъ *обязательны* для *Центральнаго Бюро*, если только Бюро, при большинствѣ своихъ членовъ, не пожелаетъ аппелировать въ *общее Собраніе*, которое въ такомъ случаѣ оно должно будетъ созвать въ теченіе трехъ недѣль.—Такъ созванное *общее Собраніе*, чтобы быть правильнымъ, должно состоять изъ двухъ третей всѣхъ своихъ членовъ.

3. *Центральное Бюро* — исполнительная власть — будетъ состоять изъ 3 до 5 или даже 7 членовъ, которые въ тоже время должны быть всегда *членами центральнаго постояннаго Комитета*. *Центральное Бюро*, какъ одна изъ составныхъ частей *Центральнаго тайнаго Отдѣленія*, будетъ организаціей тайной. Какъ таковая она будетъ принимать внушенія отъ *центральнаго отдѣленія* и предписывать его сообщенія такъ, чтобы не говорить его тайныхъ приказаній всѣмъ *Національнымъ Комитетамъ*, отъ которыхъ она будетъ получать тайныя донесенія по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ. Какъ таковая она будетъ имѣть сношенія, болѣе или менѣе интимныя или публичныя,—смотря по странамъ и по обстоятельствамъ,—со всѣми *Національными Бюро*, отъ которыхъ будетъ принимать донесенія тоже разъ въ мѣсяцъ. Его явное правительство будетъ вродѣ Президентства федеральной Республики. *Центральное Бюро*, въ качествѣ какъ явной, такъ и тайной исполнительной власти Союза, будетъ оживлять тайную и явную пропаганду общества и стараться развивать ее во всѣхъ странахъ всевозможными способами. Оно будетъ управлять частью финансовъ, которые, сообразно статьѣ b. публичныхъ правилъ, будутъ посылаться ему отъ всѣхъ странъ на общія надобности. Оно будетъ издавать журналъ, брошюры, и посылать въ разъѣзды агентовъ, чтобы образовывать группы Союза въ тѣхъ странахъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ. Всѣ мѣры, принимаемыя имъ для блага Союза, должны впрочемъ отдаваться на рѣшеніе большинства *центральнаго тайнаго отдѣленія*, котораго члены впрочемъ сами будутъ участвовать въ Бюро. Какъ организація тайная и явная вмѣстѣ, которая должна состоять цѣликомъ изъ членовъ *центральнаго постояннаго Комитета*, *Центральное Бюро* должно быть прямымъ

выраженіемъ этого комитета. *Временное центральное Бюро* будетъ теперь представляться *Женевской группой инициаторской* какъ временно выбранной *всѣми членами основателями Союза*, которыхъ большая часть, прежніе члены Бернскаго Конгресса, возвратились въ свои края, передавъ свою власть гражданину Б(акунину).—Это бюро будетъ дѣйствовать до перваго *общаго публичнаго Собранія*, которое сообразно статьѣ 7 публичныхъ правилъ, должно собраться, какъ вѣтвь *Интернаціональной Ассоціаціи Работниковъ* на ближайшемъ Конгрессѣ Работниковъ. Понятно, что члены *Новаго центральнаго Бюро* должны быть назначены этимъ Собраніемъ. Но такъ какъ необходимо, чтобы *центральное Бюро* всегда состояло только изъ членовъ *постояннаго центральнаго Комитета*, то послѣдній долженъ постараться, при посредствѣ своихъ національныхъ комитетовъ, такъ организовать и направить мѣстныя группы,чтобы они послали делегатами въ это Собраніе только членовъ постояннаго центральнаго Комитета, или, за неимѣніемъ ихъ, людей совершенно преданныхъ дирекціи своихъ собственныхъ національныхъ Комитетовъ—такъ чтобы центральный постоянный Комитетъ всегда могъ заправлять всей организаціей Союза.

4. *Наблюдательный Комитетъ* будетъ контролировать всѣ дѣйствія центральнаго Бюро. Онъ будетъ состоять изъ всѣхъ членовъ центральнаго постояннаго Комитета, находящихся въ самомъ мѣстѣ или вблизи мѣстопребыванія *центральнаго Бюро*—равно какъ и всѣхъ членовъ временно живущихъ тамъ или проѣзжихъ,—за исключеніемъ членовъ составляющихъ Бюро. По требованію членовъ наблюдательнаго Комитета, всѣ члены его должны собраться въ теченіи трехъ дней, вмѣстѣ съ членами центральнаго Бюро, чтобы составить Собраніе центральнаго отдѣленія верховнаго исполнительнаго совѣта, –котораго права опредѣлены въ статьѣ 2.

5. *Національные Комитеты* образуются изъ всѣхъ членовъ постояннаго центральнаго Комитета, принадлежащихъ къ одной націи.—Какъ только будетъ въ постоянномъ центральномъ Комитетѣ три члена одной націи, они будутъ приглашены въ Бюро, а въ случаѣ надобности центральнымъ отдѣленіемъ, составить На-

ціональный Комитетъ ихъ страны. Каждый Національный Комитетъ можетъ ввести новаго члена въ Центральный Комитетъ своей страны, но не иначе какъ за единогласіемъ всѣхъ членовъ. Какъ только новый членъ будетъ принятъ національнымъ комитетомъ, то этотъ комитетъ долженъ немедленно извѣстить объ этомъ центральное Бюро, которое занесетъ въ списокъ этого новаго члена и тѣмъ самымъ дастъ ему права члена центральнаго постояннаго комитета.—*Центральное отдѣленіе* въ Женевѣ равнымъ образомъ облечено властью принимать новыхъ членовъ, при единогласіи всѣхъ своихъ членовъ.

Каждый національный Комитетъ имѣетъ спеціальную задачу основать и организовать національную группу Союза, какъ публичную такъ и тайную, въ своей странѣ. Онъ будетъ его главой и администраторомъ при помощи своего *Національнаго Бюро*, которое онъ постарается основать, составляя его цвликомъ изъ членовъ постояннаго центральнаго Комитета. *Комитеты національные* будутъ также относиться къ своимъ Бюро, при тѣхъ же правахъ и власти, какъ *центральное отдѣленіе къ центральному Бюро.—Національные комитеты* состоящіе изъ соотвѣтственныхъ *Бюро* и *наблюдательныхъ Комитетовъ* будутъ признавать своимъ главою только *центральное Бюро* и будутъ служить единственными посредниками между нимъ и *мѣстными* группами ихъ страны, какъ при пропагандѣ и администраціи, такъ и при взиманіи и платѣ взносовъ. *Національные комитеты* черезъ посредство своихъ соотвѣтственныхъ бюро постараются организовать Союзъ въ своей странѣ такъ, чтобы онъ былъ всегда управляемъ и представляемъ въ Конгрессѣ членами центральнаго постояннаго Комитета.

По мѣрѣ того какъ національные бюро будутъ организовывать свои мѣстныя группы, они будутъ стараться подчинять ихъ правила и программу утвержденію центральнаго бюро—утвержденію, безъ котораго мѣстныя группы не могутъ входить въ составъ Интернаціональнаго Союза Соціальной Демократіи.

ПРОГРАММА ИНТЕРНАЦІОНАЛЬНАГО СОЦІАЛИСТИЧЕСКАГО СОЮЗА.

1. Интернаціональный Союзъ основанъ съ цѣлью служить организаціи и ускоренію всемірной Революціи на основаніи принциповъ, провозглашенныхъ въ нашей программѣ.

2. Сообразно этимъ принципамъ, цѣлью революціи можетъ быть только: а) уничтоженіе всѣхъ государствъ и всѣхъ властей въ Европѣ, религіозныхъ, монархическихъ, аристократическихъ и буржуазныхъ. Слѣдовательно, разрушеніе всѣхъ существующихъ державъ со всѣми ихъ политическими, юридическими, бюрократическими и финансовыми учрежденіями. b) Возстановленіе новаго общества на единственной основѣ свободно ассоціированнаго труда, принимая за точку отправленія коллективную собственность, равенство, справедливость.

3. Революція такая, какъ мы ее понимаемъ, или, лучше сказать, какою ее необходимо дѣлаетъ теперь сила вещей, носитъ характеръ главнымъ образомъ интернаціональный или всемірный. Въ виду угрожающей коалиціи всѣхъ привиллегированныхъ интересовъ и всѣхъ реакціонныхъ властей въ Европѣ, располагающихъ огромными средствами, которыя имъ даетъ искусно устроенная организація, въ виду глубокой розни, царящей теперь повсюду между буржуазіей и рабочими, — никакая національная революція не можетъ достичь успѣха, если она тотчасъ не распространится на всѣ другіе націи, но она никогда не можетъ перейти границы одной страны и принять такой всемірный хахактеръ, если только она не будетъ носить въ себѣ самой всѣхъ элементовъ этой всемірности, т. е. если она не будетъ открыто соціалистической, разрушающей Государство и творящей свободу посредствомъ равенства и справедливости; потому что теперь ничто не въ состояніи соединить, электризовать, поднять эту великую, единственно истинную, силу вѣка — рабочихъ — кромѣ совершеннаго освобожденія труда, на развалинахъ всѣхъ покровительствующихъ учрежденій наслѣдственной собственности и капитала.

4. Такъ какъ будущая революція можетъ быть только всемірной, то и Союзъ, или, говоря откровенно, заговоръ (конспирація), который долженъ ее подготовить, организовать и ускорить, долженъ быть такимъ же.

5. Союзъ будетъ преслѣдовать двойную цѣль: a) Онъ будетъ всѣми силами распространять въ народныхъ массахъ всѣхъ странъ, истинныя понятія о политикѣ, о соціальной экономіи и о всѣхъ философскихъ вопросахъ. Онъ будетъ вести дѣятельную пропаганду журналами, брошюрами, книгами, а также основывая публичныя сообщества. b) Онъ будетъ стараться привлечь къ себѣ всѣхъ интеллигентныхъ, энергичныхъ, скромныхъ людей, доброй воли, искренно преданныхъ нашимъ идеямъ, чтобы образовать во всей Европѣ и, насколько возможно, въ Америкѣ, невидимую сѣть преданныхъ революціонеровъ, ставшихъ еще могущественнѣе черезъ этотъ самый Союзъ.

Программа и предметъ революціонной организаціи интернаціональныхъ братьевъ.

1. Принципы этой организаціи тѣ же, что и въ программѣ интернаціональнаго Союза соціальной демократіи. Они изложены еще точнѣе, въ отношеніи женскаго вопроса, вопроса религіозной и юридической семьи и Государства, въ программѣ *русской соціальной демократіи*.

Центральное бюро впрочемъ разсчитываетъ скоро дать болѣе полное теоретическое и практическое изложеніе этого.

2. Сообщество интернаціональныхъ братьевъ желаетъ революціи всемірной, соціальной, философской, экономической и политической вмѣстѣ, чтобы не осталось ничего отъ существующего порядка вещей, основаннаго на собственности, на эксплуатаціи, на господствѣ и на принципѣ авторитета, метафизическаго и буржуазно-доктринерскаго, или даже якобински революціоннаго; чтобы во всей Европѣ сначала, а потомъ и во всемъ остальномъ мірѣ, не осталось отъ него камня на камнѣ, при крикѣ: миръ рабочимъ, свобода всѣмъ

угнетеннымъ, смерть поработителямъ, эксплуататорамъ, опекунамъ всякаго рода!—мы хотимъ уничтожить всѣ государства и церкви, со всѣми ихъ учрежденіями и законами религіозными, политическими, юридическими, финансовыми, полицейскими, университетскими, экономическими и соціальными, чтобы всѣ эти милліоны бѣдныхъ человѣческихъ существъ, обманутые, порабощенные, мучимые, эксплуатируемые, освободились отъ всѣхъ своихъ начальниковъ и благодѣтелей оффиціальныхъ и оффиціозныхъ, обществъ и личностей, и вздохнули бы наконецъ съ полной свободой.

3. Такъ какъ мы убѣждены, что общественное и частное зло заключается гораздо менѣе въ личностяхъ, чѣмъ въ строѣ вещей и въ общественныхъ положеніяхъ, то мы будемъ гуманны, какъ по чувству справедливости, такъ и по разсчету; мы уничтожимъ безъ жалости положенія и вещи, чтобы имѣть возможность пощадить людей безъ опасности для Революціи. Мы отрицаемъ *произволъ* и мнимое право общества наказывать. Даже самая справедливость, взятая въ самомъ гуманномъ, широкомъ смыслѣ, есть только идея, такъ сказать, отрицательная и переходная; она ставитъ соціальную проблему, но не разсуждаетъ надъ ней, указывая только единственный возможный путь къ человѣческому освобожденію, т. е. къ очеловѣченію общества свободой при равенствѣ; положительное рѣшеніе можетъ быть дано только строемъ общества все болѣе и болѣе раціональнымъ. Это столь желанное рѣшеніе, нашъ общій идеалъ... есть свобода, нравственность, просвѣщенность и благо каждаго, при солидарности всѣхъ,—это есть человѣческое братство.

Всякій человѣческій индивидуумъ есть непроизвольное произведеніе естественной и общественной среды, въ которой онъ родился, развился и вліянію которой онъ продолжаетъ поддаваться. Вотъ три великія причины всякой человѣческой безнравственности: неравенство, какъ политическое, такъ и экономическое и соціальное; невѣжество, которое есть его естественный результатъ, и ихъ необходимое послѣдствіе — *рабство*.

Такъ какъ всегда и вездѣ строй общества былъ

единственной причиной преступленій, совершаемыхъ людьми, то наказаніе преступниковъ есть только лицемѣріе или очевидная безсмыслица со стороны общества, такъ какъ всякое наказаніе предполагаетъ виновность, а преступники никогда не бываютъ виновны. Теорія виновности и наказанія произошла отъ теологіи, то-есть отъ связи безсмыслицы съ религіознымъ лицемѣріемъ.

Единственное право, какое можно признать за обществомъ въ его теперешнемъ переходномъ состояніи, это естественное право *убивать* преступниковъ, имъ самимъ произведенныхъ, въ интересѣ своей собственной защиты; но никакъ не право судить ихъ и приговаривать. Это даже не будетъ право въ тѣсномъ значеніи этого слова; это скорѣе будетъ естественный фактъ, тяжелый, но неизбѣжный признакъ и произведеніе безсилія и глупости теперешняго общества; и чѣмъ болѣе общество будетъ въ состояніи избѣгать его примѣненія, тѣмъ болѣе оно будетъ приближаться къ своему дѣйствительному освобожденію. Всѣ революціонеры, угнетенныя страждущія жертвы теперешняго общественнаго строя, которыхъ сердца естественно полны мщенія и ненависти, должны хорошо помнить, что цари, притѣснители, эксплуататоры всякаго рода такъ же виновны, какъ и преступники, вышедшіе изъ народной массы: они злодѣи, но не преступники, потому что они, такъ же какъ и обыкновенные преступники, невольные продукты современнаго общественнаго строя. Нечего удивляться, если въ первую минуту возставшій народъ убьетъ ихъ много — это будетъ несчастіе, можетъ быть неизбѣжное, но такое же ничтожное, какъ опустошенія, сдѣланныя бурей.

Но этотъ естественный фактъ не будетъ ни нравственнымъ, ни даже полезнымъ. Въ этомъ отношеніи исторія полна поучительнаго: — ужасная гильотина 1793 года, которую ужъ нельзя обвинять ни въ лѣности, ни въ медленности, не успѣла истребить дворянское сословіе во Франціи. Аристократія была тамъ если не совсѣмъ уничтожена, то глубоко потрясена, не гильотиной, а конфискаціей и продажей ея имѣній. И вообще, можно сказать, что политическія бойни никогда не убивали партій; они оказывались особенно безсильными

противъ привиллегированныхъ сословій, такъ какъ сила заключается гораздо менѣе въ людяхъ, чѣмъ въ положеніи, которое даетъ людямъ строй вещей, т. е. *учрежденіе Государства* и его послѣдствіе, а также его естественное основаніе, личная собственность.

Чтобы произвесть радикальную Революцію, надо напасть на положенія и вещи, уничтожить собственность и Государство, тогда не будетъ надобности истреблять людей и осуждать себя на непремѣнную и неизбѣжную реакцію, которую всегда производила и будетъ производить рѣзня людей въ каждомъ обществѣ.

Но чтобы имѣть право быть гуманнымъ къ людямъ, безъ опасности для революціи, надо быть безжалостнымъ къ положеніямъ и вещамъ; надо все уничтожить и въ особенности и прежде всего собственность и ея неизбѣжное послѣдствіе—*Государство*. Вотъ весь секретъ революціи.

Нечего удивляться Якобинцамъ, Бланкистамъ, которые стали соціалистами скорѣе по необходимости, чѣмъ по убѣжденію, и для которыхъ соціализмъ есть средство, а не цѣль Революціи, въ томъ, что они хотятъ диктатуры, т. е. централизаціи Государства, а Государство ихъ приведетъ по логической и неизбѣжной необходимости къ возстановленію собственности;—очень естественно, говоримъ мы, что не желая сдѣлать радикальной революціи противъ вещей, они мечтаютъ о кровавой революціи противъ людей.—Но эта кровавая революція, основанная на созданіи революціоннаго Государства сильно централизованнаго, имѣла бы неизбѣжнымъ результатомъ, какъ мы это послѣ докажемъ, военную диктатуру съ новымъ господствомъ. И такъ торжество Якобинцевъ и Бланкистовъ было бы смертью для Революціи.

4. Мы естественные враги этихъ революціонеровъ—будущихъ доктринеровъ, регламентаторовъ и опекуновъ революціи — которые, еще раньше уничтоженія настоящихъ монархическихъ, аристократическихъ и буржуазныхъ Государствъ, мечтаютъ уже о созданіи новыхъ революціонныхъ Государствъ такъ же централизованныхъ и болѣе деспотическихъ, чѣмъ существу-

ющія теперь Государства — которые такъ сильно привыкли къ порядку созданному какой-либо высшей властью и чувствуютъ такое сильное отвращеніе ко всему кажущемуся имъ безпорядкомъ, который есть ничто иное, какъ открытое и естественное выраженіе народной жизни, что раньше даже, чѣмъ будетъ произведенъ революціей хорошій и спасительный безпорядокъ, мечтаютъ уже о концѣ и обузданіи его при помощи какой нибудь силы, которая будетъ имѣть только имя революціи, а на дѣлѣ будетъ ничѣмъ инымъ, какъ новой реакціей, потому что она будетъ на дѣлѣ новымъ осужденіемъ народныхъ массъ, управляемыхъ декретами, на повиновеніе, на неподвижность, на смерть, т. е. на рабство и на эксплуатацію новой квазиреволюціонной аристократіей.

5. Мы понимаемъ революцію въ смыслѣ разнуздданія того, что теперь называютъ дурными страстями, и разрушенія того, что на томъ же языкѣ называется „общественнымъ порядкомъ“.

Мы не боимся, мы призываемъ анархію, убѣжденные, что изъ этой анархіи, т. е. полнаго выраженія разнузданной народной жизни, должна выйти свобода, равенство, справедливость, новый порядокъ и самая сила Революціи противъ Реакціи. Эта новая жизнь—народная революція—безъ сомнѣнія не замедлитъ организоваться, но она создастъ свою революціонную организацію снизу вверхъ, отъ окружности къ центру—сообразно съ принципомъ свободы, а не сверху внизъ, не отъ центра къ окружности, по способу всякой власти—такъ какъ для насъ мало имѣетъ значенія, какъ называется эта власть: Церковь, Монархія, конституціонное Государство, буржуазная Республика, или даже революціонная диктатура. Мы ихъ ненавидимъ и отвергаемъ всѣхъ одинаково—какъ непремѣнные источники эксплуатаціи и деспотизма.

6. Революція, такая какъ мы ее понимаемъ, должна въ первый же день уничтожить радикально и окончательно Государство и государственныя учрежденія. Естественными и необходимыми послѣдствіями этого разрушенія будетъ: a) банкротство Государства; b) прекращеніе уплаты частныхъ долговъ при вмѣ-

шательствѣ Государства, предоставляя каждому должнику право платить свои долги, если онъ хочетъ: c) прекращеніе платы всякихъ податей и взиманія всякихъ налоговъ, прямыхъ или косвенныхъ: d) распущеніе арміи, магистратуры, бюрократіи, полиціи и священниковъ; e) упраздненіе оффиціальнаго правосудія, отмѣненіе всего, что юридически называлось правомъ, а также дѣйствія этихъ правъ. Слѣдовательно, упраздненіе и сожженіе (аутода-фе) всѣхъ документовъ на собственность, актовъ наслѣдства, купчихъ, дарственныхъ, всѣхъ процессовъ—однимъ словомъ, всего бумажнаго хлама юридическаго и гражданскаго. Вездѣ и во всемъ революціонное дѣйствіе вмѣсто права, созданнаго и гарантированнаго Государствомъ; f) конфискація всѣхъ производительныхъ капиталовъ и орудій труда въ пользу рабочихъ ассоціацій, которые должны пользоваться ими коллективно; g) конфискаціи всѣхъ церковныхъ имуществъ, а также и драгоцѣнныхъ металловъ у частныхъ лицъ, въ пользу федеративнаго Союза всѣхъ рабочихъ ассоціацій — Союза, который составитъ коммуну.

Взамѣнъ конфискованныхъ имуществъ Коммуна дастъ все необходимое лицамъ, лишеннымъ такимъ образомъ всего, которые потомъ могутъ пріобрѣсть больше своимъ собственнымъ трудомъ, если смогутъ и если захотятъ.—h) Для организаціи Коммуны, федерація постоянныхъ баррикадъ (des barricades en permanence) и дѣйствіе Совѣта революціонной Коммуны посредствомъ делегаціи одного или двухъ депутатовъ отъ каждой баррикады, одного отъ улицы, или отъ квартала, депутатовъ облеченныхъ сильными полномочіями, всегда отвѣтственныхъ и смѣняемыхъ. Такъ организованный Коммунальный Совѣтъ можетъ выбирать изъ своей среды исполнительные комитеты—отдѣльные для каждой вѣтви революціонной администраціи Коммуны. — i) Объявленіе со стороны возставшей и организовавшейся въ Коммуну столицы, что, уничтоживъ властное и опекунское Государство, по праву ей принадлежащему, такъ какъ и она была его рабой подобно всѣмъ другимъ мѣстностямъ,—она

отрекается отъ своего права, или, скорѣе, отъ всякой претензіи на управленіе и указываніе провинціямъ. k) Обращеніе ко всѣмъ провинціямъ, коммунамъ и ассоціаціямъ съ приглашеніемъ всѣмъ послѣдовать примѣру столицы и *реорганизоваться* сначала революціонно, а потомъ послать къ условленному мѣсту собранія своихъ депутатовъ, также всѣхъ облеченныхъ сильными полномочіями, отвѣтственныхъ и смѣняемыхъ, чтобы составить федерацію ассоціацій, коммунъ и провинцій, возставшихъ во имя одинаковыхъ принциповъ, и чтобы организовать революціонную силу, способную восторжествовать надъ реакціей. Посылка не коммисаровъ революціонныхъ съ какими нибудь перевязями, а революціонныхъ пропагандаторовъ во всѣ провинціи и коммуны — особенно же къ крестьянамъ, которые могутъ быть революціонированы не принципами, не декретами какой бы то ни было диктатуры, а только революціоннымъ дѣйствіемъ, т. е. послѣдствіями, которыя непремѣнно произведетъ во всѣхъ коммунахъ совершенное прекращеніе юридической и оффиціально государственной жизни. Упраздненіе національнаго Государства еще и въ томъ смыслѣ, что всякая чужая страна, провинція, коммуна, даже ассоціація или отдѣльная личность, возставшія во имя одинаковыхъ принциповъ, будутъ приняты въ революціонную федерацію, не взирая на теперешнія государственныя границы, и на принадлежность къ разнымъ политическимъ и національнымъ системамъ, всѣ же провинціи, коммуны, ассоціаціи и личности, которыя примутъ участіе въ Реакціи будутъ исключены изъ этого. Посредствомъ самого этого факта распространенія и организаціи революціи, въ виду взаимной защиты возставшихъ странъ, восторжествуетъ всемірность революціи, основанная на упраздненіи границъ и на разрушеніи Государствъ.

7. Ни политическая, ни національная революція не сдѣлается соціальной, а національная революція, именно въ силу своего характера, радикально соціалистическаго и разрушающаго Государство, не сдѣлается всемірной.

8. Такъ какъ революція должна вездѣ дѣлаться на-

родомъ, и верховное управленіе ею должно всегда оставаться въ рукахъ народа организованнаго въ свободную федерацію земледѣльческихъ ассоціацій, — то новое и революціонное Государство, образуясь снизу вверхъ путемъ революціонной делегаціи и обнимая всѣ возставшія страны во имя однаковыхъ принциповъ, помимо старыхъ границъ и національныхъ различій, будетъ имѣть въ виду администрацію общественныхъ службъ, а не управленіе народами. Оно составитъ *новое отечество, Союзъ Всемірной Революціи* противъ Союза всѣхъ реакцій.

9. Эта организація исключаетъ всякую мысль о диктатурѣ и правящей, опекунской власти. Но для самаго установленія этого революціоннаго союза и для торжества революціи надъ реакціей, необходимо, чтобы среди народной анархіи, которая будетъ составлять самую жизнь и всю энергію революціи, *имѣла свой органъ, единство идеи и революціоннаго дѣйствія.* Этимъ органомъ должна быть *тайная и всемірная Ассоціація интернаціональныхъ братьевъ.*

10. Эта ассоціація исходитъ изъ убѣжденія, что революціи никогда не дѣлались ни личностями, ни даже тайными обществами. Онѣ дѣлаются какъ-бы сами собою, производятся силою вещей, движеніемъ событій и фактовъ. Онѣ подготовляются долго въ глубинѣ инстинктивной совѣсти народныхъ массъ—потомъ онѣ взрываютъ, часто вызванныя повидимому ничтожными причинами. Все что можетъ сдѣлать хорошо организованное тайное общество, это сначала помочь зарожденію революціи, распространяя въ массахъ идеи, соотвѣтствующія инстинктамъ массъ и организовать, не армію революціи—арміей долженъ быть всегда народъ,—а нѣчто въ родѣ революціоннаго главнаго штаба, состоящаго изъ преданныхъ, энергичныхъ, интеллигентныхъ личностей, а въ особенности изъ искреннихъ, не честолюбивыхъ и не тщеславныхъ друзей народа,—способныхъ служить посредниками между революціонной идеей и народными инстинктами.

11. Число этихъ личностей не должно конечно быть громаднымъ. Для интернаціональной организаціи во всей Европѣ достаточно ста революціонеровъ, сильно

и серьезно сплоченныхъ. Двухъ-трехъ сотенъ революціонеровъ будетъ достаточно для организаціи большей страны.

IX.

ИЗЪ ПРОКЛАМАЦІЙ 1869 г.

А.

КЪ ОБЩЕСТВУ!

(Прокламація Петербургскихъ студентовъ).

Мы, Студенты Медицинской Академіи, Университета, Технологическаго Института, Земледѣльческой Академіи, желаемъ:

1. Чтобы намъ предоставлено было право имѣть кассу т. е. помогать нашимъ бѣднымъ товарищамъ.

2. Чтобы намъ предоставлено было право совѣщаться объ нашихъ общихъ дѣлахъ въ зданіяхъ нашихъ учебныхъ заведеній.

и 3. Чтобы съ насъ снята была унизительная полицейская опека, которая съ ученической скамьи налагаетъ постыдное клеймо рабства.

Начальство на наши требованія отвѣчаетъ закрытіемъ учебныхъ заведеній, противозаконными арестами и высылками. Мы апеллируемъ къ обществу. Общество должно поддержать насъ, потому что наше дѣло—его дѣло. Относясь равнодушно къ нашему протесту, оно куетъ цѣпи рабства на собственную шею. Протестъ нашъ твердъ и единодушенъ, и мы скорѣе готовы задохнуться въ ссылкахъ и казематахъ, нежели задыхаться и нравственно уродовать себя въ нашихъ Академіяхъ и Университетахъ.

Марта 20 1869 г.

Мы сочли нужнымъ перепечатать эту прокламацію студентовъ, какъ введеніе къ слѣдующимъ дальше прокламаціямъ Бакунина и Нечаева, такъ какъ послѣднія вызваны т. наз. „студенческими безпорядками“ 1869 г. Хотя привыкшему къ западноевропейской университетской жизни и можетъ показаться просто невѣроятнымъ, чтобы желанія, изложенныя въ вышенапечатанной прокламаціи, могли считаться революціонными, однако въ Россіи заявленія студентами этихъ желаній въ 1869 году были признаны за революціонныя и дѣйствительно были прологомъ къ революціонному движенію 70-хъ годовъ. Изгнанные изъ школъ молодые люди составили публику, къ которой революціонеры, какъ Нечаевъ и Бакунинъ, обратили свои воззванія, а сосланные въ административную ссылку и убѣжавшіе изъ нея за границу составили первые кадры этого революціоннаго движенія. Такъ правительство само приготовило желанный Бакунинымъ элементъ людей „безвыходнаго положенія“.

B.

ПРОКЛАМАЦІЯ БАКУНИНА КЪ РУССКИМЪ СТУДЕНТАМЪ.

Русскіе студенты!

Полиція васъ бьетъ, но это „бдительному, умудренному опытностью“ начальству показалось мало: казенная литература принялась васъ надувать.

Васъ хотятъ увѣрить, что въ Европѣ нѣтъ живой народной потребности и все застыло.

Васъ хотятъ увѣрить, что вы не вы, а поляки.

Васъ хотятъ увѣрить, что для васъ право помогать бѣднымъ товарищамъ *лишено основанія* и требованіе права сходокъ *неестественный мотивъ*.

Разсмотрите же, какъ люди неминуемо дружные, всѣ эти казенныя увѣренія, выработанныя воровскимъ умомъ, который выдаетъ себя за здоровый.

Случалось не разъ намъ самимъ указывать на Европу, которая замираетъ. Да! Но какая Европа?

Европа императорская, Европа папская, Европа королевская, поповская, дворянская, буржуазная, Европа политическая, Европа государственная.

Поднимается, домогается, надѣется, вѣритъ въ свою будущность, соединяется, переработываетъ — Европа угнетенная, голодающая, работающая, Европа экономическая, Европа труда, безсословная, безгосударственная.

Кто же это вамъ говоритъ, что въ Европѣ нѣтъ живыхъ элементовъ?

Это вамъ говоритъ нажившійся, исподлившійся литераторъ-чиновникъ. Какъ будто между вами, юношами, кто нибудь найдется кто пойдетъ вслѣдъ такому холопскому голосу? Мы, старики, этому не вѣримъ.

Вамъ говорятъ, что для васъ *немыслимо* помогать бѣднымъ товарищамъ, потому что про то знаетъ умудренное начальство, да монаршая милость во сто тысячъ серебромъ.

Литераторы-чиновники забываютъ несчастную повѣсть всякой казенной тысячи въ Россіи. Выжатая изъ труда народнаго, она ниспадаетъ съ великодушнаго верха подъ названіемъ монаршей милости и расходится по разнымъ боковымъ карманамъ, даже не достигая своего назначенія.

Какъ же у студентовъ всѣхъ учебныхъ заведеній не родиться желанію спасать бѣдныхъ товарищей, помогать имъ своими общими силами—прямо—помимо верхобоковаго начальства, а если можно, и помимо денегъ, выжатыхъ нагайкою изъ народнаго труда?

Къ чему для этого польская интрига, когда для этого достаточно неиспорченное человѣческое чувство и неиспорченный человѣческій смыслъ?

Вамъ говорятъ, что для васъ ненужно сходокъ? Про то знаетъ тоже умудренное начальство, а для васъ это неестественный мотивъ (который можетъ въ самомъ дѣлѣ казаться неестественнымъ разнымъ генераламъ Треповымъ, потому что они, сколько между собою ни хитрятъ и ни лицемѣрятъ, а встрѣчаться имъ гадко). А вамъ, студентамъ, между собою встрѣчаться— не то что гадко, а просто необходимо, потому что мало ли о чемъ нужно перетолковать и по теоретическому и по практическому вопросу.

Неужто у васъ потребовать сходокъ не просто человѣческій мотивъ (русскій, прусскій, польскій, англійскій, *американскій* и пр.)? Къ чему тутъ вліяніе какой нибудь польщизны?

Если бы у васъ такія потребности родились не изъ собственнаго сознанія, а чуждаго вліянія ради, — вы были бы дураки, или были бы подкуплены. Да впрочемъ все въ этой казенной клеветѣ до такой степени глупо, что ее могли наклеветать только какія нибудь жидовскія уста, за рубль серебромъ перешедшія въ православіе.

Нельзя къ этому не присовокупить нѣсколько словъ о Польщизнѣ, чтобы, насколько теперь возможно,— отрѣзать этотъ вопросъ отъ захвата казенной литературой.

Шляхетская Польша и шляхетская Литва сгубили народную Польшу и народную Литву—такъ какъ дворянская, чиновничья, казенная Россія губитъ народную Русь. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы казенная Польша, казенная Литва, казенная Русь—были народною Польшей, народною Литвою, народною Русью. Кто станетъ доказывать ихъ гождество, удариться въ грязь— конечно не безъ казеннаго подарочка—и только.

Подробно о Польскомъ и Литовскомъ вопросѣ мы будемъ говорить въ другой разъ; также какъ въ другой разъ подробно разберемъ отношенія казенной литературы къ студентамъ.

А теперь къ вамъ, молодые друзья, послѣднее слово:

Учить васъ мы не станемъ; вы на мѣстѣ и лучше насъ видите, что теперь надо дѣлать.

Вы собственно для себя ничего не ищете, и ничего не хотите помимо народныхъ потребностей и движенія народнаго. Мы это знаемъ и видимъ, и потому въ ваше движеніе вѣримъ.

Бакунинъ (не подписано).

Женева, Апрѣль 1869.

С.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ КЪ МОЛОДЫМЪ БРАТЬЯМЪ ВЪ РОССІИ.

(Второй оттискъ).

Вы встали опять. Значитъ васъ похоронить не успѣли. Значитъ противугосударственный, всеразрушительный духъ молодого безсословнаго поколѣнія не мимолетная вспышка юношескаго легкомыслія и тщеславія, а выраженіе настоящей жизни и страсти. Значитъ онъ коренится глубоко въ потребностяхъ и во всемъ настроеніи народа.

Еслибъ ваше революціонное настроеніе было болѣзнію накожною, то героическія средства, употребленныя отеческимъ правительствомъ для вашего излѣченія, давно бы увѣнчались успѣхомъ. Вы были бы уже здравы, т. е. отказавшись отъ всякой мысли и отъ всего что составляетъ человѣчество въ человѣкѣ, вы стали бы скотами въ ряду великаго множества чиновныхъ и государственно-сословныхъ скотовъ, поѣдающихъ нашу родину и губящихъ нашъ народъ. Вы заслужили бы право называться Всероссійскими патріотами.

Русская грамотная и безсословная молодежь, не смотря на свою молодость, вынесла ужъ много бурь. Она свѣжа и бодра духомъ, но стара опытомъ. Въ наше время, въ блаженныя времена простодушнаго и сравнительно невиннаго деспотизма царя Николая, надо было прожить лѣтъ двадцать и больше, чтобъ испытать половину того, что вамъ пришлось испытать въ продолженіи послѣднихъ восьми или девяти лѣтъ.

Послѣ пожаровъ 1862 года, во время и послѣ Польскаго возстанія и вслѣдъ за Каракозовскимъ дѣломъ до настоящей поры, благодушащій царь Александръ Николаевичъ, кажется, не пожалѣлъ ничего, чтобы довершить ваше политическое воспитаніе. Поощряемый всею отечественною литературою, славянофилами и западниками, плантаторами и либералами, онъ путемъ розогъ и палокъ, пытокъ и висѣлицы, гуртовыхъ за-

ключеній и ссылокъ, путемъ обреченія тысячи лучшихъ людей на голодную смерть, старался измѣрить вашу силу, вашу упрямую волю, вашу вѣру въ предпринятое вами Народное дѣло. Вы устояли, значитъ, вы крѣпки. Много, много товарищей вашихъ погибло, но на каждаго погибающаго ростутъ изъ земли десять новыхъ бойцовъ, враговъ государства. Значитъ, приходитъ конецъ этому поганому государству.

Откуда берете вы вашу вѣру и силу? Вѣру безъ Бога, силу безъ личной надежды и цѣли? Откуда взялась въ васъ эта способность отдавать себя на погибель безъ тщеславія и фразы? Гдѣ источникъ того дико-разрушительнаго и холодно-страстнаго воодушевленія, отъ котораго цѣпенѣетъ умъ и останавливается кровь въ жилахъ у нашихъ противниковъ? Холопская литература стала въ тупикъ передъ вами. Она просто тутъ ничего не понимаетъ.

Были бы вы прислужниками, доносчиками, шпіонами, ворами частными или казенными, со взломомъ или безъ взлома, благонамѣренными подлецами, поборниками лакействующаго либерализма въ журналахъ, душителями крестьянъ и поляковъ; еслибъ вы загубили десятки тысячъ народу, она бы васъ поняла, и стоило бы вамъ показать себя благодарными, для того, чтобъ она васъ защитила и оправдала. Все это въ нашемъ византійско-славянскомъ мірѣ дѣло житейское и бывалое, отнюдь не противорѣчитъ ни нашему государственному благочинію, ни нашей государственной нравственности, не противорѣчитъ поэтому и Всероссійскому патріотизму.

Были бы вы идеальными юношами, мечтающими о наукѣ и человѣчествѣ, о свободѣ и правѣ по книжкамъ, она бы васъ опять приняла. Многозаслуженные и многоиспытанные ветераны нашей отечественной литературы, въ свое время, также читали, увлекались, мечтали, были студентами, страстно кланялись идеаламъ и обрекали себя на подвигъ. Жизненный опытъ, пріобрѣтенный въ грязнѣйшей въ мірѣ дѣйствительности, сдѣлалъ ихъ подлецами. Но они съ умиленіемъ вспоминаютъ свои молодые годы, и, безъ сомнѣнія, простили бы вамъ юношескій бредъ, твердо увѣрен-

ные въ томъ, что подъ вліяніемъ той же самой дѣйствительности вы скоро сдѣлаетесь не хуже ихъ подлецами.

Но вы ни воровать, ни мечтать не хотите; вы презираете почти одинаково міръ всероссійской дѣйствительности, и книжнопдеальный міръ, служившій доселѣ для *чистыхъ* душъ убѣжищемъ отъ государственной грязи. Вотъ отчего отечественная литература наша стала въ тупикъ, вотъ отчего она не можетъ понять ни куда вы идете, ни чего вы хотите.

Въ недоумѣніи, господа московскіе и петербургскіе журналисты рѣшили, что ваше настоящее движеніе— дѣло польскихъ подземныхъ интригъ. Нельзя было выдумать ничего подлѣе и глупѣе. Подлѣе, потому что вызывать ярость свирѣпаго палача противъ измученной жертвы, такое позорное преступленіе, которое именно только въ нашей холопско-государственной Россіи возможно; глупѣе, потому что нужно дойти до крайней степени тупоумія, чтобъ не замѣтить съ перваго раза пропасти, лежащей между программою огромнаго большинства польскихъ патріотовъ и программою нашей молодежи, представительницы и поборницы русскаго народнаго дѣла.

Между большинствомъ польскихъ дѣятелей и именно тою польскою шляхетски-католическою партіею, которой журналистика наша приписываетъ наибольшее вліяніе на русскую молодежь, и между нами есть только одно общее чувство и одна общая цѣль: это ненависть ко Всероссійскому государству и твердая воля способствовать всѣми возможными средствами его наискорѣйшему разрушенію. Вотъ въ чемъ мы сходимся. Шагъ далѣе, и между нами открывается пропасть: мы хотимъ окончательнаго разрушенія всякой государственности въ Россіи и впѣ Россіи; они мечтаютъ о возстановленіи Польскаго государства.

Польскіе государственники мечтаютъ не о добромъ, потому что всякое государство, какъ бы либеральны и демократичны ни были его формы, ложится подавляющимъ камнемъ на жизнь народную. Они мечтаютъ о невозможномъ, потому что, впереди государства будутъ только рушиться, а не строиться. Они народно-

ненавистной мечтой обрекаютъ свою родину на новую гибель, и еслибъ имъ удалось, пожалуй хоть съ помощью иностранцевъ, разумѣется, не съ народною помощью, возстановить польское государство, необходимо основанное на шляхетствѣ, или, что все равно, на личной поземельной и наслѣдственной собственности, они, безъ сомнѣнія, сдѣлались бы столько же нашими врагами, сколько и притѣснителями своего собственнаго народа. Если это случится, мы станемъ войной противъ нихъ, во имя обще-народной свободы и жизни. А до тѣхъ поръ, мы имъ друзья и помощники, потому что ихъ дѣло—дѣло разрушенія Всероссійскаго государства, также и наше дѣло.

У русскихъ и не русскихъ народовъ, закабаленныхъ въ имперію, нѣтъ теперь злѣе врага, чѣмъ Всероссійское государство.

Но польскіе патріоты, къ несчастью, также мало разумѣютъ смыслъ русскаго движенія, какъ и наша кабальная журналистика. Потому и нѣтъ у нихъ довѣрія къ нему, и вліяніе ихъ на него всегда было, и, до сихъ поръ, остается ничтожнымъ. А не худо бы было и для нихъ и для насъ, еслибъ мы дѣйствительно заслужили клевету всероссійскихъ патріотовъ. Не худо бы было, еслибъ мы могли согласиться на единодушное дѣйствіе, хоть въ продолженіи перваго акта готовящейся обще-славянской трагедіи. Это не помѣшало бы намъ разойтись и стать другъ противъ друга врагами въ трехъ послѣдующихъ актахъ, и, какъ слѣдуетъ, окончательно примириться въ послѣднемъ.

Нѣтъ, не вліяніе польскихъ интригъ, а другая, болѣе громадная сила движетъ русскою молодежью — сила народная. Приближаются времена Стеньки Разина...

Нынѣшнее благодушное царствованіе представляетъ замѣчательное сходство съ царствованіемъ добрѣйшаго изъ Романовыхъ, царя Алексѣя Михайловича, который, не смотря на свое историческое благодушіе, также немилосердно душилъ и грабилъ народъ, какъ и нынѣшній, въ пользу царской казны, въ пользу дворянъ, чиновниковъ-людоѣдовъ и во славу всероссійскаго государства. Тогда, какъ и теперь, измученный, разграб-

ленный, и изнуренный голодомъ народъ бѣжалъ изъ деревень въ лѣса. Теперь, какъ и тогда, волнуется вся крестьянская, вся чернорабочая Русь, все болѣе понимающая царскій обманъ, и ожидающая новой, настоящей воли, уже не сверху, а снизу, путемъ, указаннымъ ей Стенькой Разинымъ... Да, явно готовится и приближается новая кровавая встрѣча, новый бой на жизнь и на смерть между Русью народною и между Россіей казенною.

Кто побѣдитъ въ этотъ разъ? Народъ безъ сомнѣнія. Стенька Разинъ былъ богатырь, но онъ былъ одинъ между всѣми и надъ всѣми; его личная громадная сила не могла устоять противъ сплотившейся и организовавшейся государственной силы, такъ какъ въ народѣ, предводительствуемомъ имъ однимъ не было и тѣни организаціи. Погибъ онъ, и все погибло. Теперь будетъ не то. Не будетъ вѣроятно народнаго богатыря Стеньки Разина, сосредоточивающаго въ своемъ лицѣ всю народную жизнь и силу. Но будетъ за то легіонъ безсословной и безъимянной молодежи, живущей уже теперь народною жизнью, и сплоченной крѣпко между собой одною мыслью и цѣлью. Соединеніе этой молодежи съ народомъ, вотъ залогъ народной свободы.

Русская грамотная молодежь потому сдѣлалась теперь такъ крѣпка, непреклонна и непримирима, что она приняла ужъ въ себя душу народную—она хочетъ не своего, а народнаго торжества. Стенька Разинъ, на этотъ разъ, не одинокій, а коллективный, и тѣмъ самымъ непобѣдимый, у ней за плечами. Вотъ настоящій смыслъ ея нынѣшнихъ, еще невинныхъ движеній, и вотъ почему эти движенія, не смотря на свою видимую незначительность, повергаютъ въ трепетъ весь нашъ сословный, казенный, литераторствующій и правительствующій государственный міръ.

И такъ, молодые друзья, бросайте скорѣе этотъ міръ, обреченный на гибель, эти университеты, академіи и школы, изъ которыхъ васъ гонятъ теперь и въ которыхъ стремились всегда разъединить васъ съ народомъ. Ступайте въ народъ! Тамъ ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука. Научитесь у народа, какъ

служить народу и какъ лучше вести его дѣло. Помните, друзья, что грамотная молодежь должна быть не учителемъ, не благодѣтелемъ и не диктаторомъ-указателемъ для народа, а только повивальною бабкою самоосвобожденія народнаго, сплотителемъ народныхъ силъ и усилій. Чтобъ пріобрѣсти способность и право служить народному дѣлу, она должна утопиться въ народѣ. Не хлопочите о наукѣ, во имя которой хотѣли бы васъ связать и обезсилить. Эта наука должна погибнуть вмѣстѣ съ міромъ, котораго она есть выразитель. Наука же новая и живая несомнѣнно народится потомъ, послѣ народной побѣды, изъ освобожденной жизни народа.

Таково убѣжденіе лучшихъ людей на Западѣ, гдѣ также, какъ и въ Россіи, старый государственный міръ, основанный на религіи, на метафизикѣ и на буржуазной цивилизаціи, на правѣ семейномъ и на наслѣдственномъ правѣ, видимо, падаетъ и долженъ уступить мѣсто освобожденному чернорабочему міру. Вамъ врутъ, говоря, что въ Европѣ все спитъ. Напротивъ, все просыпается, и надо быть, право, слѣпымъ и глухимъ, чтобъ не услышать и не увидѣть несомнѣнныхъ признаковъ приближающейся общественной бури.

Готовясь къ борьбѣ, помимо всѣхъ границъ государственныхъ, рабочій міръ подалъ себѣ руку, въ Европѣ и въ Америкѣ, и во имя общей побѣды, зоветъ васъ, русскую безсословную молодежь, васъ, работниковъ революціи, на крѣпкій союзъ.

Михаилъ Бакунинъ.

Женева, 1869.

D.

ПОСТАНОВКА РЕВОЛЮЦІОННАГО ВОПРОСА.

Между Россіей казенной и Россіей народной, между государственнымъ, сословно образованнымъ міромъ въ Россіи и революціей народной, открывается нынѣ пуще

прежняго, и какъ бы въ послѣдній разъ, война на жизнь и на смерть.

Въ этой войнѣ, ни примиреніе, ни средній исходъ не возможны. Одинъ изъ противниковъ долженъ погибнуть: или Государство со всею своею мишурно-образованною сволочью, или Народъ.

Всѣ эксплуататоры, всѣ пользующіяся такъ или иначе существованіемъ, процвѣтаніемъ, могуществомъ Государства, т. е. народною бѣдою, стоятъ за Государство. Мы, разумѣется, стоимъ за Народъ.

Но недостаточно говорить, надо доказать дѣломъ, что мы стоимъ за народъ. Хотѣть освобожденія народнаго, значитъ хотѣть безпощаднаго разрушенія всего государственнаго строя, кореннаго уничтоженія всѣхъ порядковъ общественныхъ, силъ, средствъ, вещей и людей, на которыхъ зиждется крѣпость имперіи, всего, однимъ словомъ, что нынѣ существуетъ и торжествуетъ въ Россіи на гибель Народа.

Намъ предстоитъ сломать силу громадную. Словами ее не проймешь, надо дѣла. Въ чемъ же состоитъ это дѣло?

Само правительство указываетъ намъ путь, по которому мы должны идти, чтобы достигнуть своей, т. е. народной цѣли.

Оно гонитъ насъ теперь изъ университетовъ, изъ академій, изъ школъ. И чтожъ, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, оно право. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ, основанныхъ и содержимыхъ имъ для образованія слугъ Государства, т. е. притѣснителей и эксплуататоровъ Народа, подъ вліяніемъ доктринерскихъ ученій и подтасованной науки, мы, пожалуй, могли бы испортиться. Вѣдь доктринерный, ученый развратъ, пожалуй, опаснѣе всякаго другого. Онъ проникаетъ медленнымъ ядомъ всѣ помышленія и чувства, волю, сердце и умъ человѣка, создавая и узаконяя во имя столь же лживаго, сколько и громкаго слова: Цивилизація, теорію самой гнусной народной эксплуатаціи.

Подъ вліяніемъ этой науки и государственно-общественныхъ выгодъ, сопряженныхъ съ нею у насъ, большинство между нами дообразовалось бы до чиновнаго скотства. Другая меньшая часть додумалась бы до

конституціоннаго, монархическаго или пожалуй даже республиканскаго либерализма, несомнѣнно болѣе благовиднаго, но пожалуй еще болѣе пагубнаго для Народа, чѣмъ даже настоящее чиновничье управленіе. Третья еще меньшая часть, состоящая изъ благодушныхъ соціалистовъ по книжкамъ, бросилась бы, по примѣру нѣкоторыхъ извѣстныхъ людей, воображающихъ, что можно устроить экономическое благо Народа при существующемъ государственномъ строѣ и безъ совершеннаго разрушенія всѣхъ государственныхъ условій и формъ, бросилась бы въ устройство рабочихъ артелей. Остальные же и весьма немногіе, соединяющіе въ себѣ доктринаризмъ псевдо-ученый съ наклонностями къ драматизму, и соціализмъ по книжкамъ съ пустопорожнью и самолюбивыми мечтами о конспираціи и о революціи, стремились бы создать тайные кружки.

— Но какіе кружки?

Кружки безъ сомнѣнія основанные, въ ихъ собственномъ мнѣніи, для единой пользы Народа, но внѣ Народа, надъ нимъ. Кружки состоящіе исключительно изъ молодыхъ, доктринерно-образованныхъ конспираторовъ-соціалистовъ и революціонеровъ по книжкамъ, упояющихся самомечтаніемъ, своимъ собственнымъ, большею частью пустымъ, но горячимъ словомъ, попадающихся и пропадающихъ не за дѣло, а за слова, и обреченныхъ самимъ положеніемъ своимъ столько же, сколько и направленіемъ своихъ мыслей, на жалкое бездѣлье и безсилье, потому что сила и дѣло только въ Народѣ, а между ними и Народомъ—пропасть.

Таковы наши кабинетные революціонеры-государственники и будущіе диктаторы, поклонники и представители какой-то молодежи внѣ Народа, призванной будто бы учить, вести, освобождать и счастливить Народъ. Они играютъ въ революцію, но лишены способовъ дѣлать ее... Въ желаніи у нихъ нѣтъ недостатка, охота у нихъ страстная, самообольщеніе и самомнѣніе огромное, да сила нулевая.

Отъ университетскаго развращенія уцѣлѣло бы развѣ только нѣсколько живыхъ, настоящихъ народныхъ людей; масса учащейся молодежи погибла бы такъ или

иначе. Вотъ этого то вѣроятно и боялось наше попечительное начальство, и для того, чтобъ не дать молодежи даромъ пропасть, оно закрываетъ нынѣ академіи, университеты и школы, и бросаетъ ее въ настоящую школу—въ Народъ.

Спасибо ему за то, что оно поставило насъ на такую славную и крѣпкую почву. Теперь у насъ есть земля подъ ногами, мы можемъ дѣлать. Чтожъ станемъ мы дѣлать?

Учить Народъ? Это было бы глупо. Народъ самъ и лучше насъ знаетъ, что ему надо. Напротивъ, мы должны у него научиться и понять тайны его жизни и силы, тайны не мудреныя, правда, но недостижимыя для всѣхъ живущихъ въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ.

Мы должны Народъ не учить, а бунтовать. Да развѣ онъ самъ собой не бунтуетъ? Бунтуетъ и никогда не переставалъ бунтовать да только бунтовалъ онъ безплодно, потому что бунтовалъ въ рознь, и былъ до сихъ поръ, нерѣдко, послѣ самой кровавой борьбы, всегда побѣжденъ и задавленъ.

Чтожъ можемъ мы ему принести? Какую можемъ мы оказать ему помощь? Только одну, но чрезвычайно важную: мы можемъ дать ему то, чего у него до сихъ поръ не доставало и недостатокъ чего былъ главною причиною всѣхъ его пораженій — *единство повсемѣстнаго движенія, посредствомъ сплоченія его же собственныхъ бунтующихъ и до сихъ поръ разрозненныхъ силъ.*

Но для того, чтобы соединить всѣ его частные бунты въ одинъ бунтъ поголовный и несокрушительный, т. е. въ народную революцію, намъ надо самымъ дѣятельнѣйшимъ образомъ, открыто и смѣло участвовать въ каждомъ изъ нихъ. Только подъ этимъ условіемъ признаетъ онъ насъ за своихъ. Для Народа слово ничего не значитъ, дѣло все. Братство съ нимъ возможно потому только на дѣлѣ, и только увидѣвъ насъ съ *своемъ* дѣлѣ, признаетъ онъ насъ за своихъ. Ну, а когда признаетъ, мы будемъ всесильны.

Въ Россіи существуютъ издавна два вида народнаго бунта: бунтъ мирнаго села, выведеннаго изъ терпѣнія, и разбойничій бунтъ.

Долготерпѣливъ русскій крестьянинъ, и чортъ знаетъ какую тягость неправды, притѣсненій и насилій государственныхъ, чиновничьихъ, помѣщичьихъ, поповскихъ, купеческихъ и кулацкихъ носитъ онъ, не жалуясь на своихъ палачей. На немъ стоитъ вся имперія, и кормитъ онъ всѣхъ своихъ лиходѣевъ, довольный, когда ограничиваясь лишь однимъ ограбленіемъ его, они не терзаютъ и не душатъ его. Но наконецъ приходится и ему не въ терпежъ, и когда, доведенный до крайности, онъ подымается противъ своихъ супостатовъ, становясь въ свою очередь безпощаднымъ, онъ готовъ истребить все, что ему попадается подъ руки. Частные крестьянскіе бунты возобновляются такимъ образомъ каждый годъ, со времени основанія Московскаго Царства и прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, во всѣхъ концахъ нашей широкой имперіи. Нерѣдко обнимаютъ они цѣлыя волости и уѣзды. Но не поддержанные одновременнымъ бунтомъ сосѣднихъ волостей, уѣздовъ и губерній, они легко подавляются военною силой, и утопаютъ въ крестьянской крови, которой правители наши никогда не жалѣли.

Крестьянскій рабочій людъ смирится на время, подъ напоромъ штыка и кнута, и принимается вновь за работу, тяжкую и для него безплодную. Но выдѣляются изъ его среды безпрестанно лихіе ребята, которые ни примириться, ни покориться не могутъ. Они бѣгутъ въ лѣса отъ государственныхъ злодѣевъ, и становятся разбойниками.

Разбой, одна изъ почетнѣйшихъ формъ русской народной жизни. Онъ былъ, со времени основанія Московскаго Государства, отчаяннымъ протестомъ Народа противъ гнуснаго общественнаго порядка, не измѣненнаго, но усовершенствованнаго по Западнымъ образцамъ, и укрѣпленнаго еще болѣе реформами Петра и освобожденіями Благодушнаго Александра. Разбойникъ, это герой, защитникъ, мститель народный; непримиримый врагъ Государства и всего общественнаго и гражданскаго строя, установленнаго Государствомъ; боецъ на жизнь и на смерть противъ всей чиновно-дворянской и казенно-поповской цивилизаціи.

Кто не понимаетъ разбоя, тотъ ничего не пойметъ

въ русской народной исторіи. Кто не сочувствуетъ ему, тотъ можетъ сочувствовать русской народной жизни, и нѣтъ въ немъ сердца для вѣковыхъ неизмѣримыхъ страданій народныхъ. Тотъ принадлежитъ къ лагерю враговъ-Государственниковъ.

Русскій разбой жестокъ и безпощаденъ, но не менѣе его безпощадна и жестока та правительственная сила, которая своими злодѣйствами вызвала его на свѣтъ. Правительственное звѣрство породило, узаконило и дѣлаетъ необходимымъ звѣрство народное. Но между ними та огромная разница, что первое стремится къ совершенному уничтоженію, второе же къ освобожденію Народа.

Со времени основанія Московскаго Государства, никогда не прерывался русскій разбой. Въ немъ хранится преданіе народныхъ обидъ; въ немъ одномъ доказательство жизненности, страсти и силы Народа. Прекращеніе разбоя въ Россіи означало бы или окончательную смерть Народа, или полнѣйшее освобожденіе его.

Разбойникъ въ Россіи настоящій и единственный революціонеръ—революціонеръ безъ фразъ, безъ книжной риторики, революціонеръ непримиримый, неутомимый, неукротимый на дѣлѣ, революціонеръ народно-общественный, а не сословный... Въ тяжелые промежутки, когда весь крестьянскій рабочій міръ спитъ, кажется, сномъ непробуднымъ, задавленный всею тяжестью Государства, лѣсной разбойничій міръ продолжаетъ свою отчаянную борьбу и борется до тѣхъ поръ, пока русскія села опять не проснутся. А когда оба бунта, разбойничій и крестьянскій сливаются, порождается народная революція. Таковы были движенія Стеньки Разина и Пугачева.

И нынѣ, отъ Петербурга до Москвы, отъ Москвы до Казани, отъ Казани до Тобольска, до Алтайскихъ заводовъ, до Иркутска и до Нерчинска, идетъ непрерывное теченіе подземнаго разбойничьяго потока. Разбойники въ лѣсахъ, въ городахъ, въ деревняхъ, разбросанные по цѣлой Россіи, и разбойники, заключенные въ безчисленныхъ острогахъ имперіи, составляютъ одинъ, нераздѣльный, крѣпко связаный міръ — міръ русской революціи. Въ немъ, и въ немъ только одномъ,

существуетъ издавна настоящая революціонная конспирація.

Кто хочетъ конспирировать не на шутку въ Россіи, кто хочетъ революціи народной, тотъ долженъ идти въ этотъ міръ...

Времена приближаются... Села не спятъ... нѣтъ! волнуются. Со всѣхъ концовъ имперіи слышатся жалобы, стоны, угрозы. На Сѣверѣ, на Востокѣ, въ Остзейскихъ губерніяхъ были уже народныя возстанія. Народная кровь подъ солдатскимъ штыкомъ потекла пуще прежняго. Но переполнилась мѣра терпѣнія народнаго, голодная смерть не легче смерти отъ штыка и отъ пули. Народъ теперь не заснетъ и число частныхъ возстаній будетъ возрастать все больше и больше. Возрастаетъ, видимо, и число ребятъ, бѣгущихъ въ лѣса; разбойничій міръ ободрѣлъ и оживился... Приближаются годовщины Стеньки Разина и Пугачева. Надо же будетъ отпраздновать народныхъ бойцевъ... Всѣ должны будутъ готовиться къ пиру...

Въ чемъ же состоитъ наша Задача?

Слѣдуя по пути указываемому намъ нынѣ правительствомъ, изгоняющимъ насъ изъ академій, университетовъ и школъ, бросимся, братцы, дружно въ Народъ, въ народное движеніе, въ бунтъ разбойничій и крестьянскій, и храня вѣрную, крѣпкую дружбу между собой, сплотимъ всѣ разрозненные мужицкіе взрывы въ народную революцію, осмысленную и безпощадную.

Отношеніе къ народу и школьной наукѣ, какое высказано въ этомъ листкѣ, мы видѣли уже въ брошюрѣ „Романовъ, Пугачевъ или Пестель“. Спеціально на эту тему Бакунинъ писалъ брошюру „Наука и насущное народное дѣло“, которой, по причинѣ ея значительнаго размѣра, мы не можемъ здѣсь воспроизвести. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что часто повторяемая Бакунинымъ мысль о томъ, будто образованнымъ людямъ, или какъ говорятъ въ Россіи (съ легкой руки поляковъ) „интеллигенціи“, не чему учить „народъ“, а надо самимъ учиться у него,—вовсе не составляетъ исключительной принадлежности „отщепенцевъ“ въ

родѣ Бакунина. Эту мысль на разные лады повторяли и повторяютъ и до сихъ поръ московскіе славянофилы, Достоевскій, гр. Л. Н. Толстой, разныхъ оттѣнковъ „народники“ и т. п. Равно и презрительное отношеніе Бакунина къ русскимъ образованнымъ классамъ со временъ Петра, къ русской литературѣ и т. п. почти буквально высказывались напр. Ив. Аксаковымъ.

Изъ брошюры „Наука и насущное революціонное дѣло“ (32 стр. мелкой печати) мы выпишемъ здѣсь слѣдующія характерныя мѣста:

„Въ первомъ №-рѣ „Народнаго Дѣла“, единственномъ, въ которомъ я участвовалъ и который почти исключительно принадлежитъ мнѣ *), я старался опредѣлить отношеніе, какое имѣетъ, въ *настоящее время* наука къ народу. Теперь хочу сказать нѣсколько словъ объ отношеніи той же самой науки къ настоящей революціонной молодежи.

„Въ „Н. Д.“ я старался и кажется успѣлъ доказать, что какъ ни огромно значеніе науки въ послѣреволюціонномъ будущемъ для народа, въ настоящее время, т. е. до той революціи, которая должна поставить его на ноги и дать ему возможность учиться, она рѣшительно для него не имѣетъ ни малѣйшаго смысла, просто для него недоступна; что правительство, слишкомъ хорошо понимающее государственные интересы, живой и освобождающей науки до него не допуститъ; мертвая же или подтасованная наука, имѣющая единственною цѣлью провести въ народъ цѣлую систему ложныхъ представленій и пониманій, была бы для него положительно пагубна, заразила бы его нашимъ оффиціально-общественнымъ ядомъ и, во всякомъ случаѣ, отвлекла бы его хоть на малое время отъ единственнаго нынѣ полезнаго и спасительнаго дѣла—отъ бунта.

„Изъ всего этого я заключалъ, что люди, толкующіе въ настоящей средѣ и при настоящихъ условіяхъ объ образованіи народномъ, или пустые мечтатели и фра-

---

*) Рѣчь идетъ о газетѣ „Н. Д.“ № 1, Сент. 1868 г. Отъ дальнѣйшихъ №№ этой газеты Бакунинъ отрекался и заявлялъ съ ними несогласіе. Тамъ писали, если не ошибаемся. Н. Утинъ, „Николка Цублицистъ“ и др. М. Др.

зеры, или, что еще хуже, всенародные надуватели, эксплуататоры, просто враги“ (стр. 1).

Бакунинъ нѣсколько измѣняетъ здѣсь свои мысли, высказанныя въ „Н. Д.“. Тамъ онъ признавалъ, что „невѣжество народа“ и теперь бѣдствіе для него, что и теперь „наука доступна для народа“. „Несомнѣнно, говорилъ онъ, что правительство вотпротивится всѣми силами устройству достаточныхъ и разумныхъ школъ для народа. Должно ли это насъ останавливать? Нисколько. Будемъ устраивать и помогать устройству школъ, въ крайнемъ случаѣ даже правительственныхъ, гдѣ и сколько будетъ возможно. Но не будемъ себя обманывать и скажемъ себѣ, что при бѣдности нашихъ средствъ и при громадности правительственнаго противодѣйствія, мы путемъ школъ никогда не добьемся до положительныхъ результатовъ.

„Путь освобожденія народа посредствомъ науки для насъ загражденъ; намъ остается по этому только одинъ путь, путь революціи. Пусть освободится сперва нашъ народъ, а когда онъ будетъ свободенъ, онъ самъ захочетъ и съумѣетъ всему научиться. Наше же дѣло приготовить всенародное возстаніе, путемъ пропаганды. (Стр. 23).

„Всякій народъ, взятый въ своей совокупности и всякій чернорабочій человѣкъ изъ народа—соціалистъ по своему положенію. А эта манера тѣхъ соціалистовъ, которые, по выгодной обстановкѣ всей своей жизни, принадлежа къ высшимъ сословіямъ, пришли къ соціалистическимъ убѣжденіямъ только путемъ науки и мысли“ (стр. 13).

„Дайте себѣ трудъ поговорить съ нимъ (чернорабочимъ) серьезно, помогите ему, сколько надо и не больше, какъ надо, формулировать его собственные глубокіе и насущные инстинкты, запросы и требованія, и вы увидите, что онъ серьезнѣе и глубже соціалистъ, чѣмъ вы сами.... Я говорю это положительно, не только въ отношеніи къ работникамъ французскимъ, англійскимъ, германскимъ, но безъ исключенія ко всему европейскому чернаробочему люду, и никакъ не исключая умнаго русскаго мужика, этого прирожденнаго соціалиста.“ (22—23).

Мысль Бакунина, что „народъ, когда будетъ сво-

боденъ, самъ захочетъ и съумѣетъ всему научиться",— въ цензурной русской печати высказывалась въ той формѣ, что надо сначала поднять экономическое положеніе народа, а до тѣхъ поръ напрасны всѣ усилія къ его образованію. По такимъ соображеніямъ въ разныхъ органахъ русскихъ (напр. въ „Дѣлѣ") попытки „либеральныхъ земцевъ" устраивать школы народныя подвергались даже осмѣянію.

Для того, чтобъ понять возможность появленія этихъ ученій,—странныхъ въ устахъ тѣхъ, кто самъ получилъ школьное образованіе,—надо знать, что такое русское *народничество*,—терминъ, непереводимый ни на какой другой языкъ.

Народничество—не только политико-соціальный демократизмъ; это культъ „простого", „чернаго" народа, преимущественно сельскаго. Въ основѣ этого культа лежатъ идеи школы Ж. Ж. Руссо о натуральномъ совершенномъ состояніи чѣловѣка (гр. Л. Н. Толстой иногда почти буквально повторяетъ Руссо), но эти идеи съ начала XIX в. въ Россіи осложнились національною реакціею противъ усвоенія высшими классами западноевропейскихъ формъ жизни и самаго языка (въ Германіи была въ свое время аналогичная реакція противъ французскаго вліянія, хотя не могла быть такъ сильна). Эта національная реакція въ ½ столѣтія усилилась у образованныхъ русскихъ людей соціальнымъ раскаяніемъ передъ крѣпостнымъ правомъ, въ которомъ содержалось сельское населеніе и которымъ и эти образованные люди пользовались. Отсюда явилась не только идея о неоплатномъ долгѣ высшихъ классовъ передъ народомъ, но и о высокихъ добродѣте ляхъ этого народа-кормильца, а дальше, по реакціи презрительному взгляду крѣпостниковъ на „хамово отродіе", предположеніе въ этомъ народѣ и соціальныхъ и политическихъ инстинктовъ самыхъ либеральныхъ. Искусственное построеніе русской исторіи на тотъ ладъ, по которому и въ Зап. Европѣ либерализмъ выводился изъ Таситовой Германіи, довершило эту идеализацію „народа". А тутъ явился западноевропейскій соціализмъ, да еще съ доктриною, что въ общественной жизни самое главное экономика и что классы имѣютъ свой спеціальный

духъ, опредѣляющій характеръ всей цивилизаціи въ періодъ диктатуры извѣстнаго класса,—доктрина, которая у философовъ исторіи школы соціально-демократической смѣнила ученіе о спеціальныхъ духахъ націй и объ ихъ гегемоніяхъ въ исторіи, едва усвоенное русскими *). Такъ, отъ почти совмѣстнаго вліянія западноевропейскихъ и спеціально-русскихъ явленій жизни и ученій и возникло русское народничество съ его благороднѣйшими и съ его страннѣйшими и вреднѣйшими особенностями.

Е.

НАЧАЛА РЕВОЛЮЦІИ.

„Quae medicamenta non sanant, ferrum sanat: Quae ferrum non sanat, ignis sanat".
Hippocrate.

Мы понимаемъ Революцію, какъ переворотъ радикальный, какъ замѣну всѣхъ безъ исключенія формъ современной Европейской жизни другими, новыми, совершенно противуположными. Если всѣ существующія формы дурны, то совершенно новыя могутъ произойти только тогда, когда отъ разрушенія не уцѣлѣетъ ни одна изъ нихъ; т. е., совершенно новыя формы жизни могутъ произойти только изъ совершенной аморфности. Въ противномъ случаѣ, т. е. если убережется нѣсколько, даже хотя одна старая форма—значитъ уцѣлѣетъ зародышъ прежнихъ формъ и возможность ему въ будущемъ пышно разростись,—значитъ измѣненіе будетъ только кажущееся и временное, а жертвы и кровь, цѣной которыхъ куплено измѣненіе, будутъ потрачены даромъ. Такія кажущіяся измѣненія производились подлой знатью до сихъ поръ во всѣхъ странахъ. Государственники, закрываясь тѣмъ или другимъ мишурно-

*) По справедливому признанію г. Вл. Дебагорія Мокріевича (Воспоминанія, I, 14) все то, что русскіе народники читали у нѣмецкихъ соціалистовъ объ ихъ „четвертомъ классѣ", переносилось на крестьянство русское.

либеральнымъ костюмомъ, водили опьяненныя рѣчами толпы на кровавый бой и потомъ, послѣ побѣды, среди труповъ, павшихъ за мнимую свободу, устраивая новыя висѣлицы и эшафоты, на которыхъ казнили уцѣлѣвшихъ братьевъ революціонеровъ и возстановляли такимъ образомъ снова прежнія гнетущія условія. Честолюбцы пользовались всегда народнымъ недовольствомъ и озлобленіемъ для удовлетворенія честолюбія. Революціонеры и демократы въ началѣ, они становились деспотами въ концѣ; брошенный народъ, лишенный организаціи, уступалъ сплоченной массѣ войскъ. Такимъ образомъ настоящей революціи не было еще у народовъ, (у одного народа ея и быть не можетъ, она можетъ начаться только въ одной странѣ, но приведена къ концу должна быть всѣми вмѣстѣ). Для настоящей революціи нужны личности, не во главѣ толпы стоящія и ею повелѣвающія, а скрытыя незамѣтно въ самой толпѣ, и незамѣтно связывающія посредствомъ себя одну толпу съ другой, дающія также незамѣтно одно и то же направленіе, одинъ духъ и характеръ движенію. Такой только смыслъ имѣетъ веденіе тайной подготовительной организаціи и, настолько она необходима. Дѣятели настоящей народной революціи, какъ только выработаетъ ихъ жизнь, заявляютъ о себѣ фактически, сплочиваются и организуются во время самаго дѣла. Долгая подпольная работа, разъединенная съ фактической дѣятельностью, нерѣдко наполняла ряды людьми несостоятельными, поддававшимися обстоятельствамъ при первомъ напорѣ. Чѣмъ ближе ко времени истинно народнаго движенія, тѣмъ рѣже встрѣчается раздвоеніе мысли и дѣла. Глубже проникнутые революціонной идеей, поколѣнія, предшествующія перевороту, заключаютъ въ средѣ своей личностей, не могущихъ удерживать страсти разрушенія до наступленія всеобщей борьбы, быстро отыскивающихъ враговъ и не задумывающихся надъ ихъ уничтоженіемъ. Сперва, какъ бы исключительныя событія, называемыя современниками поступками фанатизма или изступленія, они должны чаще и чаще повторяться въ разныхъ формахъ, перейти потомъ какъ бы въ повальную страсть молодежи, и наконецъ, во всеобщее возстаніе.

Это естественный путь... Истребленія высоко поставленныхъ лицъ, въ которыхъ воплощаются правительственныя формы или формы экономическаго разложенія, должны начаться съ единичныхъ дѣяній. Далѣе эта работа будетъ облегчаться, по мѣрѣ того, какъ будетъ увеличиваться паника того слоя общества, что обреченъ на погибель. Дѣла, иниціативу которыхъ положилъ Каракозовъ, Березовскій и пр., должны перейти, постоянно учащаясь и увеличиваясь, въ дѣяніе коллективныхъ массъ, въ родѣ дѣяній товарищей Шиллерова Карла Моора, съ исключеніемъ того только идеализма, который мѣшалъ дѣйствовать, какъ слѣдуетъ, и съ замѣной его суровой, холодной, безпощадной послѣдовательностью. Всѣ таковыя коллективныя дѣянія молодежи быстро должны принимать все болѣе и болѣе народный характеръ отъ прилива озлобленныхъ, ничего не щадящихъ народныхъ силъ.

Понятіе революціи заключаетъ въ себѣ, относительно времени, два совершенно различные факта: *начало*, время разрушенія существующихъ общественныхъ формъ, доведеніе ихъ до аморфности, и *конецъ*, созиданіе, т. е. образованіе совершенно новыхъ формъ изъ этого аморфизма. Слѣдуя одной изъ тѣхъ дряхлыхъ классическихъ истинъ, что начало есть абсолютно не конецъ, хотя незамѣтно переходитъ въ него, — разрушеніе абсолютно не есть созиданіе и съ нимъ не совмѣстимо. Диллетанты или филистеры науки, сытые мурдствователи добраго стараго времени, въ борьбѣ съ идеалами всеобщей революціи, писали длинныя разсужденія на одну и ту же темы: „Нельзя разрушать, не имѣя строго выработаннаго плана постройки“. Они, какъ бы забывали, что всѣ тѣ благородныя, святыя личности, задавшіяся идеями о новой жизни, что думали воспроизвести мирнымъ путемъ въ существующемъ лучшія формы, въ видѣ опыта, были во всѣхъ странахъ преслѣдуемы, гонимы, подвергались страданіямъ и мукамъ. И, что послѣ милліоновъ жертвъ, мы дошли до убѣжденія въ томъ, что только насильственный переворотъ, борьба на жизнь и на смерть между наслаждающимися и угнетенными, обновитъ искаженный міръ... Наше первое дѣло борьба холод-

ная, ожесточенная; наша цѣль — полное разрушеніе всѣхъ стѣсняющихъ узъ. Не говоря о лжецахъ по профессіи, подлыхъ трусахъ, служителяхъ деспотизма, нанятыхъ отстаивать въ литературѣ и наукѣ существующій строй, мы знаемъ людей чистосердечно измышляющихъ планы лучшей общественной жизни. Они знаютъ хорошо, что ни на одно измѣненіе, противное правительству, не можетъ быть испрошено соизволеніе правительства, знаютъ, что выгоды правительства радикально расходятся съ выгодами народа: понимаютъ, знаютъ, что нужно все взять силой и... все таки измышляютъ, измышляютъ, чортъ знаетъ для кого и на что; такъ какъ матеріалъ для измышленій берется изъ существующихъ гадкихъ условій, то все выходитъ одно и то же — та же гадость. Цѣлые десятки, сотни лѣтъ эти глупые люди набивали себѣ брюхо народнымъ добромъ и все измышляли чепуху; писали цѣлые томы, изъ томовъ составлялись библіотеки, это перечитывалось молодежью и снова переходило на бумагу. Такъ дошла до настоящаго времени куча разныхъ правъ *человѣка-раба*, сборъ философскихъ системъ человѣка суевѣра, системъ одна другую породившихъ и одна другую пожравшихъ, и пр. и пр. и все это зовется наукой... Гадко... Итальянскіе мужики начали настоящую революцію; они жгутъ всѣ бумаги — если овладѣютъ городомъ! Таковое истребленіе должно быть вездѣ. Мы говоримъ: полное разрушеніе несовмѣстимо съ созиданіемъ, и потому должно быть исключительно абсолютно едино. Данное поколѣніе должно *начать* настоящую революцію, *начать* полное измѣненіе всѣхъ условій общественной жизни, т. е. данное поколѣніе должно разрушить все существующее сплеча, безъ разбора, съ единымъ соображеніемъ „*скорѣй и больше*“. И такъ какъ данное поколѣніе само подвергалось вліянію тѣхъ отвратительныхъ условій жизни, противъ которыхъ возстаетъ, то этому поколѣнію не можетъ принадлежать дѣло созиданія, дѣло тѣхъ чистыхъ силъ, которыя выработаются въ дни обновленія. Мы говоримъ: мерзости современной цивилизаціи, въ которой мы выросли, лишили насъ способности устраивать зданіе Рая будущей жизни, о которой мы можемъ имѣть только туманное

представленіе по понятію противуположности гадостямъ существующаго!... Для людей начавшагося практическаго дѣла революціи мы считаемъ всякія разсужденія объ этомъ туманномъ будущемъ *преступными* потому, что они мѣшаютъ чистому разрушенію, задерживаютъ ходъ начала революціи, а слѣдовательно отдаляютъ ея конецъ. Во время дѣла практическаго —это безплодное растлѣніе ума, онанизмъ мысли. И такъ, по закону необходимости и строгой послѣдовательности, мы должны отдаться безраздѣльно разрушенію, постоянному, безостановочному, неослабному, идущему крещендо до тѣхъ поръ, пока не останется ничего изъ существующихъ общественныхъ формъ для разрушенія. Не конспираціа наша задача, а борьба фактическая съ перваго шага. Все что можно назвать годнымъ для дѣла *обновленія* Руской Земли, выростаетъ изъ этой борьбы. Будетъ рости борьба, будутъ рости и наши силы!... Отсюда ненависть къ покою, въ комъ бы и въ чемъ бы онъ ни проявлялся!... Мы должны нарушать этотъ тлетворный общественный сонъ, эту монотонность, эту апатію всѣми средствами!... Мы вѣримъ только тому, кто фактически заявляетъ о своей преданности дѣлу революціи, не боясь ни пытокъ, ни заключеній, потому мы отрицаемъ всѣ тѣ слова, за которыми немедленно не слѣдуетъ дѣло. Безцѣльная пропаганда, не задавшаяся опредѣленно временемъ и мѣстомъ для осуществленія цѣлей революціи намъ болѣе не нужна!.... Мало того, она мѣшаетъ намъ, и мы будемъ всѣми силами ей противодѣйствовать!... Мы хотимъ, чтобъ теперь говорили только *дѣло*, чтобъ умъ не путался въ словахъ празднословія; чтобъ тонъ полемики, журнальнаго задора не растлѣвалъ характеры, не порождалъ новыхъ говоруновъ, и не отвлекалъ на пустяки вниманія, которому необходимо теперь сосредоточиваться на важномъ дѣлѣ. Всѣхъ говоруновъ, кто не захочетъ понять этого, мы заставимъ замолчать силой!.... Мы разрываемъ связь со всѣми политическими эмигрантами, которые не захотятъ вернуться на родину, чтобъ стать въ наши ряды, а пока эти ряды еще не видны,—со всѣми, которые не будутъ содѣйствовать ихъ открытому выступленію на сцену Русской жизни. (Исключенія для тѣхъ эмигрантовъ, которые уже за-

явили о себѣ, какъ о работникахъ Европейской революціи). Мы обращаемся теперь въ первый и послѣдній разъ ко всѣмъ оппозиціоннымъ элементамъ Русской жизни и призываемъ ихъ къ *дѣлу* практическому тотъ часъ же. Пусть заявляютъ о себѣ въ борьбѣ всѣмъ своимъ людямъ и пусть во имя дѣла тѣсно смыкаются съ нами во время дѣла. Далѣе повтореній и воззваній отъ насъ не будетъ. Имѣющій очи и уши увидитъ и услышитъ дѣятелей, и если не примкнетъ къ нимъ, не наша вина въ его гибели, какъ не наша вина, если все, что будетъ прятаться за кулисами, изъ трусости или изъ подлости, будетъ раздроблено равнодушно, безъ сожалѣнія вмѣстѣ съ этими кулисами. Не признавая другой какой либо дѣятельности, кромѣ дѣла истребленія, мы соглашаемся, что формы, въ которыхъ должна проявляться эта дѣятельность, могутъ быть чрезвычайно разнообразны. Ядъ, ножъ, петля и т. п.!... Революція все равно освящаетъ въ этой борьбѣ. И такъ, поле открыто!... Жертвы указываются нескрываемымъ народнымъ негодованіемъ! Пусть же всѣ честныя, свѣжія головы воспрянутъ для обновленія жизни послѣ столѣтнихъ растлѣній. Пусть омрачатся послѣдніе дни общественныхъ піявицъ! Вопли страха и раскаянія раздадутся въ обществѣ, тряпичные литераторы будутъ испускать лирическіе стоны. Обращать ли на это вниманіе!?... Нѣтъ!... Мы должны оставаться глубоко равнодушными ко всѣмъ этимъ завываніямъ и не входить ни въ какіе компромисы съ обреченными на гибель. Это назовутъ терроризмомъ!... Этому дадутъ громкую кличку! Пусть, намъ все равно. Мнѣніемъ ихъ мы не дорожимъ. Мы знаемъ, что въ цѣлой Европѣ не живетъ спокойной гражданской жизнью ни одинъ честный человѣкъ, и ни одинъ честный человѣкъ не можетъ, не кривя передъ справедливостью, кинуть намъ упрекъ. Отъ литературы современной, которая вся состоитъ изъ доносовъ да лести, отъ литературы продающей себя, мы не должны ждать ничего, кромѣ гадости и сплетень. Интересы современной, реальной науки есть интересы царя и капитала, которымъ она исключительно служитъ, исключительно потому, что до сихъ поръ ни изъ одного открытія не сдѣлано прямого при-

ложенія къ народной жизни; всѣ открытія или эксплуатированы барствомъ, диллетантами, торгашами, или принаравливаются на увеличеніе военныхъ силъ. Вся изобрѣтательность учащихся направлена въ сторону не народную, и потому интересы этой реальной науки не есть наши интересы. О наукѣ соціальной нужно ли говорить! Кто не знаетъ десятковъ дорогихъ именъ, усланныхъ въ Сибирь, или на поселеніе за то, что думали честнымъ словомъ горячаго убѣжденія возстановить права людей. Ихъ пылкія, исполненныя вѣры и любви рѣчи прекращались грубой силой... Данное поколѣніе должно само образовать ничего не щадящую грубую силу и идти безостановочно по дорогѣ разрушенія. Здоровый, не испорченный мозгъ молодежи долженъ понять, что гораздо человѣчнѣе рѣзать и душить десятки, много сотни, ненавистныхъ людей, чѣмъ участвовать съ этими людьми въ систематическихъ *законныхъ* убійствахъ, мученіяхъ и терзаніяхъ милліоновъ мужиковъ, какъ участвуютъ болѣе или менѣе непосредственно наши чиновники, наши ученые, наши попы, наши купцы, словомъ всѣ сословные, гнетущіе всѣхъ безсословныхъ!.. Пусть же всѣ здоровыя молодыя головы принимаются немедленно за *святое дѣло* истребленія зла, очищенія и просвѣщенія Русской Земли огнемъ и мечомъ, братски соединяясь съ тѣми, которые будутъ дѣлать тоже въ цѣлой Европѣ.

F.

КЪ ОФИЦЕРАМЪ РУССКОЙ АРМІИ.

Напечатана за подписью Бакунина; упоминается въ его письмахъ и въ объявленіяхъ въ „Колоколѣ“ 1870 г., котораго три номера издали Бакунинъ и Нечаевъ, и на оберткѣ брошюры „Всемірный союзъ рабочихъ“. — Мы не имѣемъ оригинала этой прокламаціи и должны переводить ее съ французскаго перевода напечатаннаго въ книжкѣ „Alliance de la démocratie socialiste“ и пр. 96—101.

Часъ послѣдней борьбы между Романовыми-Гольштейнъ-Готторнами и русскимъ народомъ приближается, борьбы между татарско-нѣмецкимъ игомъ и широкой славянской свободой. Весна у нашего порога и въ первые весенніе дни начнется бой... революціонная сила готова и ея торжество вѣрно, въ виду глубокаго и общаго недовольства массъ, которое царитъ въ эту минуту во всей Россіи. Существуетъ организація, чтобы направлять эту угрожающую революцію, потому что „тайная организація—это какъ бы главный штабъ арміи, армія же эта — весь народъ".

Въ моемъ воззваніи къ молодымъ русскимъ братьямъ я говорилъ, что Стенька Разинъ, который станетъ во главѣ народныхъ массъ во время столь очевидно близкаго разрушенія русской имперіи, будетъ не индивидуальнымъ героемъ, а коллективнымъ Стенькой Разинымъ. Всякій человѣкъ, если онъ не дуракъ, легко пойметъ, что я говорилъ о тайной организаціи, существующей и дѣйствующей уже въ настоящую минуту, сильной своей дисциплиной, преданностью и самоотверженіемъ своихъ членовъ, и своимъ пассивнымъ повиновеніемъ всѣмъ распоряженіямъ *единственнаго Комитета*, который все знаетъ и котораго никто не знаетъ.

Члены этого комитета проникнись совершеннымъ самоотверженіемъ: вотъ что даетъ имъ право требовать отъ всѣхъ членовъ организаціи абсолютнаго самоотреченія. Они до такой степени отреклись отъ всего, составляющаго предметъ страстныхъ желаній тщеславныхъ, честолюбивыхъ и властолюбивыхъ людей, что отказались разъ на всегда отъ частной собственности, власти, отъ публичнаго или оффиціальнаго могущества, и вообще отъ всякой извѣстности въ обществѣ, они осудили себя на вѣчную неизвѣстность, предоставляя другимъ славу, внѣшній блескъ и гласность дѣла, оставляя для себя, всегда въ собирательномъ смыслѣ, только самую сущность дѣла,

Какъ Іезуиты,—но не съ цѣлью порабощенія, а съ цѣлью освобожденія народа,—каждый изъ нихъ отрекся даже отъ собственной воли. Въ Комитетѣ, какъ и во всякой организаціи, не личность мыслитъ, желаетъ и

дѣйствуетъ, а собраніе (collectivité). Такое отреченіе отъ своей жизни, отъ собственной мысли и воли многимъ покажется невозможнымъ, даже возмутительнымъ. Его дѣйствительно трудно осуществить, но оно необходимо. Это покажется труднымъ только новичкамъ, едва поступившимъ въ организацію, людямъ, еще не потерявшимъ привычки къ болтливому и тщеславному самохвальству, людямъ, играющимъ въ честь, въ личное достоинство и право, вообще тѣмъ, которые отклоняются въ сторону ради жалкихъ призраковъ предполагаемой гуманности, за которою оказывается въ русскомъ обществѣ раболѣпіе передъ самой низкой и отвратительной дѣйствительностью. Это отреченіе покажется труднымъ только тѣмъ, которые ищутъ въ великомъ дѣлѣ удовлетворенія своего самолюбія, предлога для фразъ, и которые любятъ дѣло не ради его самаго, а ради драматической выставки ихъ собственной особы.

Каждый новый членъ свободно вступаетъ въ нашу организацію, зная напередъ, что разъ онъ принялъ въ ней участіе, то онъ принадлежитъ всецѣло ей, а не себѣ. *Вступленіе въ организацію свободно, но выходъ изъ нея невозможенъ*, потому что всякій членъ, вышедшій въ отставку, безъ сомнѣнія поставилъ бы въ опасность самое существованіе организаціи, которое не должно зависѣть отъ легкомыслія, каприза, отъ большей или меньшей скромности, отъ честности и силы одной или нѣсколькихъ личностей... Слѣдовательно, кто хочетъ участвовать въ ней, тотъ долженъ знать заранѣе, что онъ весь отдается ей, со всѣми силами, средствами, знаніями и жизнью, а *это безповоротно*... Это изложено яснымъ и точнымъ образомъ въ ея программѣ, которая опубликована и которая обязательна для всѣхъ членовъ комитета и для всѣхъ непринадлежащихъ къ комитету... Если членъ истинно вдохновенъ страстью (революціонной), то все, что бы ни потребовала отъ него организація, покажется ему легко. Извѣстно, что для страсти нѣтъ трудностей; она не признаетъ невозможнаго, и чѣмъ больше препятствія, тѣмъ сильнѣе напряженіе воли, силы и умѣнья человѣка, возбужденнаго страстью. Личныя страстишки не найдутъ даже

себѣ мѣста въ человѣкѣ, одержимомъ этою страстью, ему даже не нужно жертвовать ими, потому что ихъ нѣтъ въ немъ. Серьезный членъ ассоціаціи заглушилъ въ себѣ всякое чувство любопытства, и неумолимо преслѣдуетъ этотъ недостатокъ въ другихъ. Хотя онъ признаетъ себя достойнымъ всякаго довѣрія и именно потому, что онъ его достоинъ, т. е. потому, что онъ человѣкъ серьезный, онъ не старается и даже не желаетъ знать болѣе, чѣмъ ему слѣдуетъ для того, и чтобы исполнять возможно лучше ввѣренную ему задачу. Онъ говоритъ о дѣлахъ только съ указанными ему людьми, и говоритъ только вещи, предписанныя полученными приказаніями, и вообще, точно и безусловно придерживается приказаній и распоряженій исходящихъ *свыше*, никогда не спрашивая и не желая развѣдать о томъ, въ какой степени организаціи онъ находится, желая конечно, чтобы ему было довѣрено какъ можно больше работы, но, тѣмъ не менѣе, ожидая терпѣливо той минуты, когда ему довѣрятъ ее.

Такая строгая и абсолютная дисциплина можетъ удивить и даже оттолкнуть новичка; но она не удивитъ и не оскорбитъ серьезнаго члена, человѣка дѣйствительно сильнаго и разсудительнаго; напротивъ, она будетъ пріятна ему, какъ гарантія его безопасности, если только онъ будетъ находиться подъ вліяніемъ этой захватывающей страсти видѣть торжество народа, о которомъ я говорилъ выше. Серьезный членъ пойметъ, что такая дисциплина есть необходимый залогъ относительной безличности каждаго члена, которая есть условіе *sine qua non* общаго торжества; что только эта дисциплина способна устроить дѣйствительную организацію и создать коллективную революціонную силу, которая, опираясь на стихійное могущество народа, будетъ въ состояніи побѣдить грозную силу государственной организаціи.

Быть можетъ меня спросятъ: какъ можно подчиниться *диктаторскому* управленію никому неизвѣстнаго комитета? Но Комитетъ вамъ извѣстенъ: вопервыхъ изъ своей программы, редактированной такъ ясно и точно, и излагаемой съ еще большими подробностями всякому члену, вступающему въ организацію. Кромѣ

того за него ручается и то слѣпое довѣріе, которое имѣютъ къ нему люди, знакомые вамъ и уважаемые; то довѣріе, которое заставляетъ васъ отдать предпочтеніе этой организаціи передъ всѣми другими. Онъ извѣстенъ въ большой полнотѣ дѣйствующимъ членамъ организаціи своей неутомимой, рѣшительной дѣятельностью, распространяющейся повсюду и всегда согласной съ программой и цѣлью организаціи. И всѣ охотно подчиняются его *авторитету*, убѣждаясь все болѣе и болѣе, на самой практикѣ, съ одной стороны, въ его предусмотрительности истинно удивительной, въ его бдительности, въ его благоразумной энергіи и въ умѣньи сообразовать свои распоряженія съ желанной цѣлью, и, съ другой стороны, въ необходимости и спасительномъ дѣйствіи такой дисциплины.

Меня могутъ спросить: если составъ комитета такая непроницаемая тайна для всѣхъ, то какъ же вы могли получить свѣдѣнія о немъ и убѣдиться въ его дѣйствительномъ достоинствѣ?—Я отвѣчу откровенно на этотъ вопросъ. Я не знаю ни одного изъ членовъ этого комитета, ни ихъ числа, ни мѣстопребыванія. Я знаю одно, что онъ не за границей, а въ самой Россіи, какъ и слѣдуетъ быть; потому что революціонный комитетъ, засѣдающій за границей, есть абсурдъ, мысль о которомъ можетъ возникнуть только въ головѣ тѣхъ безсмысленныхъ и глупо честолюбивыхъ фразеровъ, принадлежащихъ къ эмиграціи, которые скрываютъ свое тщеславное и злокозненное бездѣлье подъ громкимъ названіемъ „Народнаго Дѣла“ *).

Послѣ дворянскаго заговора Декабристовъ (1825), первая серьезная попытка организаціи была сдѣлана Лихутинымъ и его товарищами. Теперешняя организація есть первая организація революціонныхъ силъ всей Россіи, дѣйствительно удачная. Она воспользовалась всей подготовкой, всѣми опытами; никакая реакція не заставитъ ее распасться; она переживетъ всѣ правительства и не перестанетъ дѣйствовать, пока вся ея

---

*) Намекъ на газету, которая выходила въ Женевѣ уже безъ Бакунина, но при участіи Н. Утина. М. Др.

программа не перейдетъ въ повседневную жизнь Русскихъ и всего міра.

Почти годъ тому назадъ Комитетъ, считая нужнымъ дать мнѣ знать о своемъ существованіи, послалъ мнѣ свою программу вмѣстѣ съ изложеніемъ общаго плана революціонной дѣятельности въ Россіи. Будучи совершенно согласенъ съ первой и со вторымъ и убѣдившись въ серьезности предпріятія и людей, взявшихъ на себя иниціативу, я сдѣлалъ то, что, по моему мнѣнію, долженъ былъ сдѣлать всякій честный эмигрантъ: я подчинился безусловно власти Комитета, единственнаго представителя и руководителя революціи въ Россіи. Обращаясь теперь къ вамъ, я только повинуюсь приказаніямъ Комитета. Болѣе этого я не могу вамъ сказать. Прибавлю еще слово къ этому. Планъ организаціи мнѣ достаточно извѣстенъ для того, чтобы быть убѣжденнымъ, что никакая сила не способна разрушить ее. Даже если бы народная партія потерпѣла новое пораженіе въ ближайшей борьбѣ, — чего никто изъ насъ не боится, мы всѣ вѣримъ въ близкую побѣду народа — но даже если бы наша надежда разбилась среди самыхъ ужасныхъ респрессалій, среди самой дикой реакціи, организація все же останется жива и здорова...

Основаніе программы самое широкое, самое гуманное: полная свобода и полное равенство всѣхъ человѣческихъ существъ, основанное на общей собственности и общемъ трудѣ, одинаково обязательномъ для всѣхъ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, которые предпочтутъ умереть съ голоду, не работая.

Такова настоящая программа рабочаго міра всѣхъ странъ, и эта программа отвѣчаетъ требованіямъ и вѣковымъ инстинктамъ нашего народа... Предлагая эту программу простонародью, члены нашей организаціи были не разъ очень удивлены, видя, какъ оно быстро и широко понимаетъ ее, и съ какимъ жаромъ ее принимаетъ. Итакъ программа готова, она неизмѣнна. Кто за эту программу, тотъ пойдетъ за нами. Кто противъ насъ, тотъ другъ противниковъ народа, царскій жандармъ, царскій палачъ, нашъ врагъ...

Я вамъ говорилъ, что наша организація крѣпко

устроена, а теперь прибавлю, что она такъ сильно укоренилась въ народѣ, что если бы мы даже потерпѣли неудачу, то реакція была бы безсильна уничтожить ее...

Рабская печать, повинуясь приказаніямъ Ш-го отдѣленія, старается увѣрить публику, что правительству удалось захватить заговоръ у самого корня *). Оно ровно ничего не захватило. Комитетъ и организація неприкосновенны и такими будутъ всегда; правительство скоро убѣдится въ этомъ, потому что народный взрывъ близокъ. Онъ такъ близко, что каждый долженъ теперь рѣшить, хочетъ ли онъ быть нашимъ другомъ, другомъ народа, или же нашимъ и народнымъ врагомъ. Наши ряды открыты всѣмъ друзьямъ, къ какому бы мѣсту или положенію они ни принадлежали. Но какъ насъ найти, спросите вы? Организація, *окружающая васъ со всѣхъ сторонъ*, считающая между вами *многочисленныхъ* приверженцевъ, найдетъ сама того, кто ее ищетъ съ искреннимъ желаніемъ и сильной волей служить народному дѣлу. Кто не за насъ, тотъ противъ насъ. Выбирайте.

М. Бакунинъ.

Въ брошюрѣ Н. Утина приведенъ еще отрывокъ изъ „Призыва къ русскому дворянству“, листка, который распространялъ Нечаевъ, какъ сочиненіе Бакунина. Вотъ этотъ отрывокъ:

Какія привиллегіи получили мы за то, что въ продолженіи цѣлой половины 19-го столѣтія были поддержкой трона, столько разъ поколебленнаго до самаго основанія, за то, что въ 1848 году, среди бури народнаго безумія, разнузданнаго въ Европѣ, мы спасли, нашими подвигами, Русскую Имперію отъ соціалистическихъ утопій, которыя грозили завладѣть ею?.. Что даровано намъ за то, что мы предохранили Имперію отъ раздробленія, угасили въ Польшѣ пламя пожара, которое угрожало зажечь всю Россію; за то, что мы

*) Говорится о товарищахъ Нечаева, арестованныхъ въ Декабрѣ 1869 г., послѣ убійства Иванова. М. Др.

работали до сихъ поръ, не щадя нашихъ силъ, съ безпримѣрнымъ мужествомъ, надъ уничтоженіемъ революціонныхъ элементовъ въ Россіи?—Не изъ нашей ли среды вышелъ Михаилъ Муравьевъ, этотъ доблестный мужъ, котораго самъ Александръ II, несмотря на свое слабоуміе, называлъ спасителемъ отечества?— Что мы имѣемъ за это? За всѣ эти неоцѣненныя услуги у насъ грабятъ все, чѣмъ мы владѣемъ... Это наше воззваніе есть манифестація *громаднаго большинства русскаго дворянства*, которое уже давно *готово и организовано*... Мы чувствуемъ нашу силу въ нашемъ правѣ и дерзко бросаемъ перчатку въ лицо деспоту, нѣмецкому князьку Александру II Салтыкову-Романову, и вызываемъ его на благородный рыцарскій бой, *который долженъ начаться въ 1870 году*, между потомками Рюрика и партіею русскаго независимаго дворянства.

Вопросъ объ авторѣ этой прокламаціи, распространеніе которой со стороны Бакунина и Нечаева было бы признакомъ намѣренія сѣять не революцію, а смуту, долженъ быть еще изслѣдованъ.

X.

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ КАТЕХИЗИСЪ НЕЧАЕВА.

Въ процессѣ „Нечаевцевъ“ была представлена маленькая шифрованная книжка, которую Нечаевъ тщательно сохранялъ и выдавалъ за признакъ спеціальнаго эмиссара Интернаціонала. Называлъ онъ ее *„Революціоннымъ Катехизисомъ“*. Юристы процесса и Н. Утинъ считаютъ этотъ катехизисъ за сочиненіе Бакунина, который не отрицалъ этого мнѣнія. Вопросъ требуетъ провѣрки,—но въ катехизисѣ во всякомъ случаѣ много сходнаго съ писаніями Бакунина.

Общія правила организаціи.

§ 1. Строй организаціи основывается на довѣріи къ личности.

§ 2. Организаторъ (уже членъ) изъ среды своихъ знакомыхъ намѣчаетъ 5—6 лицъ, съ которыми переговоривъ однолично и заручившись согласіемъ каждаго, собираетъ ихъ вмѣстѣ и закладываетъ основаніе замкнутаго кружка.

§ 3. Механизмъ организаціи скрытъ отъ всякаго празднаго глаза, а потому вся сумма связей и весь ходъ дѣятельности кружка есть секретъ для всѣхъ, исключая его членовъ и центральнаго кружка, куда организаторъ представляетъ полный отчетъ въ опредѣленные сроки.

§ 4. По извѣстному плану, основанному на знаніи мѣстности, или сословія, или среды, въ которой ведется подготовительная работа, труды спеціализируются членами.

§ 5. Членъ организаціи немедленно составляетъ, въ свою очередь, каждый около себя, кружокъ 2-й степени, къ которому прежде основанный становится въ значеніе центральнаго, куда всѣ члены организаціи (по отношенію къ кружкамъ 2-й степени организаторъ(овъ)ы) вносятъ всю сумму свѣдѣній отъ своихъ кружковъ для доставленія далѣе.

§ 6. Правило не дѣйствовать непосредственно на всѣхъ тѣхъ, на которыхъ можно дѣйствовать съ неменьшимъ результатомъ посредственно, т. е. черезъ другихъ, должно быть выполняемо съ строгою аккуратностью.

§ 7. Общій принципъ организаціи — не убѣждать, т. е. не вырабатывать, а сплачивать тѣ силы, которыя есть уже на лицо, исключать всякія пренія, не имѣющія отношенія къ цѣли.

§ 8. Устраняются всякіе вопросы отъ членовъ къ организатору, неимѣющіе цѣлью дѣло кружковъ подчиненныхъ.

§ 9. Полная откровенность отъ членовъ къ организатору лежитъ въ основѣ успѣшнаго хода дѣла.

§ 10. По образованіи кружковъ второго разряда, прежде организованные становятся относительно ихъ центрами, получаютъ уставъ общества и опредѣленную программу дѣятельности въ той средѣ, гдѣ находятся. Великорусскій отдѣлъ—Москва.

Общія правила сѣти для отдѣленій.

1. Задача отдѣленій состоитъ въ достиженіи самостоятельности и независимости въ дѣлѣ организаціи и ихъ употребленія съ вящшею гарантіею безопасности общаго дѣла.

2. Начало такого отдѣленія кладутъ двое или трое лицъ, уполномоченныхъ отъ сѣти съ одобренія комитета. Они группируютъ тѣхъ лишь изъ кружковъ, на основаніи общихъ правилъ организаціи, которые, по усмотрѣнію комитета, окажутся удовлетворяющими требованіямъ. Черезъ организаторовъ поддерживается связь съ сѣтью.

3. Личности, избранныя изъ кружковъ и входящія въ составъ отдѣленія, на первомъ же собраніи даютъ обязательство: а) дѣйствовать неразрывно, коллективно, вполнѣ подчиняясь общему голосу, и оставить отдѣленіе только для вступленія въ ряды еще болѣе интимные, по указанію комитета; б) вмѣстѣ съ тѣмъ, они обязуются во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ внѣшнему міру имѣть въ виду только пользу общества.

4. Вступленіе въ отдѣленіе дѣлается постояно по одиночкѣ. Когда количество дойдетъ до 6-ти, тогда отдѣленіе раздѣляется на группы, по указанію комитета.

5. Избирается сообща лицо, завѣдывающее письмоводствомъ, составленіемъ отчетовъ, пріемкой и отправленіемъ членовъ комитета и другихъ довѣренныхъ лицъ, имѣющихъ отношенія ко всему отдѣленію. Это же лицо хранитъ бумаги, вещи и имѣетъ адресы.

9. Другіе члены берутъ на себя обязанность вести подготовительную работу въ томъ или другомъ сословіи или средѣ и избираютъ себѣ помощниковъ изъ лицъ организованныхъ по общимъ правиламъ.

7. Все количество лицъ, организованныхъ по об-

щимъ правиламъ, разсматривается и употребляется какъ средство или орудіе для выполненія предпріятій и для достиженія цѣли общества. Потому во всякомъ дѣлѣ, приводимомъ отдѣленіемъ въ исполненіе, существенный планъ этого дѣла, или предпріятія, долженъ быть извѣстенъ только отдѣленію; приводящія же его въ исполненіе личности отнюдь не должны знать сущность, а только тѣ подробности, тѣ части дѣла, которыя выполнить пало на ихъ долю. Для возбужденія же энергіи необходимо объяснять сущность дѣла въ превратномъ видѣ.

8. О планѣ предпріятія, задуманнаго членами, дается знать комитету, и только по соглашенію онаго приступается къ выполненію.

9. Планъ, предложенный со стороны комитета, выполняется немедленно. Для того, чтобы со стороны комитета не было требованій, превышающихъ силы отдѣленія, установляется самая строгая и аккуратная отчетность о состояніи отдѣленія, чрезъ посредство тѣхъ звеньевъ, которыми оно связывается съ комитетомъ.

10. Отдѣленіе посылаетъ членовъ для ревизіи подчиненныхъ кружковъ и отправляетъ въ свѣжія мѣста для заложенія новыхъ организацій.

11. Вопросъ о средствахъ денежныхъ стоитъ на первомъ планѣ: 1-ое—прямой сборъ съ членовъ, лицъ сочувствующихъ—на бланкѣ комитета, съ выставленіемъ прописью количества жертвуемыхъ денегъ; 2-ое — косвенный сборъ, подъ благовидными предлогами, отъ лицъ всѣхъ сословій, хотя бы и не сочувствующихъ; 3-е — устройство концертовъ, вечеровъ, подъ разными номинальными цѣлями; 4-ое—разнообразныя предпріятія относительно частныхъ лицъ; всѣ другія, болѣе грандіозныя средства исключаются изъ дѣятельности отдѣленія, какъ превышающія его силу, и только по указанію комитета отдѣленіе должно содѣйствовать выполненію такого плана; 5-ое — изъ всей суммы приходовъ одна треть доставляется комитету.

12. Въ числѣ необходимыхъ условій для начала дѣятельности отдѣленія есть: 1-ое—образованіе притоновъ; 2-ое—допущеніе своихъ ловкихъ и практичныхъ людей въ среду разнощиковъ, булочниковъ и пр.; 3-е—

знакомство съ городскими сплетниками, публичными женщинами и другія частныя собиранія и распространія слуховъ; 4-ое—знакомство съ полиціей и съ міромъ старыхъ приказныхъ; 5-ое—заведеніе сношеній съ такъ называемой преступной частью общества; 6-ое—вліяніе на высокопоставленныхъ лицъ чрезъ ихъ женщинъ; 7-ое—поддержаніе агитаціи всевозможными средствами.

Сей экземпляръ не долженъ распространяться, а храниться въ отдѣленіи.

(„Голосъ“, отъ 10 (21) Іюля 1871 г. № 189).

Правила, которыми должны руководствоваться революціонеры.

Отношеніе революціонеровъ къ самому себѣ.

§ 1. Революціонеръ—человѣкъ обреченный. У него ни своихъ интересовъ, ни дѣлъ, ни чувствъ, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все въ немъ поглощено единымъ исключительнымъ интересомъ, единою мыслью, единою страстью—революціей.

§ 2. Онъ въ глубинѣ своего существа, не на словахъ только, а на дѣлѣ, разорвалъ всякую связь съ гражданскимъ порядкомъ и со всѣмъ образованнымъ міромъ, со всѣми законами, приличіями, общественными условіями и нравственностью этого міра. Онъ для него—врагъ безпощадный и еслибъ онъ продолжалъ жить въ немъ, то для того только, чтобы его вѣрнѣе разрушить.

§ 3. Революціонеръ презираетъ всякое доктринерство и отказался отъ мірской науки, предоставляя ее будущимъ поколѣніямъ. Онъ знаетъ только одну науку, науку разрушенія. Для этого и только для этого онъ изучаетъ теперь механику, физику, химію, пожалуй медицину. Для этого изучаетъ денно и нощно живую науку людей, характеровъ, положеній и всѣхъ условій настоящаго общественнаго строя, во всѣхъ возможныхъ слояхъ. Цѣль же одна—наискорѣйшее разрушеніе (этого) поганаго строя.

§ 4. Онъ презираетъ общественное мнѣніе. Онъ пре-

зираетъ и ненавидитъ во всѣхъ побужденіяхъ и проявленіяхъ нынѣшнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствуетъ торжеству революціи. Безнравственно и преступно все, что помѣшаетъ ему.

§ 5. Революціонеръ—человѣкъ обреченный, безпощаденъ для государства и вообще для всего сословно-образованнаго общества, онъ и отъ нихъ не долженъ ожидать для себя никакой пощады. Между ними и имъ существуетъ тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть. Онъ долженъ пріучить себя выдерживать пытки.

§ 6. Суровый для себя, онъ долженъ быть суровымъ и для другихъ. Всѣ нѣжныя, изнѣживающія чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены въ немъ единою холодною страстью революціоннаго дѣла. Для него существуетъ только одна нѣга, одно утѣшеніе, вознагражденіе и удовлетвореніе—успѣхъ революціи. Денно и нощно должна быть у него одна мысль, одна цѣль—безпощадное разрушеніе. Стремясь хладнокровно и неутомимо къ этой цѣли, онъ долженъ быть готовъ и самъ погибнуть и погубить своими руками все, что мѣшаетъ ея достиженію.

§ 7. Природа настоящаго революціонера исключаетъ всякій романтизмъ, всякую чувствительность, восторженность и увлеченіе. Она исключаетъ даже личную ненависть и мщеніе. Революціонерная страсть, ставъ въ немъ обыденностью, ежеминутно должна соединяться съ холоднымъ разсчетомъ. Всегда и вездѣ онъ долженъ быть не то, къ чему его побуждаютъ влеченія личныя, а то, что предписываетъ ему общій интересъ революціи.

Отношенія революціонера къ товарищамъ по революціи.

§ 8. Другомъ и милымъ человѣкомъ для революціонера можетъ быть только человѣкъ, заявившій себя на дѣлѣ такимъ же революціонернымъ дѣломъ (?), какъ и онъ самъ. Мѣра дружбы, преданности и прочихъ

обязанностей въ отношеніи къ такому товарищу опредѣляется единственно степенью полезности въ дѣлѣ всеразрушительной практической революціи.

§ 9. О солидарности революціонеровъ и говорить нечего. Въ ней вся сила революціоннаго дѣла. Товарищи революціонеры, стоящіе на одинаковой степени революціоннаго пониманія и страсти должны, по возможности, обсуждать всѣ крупныя дѣла вмѣстѣ и рѣшать ихъ единодушно. Въ исполненіи такимъ образомъ рѣшеннаго плана каждый долженъ разсчитывать, по возможности, на себя. Въ выполненіи ряда разрушительныхъ дѣйствій каждый долженъ дѣлать самъ и прибѣгать къ совѣту и помощи товарищей только тогда, когда это для успѣха необходимо.

§ 10. У каждаго товарища должно быть подъ рукою нѣсколько революціонеровъ второго и третьяго разрядовъ, т. е. не совсѣмъ посвященныхъ. На нихъ онъ долженъ смотрѣть, какъ на часть общаго революціоннаго капитала, отданнаго въ его распоряженіе. Онъ долженъ экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь изъ него наибольшую пользу. На себя онъ смотритъ какъ на капиталъ, обреченный на трату для торжества революціоннаго дѣла, только какъ на такой капиталъ, которымъ онъ самъ и одинъ безъ согласія всего товарищества вполнѣ посвященныхъ распоряжаться не можетъ.

§ 11. Когда товарищъ попадаетъ въ бѣду, рѣшая вопросъ, спасать его или нѣтъ, революціонеровъ долженъ сообразоваться не съ какими нибудь личными чувствами, но только съ пользою революціоннаго дѣла. Поэтому онъ долженъ взвѣсить пользу, приносимую товарищемъ—съ одной стороны, а съ другой—трату революціонныхъ силъ, потребныхъ на избавленіе, и на которую сторону перетянетъ, такъ и долженъ рѣшить.

Отношеніе революціонера къ обществу.

§ 12. Принятіе новаго члена, заявившаго себя не на словахъ, а на дѣлѣ, въ товарищество не можетъ быть рѣшено иначе, какъ единодушно.

§ 13. Революціонеръ вступаетъ въ государственный,

сословный, такъ называемый образованный міръ и живетъ въ немъ только съ вѣрой въ его полнѣйшее скорѣйшее разрушеніе. Онъ не революціонеръ, если ему чего нибудь жаль въ этомъ мірѣ. Если онъ можетъ, то становится передъ истребленіемъ положенія, отношенія или какого либо человѣка, принадлежащаго къ этому міру—всѣ и все должны быть ему равно ненавистны. Тѣмъ хуже для него, если у него есть родственныя, дружескія и любовныя отношенія; онъ не революціонеръ, если онѣ могутъ остановить его руку.

§ 14. Съ цѣлью безпощаднаго разрушенія революціонеръ можетъ и даже часто долженъ жить въ обществѣ, притворяясь совсѣмъ не тѣмъ, что онъ есть. Революціонеръ долженъ проникнуть всюду, во всѣ низшія и среднія сословія, въ купеческую лавку, въ церковь, въ барскій домъ, въ міръ бюрократическій, военный, въ литературу, въ III Отдѣленіе и даже въ Зимній дворецъ.

§ 15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на нѣсколько категорій: 1-ая категорія неотлагаемо осужденныхъ на смерть. Да будетъ составленъ товариществомъ списокъ такихъ осужденныхъ по порядку ихъ относительно зловредности для успѣха революціоннаго дѣла, такъ чтобы предъидущіе нумера убрались прежде послѣдующихъ.

§ 16. При составленіи такихъ списковъ и для установленія вышерѣченнаго порядка должно руководствоваться отнюдь не личными злодѣйствами человѣка, ни даже ненавистью, возбуждаемою имъ въ товариществѣ или въ народѣ. Это злодѣйство и эта ненависть могутъ быть даже отчасти полезными, способствуя возбужденію народнаго бунта. Должно руководствоваться мѣрой пользы, которая должна произойти отъ его смерти для революціоннаго дѣла. Итакъ, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революціонной организаціи, а также внезапная и насильственная смерть которыхъ можетъ навести наибольшій страхъ на правительство и, лишивъ его умныхъ и энергическихъ дѣятелей, потрясти его силу.

§ 17. Вторая категорія должна состоять изъ такихъ людей, которымъ даруютъ только временно жизнь, чтобы

они рядомъ звѣрскихъ поступковъ довели народъ до неотвратимаго бунта.

§ 18. Къ третьей категоріи принадлежитъ множество высокопоставленныхъ скотовъ или личностей, не отличающихся ни особеннымъ умомъ, ни энергіей, но пользующихся по положенію богатствами, связями, вліяніемъ, силой. Надо ихъ эксплуатировать всевозможными манерами, путями; опутать ихъ, сбить съ толку и, овладѣвъ, по возможности, ихъ грязными тайнами, сдѣлать ихъ своими рабами. Ихъ власть, вліяніе, связи, богатство и сила сдѣлаются такимъ образомъ неистощимою сокровищницею и сильной помощью для разныхъ предпріятій.

§ 19. Четвертая категорія состоитъ изъ государственныхъ честолюбцевъ и либераловъ съ разными оттѣнками. Съ ними можно конспирировать по ихъ программамъ, дѣлая видъ, что слѣпо слѣдуешь за ними, а между тѣмъ прибирать ихъ въ руки, овладѣть всѣми ихъ тайнами, скомпрометтировать ихъ донельзя, такъ чтобы возвратъ для нихъ былъ (не) возможенъ (?), и ихъ руками мутить государство.

§ 20. Пятая категорія—доктринеры, конспираторы, революціонеры, всѣ праздно глаголющіе въ кружкахъ и на бумагѣ. Ихъ надо безпрестанно толкать и тянуть впередъ, въ практичныя головоломныя заявленія, результатомъ которыхъ будетъ безслѣдная гибель большинства и настоящая революціонная выработка немногихъ.

§ 21. Шестая и важная категорія—женщины, которыхъ должно раздѣлить на три главные разряда: однѣ—пустыя, безсмысленныя, бездушныя, которыми можно пользоваться какъ третьей и четвертой категоріями мужчинъ; другія—горячія, преданныя, способныя, но не наши, потому что не доработались еще до настоящаго безстрастнаго и фактическаго революціоннаго пониманія; ихъ должно употреблять, какъ мужчинъ пятой категоріи; наконецъ женщины, совсѣмъ наши, т. е. вполнѣ посвященныя и принявшія всецѣло нашу программу. Мы должны смотрѣть на нихъ какъ на драгоцѣннѣйшія сокровища наши, безъ помощи которыхъ намъ обойтись невозможно.

Отношенія товарищества къ народу.

§ 22. У товарищества нѣтъ другой цѣли кромѣ полнѣйшаго освобожденія и счастья народа, т. е. чернорабочаго люда. Но убѣжденіе въ томъ, что это освобожденіе и достиженіе этого счастья возможно только путемъ всесокрушающей народной революціи, товарищество всѣми силами и средствами будетъ способствовать къ развитію и разобщенію *) тѣхъ бѣдъ и тѣхъ золъ, которыя должны вывести наконецъ народъ изъ терпѣнія и понудить его къ поголовному возстанію.

§ 23. Подъ революціею народною товарищество разумѣетъ не регламентированное движеніе по западному классическому образцу—движеніе, которое, всегда останавливаясь передъ собственностью и передъ традиціями общественныхъ порядковъ такъ называемой цивилизаціи и нравственности, до сихъ поръ ограничивалось вездѣ низверженіемъ одной политической формы для замѣщенія ее другою и стремилось создать такъ называемое революціонное государство. Спасительною для народа можетъ быть только та революція, которая уничтожитъ въ корнѣ всякую государственность и истребитъ всѣ государственныя традиціи порядка и классы Россіи.

§ 24. Товарищество поэтому не намѣрено навязывать народу какую бы то ни было организацію сверху. Будущая организація безъ сомнѣнія выработается изъ народнаго движенія и жизни, но это—дѣло будущихъ поколѣній. Наше дѣло—страшное, полное, повсемѣстное и безпощадное разрушеніе.

§ 25. Поэтому сближаясь съ народомъ, мы прежде всего должны соединиться съ тѣми элементами народной жизни, которые со времени основанія московской государственной силы не переставали протестовать не на словахъ, а на дѣлѣ, противъ всего, что прямо или косвенно связано съ государствомъ: противъ чиновничества, противъ поповъ, противъ гильдейскаго міра и противъ кулака міроѣда. Но (мы) соединимся съ ли-

*) Обобщеніе, распространеніе. М. Др.

химъ разбойничьемъ міромъ, этимъ истиннымъ и единственнымъ революціонеромъ въ Россіи.

§ 26. Сплотить этотъ міръ въ одну непобѣдимую; всесокрушающую силу—вотъ вся наша организація, конспирація, задача.

(„Правит. Вѣстникъ“ 9 (21) Іюля 1871. № 162).

XI.

ПРОГРАММА СЛАВЯНСКОЙ СЕКЦІИ ИНТЕРНАЦІОНАЛА ВЪ ЦЮРИХѢ 1872.

Напечатана въ приложеніи В. въ книгѣ „Государственность и анархія“. У г. Ралли находится французскій подлинникъ этой програмы, писанный рукою Бакунина.

---

1. Славянская секція, вполнѣ признавая основные статуты Международнаго Общества Рабочихъ, принятые на первомъ Конгрессѣ (Сентябрь 1866, Женева), задается спеціальной цѣлью пропаганды принциповъ революціоннаго соціализма и организаціи народныхъ силъ въ славянскихъ земляхъ.

2. Она будетъ бороться съ одинаковой энергіей противъ стремленій и проявленій, какъ панславизма, т. е. освобожденія славянскихъ народовъ при помощи русской имперіи, такъ и пангерманизма, т. е. при помощи буржуазной цивилизаціи нѣмцевъ, стремящихся теперь организоваться въ огромное мнимо-народное государство.

3. Принимая анархическую революціонную программу, которая одна, по нашему мнѣнію, представляетъ всѣ уловія дѣйствительнаго и полнаго освобожденія народныхъ массъ, и убѣжденные, что существованіе государства въ какой бы то ни было формѣ несовмѣстимо съ свободой пролетаріата, что оно не допускаетъ братскаго международнаго союза народовъ, мы хотимъ уничтоженія всѣхъ государствъ. Для сла-

вянскихъ народовъ въ особенности это уничтоженіе есть вопросъ жизни или смерти, и въ то же время единственный способъ примиренія съ народами чуждыхъ расъ напримѣръ турецкой, мадьярской или нѣмецкой.

4. Съ государствомъ должно неминуемо, погибнуть все, что называется юридическимъ правомъ, всякое устройство сверху внизъ путемъ законодательства и правительства, устройства, никогда не имѣвшаго другой цѣли, кромѣ установленія и систематизированія народнаго труда въ пользу управляющихъ классовъ.

5. Уничтоженіе государства и юридическаго права необходимо будетъ имѣть слѣдствіемъ уничтоженіе личной наслѣдственной собственности и юридической семьи, основанной на этой собственности, такъ какъ та и другая совершенно не допускаютъ человѣческой справедливости.

6. Уничтоженіе государства, права собственности и юридической семьи, одно сдѣлаетъ возможнымъ организацію народной жизни снизу вверхъ, на основаніи коллективнаго труда и собственности, сдѣлавшихся въ силу самихъ вещей возможными и обязательными для всѣхъ путемъ совершенной, свободной федераціи отдѣльныхъ лицъ въ ассоціаціи или въ независимыя общины или помимо общинъ и всякихъ областныхъ и національныхъ разграниченій, въ мелкія однородныя ассоціаціи, связанныя тождественностью ихъ интересовъ и соціальныхъ стремленій и общинъ въ націи, націй въ человѣчество.

7. Славянская секція, исповѣдуя матеріализмъ и атеизмъ, будетъ бороться противъ всѣхъ родовъ богослуженія, противъ всѣхъ оффиціальныхъ вѣроисповѣданій и, оказывая, какъ на словахъ такъ и на дѣлѣ, самое полное уваженіе къ свободѣ совѣсти всѣхъ и къ священному праву каждаго проповѣдовать свои идеи, она будетъ стараться уничтожить идею божества во всѣхъ ея проявленіяхъ религіозныхъ, метафизическихъ, доктринерно-политическихъ и юридическихъ, убѣжденная, что эта вредная идея была и есть еще освященіемъ всякаго рода рабства.

8. Она имѣетъ полнѣйшее уваженіе къ положитель-

нымъ наукамъ; она требуетъ для пролетаріата научнаго образованія равнаго для всѣхъ безъ различія половъ, но, врагъ всякаго правительства, она съ негодованіемъ отвергаетъ правительство ученыхъ, какъ самое надменное и вредное.

9. Славянская секція требуетъ вмѣстѣ съ свободой, равенства правъ и обязанностей для мужчинъ и женщинъ.

10. Славянская секція, стремясь къ освобожденію славянскихъ народовъ, вовсе не предполагаетъ организовывать особый славянскій міръ, враждебный, изъ чувства національнаго, народамъ другихъ расъ. Напротивъ, она будетъ стремиться, чтобы славянскіе народы также вошли въ общую семью человѣчества, которую Международное Общество Рабочихъ призвано осуществить на началахъ свободы, равенства и всеобщаго братства.

11. Въ виду великой задачи—освобожденія народныхъ массъ отъ всякой опеки и всякаго правительства—которую приняло на себя Международное Общество, славянская секція не допускаетъ возможности существованія среди его какой-либо верховной власти или правительства, слѣдовательно не допускаетъ иной организаціи, кромѣ свободной федераціи самостоятельныхъ секцій.

12. Славянская секція не признаетъ ни оффиціальной истины, ни однообразной политической программы, предписанной главнымъ совѣтомъ или общимъ Конгрессомъ. Она признаетъ только полную солидарность личностей, секцій и федерацій въ экономической борьбѣ рабочихъ всѣхъ странъ противъ эксплоататоровъ. Она въ особенности будетъ стремиться привлечь славянскихъ работниковъ ко всѣмъ практическимъ послѣдствіямъ этой борьбы.

13. Славянская секція за секціями всѣхъ странъ признаетъ: а) свободу философской и соціальной пропаганды; б) свободу политики, лишь бы она не нарушала свободы и права другихъ секцій и федерацій; свободу организаціи для народной революціи; свободу связи съ секціями и федераціями другихъ странъ.

14. Такъ какъ Юрская Федерація громко провозгла-

сила эти принципы и такъ какъ она искренно проводитъ ихъ на практикѣ, то славянская секція вступила въ ея среду.

Послѣ неудачи польскаго возстанія 1863—1864 гг. Бакунинъ отдалился отъ славянскихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе что „панславизмъ“ въ это время принялъ реакціонно-московское направленіе. Но въ самомъ „Интернаціоналѣ“ явилась мысль воспользоваться памятью, оставленною Бакунинымъ въ Чехіи, для пропаганды соціализма. На Базельскомъ конгрессѣ „Интернаціонала“ въ 1869 г. австрійскій делегатъ Неймейеръ заявилъ, что „славянскія населенія Австріи, кажется, поглощены въ свои вопросы расы и національности“ и „пригласилъ Бакунина употребить вліяніе, которымъ онъ пользуется, чтобъ призвать рабочихъ славянскихъ къ принятію участія въ движеніи соціалистическомъ“. Бакунинъ отвѣчалъ, что, „онъ употребитъ свое скромное вліяніе, чтобы притянуть не только чеховъ, но и привлечь весь панславизмъ, (tout le panslavisme) который терпитъ иго русскаго цезаря,—присоединиться къ великой международной федераціи работнической“. (Testut. Le livre bleu de l'Internationale 164).

Намъ неизвѣстно, каковы были непосредственныя дѣйствія, предпринятыя Бакунинымъ въ силу этого обѣщанія. Но въ 1872 г. онъ пробуетъ организовать славянскую секцію, которой программа перепечатана выше.

По поводу вышенапечатанной программы г. Ралли пишетъ намъ:

„Относительно комитета славянскаго союза могу сказать слѣдующее. Онъ составился перво-на-перво изъ пяти человѣкъ: Бакунинъ, Э—цъ, Вл. Г., я и Р—съ. (Все русскіе. М. Др.) Потомъ Бакунинъ призвалъ меня одного къ себѣ въ Локарно и здѣсь рѣшилъ, что комитетъ будетъ состоять лишь изъ трехъ: его, Р—са и Лермонтова, я же буду связывающимъ членомъ комитета секретнаго съ комитетомъ не-секретнымъ, который составится изъ 9 человѣкъ. Не любя

Р., котораго я прозвалъ „ярославскимъ лабазникомъ отъ революціи“, я пріѣхалъ обратно въ Цюрихъ и передалъ рѣшеніе товарищамъ Э. и Г., а старику написалъ, что съ Р. у меня дѣло не ладится. Съ этого у насъ начались уже взаимныя пререканія, кончившіяся потомъ разрывомъ. По поводу всѣхъ этихъ дѣлъ союза у меня существуетъ множество писемъ, но не Бакунина, а Э., Р., Г., Гильома, Каферіо и пр.“.

На наши вопросы о славянской секціи г. Ралли даетъ такіе отвѣты:

1. Какой былъ ближайшій поводъ къ учрежденію славянской секціи?

Мих. Алекс. Бакунинъ въ это время главнымъ образомъ былъ занятъ альянсомъ. Въ Италіи, въ Юрѣ все движеніе соціалистическое было въ рукахъ альянсистовъ. Бакунинъ назначилъ ad hoc Р—са, меня и Лермонтова членами центральнаго Комитета славянскаго альянса, указалъ намъ на славянъ, находящихся въ Цюрихѣ, какъ на элементъ, чрезъ посредство котораго мы можемъ завязать связи съ сербами въ княжествѣ, кроатами, чехами и сербами военной границы. Съ этой то цѣлью и была устроена славянская секція (Словенски завесъ), въ которую вошли тогда М. Е. (въ гр. Австріи), Г. С. (изъ Валево), Св. и нѣкоторые другіе, которыхъ имени не помню. П., одинъ изъ шефовъ радикаловъ сербскихъ бывалъ на собраніяхъ, но не вошелъ какъ членъ, а склонился болѣе на сторону Свѣтозара Марковича (марксиста), который въ то время былъ въ Цюрихѣ.

Всего въ „завесѣ“ было членовъ человѣкъ 12—15, изъ коихъ большинство были студенты сербы изъ Сербіи. Былъ и одинъ чехъ, а также одинъ Кроатъ.

4. Какія дѣянія совершила секція?

Слѣдующія: послала двухъ делегатовъ на С.-Имьенскій конгресъ Интернаціонала, послала въ Сербію книги революціоннаго характера, а именно „Госуд. и Анархію“, Анархія по Прудону и брошюры про Юрскую федерацію. Члены ея приняли участіе, противно волѣ Бакунина, въ неудавшейся попыткѣ освобожденія Нечаева на цюрихскомъ вокзалѣ, когда его выдали Россіи. И только.

5. Почему распалась?

Лишь только произошелъ разрывъ между нами и Бакунинымъ по поводу столкновенія между Р., Э. и Г., секція умерла сама собой. Элементы, составлявшіе ее, расползлись въ разныя стороны".

§ 8 даетъ основаніе думать, что, испробовавши неудобства имѣть дѣло съ такъ мало обученными людьми какъ Нечаевъ, Бакунинъ нѣсколько измѣнилъ то отношеніе „къ наукѣ и насущному народному дѣлу", какое онъ высказывалъ въ листкахъ печаевскаго періода своей дѣятельности.

XII.

КЪ РУССКИМЪ РЕВОЛЮЦІОНЕРАМЪ.

№ 1. Сентябрь 1873.

Наша программа выходитъ въ свѣтъ въ самую неблагопріятную минуту; либерализмъ сороковыхъ, пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ снова занимаетъ мѣсто среди русской молодежи. Подъ вліяніемъ этого развращающаго либерализма гибнетъ сила, характеръ и энергія всего молодого, живого... Послѣ бурь Каракозовскаго и Нечаевскаго заговоровъ наступила старая безнравственная эпоха резонерства и либеральничанья—эпоха непробуднаго сна.

Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, мы все-таки печатаемъ нашу программу, печатаемъ потому, что *именно теперь*, среди этого разврата, считаемъ нужнымъ напомнить русской молодежи, что независимо отъ фрачнаго, дворянско-чиновнаго и мѣщанскаго общества живетъ еще другой міръ—міръ непочатый, котораго ничто не могло сломить, котораго не коснулся развратъ либерализма. Это МІРЪ КРЕСТЬЯНСКІЙ, это НАРОДЪ РУССКІЙ.

Русскій революціонеръ! Брось среду резонеровъ и буржуазныхъ политиковъ. Въ этомъ одномъ все твое спасеніе.

Революціонная Община Русскихъ Анархистовъ.

Лжецы, мистификаторы прочь съ дороги!!!
Hebert.

Русскій революціонеръ!

Мы даемъ тебѣ правдивую исповѣдь нашихъ убѣжденій, нашу вѣру, наши надежды, отъ которыхъ мы никогда не отступимъ. Вездѣ и всегда мы должны оставаться среди народа, братомъ своимъ по дѣлу считать только того, кто кинулъ разъ навсегда барскую среду, какъ бы либеральна и даже революціонна она не была; только такимъ образомъ можно быть честнымъ, правдивымъ революціонеромъ. Мы не вѣримъ въ нынѣшнее либеральное братство, мы не вѣримъ и въ тѣхъ людей, вышедшихъ изъ народа, которые, находясь среди баръ, изъ народнаго дѣла сдѣлали и дѣлаютъ себѣ прибыльное ремесло. Они во сто кратъ преступнѣе самаго барства.

Кто хочетъ служить дѣлу народнаго освобожденія, тотъ прежде всего самъ долженъ сдѣлаться одной изъ единицъ этого народа; тотъ долженъ слиться всецѣло со всѣми, отдавшими тѣло и душу свою на служеніе революціонному дѣлу. Революція мыслима только въ народѣ; среди него наше мѣсто и только среди него. Какъ у насъ, такъ и у тебя, нѣтъ и не можетъ быть имени, не можетъ быть тѣни тщеславныхъ надеждъ. Оставимъ славу, громкое имя, тщеславіе, честолюбіе врагамъ народнымъ, лжецамъ и мистификаторамъ. Пусть эти качества какъ клеймо разоблачаютъ ихъ передъ народнымъ судомъ.

Да здравствуетъ истинно народная Революція!

I.

У насъ нѣтъ отечества. Наше отечество—ВСЕМІРНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ. У насъ нѣтъ другого врага кромѣ

господства во всѣхъ его формахъ: религіозной, доктринерской, политической, экономической, соціальной.

Мы стремимся къ созданію свободнаго человѣчнаго міра, основаннаго на трудѣ, на равенствѣ, на солидарности всѣхъ человѣческихъ существъ.

Мы считаемъ необходимымъ:

1. Разрушеніе всѣхъ религіозныхъ, политическихъ, юридическихъ, экономическихъ и соціальныхъ учрежденій, составляющихъ настоящій буржуазный порядокъ вещей.

2. Созданіе самостоятельной и совершенно свободной организаціи освобожденныхъ массъ на мѣсто разрушеннаго государственнаго строя.

Въ дѣлѣ Революціи мы враги всего того, что такъ или иначе принадлежитъ къ авторитетной системѣ, всего того, что стремится къ руковожденію народомъ, Слѣдовательно мы прежде всего враги такъ называемой революціонной дитактуры, временнаго правительства. Мы убѣждены, что такая власть, какъ бы революціонна она не была, непремѣнно измѣнитъ въ концѣ концовъ народу и пожелаетъ увѣковѣчить себя. Революціи дѣлаются народомъ. Истинная Революція только среди народа. Всякая же власть, тяготѣющая надъ народомъ, фатальнымъ образомъ ему враждебна.

Мы имѣемъ полную вѣру въ инстинкты народныхъ массъ и понимаемъ Революцію какъ *организованный взрывъ* того, что зовется *революціонными страстями*, и какъ разрушеніе того, что на томъ же буржуазномъ языкѣ зовется *общественнымъ порядкомъ*.

Мы признаемъ АН-АРХІЮ—это выраженіе жизни и стремленій народныхъ. Изъ Ан-архіи посредствомъ свободы должны возникнуть истинное равенство всѣхъ, новый порядокъ вещей, основанный на всестороннемъ развитіи всѣхъ, на свободно организованномъ трудѣ.

II.

Съ точки зрѣнія отрицательной или разрушающей, мы хотимъ: уничтоженія, банкротства, полной ликвидаціи государства и всего, что обусловливаетъ его существованіе; уничтоженіе всякаго вмѣшательства въ

платежъ долговъ коллективныхъ или частныхъ, въ передачу наслѣдствъ; уничтоженія всѣхъ налоговъ, уничтоженіе всей высшей и низшей государственной администраціи; учничтоженія сословій, бюрократіи, арміи, магистратуры, полиціи, университетовъ, духовенства; уничтоженія монополій, привилегій, личной собственности. Ближайшимъ средствомъ для этого считается истребленіе въ первые же дни Революціи всѣхъ свидѣтельствъ ренты, собственности, ипотекъ, денежныхъ знаковъ, концессій, брачныхъ и другихъ свидѣтельствъ, паспортовъ, метрикъ и всякихъ гербовыхъ бумагъ. Мы хотимъ полнаго уничтоженія политическаго, юридическаго и законодательнаго права и замѣны его повсюду *революціоннымъ фактомъ*.

Съ точки зрѣнія положительной, какъ для созданія новаго экономическаго и соціальнаго порядка, такъ и по отношенію къ образованію организованной революціонной силы, нужной въ неизбѣжной борьбѣ возставшихъ массъ противъ реакціи, мы считаемъ необходимымъ *самостоятельную организацію революціонныхъ группъ*, возставшихъ во имя того же самаго принципа народныхъ требованій, въ *революціонныя общины*, не обращая никакого вниманія на государственныя раздѣленія и границы.

Послѣ перваго взрыва революціи должны быть посланы выборные съ строго опредѣленными порученіями отъ революціонныхъ общинъ въ очаги революціи; должны организоваться *федераціи* какъ этихъ общинъ, такъ и этихъ очаговъ, должны постоянно поддерживаться баррикады и возстанія во всѣхъ точкахъ возставшихъ странъ въ виду общей защиты—словомъ, должна сложиться прочная федерація народныхъ силъ, организующаяся самостоятельно для борьбы.

Масса выборныхъ должна раздѣлиться на совершенно другъ отъ друга независимыя группы, взаимно дополняющія и помогающія другъ другу, напримѣръ, группы завѣдующія продовольствіемъ, революціонной защитой, организаціей труда, предварительнымъ задержаніемъ капиталовъ, временной отдачей капиталовъ и инструментовъ работы въ руки сельскихъ и промышленныхъ товариществъ, путями сообщенія, мѣной,

просвѣщеніемъ, общинными и международными сообщеніями, революціонной пропагандой и пр., и пр. Все это, составляя великій федеральный союзъ революціонныхъ силъ, должно дѣйствовать подъ непосредственнымъ вдохновеніемъ народныхъ массъ и подъ строгимъ надзоромъ ихъ.

Мы хотимъ созданія истиннаго союза или скорѣе братскаго сплоченія всѣхъ истинныхъ соціалистовъ-революціонеровъ противъ реакціи и всякаго рода реакціонеровъ, а въ особенности противъ тѣхъ, которые подъ маской революціи работаютъ для себя, которые создаютъ свою личную доктрину и свою собственную личную церковь, а отнюдь не служатъ народному дѣлу.

III.

Для образованія такой революціонной организаціи, необходимой для успѣха народнаго дѣла, для того, чтобы предохранить ее отъ происковъ враговъ народной свободы, помѣшать ея вырожденію или превращенію въ правительство, даже временное, очевидно нужно, чтобы была сила, организація въ средѣ самого народа, которая сплотившись вполнѣ при посредствѣ одной общей революціонной программы и слѣдуя ей въ ея самыхъ крайнихъ послѣдствіяхъ, всегда бы оставалась стражемъ народной свободы и народныхъ правъ, страшнымъ безпощаднымъ мстителемъ для враговъ народныхъ. Эта чисто народная организація должна оказывать могущественное вліяніе на самостоятельное движеніе народныхъ массъ, а также на дѣйствія и революціонныя мѣры ихъ выборныхъ и составленныхъ изъ нихъ административныхъ группъ. Такова цѣль истинно народной революціонной организаціи.

Эта организація, слѣдовательно, не имѣетъ задачею только приготовленіе революціи. Она должна сохраниться и еще болѣе укрѣпиться во время революціи для того, чтобы, будучи въ средѣ самого народа, самимъ народомъ, замѣнить собою всякое правительство или всякую оффиціальную диктатуру. Вся многовѣковая исторія человѣчества доказала намъ, что всякое правительство, всякая власть, должны непремѣнно за-

душить революціонное движеніе въ массахъ и кончиться возстановленіемъ политическаго государства, слѣдовательно опять-таки бюрократическаго, военнаго, угнетающаго и эксплуатирующаго, т. е., окончиться новымъ владычествомъ буржуазіи. Русскіе революціонеры должны будутъ, слѣдовательно, еще плотнѣе сплотиться на другой день революціи для того, чтобы организовать ан-архію и грозный взрывъ революціонныхъ страстей, руководствуясь въ данномъ случаѣ инстинктами массъ; русскіе революціонеры должны дать народному движенію міровой характеръ, внѣ котораго ни одно національное или мѣстное движеніе не можетъ имѣть успѣха и неизбѣжно погибнетъ.

Русскіе революціонеры! Только такимъ образомъ можно создать непобѣдимую революціонную силу, которая, разрушая всѣ искусственныя границы, соединитъ во-едино всѣ возставшія во имя однихъ и тѣхъ же народныхъ требованій общины, положитъ основаніе великому отечеству *всемірной революціи* и противопоставитъ его міру реакціи. Эта сила объявитъ послѣдней войну на жизнь и на смерть, она не перестанетъ быть воинствующей и разрушающей до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать неравенство, угнетеніе, деспотъ, эксплоататоръ, рабъ, господинъ.

IV.

Та организація, на которую мы призываемъ, никогда не будетъ преслѣдовать другой цѣли, кромѣ подготовленія и организаціи народной Соціальной Революціи, такой, какъ она опредѣляется нашей программой и практическими средствами, какъ отрицательными, такъ и положительными, въ ней высказанными.

Никогда и ни подъ какимъ видомъ она не позволитъ себѣ увлечься соображеніями минуты и такъ называемаго благоразумія, которое проповѣдуется буржуазными лжереволюціонерами. Они ведутъ всегда только къ торжеству реакціи. Нашъ способъ пропаганды и организаціи долженъ всегда и вездѣ сообразоваться съ цѣлью; мы среди народа должны всегда идти прямо, не отклоняясь съ пути ни для кого, ни для чего. Мы никогда не подадимъ

руки другой революціи кромѣ истинно народной, и не заключимъ союза съ направленіями противуположными ей или только различными отъ нея. Даже тѣ, которые теоретически съ нами согласны, но не съумѣли отдѣлаться отъ барскаго или мѣщанскаго тщеславія, самолюбія, честолюбія, навсегда останутся чужды намъ. Мы зорко будемъ слѣдить за ними, потому что считаемъ ихъ болѣе опасными чѣмъ кого либо. Наше орудіе противъ нихъ будетъ самое энергическое.

Мы не будемъ вмѣшиваться въ дѣйствія буржуазныхъ революціонныхъ партій, мы станемъ лишь пользоваться всякій разъ, какъ это будетъ удобно, результатами ихъ агитаціи и борьбы. Мы никогда не примемъ въ свою среду тѣхъ изъ нихъ, которые не отказываются отъ привычекъ буржуазной среды, которые радикальны и революціонны лишь потому, что нынѣ мода на подобнаго рода убѣжденія. Всюду и всегда мы станемъ разоблачать, срывать маску съ этихъ лже-революціонеровъ и показывать народу ихъ въ истинномъ свѣтѣ. Мы покроемъ ихъ позоромъ, отъ котораго имъ никогда не очиститься. Только тотъ станетъ нашимъ братомъ, кто прежде всего подвергнется преслѣдованіямъ и угнетеніямъ, кто сдѣлается бездомнымъ и безпріютнымъ, какъ мы сами.

Мы никогда не позволимъ никакой личности, принадлежащей къ буржуазнымъ революціоннымъ партіямъ, проникнуть въ нашу среду, мы всѣми силами будемъ противодѣйствовать ихъ вліянію на народныя массы, такъ какъ всякая другая цѣль, всякое другое вліяніе, кромѣ изъ самаго народа *исходящаго* и въ народѣ *пребывающаго* можетъ только направить массы по ложному пути, обмануть и развратить ихъ. Истинная Революція, какую мы желаемъ, имѣетъ цѣлью не торжество извѣстной партіи, извѣстныхъ личностей, но полное соціальное освобожденіе массъ. Вотъ наша единственная цѣль и всякая другая революція ей абсолютно враждебна.

Русскіе революціонеры! Всякій изъ васъ, кто осмѣлится подать руку другой революціи будетъ считаться нами измѣнникомъ *народной* Революціи. Будемъ терпѣливы въ ожиданіи того времени, когда русскій народъ обратитъ въ развалины царство баръ и холоповъ; каж-

дый день, каждый часъ станемъ честно и энергично работать, чтобы приблизить завѣтное время.

V.

Мы враги всякой власти, всякой эксплуатаціи, слѣдовательно нужно прежде всего, чтобы всякій изъ насъ отказался отъ ихъ употребленія для своей выгоды подъ какой бы то ни было формой. Люди тщеславные и честолюбивые, каковы бы не были ихъ умственныя свойства, ихъ энергія, практическая умѣлость, политическія или соціальныя выгоды, которыя они могли бы принести нашему дѣлу, должны быть неумолимо раздавлены, потому что самая ихъ энергія и умъ дѣлаютъ ихъ тѣмъ болѣе опасными.

Всякій изъ насъ долженъ понять, что въ дѣлѣ Революціи самый знающій и самый умный человѣкъ, даже геній, можетъ дать массамъ лишь то, что они уже заключаютъ въ себѣ, въ своихъ дѣйствительныхъ нуждахъ, инстинктахъ и стремленіяхъ; только осмысленную, научную формулу того, что они чувствуютъ и желаютъ. Кто дѣйствительно знаетъ народъ, тотъ знаетъ и то, что каждому изъ насъ приходится болѣе получать уроковъ отъ народа, чѣмъ давать ихъ ему. Всякій изъ насъ долженъ понять, что время выдающихся личностей прошло. Владычество личностей было совершенно естественнымъ и логичнымъ въ политическихъ революціяхъ, такъ какъ всякая такая революція имѣла цѣлью замѣну одного правительства другимъ. Оно совершенно неумѣстно и невозможно въ Соціальной Революціи, которая, имѣя единственною цѣлью дѣйствительное освобожденіе массъ, должна уничтожить самый принципъ власти. Въ Соціальной Революціи можетъ быть мѣсто только для *коллективной мысли, воли и дѣятельности.*

Программа эта не наша,—это программа народа, ясно выраженная во всѣхъ его стремленіяхъ. Народъ всегда и вездѣ шелъ этимъ путемъ: всегда и вездѣ отклоняли его съ этого единственно вѣрнаго пути *личной инициативы,* мечтавшіе о возможности учить народъ. Только та революція восторжествуетъ, гдѣ учителей этихъ не будетъ. Поэтому, повторяемъ, эта программа не есть но-

вая выдуманная нами форма, къ которой мы хотимъ приноровить дѣйствія народа;—это результатъ изученія народа, народныхъ инстинктовъ и идеаловъ; отрицаніе всякой опеки, всякаго руководженія народомъ.

Русскіе революціонеры! Сплотимся и создадимъ эту великую силу; она не выродится, не можетъ выродиться въ буржуазное общество, потому что мы всѣ рабочіе, а не бары; потому что наша цѣль—народное освобожденіе; потому что среди насъ не будетъ ни одного честолюбца, ни одного досужаго человѣка...

Прокламація эта, изданная кружкомъ молодыхъ бакунистовъ, послѣ личнаго ихъ расхожденія съ Бакунинымъ, интересна, какъ примѣръ отраженія идей Бакунина у его русскихъ учениковъ. Какъ говорили намъ нѣкоторые изъ издателей ея, она состоитъ изъ изрѣченій, которыя наиболѣе часто въ то время повторялись около Бакунина. Сравнивая эту прокламацію съ нѣкоторыми рѣчами Бакунина, напр. напечатанной выше подъ № VI и съ его книгой „Государственность и анархія“ и др., мы видимъ значительныя различія. Для Бакунина анархія не представлялась только съ одной разрушительной стороны, ни даже въ одной только коммунальной автономіи,—но и въ еще федеральномъ союзѣ общинъ въ области, а областей въ еще болѣе широкіе союзы, при чемъ Бакунинъ не забывалъ и національностей и племенъ. Это обстоятельство даетъ Бакунину извѣстное положительное значеніе, какъ одному изъ немногихъ проповѣдниковъ федеральныхъ теорій въ Россіи и въ славянствѣ. Ошибка Бакунина состояла главнымъ образомъ въ томъ, что онъ представлялъ себѣ переходъ теперешнихъ централизованныхъ, военно-бюрократическихъ государствъ въ федеративныя не черезъ рядъ политико-административныхъ реформъ, а черезъ посредство катаклизма, который уничтожитъ государства. При этомъ Бакунинъ до послѣднихъ лѣтъ жизни употреблялъ старую философскую діалектику 30-хъ годовъ, проповѣдуя, по крайней мѣрѣ въ устныхъ разговорахъ съ своими молодыми друзьями, свои упованія въ такой формѣ, — что государственность (централизація) есть *тезисъ*, анархія или аморфумъ — *антитезисъ*,—а федерація—будетъ *синтезисъ*. Слушатели его, совершенно лишенные историко-политическаго образованія и не имѣвшіе все таки богатаго опыта учителя, изъ всей этой трилогіи подхватывали только среднюю часть: анархію—аморфизмъ и ставили себя совершенно въ фантастическій міръ, какъ это видно изъ вышеприведенной прокламаціи.

ДОБАВЛЕНІЯ.

Къ страницѣ 129.

МАНИФЕСТЪ СЪѢЗДА СЛАВЯНСКАГО КЪ НАРОДАМЪ ЕВРОПЕЙСКИМЪ.

Съѣздъ славянскій въ Прагѣ есть явленіе новое, какъ въ Европѣ, такъ и между самими славянами. Первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ мы извѣстны въ исторіи, сошлись мы, раздѣленные члены великаго народнаго племени въ большомъ числѣ изъ далекихъ краевъ, чтобъ, познавши другъ друга, какъ братья, обсудить спокойно свои общественныя дѣла. И мы поняли другъ друга не только нашимъ прекраснымъ языкомъ, которымъ говорятъ 80 мильоновъ, но и созвучнымъ біеніемъ сердецъ нашихъ и одинаковыхъ душевныхъ нашихъ стремленій. Правда и прямота, которыя вели къ нашему единенію, привели насъ къ тому, чтобъ мы также передъ богомъ и свѣтомъ высказали, чего мы хотѣли и какими принципами руководились въ этомъ нашемъ единеніи.

Народы романскіе и германскіе, нѣкогда славные въ Европѣ, какъ могучіе завоеватели, не только обезпечили себѣ силою меча своего свою политическую независимость, но умѣли также всячески удовлетворить свои стремленія къ господству. Политическое умѣнье ихъ основывалось главнымъ образомъ на правѣ сильнаго, имѣло въ виду свободу только высшихъ классовъ, правило посредствомъ привиллегій, а народу

давало только одни обязанности. Теперь въ новѣйшее время удалось силѣ общественнаго мнѣнія, расширяющагося, какъ духъ божій во всѣхъ земляхъ, поколебать всѣ оковы феодализма и возвратить личностямъ всюду неотъемлемыя, вѣчныя права человѣка и человѣчности. Напротивъ у славянъ, у которыхъ свобода искони была любима тѣмъ горячѣе, чѣмъ меньше проявлялась у нихъ жажда къ господству и завоеванію, между тѣмъ какъ стремленіе къ независимости всегда препятствовало образованію какой-нибудь высшей средней государственной силы, съ теченіемъ времени одно племя за другимъ попадало въ зависимость отъ чужихъ. Путемъ политики, которая давно уже осуждена по заслугамъ передъ очами всего свѣта, лишенъ былъ наконецъ и рыцарскій народъ польскій, наши благородные братья, своего государственнаго существованія. Цѣлый великій свѣтъ славянскій, казалось, очутился всюду въ порабощеніи, котораго добровольные слуги не упустили отрицать у славянъ даже и способность къ свободѣ. Однакожъ это нелѣпое мнѣніе наконецъ падаетъ передъ словомъ божіимъ, которое говоритъ къ сердцу каждаго въ огромныхъ переворотахъ настоящаго времени: духъ наконецъ дошелъ до побѣды; волшебство старой клятвы сломано; тысячелѣтнее зданіе, которое строила и защищала суровая сила, вмѣстѣ съ хитростью и помраченіемъ умовъ, разсыпается передъ глазами нашими въ прахъ; свѣжій духъ жизни, вѣющій по широкимъ нивамъ творитъ новые міры; слово свободное, дѣйствіе свободное стали наконецъ дѣйствительностью. Теперь поднялъ голову и долго притѣсненный славянинъ, онъ сбрасываетъ съ себя насиліе и требуетъ могучимъ крикомъ своего стараго наслѣдія— свободы. Сильный числомъ, еще сильнѣйшій своею волею и новоприобрѣтеннымъ единодушіемъ своихъ племенъ, онъ тѣмъ не менѣе остается вѣренъ природнымъ свойствамъ и принципамъ своихъ отцовъ: не желаетъ ни господства, ни завоеванія, но желаетъ свободы какъ для себя, такъ и для каждаго, желаетъ цѣликомъ, безусловно, чтобъ она была признана за наисвятѣйшее право человѣка. Поэтому мы, славяне, отрицаемъ и ненавидимъ всякое господство грубой

силы, которая идетъ на перекоръ законамъ; отрицаемъ всякія привиллегіи и преимущества, какъ и всякія политическія раздѣленія государствъ, — желаемъ безусловно равенства передъ закономъ и равной мѣры правъ и обязанностей для каждаго; гдѣ среди мильоновъ родится хоть одинъ порабощенный, тамъ еще настоящей свободы не знаютъ. Да, *свобода, равенство и братство* всѣхъ живущихъ, есть нашъ девизъ, какъ тысячу лѣтъ назадъ, такъ и теперь!

Однако же мы поднимаемъ голосъ свой и излагаемъ наши требованія не только въ пользу отдѣльныхъ личностей въ государствѣ. Не менѣе, чѣмъ человѣкъ съ его природнымъ правомъ, святъ намъ и *народъ* съ суммою его душевныхъ благъ. Жизнь и исторія присудила нѣкоторымъ народамъ болѣе совершенное человѣческое развитіе передъ другими, но при этомъ все таки указываетъ, что стремленіе къ развитію этихъ послѣднихъ никогда не можетъ быть ограничено. Природа, не зная народовъ благородныхъ и неблагородныхъ по существу, не призвала никакой народъ къ господству надъ другимъ и не предназначила никакой народъ къ тому, чтобъ онъ служилъ другому средствомъ для его собственныхъ цѣлей; равное право всѣхъ на благороднѣйшую человѣчность есть законъ божій, котораго никто не смѣетъ преступить безъ наказанія. Грѣшно поэтому, если этотъ законъ у самыхъ цивилизованныхъ народовъ еще не признанъ и не соблюдается, какъ бы слѣдовало. То, отъ чего отреклись добровольно по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, а именно владычество и опекунство,—то еще присваивается вездѣ по отношенію къ отдѣльнымъ народамъ; претендуютъ на господство во имя свободы, не умѣя дѣлить ее въ общее пользованіе. Такъ, свободный британецъ отказывается признать ирландца вполнѣ ему равноправнымъ, такъ нѣмецъ грозитъ насиліемъ многимъ племенамъ славянскимъ, если тѣ не захотятъ помогать сооруженію величія Германіи, такъ мадьяръ не стыдится присваивать лишь себѣ право національной самостоятельности въ Венгріи. Мы, славяне, просто презираемъ всѣ такія претензіи, и отвергаемъ ихъ тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ несправедливѣе они при-

крываются дриженіемъ свободы. Однако, вѣрные своимъ природнымъ особенностямъ и не допуская въ себѣ мести за прежнія неправды, мы подаемъ братскую руку всѣмъ сосѣднимъ народамъ, которые готовы наравнѣ съ нами признавать, а если нужно, то и защищать полную равноправность всѣхъ народностей, безъ различія ихъ политической силы и величины *).

[Подобнымъ образомъ порицаемъ и презираемъ ту политику, которая позволяетъ поступать съ землями и народами, какъ съ матерьяломъ, подчиненнымъ государственной силѣ, брать, мѣнять и дѣлить ихъ, по произволу, безъ вниманія къ племени, языку, нравамъ и наклонностямъ народовъ, ихъ природной связи, ихъ правъ на самостоятельность. Суровая сила меча рѣшала одна судьбу подавленныхъ народовъ, отъ которыхъ не требовалось обыкновенно ничего другого, кромѣ войска и денегъ къ обезпеченію насилія и наружной лести насильнику].

Основываясь на убѣжденіи, что могучее духовное движеніе теперешняго времени требуетъ и новаго политическаго устройства государствъ, если не въ новыхъ границахъ, то на новыхъ основахъ, мы предложили императору австрійскому, подъ котораго конституціонною властью живетъ большая часть изъ насъ, чтобъ имперія его превратилась въ союзъ равноправныхъ народовъ, на отдѣльныя потребности которыхъ столько же должно обращать вниманія, какъ и на единство государства. Мы видимъ въ такомъ союзѣ спасеніе не только для насъ самихъ, но и для свободы, просвѣщенія и гуманности вообще и вѣримъ въ сочувствіе Европы къ осуществленію его. Во всякомъ случаѣ мы рѣшили добиться въ Австріи всѣми доступными намъ способами признанія за нашими народностями такихъ же правъ въ государствѣ, какими уже пользуются народы нѣмецкій и мадьярскій, полагаясь при этомъ на крѣпкую поддержку, которая найдется для насъ въ каждомъ дѣйствительно свободномъ сердцѣ.

[Непріятелямъ нашихъ народностей удалось напу-

*) По примѣру Палацкаго (см. его объясненія въ Radnost, ч. III, 34) отмѣчаемъ знаками [ ] мѣста, прямо имъ переписанныя изъ проэктовъ другихъ лицъ. М. Др.

гать Европу пугаломъ политическаго панславизма, который будто бы грозитъ гибелью всему, что пріобрѣтено для свободы, просвѣщенія и гуманности. Но мы знаемъ то волшебное слово, котораго одного достаточно, чтобъ заклясть это пугало: слово это—*справедливость.*] *)...

ВОСПОМИНАНІЯ О БАКУНИНѢ АДОЛЬФА РЕЙХЕЛЯ.

(„La Révolte“ supplément au №№ 10, 11, 12).

Все, что я могу сообщить о Михаилѣ Бакунинѣ, состоитъ изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ указаній, которыя конечно могутъ касаться только ближнихъ дружескихъ отношеній, существовавшихъ между нами много лѣтъ. Эта дружба была основана на чистотѣ идей, которой онъ руководствовался въ своихъ политическихъ дѣлахъ, а я въ музыкальныхъ, вслѣдствіе этого намъ никогда не приходило въ голову спрашивать другъ друга о нашихъ личныхъ дѣлахъ; поэтому я не въ состояніи дать никакихъ поясненій о томъ, какія отношенія онъ поддерживалъ съ семьей и отечествомъ, которыхъ онъ рано покинулъ. Вспоминая признанія, которыя рѣдко вырывались у него, я могу только сказать, что онъ питалъ къ своему отцу безграничное уваженіе и любовь, а къ матери чувствовалъ такое сильное отвращеніе, которое, по его собственнымъ

*) Конецъ этого въ высшей степени интереснаго документа, оставшійся непереведеннымъ М. П. Драгомановымъ, заключаетъ въ себѣ требованіе, во имя справедливости, прекращенія притѣсненій поляковъ, лишенныхъ своей политической самостоятельности, протестъ противъ отторженія Познани и онѣмечиванія поляковъ и лужицкихъ сербовъ, призывъ мадьяръ къ прекращенію насилій надъ венгерскими славянами и выраженіе надежды на освобожденіе турецкихъ славянъ. Въ заключеніе манифестъ настаиваетъ на необходимости созванія всеобщаго съѣзда представителей всѣхъ европейскихъ народовъ для разрѣшенія всѣхъ международныхъ вопросовъ. (Rieger, Slovnik naučny, т. VIII, стр. 631).

Ѳ. В.

словамъ, доходило даже до ненависти. Онъ не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ ни съ кѣмъ изъ братьевъ и сестеръ, кромѣ брата Павла, который былъ моложе его, и сестры Татьяны, къ которой онъ проникся прочной и сердечной симпатіей.

Въ 1842 году, одинъ общій знакомый представилъ мнѣ трехъ молодыхъ русскихъ, которые, всѣ трое, поразили меня своимъ необычайнымъ ростомъ. Это были Михаилъ и Павелъ Бакунины и Иванъ Тургеневъ, который въ послѣдствіи пріобрѣлъ такую извѣстность своими замѣчательными романами. Михаилъ скоро съумѣлъ, увлекательной силой своей рѣчи, завоевать мою симпатію и симпатію моей старшей сестры, которую онъ и сохранилъ вѣрно и преданно до самой своей смерти. Когда, вскорѣ послѣ того, Тургеневъ и Павелъ возвратились въ Россію, онъ (Михаилъ) предпочелъ продолжать свое пребываніе за границей.

Бакунинъ, который былъ тогда красивымъ молодымъ человѣкомъ, не могъ не производить, своимъ блестяще одареннымъ умомъ, сильнаго вліянія на людей, которые горячо противились его взглядамъ, тогда уже открыто революціоннымъ, и Германія скоро сдѣлалась для него страной на столько опасной, по причинѣ его личныхъ отношеній съ Гервегомъ, что онъ счелъ за лучшее не оставаться долѣе въ Дрезденѣ, а уйти на свободную почву Швейцаріи; тамъ, сперва въ Цюрихѣ, потомъ въ Бернѣ, онъ могъ разсчитывать на безопасное убѣжищѣ противъ русскихъ преслѣдованій. Незадолго до его выѣзда (это было въ началѣ 1843 г.) я имѣлъ случай присутствовать у него на собраніи нѣсколькихъ молодыхъ нѣмцевъ, и тамъ, въ числѣ прочихъ, я познакомился съ Арнольдомъ Руге, издателемъ „Hall'sche Jahrbücher“, гдѣ Бакунинъ помѣстилъ свою записку, которой главнымъ пунктомъ были эти слова: „Духъ разрушенія есть творческій духъ“. Какъ странно должны были звучать изреченія для меня, замкнутаго въ моей музыкальной области, занятаго скорѣе сохраненіемъ пріобрѣтенваго блага, чѣмъ уничтоженіемъ предполагаемаго зла, въ то время какъ мнѣ въ этомъ собраніи предсказывали близкую, огромную всеобщую революцію, послѣ которой карта Европы

долженствовала представлять совершенно новый видъ. Но возбужденные голоса гостей покрывали слабыя возраженія музыканта-консерватора, и онъ ограничился тѣмъ, что заключилъ пари съ Бакунинымъ, который утверждалъ, что въ теченіи пяти лѣтъ, весь политическій строй Европы подвергнется полному измѣненію. Это пари было проиграно обѣими сторонами, хотя черезъ пять лѣтъ послѣ того и была произведена революція въ Парижѣ. Слишкомъ ясно чувствовалось съ самаго ея начала, что для ея успѣха необходимы болѣе продолжительныя измѣненія и болѣе жестокія сраженія, чѣмъ тѣ, какія могли быть даны во время трехлѣтняго мятежа. Теперь всякій знаетъ, что вмѣстѣ съ политическими интересами выступали на первый планъ и соціальные, которыхъ не могутъ уладить ни войны, ни договоры, которые могутъ быть удовлетворены только путемъ природы и воспитанія. Такъ и Бакунинъ нашелъ, при своемъ прибытіи въ Швейцарію, зародыши коммунистическаго движенія, и его подстрекало присоединиться къ нему лично и направлять, какъ можно лучше, революціонныя намѣренія. Когда, послѣ недолгой разлуки, мы встрѣтились, осенью 43 г., въ Женевѣ, мы сначала быстро объѣхали Швейцарію, чрезъ Шамуни, большой Сенъ-Бернаръ, Гримзель, Фурку и т. д., и проживши нѣкоторое время надъ Женевскимъ озеромъ, мы собирались поселиться на болѣе долгое время въ Бернѣ; но это время, къ несчастію, было сокращено сообщеніемъ русскаго посланника въ Бернѣ, который по желанію правительства Петербургскаго, отдалъ приказаніе Бакунину возвратиться не медля въ Петербургъ Бакунинъ очень хорошо зналъ, что его поѣздка туда легко можетъ продолжиться до самой Сибири, и, такъ какъ посланникъ не могъ ему дать никакой гарантіи относительно этого, то Бакунинъ предпочелъ поискать другого мѣста жительства, гдѣ бы онъ могъ укрыться тоъ Россіи, и, послѣ нѣкотораго размышленія онъ нашелъ, что это убѣжище — бельгійское государство, тогда еще молодое. Такъ какъ наша дружеская связь стала еще крѣпче вслѣдствіе нашего общаго путешествія и сердечнаго пріема сдѣланнаго намъ семействомъ профессора Фогта (Адольфъ Фогтъ, тогда студентъ ме-

дикъ, къ нашему удовольствію присоединился къ намъ),—Бакунинъ и я направились вмѣстѣ, въ половинѣ Марта 1844 г., въ Брюссель, гдѣ мы нашли обильную пищу, онъ для своихъ революціонныхъ интересовъ, я для музыкальныхъ. Такъ какъ Брюссель находится почти на дорогѣ изъ Москвы въ Парижъ, то Бакунину случалось время отъ времени видѣться съ кѣмъ нибудь изъ своихъ друзей, которые, хотя и рѣдко раздѣляли его крайніе взгляды, но очень хорошо понимали, что онъ въ изгнаніи. Само собою разумѣется, что Бакунинъ дѣятельно поддерживалъ отношенія съ польскими эмигрантами въ этомъ городѣ (изъ всѣхъ ихъ наиболѣе интересовалъ его профессоръ Лелевель), хотя въ то время еще были невозможны приготовленія къ серьезному вотстанію: это должно было случиться позже.

По приглашенію одного московскаго друга, весной 1844 г., онъ ѣздилъ не надолго въ Парижъ, и возвратился оттуда такимъ возбужденнымъ отъ впечатлѣнія, которое произвело на него могучее оживленіе парижскаго населенія, что легко опровергъ мое сужденіе о немъ и я, наконецъ, хотя и съ отвращеніемъ, далъ себя убѣдить поселиться тамъ, по крайней мѣрѣ на время празднествъ въ честь іюльскихъ дней; впрочемъ я еще не пришелъ къ окончательному рѣшенію. Но возможный разрывъ нашей тѣсной связи былъ предупрежденъ какъ стеченіемъ обстоятельствъ, такъ и уступчивымъ направленіемъ моего характера, и вскорѣ я нашелъ въ Парижѣ занятіе подходящее и производительное для моей музыкальной дѣятельности, такъ что пятнадцать дней, которые я обѣщалъ провести въ этомъ городѣ, обратились въ почти столько же лѣтъ.

До сихъ поръ Бакунинъ направлялъ предварительныя усилія къ революціи, можетъ быть слишкомъ ожидаемой, скорѣе теоретическимъ и спекулятивнымъ образомъ, но въ Парижѣ онъ не только нашелъ подходящій случай присоединиться дѣятельно къ революціоннымъ элементамъ (въ этомъ ему помогло знаніе французскаго языка и отношенія съ редакторомъ „National“, Марастомъ), но и былъ поощренъ къ дальнѣйшему развитію своихъ нравственныхъ силъ, для того чтобы быть въ состояніи принять участіе въ движеніи,

которое могло вскорѣ наступить. Такъ онъ занимался все съ большимъ и большимъ увлеченіемъ революціями уже бывшими во Франціи, словами и дѣйствіями государственныхъ людей, которые направляли ихъ теченіе или погибли въ нихъ; это давало мнѣ часто поводъ подшучивать надъ его *вѣчной* книгой, которую онъ писалъ каждый день съ тѣмъ, чтобъ никогда не кончить. Я не могу отрицать, что при нашихъ все болѣе и болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ у насъ было много пунктовъ разногласія; такъ какъ взрывъ, къ которому фатально должны были привесть разрушительныя идеи былъ еще слишкомъ далекъ отъ моего мирнаго образа мыслей, то я не могъ, подобно Бакунину, говорить съ удовольствіемъ объ этихъ вопросахъ. Однако я не могъ и не хотѣлъ противорѣчить его симпатіямъ, и это еще болѣе усиливало его революціонныя стремленія. И, какъ уже сказано, эти стремленія направлялись къ измѣнію не только политическаго, но и общественнаго строя, и самъ Прудонъ, который въ своей книгѣ: *Что такое собственность?* бросилъ перчатку буржуазіи, не пренебрегалъ совѣтами этого русскаго, извѣстнаго какъ рѣшительный гегеліанецъ.

Послѣ рѣчи, открыто державной въ одномъ собраніи польскихъ эмигрантовъ, гдѣ онъ рѣшительно выразился—*не смотря на то, что онъ русскій, а именно въ качествѣ русскаго*—противъ мѣръ принятыхъ въ Петербургѣ противъ Польши, ему, по просьбѣ русскаго правительства, было запрещено французскимъ правительствомъ дальнѣйшее пребываніе во Франціи, и Гизо съ тѣмъ большей готовностью передалъ это приказаніе Бакунину, что мѣстная оппозиція причинила ему уже много непріятностей и онъ едва переносилъ безпокойныхъ иностранцевъ. Бакунинъ возвратился въ Брюссель, куда къ нему легко могли доходить новости о всѣхъ парижскихъ событіяхъ; и когда, въ февралѣ слѣдующаго года, произошла въ Парижѣ революція, я встрѣтилъ его на другой же день утромъ среди самыхъ возбужденныхъ монтаньяровъ, въ одномъ погребѣ на Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи. Восторженный характеръ русскаго эмигранта совсѣмъ не подходилъ къ сберженному правительству, а новое временное прави-

тельство Французской Республики настолько не было склонно предпринимать что либо съ нимъ вмѣстѣ что, не смотря на подозрѣнія противной ему соціалистической партіи, которая старалась выдать его за посланнаго отъ русскаго правительства (эти подозрѣнія скоро были опровергнуты), сочло за лучшій способъ избавиться отъ него, пославъ его въ Берлинъ, но не оффиціально; тамъ думалось, навѣрное его пламенная рѣчь очень поможетъ пропагандѣ революціи среди революціонныхъ кружковъ. Дѣйствительно онъ завелъ тамъ, насколько мнѣ извѣстно, дѣйствительныя сношенія съ Вальдекомъ и его товарищами; я не знаю, принялъ ли онъ дѣятельное участіе въ берлинскомъ возстаніи 49 г., но его участіе въ революціи, вскорѣ происшедшей въ Дрезденѣ, внѣ сомнѣнія; и потомъ еще долго передавзлись разсказы объ этомъ самые веселые и самые ужасные. Когда, при помощи Пруссіи, дрезденское возстаніе было усмирено и городъ взятъ, то предводители должны были сдаться, а нѣкоторые изъ нихъ, а въ томъ числѣ и Бакунинъ, были заключены въ Хемницѣ и вскорѣ послѣ того переведены въ крѣпость Кенигштейнъ, гдѣ имъ предстояла смерть. Кажется, только извѣстный отказъ Бакунина просить о помилованіи задержалъ исполненіе судебнаго приговора; впрочемъ можетъ быть этому препятствовали и политическія соображенія, и судъ приговорилъ его только къ пожизненному заключенію въ крѣпости. Но чрезъ годъ этотъ приговоръ былъ замѣненъ выдачей на австрійскую территорію по требованію тамошняго правительства, такъ какъ Бакунинъ обвинялся также въ участіи въ Пражскихъ волненіяхъ. Изъ двухъ писемъ его, помѣченныхъ еще Кенигштейнской крѣпостью, которыя онъ мнѣ писалъ оттуда, не смотря на чувство безотраднаго одиночества, видно что съ нимъ обращались гуманно.

Послѣ перевода его въ одну крѣпость въ Моравіи, я не получалъ никакихъ извѣстій ни отъ него, ни о немъ, и только изъ смутныхъ слуховъ узналъ, что обращеніе съ нимъ было тамъ самое жестокое, какъ съ большимъ преступникомъ: у него обѣ руки были въ цѣпяхъ, что отнимало у него всякую свободу движеній. Это состояніе продолжалось до той минуты, когда онъ

былъ выданъ русскому правительству по требованію послѣдняго, и когда, въ Шлиссельбургѣ, онъ нашелъ строгое обращеніе, но все таки болѣе человѣчное чѣмъ то, которому онъ подвергся въ австрійской крѣпости. Николай дошелъ даже до того, что спросилъ у Бакунина откровеннаго мнѣнія, послѣ опыта, который онъ пріобрѣлъ за границей, о состояніи революціонныхъ движеній. Арестантъ согласился удовлетворить этой просьбѣ съ обычной прямотой, но отказался на отрѣзъ сдѣлать какія бы то ни было сообщенія могущія компрометировать людей его партіи, такъ что Николай, на запискахъ Бакунина, собственноручно написалъ приказаніе держать подальше, подъ усиленной стражей этого умнаго и столь же опаснаго человѣка. Что касается дальнѣйшихъ событій его жизни, то я отсылаю читателя къ сообщеніямъ Александра Герцена, помѣщеннымъ въ его воспоминаніяхъ; ему, лучше чѣмъ мнѣ, были извѣстны всѣ событія жизни Бакунина. Бакунину я обязанъ личнымъ знакомствомъ съ Герценомъ, такъ какъ я присутствовалъ при первой встрѣчѣ двухъ самыхъ отважныхъ бойцовъ славянской революціи, незадолго до французской революціи на Бурбонской площади, гдѣ было мое жилище. Хотя Герценъ, при его несравненно большомъ политическомъ смыслѣ, и не могъ удовольствоваться понятіями Бакунина, которыя сводились къ разрушенію всего существующаго, и еще менѣе могъ согласиться съ ними, но благодаря своему ясному и проницательному взгляду, онъ не могъ не чувствовать симпатіи къ этой замѣчательно даровитой натурѣ; никто не смѣлъ лучше его дать такой поразительный образъ нѣсколькихъ чертъ его существа, не смотря на то что эти бѣглые очерки занимаютъ такъ мало мѣста.

Когда, въ апрѣлѣ 48 г., я провожалъ Бакунина на почту, въ обществѣ Этьена Араго, тогда начальника управленія почтъ, я не предвидѣлъ, что потеряю надолго изъ виду моего стараго друга, и еще менѣе, что предстояли до[illegible]го заключенія, самая мысль о которомъ, еще и раньше, всегда казалась ему самой ужасной перспективой. Однако же у него хватило силъ перенести и превозмочь это тяжелое испытаніе страданій и лишенія, благодаря гибкости его ума

и не смотря на чувствительную потерю здоровья и тѣлесной крѣпости.

Послѣ смерти императора Николая, мать Бакунина отъ своего имени, старалась выпросить помилованіе для сына у Александра II, но напрасно. Согласно приказанію отца, Бакунинъ, правда, былъ выведенъ изъ Шлиссельбурга, но былъ сейчасъ же сосланъ въ самыя отдаленныя мѣста Сибири, въ Пріамурскій край. И, во время путешествія, онъ неожиданно увидалъ въ Томскѣ, у тетки моей жены, карточку друга, оставленнаго въ Парижѣ, это послужило ему поводомъ сообщить мнѣ о томъ, какъ съ нимъ обращались. Разсказъ о его побѣгѣ, къ счастію удачномъ, на американскомъ кораблѣ, отправлявшемся изъ Сибири, его пріѣздъ въ Лондонъ, его революціонная дѣятельность, за которую онъ сейчасъ же принялся, и которую онъ посвятилъ, но еще безъ результата, освобожденію Польши, — все это описано у Герцена, я же видѣлъ его въ первый разъ въ 68 году здѣсь, въ Бернѣ, по случаю перваго съѣзда Мира. Всѣ опасности и лишенія, какимъ онъ подвергался, казалось, не сломили силы его духа и воли, и хотя его внѣшній видъ не имѣлъ уже изящества и ловкости блестящаго артиллериста-гвардейца, но онъ придавалъ ему сходство съ пророкомъ или реформаторомъ, какъ мы привыкли видѣть ихъ на картинахъ; я нашелъ въ немъ несокрушимую отвагу и нравственную силу, и его ближайшая среда, которая шла къ нему какъ дворъ составленный по его образцу, придавала нѣкоторымъ образомъ еще больше внушительности всей его фигурѣ. Изящество его одежды и внѣшнихъ пріемовъ, которымъ онъ прежде щеголялъ, уступило, правда, мѣсто невѣроятной небрежности; но, въ общемъ, она не—менѣе шла пожилому человѣку, чѣмъ изящество молодому, и еще болѣе возвышала то безспорное достоинство, которымъ было проникнуто все его существо.

Отсюда Бакунинъ уѣхалъ, по закрытіи съѣзда Мира, въ Тессинъ, куда раньше отправила его жена, полька, на которой онъ женился въ Сибири. Одинъ итальянскій землевладѣлецъ, Карло Кафіеро, пламенный, послѣдователь и приверженецъ соціалистической пропа-

ганды, посвятившій свое большое состояніе коммунистическому предпріятію, соединился съ нимъ въ Лугано, гдѣ онъ основалъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, общество на началахъ общаго труда.

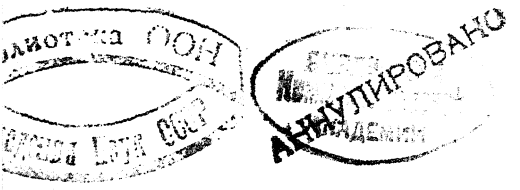
Впрочемъ, здоровье Бакунина было подорвано, и его непреклонная воля могла поддержать только до 1876 года его все болѣе слабѣвшее тѣло; и, ясно предвидя свой близкій конецъ, онъ прибылъ въ іюнѣ этого года, къ намъ, своимъ старымъ и самымъ дорогимъ друзьямъ, и какъ только пріѣхалъ, сказалъ Адольфу Фогту и мнѣ: „я пріѣхалъ къ вамъ умирать“. Медицинское искусство нашего друга не могло остановить хода болѣзни; и хотя въ продолженіи почти сорока дней, безпокойный духъ Бакунина былъ все время живымъ и дѣятельнымъ, такъ что послѣдніе его разговоры сохраняли юношескій характеръ прошлыхъ годовъ, но мы скоро должны были оставить всякую надежду на его выздоровленіе, и 1 іюля онъ умеръ послѣ короткой, но сильной агоніи. Въ немъ мы схоронили глубоко страстную натуру, которая вся выразилась въ пламенной ненависти противъ всего, что, безъ права, ставило препятствія человѣческой свободѣ, благодаря силѣ или по преданію. Это чувство, которое безпрестанно проявлялось возмущеніемъ, очень хорошо мирилось съ самыми нѣжными ощущеніями, поэтому онъ чувствовалъ пристрастіе къ музыкѣ, которое онъ сохранялъ всю жизнь, и которое можетъ быть не мало было поддержано и воспитано нашей долгой совмѣстной жизнью. Онъ, говорившій не только хорошо, но и охотно, могъ слушать молча, по цѣлымъ часамъ музыку; творенія Бетховена самыя трогательныя и страстныя производили на него самое живое впечатлѣніе, но онъ не былъ безчувственъ и къ болѣе нѣжнымъ душевнымъ движеніямъ, если только они выражали чисто человѣческія чувства. Еще въ тотъ вечеръ, когда онъ въ послѣдній разъ прибылъ въ Лугано, онъ пришелъ ко мнѣ развлечься музыкой и только въ ту минуту, когда усиленная боль опять схватила его внезапно, онъ вскричалъ; „Довольно, не могу больше!“ И я долженъ былъ проводить его въ ближайшую больницу, изъ которой ему не пришлось выйдти.

Я сожалѣю, что у меня нѣтъ въ рукахъ подробнаго отчета о его послѣднихъ дняхъ, написаннаго мною для Карло Кафіеро, такъ какъ теперь я не въ состояніи вспомнить всего изъ нашихъ разговоровъ, что могло бы возбудить нѣкоторый интересъ въ другихъ. Какъ всѣ натуры, расположенныя къ предпріятіямъ и абсолютнымъ дѣйствіямъ, онъ не могъ переносить никакого сужденія или соображенія, очевидно парализовавшаго его непосредственную силу дѣйствія; я помню, какъ въ прежнее время я спрашивалъ его въ видѣ возраженія, что онъ намѣренъ дѣлать если бы исполнились всѣ его реформаторскіе планы, онъ мнѣ отвѣтилъ: „Тогда я все опрокину. А ты играй, милый другъ, и не разсуждай! Ты знаешь не хуже меня, что передъ вѣчностью все тщетно и ничтожно“. И послѣ этого онъ могъ совершенно погрузиться въ музыку; которая не позволяла никакого вопроса и не требовала отвѣта. Онъ имѣлъ такую вѣрную память, что, послѣ нашей долгой разлуки, онъ могъ напомнить мнѣ мелодіи, о которыхъ я давно забылъ. Онъ утверждалъ, что часто, въ тюремномъ уединеніи, эти мелодіи утѣшали его и оживляли. И какъ музыкальныя впечатлѣнія оставались вѣрно въ его памяти, такъ же неизмѣнно удерживалъ онъ отношенія съ людьми, связанными съ нимъ дружбой, а они и въ разлукѣ съ нимъ сохраняли къ нему любовь и привязанность.

На Бернскомъ кладбищѣ, близъ Брунгартенвальда, возвышается камень, поставленный надъ нимъ семействомъ Фогтовъ, гдѣ погребено его безпокойное тѣло, и моя дорогая жена охраняетъ его, насколько ея неспокойная жизнь позволяетъ ей выбирать время, чтобы вспоминать о тѣхъ, кого уже нѣтъ.

Хотя въ прежнія времена могли высказываться только отношенія личной дружбы, существовавшія между нами, но это не исключало того, чтобы меня сильно поражали общія истины, которыми блисталъ его умъ, и если я желаю, чтобы сообщенія объ особенностяхъ его жизни были записаны съ талантомъ, то при этомъ я надѣюсь, что такая работа не будетъ подчинена партійному духу, который всегда принимаетъ во вниманіе только одну сторону дѣла, а что она будетъ

представлять очеркъ, въ которомъ образъ его жизни не останется слишкомъ въ тѣни, въ которомъ будетъ поставлено на видъ, какъ дѣйствительное значеніе его воли и дѣятельности, стремленіе къ общему благу и праву, за которое страдалъ всегда восторженный Бакунинъ.



МОЖНО ПОЛУЧАТЬ
книжномъ складѣ „КОМИССІОНЕРЪ“ С.-Петерб., Садовая, 18.

СЕРІЯ НАРОДНЫХЪ ИЗДАНІЙ:

. С. Какъ русскіе крестьяне потеряли землю и волю Ц. **2** коп.

о-же. Крестьянское царство. (по Мижуеву). Ц. **2** коп.

о-же. Народная программа. Ц. **3** коп.

о-же. Чего мы ждемъ отъ Думы. Ц. **1** коп.

о-же Чего ждетъ отъ насъ Госуд. Дума. Ц. **1** коп.

Бакунинъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ I (печатается).

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ „КОМИССІОНЕРЪ“ С.-Петерб., Садовая, 18

Убійство 3-хъ министровъ: Боголѣпова, Сипягина и Плеве. Ц. **25** к.

Процессъ 1-го марта 1881 г. Ц. 80 к. съ перес. 1 р.

П. В. С. Революціонные силуэты. Характеристика участниковъ дѣла 1-го марта 1881 г.: Желябовъ, Перовская, Рысаковъ, Михайловъ, Кибальчичъ и Гельфманъ. Ц. **10** к.

Ж. Кенанъ. Жизнь политическихъ арестантовъ въ русскихъ тюрьмахъ. Ц. **7** коп.

К. Ф. Рылѣевъ. Возмущеніе стараго лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. 1820 г. Ц. **3** к.

Его-же Войнаровскій. Поэма. Ц. **10** к.

Котовичъ, К. Т. Невольники. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Ц. **50** коп.

Его-же Разсказы. Ц. **40 коп.**

Дьякъ Шигоня. Уставшій царь. Драма-Этюдъ. Изъ области исторической психологіи. Снимки съ картинъ Рѣпина, Васнецова, Сѣдова и Шварца. Обложка художника И. Казакова. Ц. **1** р.

Дмитріевъ-Мамоновъ. А. И. Декабристы въ Западной Сибири. Съ 35 фототипогравюрами (29 портретовъ и 6 видовъ). Ц. **2** р. **50** к.

Толстой, Л. Н. Великій Грѣхъ Съ портретомъ на мѣловой бумагѣ и рисункомъ въ текстѣ (Толстой на пашнѣ). Ц. **10** к.

Веббъ. Б. Кооперативное движеніе въ Англіи. Ц. **1** р.

С. Ф. Годлевскій. Свобода и право. Къ вопросу объ основахъ всенароднаго избранія представителей въ Россіи. Ц. **20** коп.

Ада Негри. Стихотворенія. Пер. А. Ѳедорова, обложка художника И. Казакова. Ц. **80** к.

Гольмсъ, Ф. М. Чудеса человѣческой изобрѣтательности. Великіе люди и ихъ великія произведенія. Ц. **1** р.

Типографія Монтвила. Уг. Конной ул. и Телѣжнаго пер., домъ 3—5.